

НЕМЕЦКО — ФАШИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ

Громадское население должно немедленно покинуть город в западном направлении. Попаданию гор. в другие направления будет воспрещено.

Они если
тогда, военноплен
в лагерь улане
азарменной улице
Каждое гражданство свое, которые после вступ
или темень будет стрелочко на тышке, буд
ВОЕННЫЙ КОМАНДАНТ
ГАМАН ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

ВНИМАНИЕ!

ПРИКАЗ.

[illegible]

ERLASS.

ВНЕШНИЙ ДЕР. ПОС. МАШЕР ИЛИ ОДИН МАШЕР
Jeder Zivilist, der im Stadtgebiet ange-
troffen wird, wird erschossen
ПРИКАЗ!
кто из гражданского населения
будет обнаружен на территории
города будет расстрелян
Ильинский
19.03

**ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС
ОТДЕЛ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

НЕМЕЦКО- ФАШИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ

(1941—1944 гг.)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1965**

В этом сборнике публикуются доклады и сообщения советских историков на 3-й Международной конференции по истории движения Сопротивления, состоявшейся в г. Карловы Вары (Чехословакия). Конференция была посвящена разоблачению немецко-фашистской оккупационной политики в период второй мировой войны 1939—1945 гг. В книге характеризуется общая политика гитлеровцев на временно захваченной советской территории и показываются особенности оккупационного режима в различных районах нашей страны, разоблачается человеконенавистническая, варварская практика фашистских оккупантов. Публикуемые в ней факты и цифры вносят значительный вклад в историю Великой Отечественной войны.

Сборник подготовлен к печати кандидатом исторических наук З. А. Богатырем, под общей редакцией профессора Е. А. Болтина. Книга рассчитана на исследователей и преподавателей истории СССР.

Отзывы и пожелания просим направлять по адресу: Москва, А-47, Миусская площадь, 7, Политиздат, редакция литературы по истории советского общества.

НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ (1941—1944 гг.). М., Политиздат, 1965. 388 с. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Отд. Истории Великой Отеч. войны).

9(С)27

Редактор С. Бубенищikov

Художественный редактор Н. Симагин

Технический редактор Ю. Мухин

Сдано в набор 6 марта 1965 г. Подписано в печать 18 мая 1965 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 12¹/₈. Условн. печ. л. 19,885. Учетно-изд. л. 20,07. Тираж 13 тыс. экз. А 10106. Заказ № 2936. Цена 90 коп.

Работа объявлена в Т. п. 1965 г., № 245.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата. Москва, Краснопролетарская, 16.

Третья

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

2—4 сентября 1963 г. в Карловых Варах (Чехословакия) состоялась 3-я Международная конференция по истории движения Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны. Конференция была посвящена теме «Оккупационный режим нацистов в Европе: его формы, методы и развитие».

Инициатива созыва конференции принадлежала Международному комитету связи, созданному на 2-й конференции по истории движения Сопротивления, состоявшейся в Милане (Италия) в марте 1961 г.¹ На Миланской конференции впервые проблемы истории Сопротивления обсуждались совместно историками и общественными деятелями всех стран Европы, как капиталистических, так и социалистических (при участии историков США). Комитет связи, возглавленный Ф. Парри (президент Национального института истории освободительного движения в Италии), состоял из представителей Франции, Бельгии, Польши и СССР. Этот комитет проявил энергию и добрую волю в поисках форм плодотворного научного обмена между историками различных стран и направлений. Опираясь на активную помощь и содействие чехословацких

¹ См. Г. А. Деборин. К итогам второй Международной конференции по истории движения Сопротивления. «Вопросы истории», 1961, № 9.

общественных и научных организаций, предложивших провести очередную встречу историков Сопротивления в ЧССР, Комитет связи совместно с Чехословацким организационным комитетом подготовили и провели 3-ю международную конференцию.

По сравнению с двумя предыдущими — Льежской (1958 г.) и Миланской — конференция в Карловых Варах явилась наиболее многолюдной и авторитетной. На ней собралось более 500 представителей различных отраслей общественных наук, преимущественно историков, из 22 стран. Около 250 человек прибыли в Чехословакию из зарубежных стран: из Франции — 40 человек, Италии — 30, Бельгии — 10, Австрии — 10 и т. д. Широко были представлены историки всех социалистических стран Европы; лишь делегация Венгрии, к сожалению, не смогла прибыть из-за санитарного карантина.

Из Советского Союза на конференции присутствовало 33 человека, в том числе 19 — в порядке научного туризма. В состав советской делегации входили сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) и его филиалов — республиканских институтов истории партии; гуманитарных институтов АН СССР и АН союзных республик; архивных учреждений и библиотек; представители Советского комитета ветеранов войны (СКВВ). По районам СССР делегаты распределялись следующим образом: от Москвы — 13 человек, от УССР — 6, от БССР — 5, от Латвийской ССР — 5, от Эстонской ССР — 2, от Литовской ССР — 2.

Подготовка к конференции проходила в зарубежных странах в сложной обстановке совместной борьбы историков-марксистов и прогрессивных буржуазных историков, выступающих за международное сотрудничество, против реакционных историков, не желающих развивать контакты с представителями общественных наук социалистических стран. Эта борьба началась еще на Миланской конференции, где историки-марксисты добились крупного успеха. При создании Комитета связи некоторые участники Миланской конференции (профессор Г. Краусник, ФРГ; профессор Л. де Йонг, Голландия, и др.) высказывали сомнения в целесообразности новых встреч и широких дискуссий с

историками-марксистами. Отдельные лица развернули даже агитацию в печати против участия в конференции. Так, в одном американском журнале появилась статья чехословацкого буржуазного эмигранта, ныне профессора Йэльского университета в США И. Корбеля «Ученые и политика». В ней дана резко отрицательная оценка итогам Миланской конференции. Автор утверждает, что она «превратилась в коммунистическое пропагандистское собрание», и проливает крокодиловы слезы по поводу «проникновения коммунистов» в Комитет связи. Искжая и подтасовывая факты, И. Корбель стремился доказать «неизбежный провал» новой конференции. «Вряд ли можно ожидать,— заявлял он,— что эта конференция окажется полезной для науки. Напротив, вполне можно ожидать, что организаторы конференции используют ее для целей политической пропаганды, которая вновь будет направлена против Запада...» Подобные злобные выпады буржуазных реакционеров против научного сотрудничества историков разных направлений продиктованы страхом перед светом марксистской правды. На некоторых колеблющихся западных историков агитация противников сотрудничества оказала известное влияние; ее результатом явилось, в частности, слабое участие в конференции ученых ФРГ, Англии, Голландии, Дании и Норвегии, а также США. Но в целом идея научного сотрудничества победила.

Начало подготовки к конференции было положено в СССР заседанием Комитета связи, состоявшимся в Москве в сентябре 1961 г. Комитет связи принял тогда предложение Чехословацкого комитета по истории национально-освободительного движения о проведении 3-й международной конференции в ЧССР и утвердил ее общую тему. Конкретную подготовку к конференции возглавили в нашей стране ИМЛ и СКВВ. Соответствующая работа велась одновременно в Москве, Киеве, Минске, Риге, Таллине и Вильнюсе и длилась более года. В течение этого времени были подготовлены доклады для всех трех секций конференции: а) по общим вопросам фашистской оккупационной политики; б) по экономической политике оккупантов; в) по вопросам фашистского террора. Каждый из этих докладов состоял из трех частей — общего доклада

и содокладов представителей УССР и БССР; таким образом, фактически советскими учеными были подготовлены 9 докладов. Все они были представлены на трех языках в секретариат Подготовительного комитета, который размножил и роздал тексты делегатам. Кроме того, советскими представителями были подготовлены научные сообщения по 11 темам, а также подробная библиография советской литературы по проблеме конференции.

Совместными силами Отдела истории Великой Отечественной войны ИМЛ, Главного архивного управления при Совете Министров СССР и СКВВ был подготовлен и опубликован сборник документов о временной немецко-фашистской оккупации части территории СССР «Преступные цели — преступные средства» (составитель Г. Ф. Заставенко) на русском, немецком и французском языках объемом в 20 печатных листов. К конференции были приурочены также публикации документов о временной немецко-фашистской оккупации Украины — «Німецько-фашиський окупаційний режим на Україні», Белоруссии — «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии» и Эстонии — «Немецко-фашистская оккупация Эстонии». Центральной студией документальных фильмов СССР был озвучен на французском языке для демонстрации на конференции кинофильм «Суд народов» о Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками. Кроме того, Белорусская киностудия при участии Института истории партии при ЦК КП Белоруссии подготовила документальный кинофильм под названием «Могилы не молчат». Наконец, была разработана и художественно оформлена выставка фотодокументов о немецко-фашистском оккупационном режиме.

Широкая подготовительная работа к конференции, проведенная советскими научными учреждениями и общественными организациями, имела большое значение. Она активизировала изучение вопросов истории немецко-фашистской оккупации, позволила выявить и исследовать большое количество новых документов, характеризующих гнусную политику захватчиков и установленный ими бесчеловечный режим, а также героическую антифашистскую борьбу советских людей под

руководством Коммунистической партии на временно оккупированной врагом территории СССР.

Работа конференции проходила на пленарных заседаниях, а затем в трех вышеуказанных секциях. Торжественное пленарное заседание было открыто Ф. Парри. С приветствиями выступили представители правительства и научных кругов Чехословакии, а также председатель Международного комитета памяти деревни Лидице, депутат английского парламента Бернет Стросс.

Программа секций предусматривала национальные доклады, краткие научные сообщения и выступления в прениях. Всего состоялось четыре заседания каждой из секций. В общей сложности было представлено 40 докладов. С содокладами, сообщениями и в прениях выступило более 100 человек. Из 33 советских делегатов выступили 18.

Первая секция работала под председательством Е. А. Болтина (СССР), М. Бомона (Франция), Ч. Мадайчика (Польша) и К. Франковича (Италия). В заседаниях ее участвовало до 200 человек. Секция заслушала 15 национальных докладов; с сообщениями и в прениях выступили 23 человека. По уровню обобщений и насыщенности фактическим материалом выделялись доклады Ч. Мадайчика (Польша), Э. Колотти (Италия), В. Штейнера (Австрия). Большой интерес вызвал советский доклад, а также сообщения советских историков о структуре и функциях так называемого «восточного министерства» фашистской Германии; о мнимых «противоречиях» в гитлеровском правительстве по поводу оккупационной политики на Украине; о нацистских планах порабощения и истребления славянских народов.

Несмотря на разницу в методологических предпосылках, из которых исходили отдельные докладчики, все доклады были направлены на разоблачение преступного характера немецко-фашистского оккупационного режима. Заметим, что некоторая противоречивость доклада французского историка А. Мишеля (Комитет по истории второй мировой войны) была выявлена в выступлении коммуниста П. Вийона (Франция), который ярко и убедительно продемонстрировал несостоятельность тенденции А. Мишеля ослабить ответст-

венность марионеточного правительства Виши за политику так называемого «франко-германского сотрудничества» в период гитлеровской оккупации Франции.

Острым и актуальным был доклад председателя Общества бывших узников нацистских концлагерей В. Штейнера «Корни и возрождение национал-социализма и антисемитизма в Австрии». Он резко осудил попытки правящих партий своей страны — народной и социалистической — заигрывать с неонацистами. Он отметил, что за спиной неонацистов, в какой бы стране они ни подвизались, стоят «круги, которые видят в возрождении национал-социализма и антисемитизма выгодное средство, обеспечивающее выполнение программы вооружения и торговлю оружием». Солидаризуясь с В. Штейнером в целом, другие австрийские историки (Р. Плашка, Р. Некк и Г. Штейнер) отмечали в то же время, что В. Штейнер «сгустил краски» и что ряды антифашистов и борцов за мир в Австрии значительно сильнее и влиятельнее, чем это было показано в докладе.

На второй секции, работавшей под председательством Г. М. Сорокина (СССР), И. Марьяновича (Югославия), В. Тапье (Франция) и Ж. Ловинфосса (Бельгия), было зачитано 13 докладов; с сообщениями и в прениях выступили 19 человек. Всего в заседаниях участвовало около 80 человек. В секционных докладах и сообщениях содержался интересный фактический материал, большая часть которого была до сих пор мало известна. Особый интерес представили доклады Д. Когена (Болгария), И. Марьяновича (Югославия), В. Пруха и Р. Ольшовского (Чехословакия). Советский доклад (докладчики Г. М. Сорокин, Д. Ф. Вирнык, СССР; П. П. Липило, БССР) был выслушан с исключительным вниманием. С сообщениями выступили и другие советские историки: Н. В. Каменская (Институт истории партии при ЦК КП Белоруссии), говорившая об осуществлении гитлеровскими оккупантами варварских планов уничтожения белорусской культуры, и А. И. Залесский, остановившийся на бедственном положении советского крестьянства в оккупированной фашистами Белоруссии.

Третья секция работала под председательством П. Секкья (Италия), С. Окенцкого (Польша), А. Хри-

стова (Югославия) и А. Маннинга (Голландия). В заседаниях ее участвовало до 120 человек. Были заслушаны 12 национальных докладов; с сообщениями и в прениях выступили 19 делегатов. Подавляющее большинство докладов и сообщений содержало огромный материал, разоблачающий чудовищные преступления германского фашизма против человечества. Советский доклад (авторы П. С. Ромашкин, А. И. Ганусец, СССР; В. Ф. Романовский, БССР) был зачитан В. Ф. Романовским (Институт истории АН БССР) и Г. М. Мулых (Институт истории партии при ЦК КП Украины). Большой интерес вызвали сообщения А. К. Рашкевица (Институт истории партии при ЦК КП Латвии) о нацистском терроре в Латвии, П. Ф. Штараса (Институт истории партии при ЦК КП Латвии) — о «Международном форте смерти» в Каунасе, Э. Я. Мартинсона (Эстонский государственный комитет по радиовещанию) — об эстонских националистах, пособниках фашистских оккупантов, и А. С. Асланова (СКВВ) — о преступных экспериментах нацистских врачей над советскими военнопленными. Из сообщений представителей других стран наиболее содержательными были выступления: М. Адлер-Бресс (Франция) — о системе германской оккупации Франции и ее отличии от оккупационного режима, установленного гитлеровцами на Востоке; Л. Леклерка (Бельгия) — о методике изучения коллаборационизма и некоторых других явлений времен немецко-фашистской оккупации.

Конференция завершилась заключительным пленарным заседанием под председательством Ф. Парри. Пленум заслушал краткие отчеты ученых секретарей секций и единогласно принял решение, выработанное Исполнительным комитетом конференции (текст решения публикуется ниже). Закрывая конференцию, Ф. Парри отметил ее успех. Он остановился на важности разоблачения преступлений фашизма, указав, что изучение и популяризация истории национально-освободительной борьбы народов Европы имеет большое значение для воспитания молодого поколения в духе прогресса.

Общий результат конференции, бесспорно, следует оценить положительно. Она позволила собрать огромный материал, разносторонне характеризующий режим

немецко-фашистской оккупации в различных странах Европы в годы второй мировой войны. В результате последующего изучения этого материала может быть создана как широкая общая картина этого режима, так и определены его особенности в каждой из оккупированных стран, что необходимо для глубокого изучения истории движения Сопротивления. Материалы конференции служат внушительным и неопровержимым обвинительным актом против варварских методов фашистского террора и порабощения. Они напоминают человечеству о чудовищных преступлениях фашизма и тем самым предупреждают об опасности возрождения тлетворных фашистских идей и теорий, об угрозе неофашизма. Материалы конференции могут и должны сыграть положительную роль в борьбе народов Европы за мир, против западногерманского милитаризма и реваншизма.

Конференция протекала в спокойной и деловой атмосфере. Несмотря на неустрашимый антагонизм методологий, которых придерживались представленные на ней ученые и общественные деятели, сторонники двух противоположных мировоззрений — марксистско-ленинского и буржуазно-идеалистического, — всех участников конференции объединяла общая позиция антифашизма, с которой рассматривалась история фашистской оккупации различных стран. Решение, текст которого публикуется ниже, было принято единогласно. Конференция еще раз доказала возможность и пользу международного сотрудничества тех историков движения Сопротивления, которые, независимо от их политических взглядов, искренне заинтересованы в обмене материалами и стремятся к объективному знакомству с работами, ведущимися в различных странах Европы. Свою жизненность доказал и Международный комитет связи. По решению конференции он продолжает свою работу и ныне.

РЕШЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Борьба европейских народов за свободу, против нацизма и фашизма оказала глубокое влияние на образ мыслей современного поколения. Историки всех стран, как и специалисты в области других гуманитарных наук, приложили большие усилия в целях изучения этих проблем. Результаты этих исследований показывают, что, несмотря на различия в национальных точках зрения, ученые разных стран признают необходимость международного сотрудничества. Это подтвердили 500 исследователей в области разных наук, прибывших из 22 стран на 3-ю Международную конференцию по истории движения Сопротивления в Европе в годы второй мировой войны.

Эта конференция, созванная по инициативе Международного комитета связи историков Сопротивления, состоялась 2—4 сентября 1963 г. в Карловых Варах (Чехословакия) благодаря замечательной работе, проведенной Чехословацким комитетом по истории национально-освободительного движения, и поддержке, которая была оказана чехословацкими властями. Конференция в Карловых Варах, состоявшаяся после Льежской конференции, которая занималась общими проблемами, и Миланской конференции, посвященной отношениям между союзниками и движением Сопротивления в Европе, имела своей темой «Оккупационный режим нацистов в Европе: его формы, методы и

развитие». 40 представленных докладов, многочисленные сообщения, выступления и последовавшая затем оживленная дискуссия показали, какого размаха достигла исследовательская работа в этой области во всей Европе.

Царившая на конференции дружественная атмосфера служит доказательством пользы обмена мнениями и отношений, которые устанавливаются между ее участниками. Разумеется, изучение проблем Сопротивления далеко не закончено, но сделан еще один шаг на пути к успешному выполнению этой задачи. Вследствие этого конференция просит Международный комитет связи под председательством г-на Парри, руководителя Национального института истории освободительного движения в Италии, продолжать свою плодотворную деятельность, значение которой имели возможность оценить все участники, с целью ее дальнейшего расширения.

Исполненные решимости продолжать всемерно работать в этой области, участники конференции просят Комитет связи:

1. Опубликовать материалы конференции.
2. Принять необходимые меры для распространения этих работ.
3. Подготовить международный коллоквиум на тему «История движения Сопротивления во время второй мировой войны: методология, документация, библиография» в рамках Всемирного конгресса историков, который состоится в Вене в 1965 г.
4. Предложить различным странам принять все возможные практические меры, которые способствовали бы изучению движения Сопротивления, а именно: проводить коллоквиумы, семинары, создавать международные рабочие группы, производить обмен исследованиями и документами и т. д.
5. Предвидеть возможность созыва в дальнейшем международной конференции после встречи в Вене в 1965 г.

Участники конференции призывают борцов Сопротивления во всех странах, исследователей в области гуманитарных наук и общественные организации оказывать поддержку Комитету связи в целях осуществления этой программы.

Часть I

**Фашистская
Оккупационная
Политика**

Политика

НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ НА ЗАХВАЧЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР В 1941—1944 гг.

(Доклад в первой секции конференции)¹

1. Общие вопросы немецко-фашистской оккупационной политики

История человечества знает немало примеров несправедливых войн, в ходе которых вооруженные силы агрессоров захватывали территорию противника, грабили оккупированную страну, подавляли и уничтожали ее население. Но цивилизованный мир не видел ничего подобного тому чудовищному насилию, которому в годы второй мировой войны подвергли оккупированную территорию Советского Союза немецко-фашистские захватчики. Действия немецких оккупационных властей были не случайной цепью жестокостей и беззаконий, а следствием систематически и планомерно осуществлявшейся государственной политики.

Идеологической основой германской оккупационной политики на Востоке в 1941—1944 гг. служила расовая теория, выдвинутая нацистскими главарями для обоснования их далеко идущих захватнических планов. Фашистская пропаганда внушала населению Германии, что немцы будто бы являются «высшей расой», которой предназначено господствовать над всеми

¹ Первый раздел доклада разработал профессор Е. А. Болтин (при участии кандидатов исторических наук Г. Ф. Заставенко и В. И. Грушко, а также В. А. Зверева и В. Р. Томина), второй раздел — кандидат исторических наук Ф. П. Шевченко (при участии кандидата исторических наук В. С. Коваля), третий раздел — член-корреспондент АН БССР И. С. Кравченко.

другими народами, особенно славянскими. Удел последних — подчиняться и содержать своим трудом немецкую «расу господ». Вожди и идеологи фашизма открыто говорили о необходимости завоевания «жизненного пространства», т. е. захвата чужих территорий и порабощения народов завоеванных стран. Первостепенное место в агрессивных планах гитлеровцев занимало завоевание государств Восточной Европы, и в особенности захват территории СССР, и порабощение советских народов. Широко известно следующее высказывание Гитлера в его книге «Майн кампф»: «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, конечно, можно иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

Легкие успехи, достигнутые гитлеровцами в 1939—1940 гг. в войне против Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и в особенности против Франции, способствовали росту шовинизма в Германии и создали в нацистских правящих кругах уверенность в возможности реализации планов немецкой восточной политики. Оккупация немецко-фашистскими войсками почти всей Западной и Юго-Западной Европы явилась прелюдией к походу на восток, против СССР.

Утвержденный Гитлером в декабре 1940 г. вариант «Барбаросса» представлял собой синтез агрессивных планов германского империализма в отношении Советского Союза. Готовясь к войне против СССР, немецко-фашистские захватчики стремились не только завоевать советские территории, но и уничтожить Советское государство. При этом они заранее тщательно обдумали практические мероприятия по расчленению Советского Союза, закабалению и уничтожению народов СССР, экономическому ограблению и эксплуатации национальных богатств и природных ресурсов советских республик.

Преднамеренность фашистской оккупационной политики давно доказана многими неопровержимыми уликами, и прежде всего документами самого немецко-фашистского правительства. В связи с настоящей конференцией советские архивные и научные организации опубликовали документальный сборник под названием «Преступные цели — преступные средства» на рус-

ском, немецком и французском языках. В этот сборник наряду с уже известными включен и ряд ранее не публиковавшихся немецких документов. Следует обратить внимание на документы с № 1 по № 7 из первого раздела сборника. Все они относятся к периоду март — июнь 1941 г.

Первый документ, так называемая **«Инструкция об особых областях к директиве № 21»**, датированная 13 марта 1941 г., представляет собой директиву верховного главнокомандования вооруженных сил Германии об установлении оккупационного режима на захваченной советской территории. Из этой директивы следует, что неотъемлемой частью плана «Барбаросса» была ликвидация Советского государства как политического целого, расчленение на первое время захваченной территории на ряд крупных областей, управляемых назначенными «фюрером» рейхскомиссарами. Заметим, что эта система управления была разработана более чем за три месяца до начала войны.

Весьма характерен второй документ — протокол совещания Гитлера с руководителями отделов вермахта по обсуждению организационной структуры хозяйственного раздела плана «Барбаросса»; так называемого плана «Ольденбург». Совещание проводилось 29 апреля 1941 г., почти за два месяца до начала войны. В протоколе говорится о назначении Геринга уполномоченным по управлению экономикой захваченных советских территорий, причем заблаговременно планируется организация центров оккупационного режима в таких отдаленных от западной границы советских городах, как Мурманск, Архангельск, Ленинград, Вологда, Москва, Ярославль, Рыбинск, Сталинград, Краснодар, Грозный, Тбилиси, Баку, Батуми и др.

Широко известен третий документ — директива за подписью фельдмаршала Кейтеля «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск» от 13 мая 1941 г. Эта директива **заблаговременно** требует применения к советскому населению на захваченных территориях **«массовых насильственных мер»** и снимает с военнослужащих вермахта ответственность за любые насилия над мирными гражданами **«даже в тех случаях, когда эти действия одновременно представляют воинское преступление или проступок».**

Непревзойденным по своему цинизму и бесчеловечности является четвертый документ — «Двенадцать заповедей поведения немцев на востоке и их обращение с русскими». Эта инструкция, подписанная уполномоченным по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретарем Бакке 1 июня 1941 г., открыто провозглашает оккупационный режим на территории СССР «вечным» институтом германского господства на Востоке, требует от чиновников фашистской оккупационной администрации **«проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия»**; «Не будьте,— закликает она оккупантов,— мягки и сентиментальны» в отношении русских, которые якобы «всегда хотят быть массой, которой управляют».

Совершенно очевидно, что в основе этих и многих других подобных им инструкций и приказов, заранее провозглашавших массовый террор **основой** системы фашистского управления на оккупированных территориях, лежали бредовые, человеконенавистнические «идеи» Гитлера и его приближенных об особом предназначении германской расы и ее мнимом праве на господство над якобы «неполноценными» народами Восточной Европы.

Выступая 30 марта 1941 г. на совещании высшего генералитета, Гитлер заявил, что в войне против СССР «речь идет о борьбе на уничтожение»¹. Другой главарь нацистов — А. Розенберг подробно изложил агрессивные планы Германии в отношении СССР на секретном совещании узкого круга фашистов 20 июня 1941 г. Он и не думал скрывать, что в конечном счете фашистская Германия стремится не только уничтожить социалистический строй и Советское государство, но и вообще лишить наш народ всякой государственности. «Целью германской восточной политики по отношению к русским,— заявил фашистский министр,— является то, чтобы эту первобытную Московию вернуть к старым традициям и повернуть лицом снова на восток»². Речь, таким образом, шла о полном уничтожении советской государственности, а не о замене ее новым суверенным государством. «Мы ищем не «крестового

¹ «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 81—82. Служебный дневник Гальдера. Запись 30 марта 1941 г.

² ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 1660, л. 197.

похода» против большевизма только для того, чтобы освободить «бедных» русских,— говорил Розенберг,— ...а для того, чтобы проводить германскую мировую политику». Далее он осветил конкретный план расчленения СССР и изгнания русского населения на восток, в Сибирь (этот документ также опубликован в сборнике).

Наконец, преднамеренность немецких планов расчленения и ограбления Советского Союза доказывают известные документы «Зеленой папки» Геринга, так называемые «Директивы по руководству экономикой», которые требуют возможно более полного использования ресурсов захваченных областей в интересах Германии.

Заметим, что все эти и многие другие подобные им директивы, планы, приказы и речи нацистских главарей были составлены и доведены до сведения исполнителей до 22 июня 1941 г., т. е. до нападения на Советский Союз.

Фашистские правители Германии заранее разрешили для себя и вопрос о форме государственной власти на оккупированных территориях СССР. В специальной инструкции об особых областях к директиве № 21 (вариант «Барбаросса») от 13 марта 1941 г. была определена система мероприятий на этих территориях. Командующие немецкими войсками в соответствующих областях и так называемые рейхскомиссары наделялись полномочиями верховной военной власти с неограниченными правами в отношении гражданского населения. Глава гестапо Гиммлер должен был выполнять специальные функции по «подготовке политического управления», т. е. по установлению жестокого террористического режима на оккупированных территориях. Ему вменялось в обязанность действовать, исходя из идеи «решительной борьбы двух противоположных политических систем»¹. «Специальные задачи», осуществление которых целиком передавалось в руки эсэсовских генералов и офицеров, и «право» действовать «самостоятельно и на свою ответственность», предоставленное Гиммлеру, означали

¹ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками». Сборник материалов в семи томах, т. 2. М., 1958, стр. 566—567.

невиданный террор, грабежи, насилия и убийства военнопленных и мирных граждан.

Таковы были нацистские планы расчленения и порабощения Советского Союза. Они открыто выражали стремление во что бы то ни стало уничтожить Советский Союз как национальное государство вообще, изгнать или уничтожить советских людей на европейской части страны и поселить там людей так называемой «германской» крови.

В духе установок нацистских главарей был составлен генеральный план «Ост», в котором в концентрированной форме отражена сущность истребительной нацистской политики в отношении народов славянских стран.

В советской печати уже были опубликованы некоторые документы генерального плана «Ост», в частности циркулярное письмо рейхсфюрера СС Гиммлера и его соображения о том, как обращаться с местными жителями на оккупированных территориях. 25 мая 1940 г. Гиммлер письменно доложил Гитлеру соображения об обращении с местным населением захваченных территорий, которые были одобрены и утверждены «фюрером» в качестве директивы под названием «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей»¹. Как видно из этого документа, политика гитлеровцев была рассчитана на физическое уничтожение и полную ликвидацию отдельных славянских народов, в частности западных украинцев, белорусов и других. «...Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а, наоборот, дробить их на возможно более мелкие группы». Гиммлер решительно высказался против предоставления народам восточных областей права на образование. Достаточными знаниями для коренного славянского населения этих областей он считал «простой счет, самое большее до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным. Умение читать я считаю ненужным...»

Обращает на себя внимание также людоедский до-

¹ «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 87—88.

кумент № 3, представляющий собой замечания и предложения по генеральному плану «Ост» рейхсфюрера войск СС, подписанный 27 апреля 1942 г. начальником отдела колонизации 1-го главного политического управления «восточного министерства» д-ром Д. Ветцелем. В этих замечаниях полностью одобряется предложение генерального плана «Ост» — выслать в течение 30 лет около 31 млн. человек с территории Польши и западных областей Советского Союза и поселить на этих землях немцев. «Восточное министерство» предложило повысить цифру подлежащих выселению людей до 46—51 млн. человек. Десятки миллионов славян предполагалось переселить в Западную Сибирь, на Северный Кавказ, а также в Южную Америку и Африку.

В замечаниях «восточного министерства» особое место уделено вопросу о будущем Советского государства. «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве,— говорится в этом документе.— Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Оно не доставит много хлопот для германского государства»¹.

Разработка и осуществление жестокой террористической политики по отношению к населению оккупированных территорий СССР было делом не только гитлеровских политиков и гестаповских головорезов. Самое активное участие в этом принимали и немецкий генералитет в лице Кейтеля, Браухича, Йодля, Варлимонта, полковника Хойзингера (занимавшего тогда пост начальника оперативного отдела генерального штаба) и многих других генералов и офицеров, ответственность которых за массовые преступления против мирного населения установлена Нюрнбергским международным военным трибуналом. В проведении оккупационной политики на Востоке немецкая армия и нацистское государство с его карательными и террористическими органами — гестапо, СС и т. п. — выступали

¹ «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 96.

как единое целое и руководствовались общей идеологией фашизма.

Пожалуй, наиболее концентрированным выражением сущности немецко-фашистской оккупационной политики в отношении захваченных территорий СССР может служить передовая статья газеты «Дас шварце кор» (орган имперского руководства СС) от 20 августа 1942 г. под заголовком «Германизировать ли?» (выдержка из этой статьи публикуется в сборнике документов).

Отрицая необходимость и целесообразность германизации коренного населения оккупированных районов СССР, газета пишет:

«...Победа на Востоке является лишь предпосылкой для обеспечения нашего будущего; это обеспечение само по себе осуществится лишь тогда, когда земля, приобретенная в результате священной кровавой жертвы, в той мере, в которой она вообще пригодна для колонизации, станет немецкой, немецкой по людям, которые живут на ней и возделывают ее, немецкой в результате «усиленной работы немецкого плуга...»

...Вновь завоеванное пространство должно быть заполнено немецкой кровью и немецкой жизнью, но отнюдь не онемеченными людьми» (подчеркнуто нами.— Авт.)

Итак, грабительские цели оккупационной политики фашистов в отношении СССР абсолютно ясны. Оккупационный режим угрожал жизни десяткам миллионов советских людей. На оккупированной советской территории до войны проживало около 88 млн. человек, из них миллионы были эвакуированы, многие мужчины призваны в Красную Армию. Но если даже учесть это, все же, по-видимому, не менее 70 млн. человек попало под власть захватчиков, стало объектом истребительной политики оккупантов.

Что же представлял собой **оккупационный режим**, установленный для достижения этих целей?

Захватив Прибалтику, Белоруссию, Украину, Молдавию, часть Карело-Финской республики, ряд областей и краев Российской Федерации, гитлеровцы произвольно перекроили политическую карту этих территорий, нарушив государственную самостоятельность и территориальную целостность советских республик.

Вся оккупированная территория Советского Союза была разделена на две части: **первая часть** — театр военных действий сухопутных войск — включала в себя территорию от линии фронта до тыловых границ групп армий и подразделялась на районы боевых действий и тыловые районы армий; вся полнота власти в этих районах находилась в руках командных инстанций войсковых объединений; **вторая часть** — военно-административная зона — включала в себя всю остальную территорию и состояла из двух рейхскомиссариатов: «Остланд» и «Украина». В состав первого входили Эстония, Латвия, Литва, часть Ленинградской области и часть Белоруссии с резиденцией рейхскомиссара гаулейтера Лозе в Риге. Часть Западной Украины — Львовская, Дрогобычская, Станиславская и Тернопольская области — были включены в состав польского «генерал-губернаторства»; другая часть — территория западнее реки Южный Буг вместе с Молдавией («Транснистрия») — была передана королевской Румынии. Оставшаяся часть Украины была включена в рейхскомиссариат «Украина» с резиденцией рейхскомиссара гаулейтера Коха в Ровно.

Каждый рейхскомиссариат имел в своем составе четыре главных отдела, ведавших национальной и расовой политикой, религией, правом, финансами и налогами, промышленностью, сельским хозяйством, транспортом и другими вопросами.

Рейхскомиссариат «Остланд» был разбит на четыре генеральных комиссариата — Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии — во главе с генерал-комиссарами.

В результате гитлеровской административной реформы Белорусская республика была разорвана на отдельные части. Северная часть Брестской области была включена в состав Восточной Пруссии. Южная часть Брестской области, почти вся Гомельская область, части Пинской и Полесской областей были присоединены к рейхскомиссариату «Украина». Северо-западные районы Вилейской области вошли в генеральный округ Литвы. Витебская, Могилевская и восточная часть Минской области именовались армейским тылом немецких войск и подчинялись военному командованию. Собственно Белоруссия была сведена, таким образом, к территории, которая состояла из Ба-

рановичской области, западной части Минской области и отдельных районов Вилейской, Пинской, Брестской и Полесской областей.

Во всех прибалтийских республиках были созданы «самоуправления». Генеральный комиссариат Белоруссии и «самоуправления» Литвы, Латвии и Эстонии имели аппарат, копирующий аппарат рейхскомиссариата.

Оккупированные области РСФСР находились в ведении военно-полевых комендатур. В районах Карело-Финской ССР оккупационный режим осуществляло созданное финским правительством «Военное управление Восточной Карелии».

Для руководства рейхскомиссариатами в Берлине было создано министерство по делам оккупированных территорий на востоке во главе с Альфредом Розенбергом. Первое, чем занялся новый рейхсминистр, была раздача постов в будущих немецких «колониях на востоке». В течение нескольких недель были распределены все посты генеральных комиссаров (в том числе для Свердловска и Баку), а на намеченные 1050 должностей гебитскомиссаров поступило 114 заявок от фюреров СА, 450 — от чиновников министерства внутренних дел и 261 — от членов нацистского «Трудового фронта».

Оккупационные власти уничтожили все советские выборные органы государственной власти. Были введены округа (гебиты) во главе с гебитскомиссарами, которые в основном размещались в областных центрах. В районных центрах были назначены управы во главе с бургомистрами, в других населенных пунктах — старшины и старосты.

Оккупанты пытались создавать видимость, что власть находится в руках местных органов гражданской администрации, но фактически вся власть принадлежала военно-полевым комендатурам, в распоряжении которых находились военные гарнизоны, карательные органы, полиция; им же были подчинены все бургомистры, старшины и старосты.

Оккупационный режим поставил советских людей в бесправное положение.

Все местное население, проживавшее на оккупированной территории, строго учитывалось. Новые лица,

появлявшиеся в городах или деревнях, должны были немедленно регистрироваться в полиции. Жителям запрещалось без особого разрешения властей отлучаться из населенных пунктов. Запрещалось пользоваться водой из колодцев и водоемов, расположенных вблизи немецких гарнизонов. Передвигаться по улицам можно было лишь в светлое время суток, вечером и ночью без всякого предупреждения фашистские патрули открывали по прохожим огонь. Так, в первые дни оккупации города Киева был объявлен приказ германского командования, которым под угрозой расстрела запрещалось населению ходить по городу позже 7 часов вечера. В городе можно было часто видеть трупы расстрелянных с надписью: «Шел 10 минут восьмого». Бесправное положение местного населения ярко характеризуется документами оккупационных властей, опубликованными в сборнике. Характерно, что многие приказы и инструкции, устанавливающие правила поведения населения, были составлены и напечатаны заранее, еще до начала войны.

Общим политическим целям фашистских захватчиков вполне отвечала и **экономическая политика оккупантов**. Рассмотрению этой политики посвящен советский доклад во 2-й секции конференции; мы остановимся лишь на некоторых вопросах.

Немецко-фашистские оккупанты ставили своей целью ликвидировать в СССР социалистическую систему хозяйства, ликвидировать общественную собственность на средства производства. Гитлеровцы прилагали все усилия к разграблению и уничтожению общественного имущества, социалистических предприятий, совхозов, МТС, колхозов, учреждений и организаций.

На оккупированную советскую территорию устремилась целая свора чиновников, представлявших интересы крупных немецких монополий. Уже в 1941 г. на основе так называемой «Зеленой папки» Геринга возникли различные акционерные общества: главное управление угольной промышленности Востока, металлургические объединения «Восток», «Герман Геринг» и др. Они стали захватывать советские промышленные предприятия. Так, Ворошиловградский паровозостроительный завод сначала был передан уполномоченным бывшего владельца этого завода Гартмана; через

некоторое время представители Круппа предъявили документы о том, что Гартман продал завод Круппу; вскоре, однако, на этот объект свои претензии предъявили представители концерна Геринга, в результате чего завод был разделен.

В ограблении советской промышленности активное участие принимал гитлеровский генералитет. Как показал Кейтель на Нюрнбергском процессе: «Организация захвата, сбора и охраны всех экономических запасов в завоеванных и оккупированных районах была делом Управления экономики и вооружения ОКВ. Начальник штаба ОКВ получил согласие фюрера на создание этой организации по предложению генерала Томаса...» В Берлине же кроме ведомства Томаса находился еще один орган, координировавший всю эксплуатацию оккупированных районов. Это был «экономический штаб Ост» (кодовое название — «штаб Ольденбург»), возглавлявшийся статс-секретарем Кернером и находившийся под непосредственным надзором Геринга. В нем были представлены все органы третьего рейха, заинтересованные в ограблении Советской страны: генерал-квартирмейстер (начальник тыла), министерство Розенберга, министерство продовольствия и снабжения (Дарре), министерство экономики (Функ). Заправлял штабом генерал фон Шуберт, старый офицер рейхсвера. При каждой группе армий на фронте Шуберт имел своего уполномоченного — «экономического инспектора». В июле 1942 г. Шуберта заменил генерал Тома, а его преемником стал генерал Штапф.

В «экономический штаб Ост» входили представители крупнейших германских монополий, на всех военно-экономических постах сидели люди, тесно связанные с тем или иным концерном.

В 1941 г. в системе «экономического штаба Ост» был учрежден пост «генерального инспектора по сбору и использованию сырья в оккупированных восточных областях». На эту должность был назначен генерал-лейтенант Вальтер Виттинг, раньше занимавший важный пост в администрации оккупированной Франции. Этот генерал был тесно связан с гигантским угольно-металлургическим концерном Фридриха Флика. И именно благодаря Виттингу Флик совместно с

Герингом получили возможность захватить ряд советских заводов, создав компании «Днепр-шталъ» и «Бергунд хюттенверке Ост». Кроме того, одна из фликовских фирм захватила заводы в Днепропетровске и Ворошиловграде. Флик был обеспечен «оккупационными дарами» сверх нормы. Когда гитлеровские захватчики начали массовый угон рабочей силы в Германию, то заводы Флика получали ее в первую очередь.

В годы войны укреплялись и развивались связи монополистического капитала и генералитета. В своих мемуарах Манштейн свидетельствует, что в момент наиболее ожесточенных боев за Донбасс его посетил генеральный директор Плейгер — один из «козырных тузов» рурской угольной промышленности. Поездки на фронт совершал и сам шеф «химической разведки» — генеральный директор «И. Г. Фарбениндустри» Макс Ильгнер.

К концу войны почти каждое крупное капиталистическое объединение располагало «своим генералом», как, например, концерн Флика — Виттингом, «И. Г. Фарбен» — Мументеем, концерн Стиннеса — Браухичем. Тесные связи концернов с генералитетом способствовали безудержному грабежу оккупированных стран.

Для советских рабочих оккупанты установили бесчеловечную систему эксплуатации и подневольного труда. На большинстве предприятий рабочие числились под номерами, без имени и фамилии. За невыход на работу они подвергались заключению в специальный лагерь с особым режимом. Подозреваемых в саботаже расстреливали. В объявлении городского комиссариата Запорожья от 9 августа 1943 г. указывалось, что все, кто бросает свое рабочее место, должны подвергаться смертной казни (этот документ опубликован в сборнике). Официальная продолжительность рабочего дня была 10—12 часов, но владельцам предприятий предоставлялось право неограниченно увеличивать его, и, как правило, рабочий день длился 14—16 часов. Заработная плата была ничтожна. Оплата за сверхурочную работу, за работу в ночное время и в воскресные дни или какие-либо другие надбавки не допускались. Рабочих посадили на голодный продовольственный паек. На тех шахтах Донбасса, на которых

оккупантам с большим трудом удалось частично наладить добычу угля, весь дневной рацион шахтера составлял менее 200 граммов недоброкачественных продуктов, причем и этот мизерный паек месяцами не выдавался. В таком же положении находились трудящиеся всех захваченных фашистами промышленных городов. Миллионы советских людей были обречены на мучительную голодную смерть.

В октябре 1943 г. на совещании группенфюреров СС Гиммлер цинично заявил: «Что случится с русским или чехом, меня нисколько не интересует. Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры...»

Страшные испытания выпали и на долю советского крестьянства, подпавшего под иго оккупантов. Интересам ограбления была подчинена аграрная политика немецко-фашистских захватчиков. Оккупационные власти разоряли сельское хозяйство, вывозили продовольствие и скот в Германию, обрекая крестьян на голод и вымирание.

Землю и имущество совхозов они объявили собственностью рейха и переименовали их в «государственные имения». Во главе имений были поставлены немецкие управляющие. Вся сельскохозяйственная продукция поступала в распоряжение немецкой армии и оккупационных властей.

Еще до нападения на СССР гитлеровцы планировали ликвидацию колхозов, но эти планы были осуществлены только в западных областях Украины, Белоруссии и прибалтийских республиках, территория которых незадолго до войны вошла в состав Советского Союза. На остальной территории немецко-фашистские захватчики встретили упорное сопротивление, проявлявшееся в самых различных формах. Нередко рискуя жизнью и имуществом, крестьяне прятали колхозный скот, хлеб, сельскохозяйственный инвентарь и другое оборудование, сохраняя колхозную собственность. Ощущая повсеместное сопротивление широких слоев колхозного крестьянства, гитлеровские оккупанты на первых порах не принимали решительных мер к ликвидации колхозов, возлагая надежды на более выгодное использование колхозной организации для эксплу-

атации крупных земельных массивов, дарового труда колхозников и грабежа сельскохозяйственной продукции. Но в феврале 1942 г. германское правительство опубликовало директиву за подписью А. Розенберга о так называемом «новом порядке землепользования». Суть этой директивы сводилась к постепенному переходу к частной земельной собственности в сельском хозяйстве. Аграрный «закон» Розенберга на словах предусматривал передачу земли в частную собственность широким слоям крестьян, но это была демагогия, при помощи которой оккупанты хотели привлечь крестьян на свою сторону. На деле земля переходила в собственность кулаков (гроссбауэров) и помещиков. Крестьяне же превращались в батраков, принуждаемых работать за нищенскую плату и подчиненных неограниченной власти немецких управляющих и оккупационных властей.

Оккупанты облагали крестьян многочисленными налогами. В ряде мест они установили денежные поборы, известные только во времена средневековья, — налог на бороды, за «лишние» окна и двери, «лишнюю» мебель, за кошку, собаку и т. п. На Украине в 1943 г. существовало более десятка видов различных налогов, которые взимались в натуральной и денежной форме. Кроме того, существовала еще система штрафов. За выпас скота в лесу без разрешения налагался штраф в 50 рублей, за выпас в запрещенном месте — 150 рублей, за неуплату налогов — 250 рублей и т. д. Даже после сдачи всех поставок, уплаты налогов и различных штрафов крестьяне не могли распоряжаться продуктами своего труда. А если крестьянин осмеливался зарезать корову или свинью, у него конфисковывали мясо и отбирали оставшийся скот. Крестьяне, сдав свои продукты оккупантам, не имея возможности что-либо купить по твердым ценам, голодали, болели и умирали от epidemий.

Без особого разрешения сельские жители не могли выезжать за пределы своей местности, а также продавать свои продукты. Самовольное появление крестьян на рынке каралось штрафом в 5 тыс. рублей или шестинедельным арестом¹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2303, л. 41.

Все награбленное оккупантами у советских крестьян шло на снабжение немецко-фашистской армии или вывозилось в Германию. К началу 1943 г. только с Украины захватчики вывезли около 2,8 млн. тонн различного продовольствия. Но этого им было мало. В мае 1943 г. А. Розенберг, совершавший инспекционную поездку по Украине, потребовал от оккупационных властей еще более увеличить сбор сельскохозяйственных продуктов для Германии.

Военное командование принимало активное участие в грабеже советского крестьянства. В своем докладе на совещании германской сельскохозяйственной команды Центральной группы армий 17 июня 1944 г. в Бобруйске д-р Хюттенбройкер отмечал, что в 1942/43 г. для немецкой армии было взято на юге России 2,5 млн. тонн зерна и 200 тыс. тонн мяса, в 1943/44 г. — 1,5 млн. тонн зерна и 67 тыс. тонн мяса¹.

Реставрируя под видом «нового режима» старый, дореволюционный порядок, восстанавливая в правах на землевладение помещиков и кулаков, немецко-фашистские захватчики стремились создать классы господ и крепостных рабов, обезземелить советское крестьянство, установить средневековый крепостнический режим, при котором крестьянство было бы обречено на вымирание.

В общей цепи злодеяний немецко-фашистских оккупантов на советской территории особое место занимал **угон советских граждан на рабско-крепостнический труд в Германию**. Многочисленные факты и документы свидетельствуют о том, что гитлеровское правительство, не считаясь ни с какими международными законами, насильственно угоняло советских людей на подневольный труд. Геринг, Кейтель, Розенберг, Заукель, Кох и др. создавали для невольников в Германии невыносимые условия, они обрекали всех угнанных рабочих на голод, зверское обращение и в конечном итоге на мучительную смерть.

Общая политика, лежавшая в основе применения рабского труда, была сформулирована генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы Заукелем 20 апреля 1942 г. Он отмечал: «...необходимо

¹ ЦГАОР, ф. 7021, оп. 149, д. 89, л. 36.

максимально использовать имеющиеся людские резервы на захваченной советской территории. Если нам не удастся получить необходимое количество рабочей силы на добровольных началах, тогда мы должны немедленно ввести мобилизацию и принудительную повинность. Полное использование всех военнопленных, а также использование гигантского количества иностранных гражданских рабочих — мужчин и женщин стало бесспорной необходимостью для разрешения вопроса о мобилизации рабочей силы в этой войне»¹.

Угон на фашистскую каторгу в Германию был страшным бедствием для советских людей. Гитлеровцы использовали все методы — ложь, обман и насилие, чтобы вывезти из оккупированных областей СССР нужную им рабочую силу.

Фашисты много кричали о том, что они набирают людей на работу в Германию на добровольных началах. На самом же деле этот набор рабочей силы, как правило, осуществлялся путем насилий; на людей устраивались облавы, их под конвоем грузили в эшелоны и, как невольников, отправляли в Германию. О методах фашистских вербовщиков свидетельствуют следующие факты. Так, в феврале 1943 г. гитлеровцы произвели кровавую расправу с жителями села Осиньки, Тернопольской области, отказавшимися послать людей на работу в Германию. Фашисты согнали на площадь 60 стариков и расстреляли их из пулеметов, сожгли 116 крестьянских дворов, конфисковали имущество и угнали весь скот.

В Киеве был издан приказ, обязывающий все трудоспособное население пройти регистрацию на бирже труда. Ежедневно производилась отметка учтенных, неявка рассматривалась как саботаж и каралась расстрелом. Несмотря на угрозы, тысячи людей на биржу не являлись. Оккупационные власти и полиция делали все, чтобы выявить трудоспособных жителей города. Полиция часто производила облавы на улицах и на базарах и всех трудоспособных задерживала для отправки на работу.

Насильственная мобилизация молодежи в Германию была самым страшным событием в жизни города

¹ «СС в действии». М., 1960, стр. 532—533.

Запорожья. В дом приносили серую карточку — «уведомление о повинности», и это означало, что семья должна поставить рабов для Германии. Только из города Запорожья оккупанты угнали на каторгу 20 тыс. юношей и девушек.

По заявлению «Управления по использованию рабочей силы», опубликованному в газете «Минскер цейтунг» 14 января 1943 г., «за 1942 г. в Германию отправлено около 2 млн. душ из оккупированных областей на востоке»¹.

Рейхскомиссар Украины Эрих Кох писал, что оккупантам удалось послать сотни тысяч украинских рабочих для работы в Германию, и прежде всего на предприятия военной промышленности.

Насильственный угон советских людей в Германию особенно усилился, когда началось массовое изгнание немецко-фашистских войск с территории Советской страны. В апреле 1943 г. Гитлер потребовал от генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Заукеля дополнительно направить в Германию в течение 1943 г. миллион рабочих, из них 800 тыс. из оккупированных районов Советского Союза. Отступая, захватчики старались угнать на запад как можно больше населения, не только для того, чтобы возместить потребность в рабочей силе, но и оставить за собой опустошенную землю.

Перед оставлением г. Орла военный комендант города опубликовал такое объявление: «Орел объявляется боевой зоной. Гражданское население должно немедленно покинуть город в западном направлении. Покидание города в другом направлении будет воспрепятствовано силой оружия... Каждое гражданское лицо, которое после наступления темноты будет встречено на улице, будет расстреляно». В Чернигове оккупанты объявили, что лица, отказавшиеся выехать в Германию, будут немедленно расстреляны². Немецкая комендатура в Жлобине в специальном воззвании к населению предупреждала: «...весь город оцеплен немецкими войсками. Всякий, пытающийся скрыться или бежать, будет застрелен. Выходите на улицу и двигай-

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 809.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, д. 2313, л. 41.

тесь, куда вам укажут немецкие солдаты»¹. Так было повсюду. За отказ выехать в Германию фашисты зверски избивали и расстреливали советских людей.

Угон рабочей силы в Германию совершался под непосредственным надзором генералов вермахта. В докладе на имя генерал-квартирмейстера от 28 июля 1944 г. указывалось, что по состоянию на 30 июня 1944 г. из общего числа 2 792 669 «восточных рабочих» подавляющее большинство (более 2 млн. человек) было отправлено из тыловых районов различных групп армий².

Одним из способов насильственного набора рабочей силы являлись карательные экспедиции против партизан. Об этом свидетельствует публикуемый в сборнике «Преступные цели — преступные средства» следующий приказ начальника полиции безопасности и СД Латвии от 3 ноября 1942 г.: «Рейхсфюрер СС приказал 3 ноября 1942 г. брать в плен все излишнее трудоспособное население в районах действий банд, оккупируемых и прочесываемых нами. Оно должно быть направлено в Германию в качестве рабочих».

День и ночь из оккупированных районов Белоруссии, Украины и России шли в Германию эшелоны невольников. Людей везли, как скот, — по 60—70 человек в одном товарном вагоне. В специальных «Указаниях по обращению с иностранными рабочими из гражданского населения, находящимися в империи», разработанных гитлеровскими рабовладельцами, говорилось: «Восточных рабочих следует содержать в закрытых лагерях, которые они могут покидать только для производства работ, под постоянной охраной часовых или начальника лагеря. На мелких сельскохозяйственных предприятиях или в единоличных хозяйствах, где разрешено использование восточной рабочей силы, можно помещать рабочих вне лагеря в хорошо запирающемся помещении, где есть немец мужчина, который может взять на себя функции контроля»³.

О неимоверно тяжелых условиях, в которых оказались советские люди, угнанные в рабство, свидетельствовали многочисленные письма из Германии на

¹ «Сборник сообщений ЧГК». М., 1946, стр. 185.

² A. Dallin. German Rule in Russia. London, 1957, p. 452.

³ «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 799—800.

фронт. У убитого на советско-германском фронте солдата Вильгельма Бока было найдено письмо от матери из г. Хемниц. В нем говорилось: «...много русских женщин и девушек работают на фабриках «Астраверке». Их заставляют работать по 14 и более часов в сутки. Заработной платы они, конечно, никакой не получают. На работу и с работы они ходят под конвоем. Русские настолько переутомлены, что буквально валятся с ног. Им часто попадает от охраны плетью. Пожаловаться на побои и скверную пищу они не имеют права...»¹

Всего из Советского Союза гитлеровские оккупационные власти отправили на каторжный труд в Германию около 5 млн. советских граждан. Угон мирных советских граждан в рабство в Германию немецкие фашисты использовали не только как способ возместить недостаток рабочей силы, но и как одно из дополнительных средств истребления населения СССР.

Поставив перед собой задачу физического уничтожения значительной части населения нашей страны, фашистские оккупанты не останавливались ни перед какими способами достижения этой цели. Средства истребления советского населения были разнообразны и применялись гитлеровцами с поистине дьявольской изобретательностью. Совокупность этих средств составляла **систему фашистского террора**, распространявшегося как на мирное население, так и на военнопленных.

Вопрос о фашистском терроре подробно освещается в советском докладе в 3-й секции настоящей конференции; здесь мы ограничимся лишь его общей характеристикой.

Основными способами уничтожения населения и военнопленных были как массовые убийства, проводимые организованно, так и умерщвление людей посредством голода, холода, распространения эпидемий и всеми другими возможными средствами. Документы, опубликованные в сборнике «Преступные цели — преступные средства», ярко характеризуют ужасные способы и средства массового человекоубийства, применявшиеся фашистскими властями и армией.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 814.

Обстановка, сложившаяся на захваченной территории в результате самоуправства фашистских властей и полного беспорядка населения, практически исключила возможность точного учета жертв террора. Лишь после освобождения оккупированных областей Советской Армией в результате обработки данных 55 162 актов, составленных Чрезвычайной государственной комиссией по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков и соответствующими комиссиями на местах, удалось составить примерное представление о потерях советского населения в тылу врага. О масштабах уничтожения немецкими оккупантами населения отдельных советских республик говорят следующие цифры (которые не могут считаться окончательными и абсолютно точными): только на территории Украинской ССР количество уничтоженных фашистами мирных советских граждан и военнопленных превысило 4 млн. человек; почти 2,5 млн. было уничтожено на территории Белорусской ССР и почти 1,7 млн. — в оккупированных областях РСФСР¹.

* *

*

Рассмотренные факты и документы со всей очевидностью доказывают, что оккупационный режим, введенный немецкими фашистами на захваченной территории Советского Союза, представлял собой продуманную и заблаговременно подготовленную систему порабощения и уничтожения коренного населения нашей страны, разграбления ее национальных богатств и разрушения ее государственности. Это — режим полного произвола, насилия и беззакония, особенно страшный потому, что в его основе лежала человеконенавистническая фашистская идеология расового превосходства и ненависти к покоряемым народам, бредовая идея «высшего предназначения» германской расы и мирового господства фашистского государства. Единственным ответом свободолюбивых народов СССР на эту систему могла быть и стала **всенародная война** против захватчиков. Десятки миллионов совет-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 125, ед. хр. 3, л. 84—86.

ских людей, не жалея жизни, поднялись на священную Отечественную войну против немецкого фашизма, закончившуюся его полным военным и моральным поражением и великой победой Советского Союза и всей антифашистской коалиции.

2. Немецко-фашистский оккупационный режим на Украине

Коренным отличием немецко-фашистских захватнических планов в отношении Советского Союза от гитлеровских планов для завоеванных стран Запада было то, что советские земли, прежде всего прибалтийские, украинские, белорусские и русские, рассматривались в них как территория для будущего заселения немецкой «расой господ». Старую империалистическую колониальную политику гитлеровцы намеревались заменить «восточной территориальной политикой», т. е. уничтожением и изгнанием коренного населения с завоеванных на востоке земель для постепенной замены его немецкими переселенцами.

Эти преступные замыслы угрожали мученической смертью десяткам миллионов советских людей. Еще в начале 1941 г., выступая с инструктивной речью перед своими подчиненными, рейхсфюрер СС Гиммлер подчеркнул, что «главной целью войны против Советского Союза является уничтожение 30 млн. славян»¹.

Намечая мероприятия, направленные на уничтожение миллионов советских людей, гитлеровцы одновременно разрабатывали детальные планы экономического ограбления нашей страны. Разработанные ими еще до начала войны «принципы экономической политики на Востоке» легли в основу действий немецко-фашистских властей на временно оккупированной советской территории. Вот выдержка из этих «принципов», утвержденных 2 мая 1941 г.: «1) Войну можно вести лишь при условии, если... все германские вооруженные силы смогут снабжаться продовольствием за счет России. 2) Когда мы заберем из страны все, что

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 2, стр. 357—358.

нам необходимо, десятки миллионов людей, несомненно, умрут от голода»¹.

Особенную угрозу эти планы несли населению Советской Украины, которая рассматривалась фашистами как главная база снабжения продовольствием и сырьем Германии в будущем.

Неотъемлемой частью всех этих преступных приготовлений являлись планы территориального расчленения Советского Союза. Разрабатывая их, гитлеровцы ставили перед собой двойную цель. С одной стороны, они намеревались аннексировать ряд советских земель и присоединить их к Германии, с другой — стремились разорвать связи, исторически сложившиеся между отдельными народами нашей страны, изолировать их друг от друга и таким образом навсегда подорвать силу их сопротивления захватчикам.

Еще 22 июля 1940 г., обсуждая со своими генералами планы нападения на Советский Союз, Гитлер подчеркнул необходимость его расчленения. Тогда фашистский «фюрер» еще не высказывал своих окончательных замыслов в этом вопросе, туманно упомянув «украинское государство», «федерацию балтийских государств» и Белоруссию. Однако во время второго аналогичного совещания, 31 июля, он высказался вполне ясно: «Окончательно Украина, Белоруссия, балтийские государства — нам».

Для подготовки практического осуществления этого замысла Гитлер в апреле 1941 г. поручил главному фашистскому «теоретику» по национальному вопросу Розенбергу организовать и возглавить специальное политическое бюро. Созданный им аппарат после начала войны стал министерством по делам оккупированных советских территорий.

Выполняя указания «фюрера», Розенберг разработал схему организации будущей немецко-фашистской власти над советскими землями. Изложенная в окончательном виде в его «меморандуме № 3» от 25 апреля 1941 г., она полностью соответствовала замыслам Гитлера. План Розенберга предусматривал создание на

¹ «Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal» (в дальнейшем: IMT), vol. XXX. Nuremberg, 1947, p. 84.

завоеванной советской территории рейхскомиссариатов «Остланд» (Белоруссия и Прибалтика), «Украина», «Московия» (Россия) и «Кавказ», которые должны были стать владениями «великонемецкого рейха», подчиненными центральному руководству в Берлине.

К исполнению своих преступных планов фашистские главари приступили сразу же после начала войны.

16 июля 1941 г. в ставке Гитлера состоялось специальное совещание, посвященное вопросу о судьбе завоеванных советских территорий.

Выступая на этом совещании, Гитлер подчеркнул, что эти территории навсегда останутся владениями Германии, хоть в пропаганде об этом не следует говорить. «В основном,— цинично говорил он,— дело сводится к тому, чтобы освоить громадный пирог, с тем чтобы мы, во-первых, овладевали им, во-вторых, управляли им, в-третьих, эксплуатировали»¹.

Во время совещания было конкретизировано, какие именно советские территории должны быть отданы сателлитам фашистской Германии в качестве вознаграждения за участие в разбойничьем нападении на СССР. По предложению Геринга руководителем немецкой власти на Украине было решено назначить Э. Коха — гаулейтера Восточной Пруссии.

В последующие дни Гитлер утвердил ряд подготовленных имперской канцелярией и генеральным штабом декретов, которыми устанавливался оккупационный режим на захваченных советских территориях, в частности на Украине.

17 июля был подписан основной декрет об управлении территориями на «Востоке». Декрет передавал власть над оккупированными территориями в руки нового «имперского министерства по делам оккупированных восточных областей» — за исключением тех земель, которые от них отторгались. Эти территории делились на рейхскомиссариаты, генеральные округа и округа. «Рейхсминистром по делам оккупированных восточных областей» был назначен Розенберг.

Одновременно Гитлер издал декрет о полномочиях СС и полиции на оккупированных территориях. Этим

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 2, стр. 582.

декретом ко всем звеньям гражданской оккупационной администрации прикомандировывались «руководители СС и полиции», подчиненные Гиммлеру. Их задачей была «полицейская охрана» на оккупированных территориях. Специальный пункт декрета предоставлял СС и полиции полномочия действовать независимо от гражданской оккупационной администрации в случае «непосредственно угрожающей опасности». Таким образом, фактическими хозяевами судьбы миллионов советских людей, которые оказались на временно захваченной территории, становились эсэсовские убийцы и гестаповские палачи, задачей которых, как подчеркнул сам Гитлер во время совещания 16 июля, было осуществлять «все необходимые мероприятия» — расстрелы, выселения и т. п.

1 сентября 1941 г. начали действовать два рейхскомиссариата — «Остланд» и «Украина». Власть первого распространялась на территорию оккупированных прибалтийских советских республик и Белоруссии, в состав второго была включена большая часть украинских земель.

Рейхскомиссариат «Украина» состоял из шести генеральных округов:

1. «Воынь» (центр — г. Ровно) — Ровенская, Воынская, Каменец-Подольская области УССР, а также южные районы Брестской и Пинской областей БССР;

2. «Житомир» (центр — г. Житомир) — Житомирская область, северные районы Винницкой области УССР и южные районы Полесской области БССР с г. Мозырем;

3. «Киев» (центр — г. Киев) — Киевская и Полтавская области;

4. «Николаев» (центр — г. Николаев) — Николаевская (без западных районов) и Кировоградская области;

5. «Таврия» (центр — г. Мелитополь) — левобережные южные районы Херсонской и Запорожской областей;

6. «Днепропетровск» (центр — г. Днепропетровск) — Днепропетровская и часть Запорожской области¹.

¹ «Німецько-фашиський окупаційний режим на Україні». Київ, 1951, стр. 49—50.

Черниговская, Сумская и Харьковская области УССР, Донбасс и территория Крыма постоянно находились под управлением военных властей так называемой военной зоны и в состав рейхскомиссариата фактически не входили, хоть и являлись номинально его частями как генеральные округа «Чернигов» и «Харьков» (Крым должен был входить в состав «Таврии»).

Территория рейхскомиссариата «Украина» составляла 339,2 тыс. кв. км против 533,3 тыс. кв. км — площадь УССР накануне войны. Присоединив к рейхскомиссариату ряд районов Белоруссии, немецко-фашистские оккупанты вместе с тем осуществили широкие мероприятия по расчленению собственно украинской территории.

Еще в июле 1941 г., после оккупации немецко-румынскими войсками Черновицкой и Измаильской областей УССР, их территория (свыше 15 тыс. кв. км) была включена в состав Румынии.

1 августа четыре западные области УССР — Львовская, Дрогобычская, Станиславская и Тернопольская (без северных районов) общей площадью свыше 48 тыс. кв. км под названием «дистрикт (округ) Галиция» были присоединены к «генеральному губернаторству», созданному гитлеровцами на месте захваченной ими польской территории.

30 августа в Тирасполе представители немецких и румынских властей подписали соглашение о передаче фашистской Румынии украинской территории между Днестром и Бугом (вся Одесская, южные районы Винницкой и западные районы Николаевской области) общей площадью 40 тыс. кв. км. Под названием «Транснистрии» эта территория была включена в состав королевской Румынии.

Гитлер рассматривал эту уступку фашистским правителям Румынии как вознаграждение за их участие в преступном нападении на СССР и компенсацию за передачу Венгрии части Трансильвании в 1940 г. Украинская земля была превращена, таким образом, в разменную монету при взаимных империалистических расчетах фашистских держав.

Отдельные части расчлененной украинской территории были изолированы одна от другой. Местному населению под угрозой расстрела запрещалось переходить

дить искусственные границы, созданные на украинской земле оккупантами. «Пограничная охрана имеет приказ беспощадно стрелять в каждого, кто сделает попытку перейти границу», — говорилось в одном из объявлений оккупационных властей. Делалось все для того, чтобы вытравить из сознания поработанных советских людей само понятие их суверенной государственности. Слово «Украина» фигурировало в названии рейхскомиссариата лишь как чисто географический термин, а центром рейхскомиссариата был избран провинциальный город Ровно.

Для управления захваченными советскими территориями, в частности Украиной, оккупанты создали огромный административный аппарат.

Рейхскомиссариату были подчинены генеральные комиссариаты, управлявшие генеральными округами; генеральным комиссариатам — окружные гебитскомиссариаты и штатткомиссариаты больших городов. Небольшими городами управляли ортскомиссариаты. Для замещения их штатов министерства и ведомства фашистской Германии выделяли своих чиновников. Словно ненасытная саранча, налетели на Украину тысячи и тысячи «комиссаров» и «комендантов», «сельскохозяйственных фюреров» и «инспекторов», «хозяйственных специалистов» и «военных агрономов». Все, что было наихудшее в бюрократической машине фашистской Германии, ринулось на восток. Образовался громадный по своим размерам корпус «фюреров Востока», главными целями которых было прежде всего личное обогащение, ограбление экономических и культурных богатств захваченных территорий и издевательство над советскими людьми.

Оккупанты создали на Украине так называемые вспомогательные местные учреждения, как, например, городские и районные управы. В селах они назначали старост. Оккупационные власти всегда подчеркивали, что должности в этих учреждениях не являются выборными. На посты бургомистров, председателей районных управ и сельских старост гитлеровцы назначали изменников народа и уголовных преступников. Большинство из них, выслуживаясь перед оккупантами, предавали свой народ. Но на советской территории гитлеровцы могли рассчитывать на поддержку только

со стороны кучки предателей, которые связали свою судьбу с оккупантами и вместе с ними заслужили ненависть и презрение всего народа. Украинский народ боролся против них и уничтожал их так же, как он уничтожал гитлеровцев.

Украинские земли «военной зоны» подчинялись командованию армейской группы «Юг». Их управление осуществлялось ортскомендатурами в городах и фельдкомендатурами в сельских районах. На территории, которая находилась под управлением гражданских властей, параллельно с «комиссариатами» всех степеней действовали соответствующие военные комендатуры.

Еще одной параллельной и фактически ни от кого не зависимой властью на всех без исключения захваченных территориях были органы СС. Им подчинялись зондеркоманды, эйнзатцкоманды и эйнзатцгруппы СД, осуществлявшие массовые убийства сотен тысяч беззащитных советских людей, а также весь колоссальный полицейский аппарат, состоявший из органов разного рода и назначения: гестапо (государственная тайная полиция), зихергайтсполицай (полиция безопасности), шутцполицай (охранная полиция), орднунгсполицай (полиция порядка) и жандармерия. Задачей всех этих органов подавления и террора было полное «умиротворение» оккупированных территорий и превращение их населения в бессловесных рабов фашистских завоевателей.

Следует подчеркнуть, что между тремя основными отраслями фашистской оккупационной власти — гражданской, военной и полицейской — не было никакой принципиальной разницы, а имелось лишь некоторое чисто функциональное размежевание. Все они представляли собой неразрывно связанные части единого террористического аппарата. Многочисленные органы СС и подчиненной им полиции вместе с военными властями служили опорой всей деятельности аппарата гражданской власти рейхскомиссариата «Украина» в деле организации всестороннего ограбления оккупированной территории и ее населения. Со своей стороны, гражданская администрация рейхскомиссариата принимала самое активное участие в кровавом вооруженном терроре полицейских и военных властей против

миллионов беззащитных граждан Советской Украины, оказавшихся под игом фашистских завоевателей. «На Украине лучше всего будет убить всех мужчин старше пятнадцати лет», — говорил Геринг, рекомендуя на пост рейхскомиссара Украины Коха именно потому, что тот прославился своей садистской жестокостью. Кох старательно претворял в жизнь эту установку, стремясь в кратчайшее время физически уничтожить украинский народ. «Нет никакой Украины. Мы должны помнить, что мы — народ господ», — постоянно указывал этот кровавый палач своим подчиненным.

Население оккупированной Украины было лишено всех политических и человеческих прав. Оккупационный режим держался на кровавом насилии. Тех, кто не хотел подчиняться захватчикам, кто по тем или иным причинам был неугоден им, зверски уничтожали. С первых дней своей власти на Украине немецкие оккупанты установили режим террора и произвола в отношении мирного населения. На Украине нет ни одного населенного пункта, где фашисты не уничтожали бы советских людей сразу после своего прихода. Всему миру известна трагическая судьба десятков тысяч людей, которых гитлеровцы расстреляли в конце сентября 1941 г. в Бабьем Яру, в Киеве. Массовые расстрелы в Киеве продолжались в течение всего периода оккупации. Общая численность убитых только в этом городе превысила 195 тыс. человек¹. В г. Ровно и его окрестностях в течение 1941—1942 гг. было убито 99 тыс. мирных жителей². Сотни тысяч граждан Советской Украины приняли мученическую смерть от рук фашистских убийц во Львове, Харькове, Виннице, Житомире, Полтаве, Запорожье и других городах и местечках.

В осуществлении этой преступной политики принимали одинаково активное участие так называемая гражданская администрация рейхскомиссариата «Украина», гиммлеровские эсэсовцы и полицейские и военные части фашистского вермахта.

Особенно жестоким обращением с мирным советским населением отличались войска 6-й немецкой

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 274—275; т. 4, стр. 49.

² См. там же, т. 3, стр. 266—267.

армии. Командующий этой армией генерал-фельдмаршал Рейхенау 10 октября 1941 г. издал специальный приказ «О поведении войск на Востоке». Главной целью немецко-фашистской армии в войне против Советского Союза приказ провозглашал «полное уничтожение большевистской ереси, Советского государства и его вооруженных сил». Идею убить невозможно, и речь шла о физическом уничтожении советских людей. Гитлеровский фельдмаршал приказывал своим войскам применять «решительные и жестокие меры» в отношении всего мужского населения оккупированных районов, «чтобы предотвратить возможные с их (т. е. мужчин.— Авт.) стороны покушения». Не ограничиваясь требованием на всякий случай уничтожать мужчин, Рейхенау приказывал также безжалостно убивать и женщин, которые тем или иным образом проявят свою враждебность к захватчикам.

Приказ Рейхенау об обращении войск с советским населением настолько понравился Гитлеру, что он распорядился разослать его копии во все штабы и части немецко-фашистской армии на территории СССР как образец.

Политика массового уничтожения населения находила старательных исполнителей как в войсках, так и в гражданской администрации. В секретном распоряжении житомирского начальника жандармерии от 12 марта 1942 г. указывалось, что «на проведение казней в тех случаях, когда для этого имеются основания, просить разрешения не нужно». В другой его директиве указывалось, что «во время действий против партизан всех заподозренных в сочувствии к ним и все мужское население сел, в которых находились партизаны, без лишних разговоров расстреливать»¹.

Немецко-фашистские захватчики широко применяли систему заложничества. Арестовывая в городах и селах первых попавшихся людей, оккупанты казнили их за любой акт саботажа, к которому эти люди не имели никакого отношения.

2 ноября 1941 г. комендант Киева Эбергард объявил, что за случаи саботажа расстреляно 300 жите-

¹ Житомирский областной государственный архив (в дальнейшем: ОГА), д. 32, л. 6; д. 26, л. 3.

лей города. При этом он угрожал, что за каждый новый случай диверсии или саботажа «будет расстреливаться значительно большее число жителей Киева»¹.

Так было не только в Киеве. 14 ноября комендант Харькова объявил о расстреле 50 заложников, а также о том, что в заложники взято еще 1000 человек. В Днепропетровске за покушение на немецкого офицера было расстреляно 100 заложников. При этом ортскомендант предупреждал, что в дальнейшем в подобных случаях «будут применены более суровые меры»². В приказе житомирского генерал-комиссара от 18 декабря 1941 г. указывалось, что «за каждый отдельный выстрел в рейхснемца в дальнейшем будет расстреливаться 100 мужчин и женщин из местного населения»³.

В Одессе комендатура 20 ноября 1941 г. объявила, что за каждый случай нападения на представителя оккупационных войск будет расстреливаться по 500 человек.

Всеми миру известна трагическая судьба Лидице в Чехословакии и Орадур-сюр Глан во Франции. Эти населенные пункты были уничтожены, а их население расстреляно. Но еще задолго до уничтожения этих селений гитлеровцы широко применили ту же форму массовой расправы на советской территории, в частности на Украине. Командир немецкой дивизии, находившейся на Полтавщине, 28 ноября 1941 г. объявил, что за помощь партизанам села Барановка и Обуховка сожжены, а их население расстреляно⁴. Такая же участь постигла население сел Вульки и Губельцы, Хмельницкой области⁵, и др. Подобных фактов можно было бы привести множество.

Оккупационный режим был организован таким образом, чтобы автоматически создавать поводы для кровавых расправ. Вся жизнь населения оккупированной территории регламентировалась бесчисленными приказами. Любое, даже самое мелкое их нарушение почти всегда каралось смертью.

¹ Харьковский ОГА, фонд листовок.

² «Дніпропетровська газета», 6 декабря 1941 г.

³ Житомирский ОГА, ф. 1, д. 3, л. 5.

⁴ Полтавский ОГА, ф. Р-2368/76-С, д. 4, л. 2.

⁵ Хмельницкий ОГА, ф. 171, д. 1, л. 23.

На всей территории Украины оккупанты запретили жителям городов и сел выходить на улицу вечером и ночью. Всех, кто появлялся в это время на улицах, расстреливали на месте как партизан. Запрещалось ходить в лес без специального разрешения даже в дневное время; нарушители этого распоряжения расстреливались.

Жителям городов запрещалось ходить за продуктами питания в близлежащие села. Комендант города Сумы 14 января 1942 г. вообще запретил жителям оставлять место жительства. Все, кто нарушал этот приказ, расстреливались. Вокруг городов были выставлены посты и патрули, которые задерживали всех входивших и выходивших из города без пропуска для «малого передвижения», выдававшегося на ограниченное время.

Людей расстреливали или вешали за оставление места работы, за слушание советских радиопередач, за чтение антифашистских листовок, в связи с пожарами, за «распространение слухов». Расстреливали даже тех, кто не сдал велосипедов.

В Донбассе и многих других местностях население было обязано носить повязку с установленным оккупантами номером. Каждый, кого встречали без такой повязки, расстреливался на месте.

Оккупанты ввели средневековую систему круговой поруки, ответственности всего населения городов и сел за действия отдельных лиц. Село Быстрик, Винницкой области, было оштрафовано на 60 тыс. рублей за то, что отдельные крестьяне без разрешения немцев резали свой скот. На селе Гойчицу, Старостинцы, Морозовку и Бухны был наложен штраф свыше 250 тыс. рублей за то, что на поле голодные крестьяне брали сахарную свеклу для еды¹.

Жестокость и беспощадность по отношению к населению считалась обязательной для оккупационного аппарата на Украине. В приказе коростышевского гетбитскомиссара (Житомирщина) от 10 апреля 1943 г. указывалось, что представители немецкой администрации «должны вести себя таким образом, чтобы население ощущало твердую руку немцев. Кто из нас не

¹ Винницкий ОГА, ф. 227, оп. 1, д. 4, л. 22.

может вести себя твердо, тот не подходит для оккупации Востока. Кто верит, что с населением можно обращаться по-хорошему, того считать непригодным и не знающим психологии украинцев... Я никого не буду щадить...»¹

Еще одним средством массового уничтожения людей на оккупированных советских территориях, в том числе и на Украине, была организация фашистскими властями голода.

Гитлеровцы хладнокровно лишали местное население средств к жизни, отбирая продовольствие у крестьян и не разрешая привозить его в города. Продовольственная политика фашистских властей предусматривала следующую очередность в распределении продуктов, награбленных на советской территории: 1) действующая армия; 2) остальные войска на оккупированной территории; 3) войска в Германии; 4) гражданское население в Германии. Население захваченных территорий выпадало из этого расчета. «Таким образом,— говорил американский обвинитель в Нюрнберге,— даже те... кто жил в богатейших районах Украины, не могли удовлетворить свои потребности в сельскохозяйственных продуктах и... были обречены на голодную смерть»².

Фашистская армия оказалась способной потребить бо́льшую часть продовольствия, которое оккупантам удалось награбить на оккупированных территориях. Чтобы увеличить часть, которая при распределении награбленного приходилась на долю населения самого фашистского рейха, фашистские главари приступили к исполнению своих заранее разработанных планов уничтожения голодом населения Советской Украины. В одном из документов гитлеровского верховного командования, датированном 2 декабря 1941 г., цинично подчеркивалось:

«Изъятие на Украине сельскохозяйственных излишков в интересах снабжения рейха... мыслимо при условии, если внутреннее потребление на Украине будет сведено к минимуму. Это будет достигнуто следую-

¹ «Житомирщина в період тимчасової окупації німецько-фашистськими загарбниками». Житомир, 1948, стр. 71—72.

² «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 433.

щими мерами: 1) уничтожением лишних едоков (евреев, населения больших украинских городов, которые, как Киев, вообще не получают никакого продовольствия); 2) путем предельного сокращения продовольственной нормы украинцев — жителей других городов; 3) уменьшением продовольственного потребления крестьянского населения»¹.

Все эти преступные меры неуклонно осуществлялись оккупантами. Вследствие этого население городов вымирало. В Харькове, например, по свидетельству самих оккупационных властей, в первом квартале 1942 г. умерло 22 708 человек, из них от голода — 13 749 человек². 21 июля 1942 г. торговый отдел харьковской городской управы в докладной записке бургомистру сообщал: «Население живет впроголодь, теряет силы, болеет, умирает, кто может — бежит из Харькова... Город-гигант пустеет, разрушается»³.

Немецкие фашисты показали себя как злейшие враги прогресса и культуры. Они провозгласили, что «никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения». Оккупационные власти на Украине беспощадно уничтожали исторические, научные и культурные учреждения. Среди огромного количества примеров следует упомянуть об уничтожении известного всему миру культурно-исторического заповедника Киево-Печерской лавры, разграблении и уничтожении Киевского университета, многочисленных учреждений Украинской Академии наук и многих других учреждений, которыми гордился украинский народ.

Фашисты неоднократно утверждали, что население оккупированных областей предназначено только для физического труда, а поэтому на Украине были уничтожены все высшие и средние учебные заведения. Оккупанты разрешили открыть незначительное количество низших четырехклассных школ с ограниченной программой обучения. Рейхскомиссар Кох 24 октября 1942 г. в своем распоряжении генерал-комиссарам еще

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 416.

² См. «Звірства і злочини німецько-фашистських загарбників на Харківщині». Харків, 1944, стр. 35, 36.

³ Харьковский ОГА, ф. Р-2615/367-с, д. 49, л. 13.

раз напоминал о том, что на Украине не может быть никаких высших и средних учебных заведений, а всех бывших учеников с 15-летнего возраста и преподавателей приказал отправить на работы в Германию. Украинская интеллигенция уничтожалась поголовно. Украинский язык был унижен, а на первое место поставлен немецкий язык. Расовая дискриминация по отношению к украинцам проявлялась на каждом шагу. Привилегии и преимущества во всем отдавались немцам как «нации господ».

Таков был немецко-фашистский оккупационный режим на Украине. Политика геноцида, проводившаяся оккупантами, привела к гибели 4,5 млн. гражданского населения Советской Украины. Эта политика была практическим осуществлением тех планов, с которыми немецкие империалисты начали войну против Советского Союза. Ее целью являлось массовое уничтожение населения и очищение территории для последующего ее онемечивания, т. е. заселения немецкой «расой господ» в соответствии с известным «генеральным планом Ost».

Украина пережила тяжелый период своей истории во время немецко-фашистской оккупации. Само существование украинского народа было поставлено под угрозу. Народ Советской Украины не примирился с порядками, введенными оккупантами. Под руководством Коммунистической партии украинский народ поднялся на решительную борьбу с врагом. Репрессии оккупантов не сломили волю украинского народа к борьбе. Сопротивление всего народа оккупантам, наступление Советской Армии спасли Украину. Своей самоотверженной борьбой украинский народ внес выдающийся вклад в дело разгрома фашизма — злейшего врага прогрессивного человечества.

3. Немецко-фашистский оккупационный режим в Белоруссии

Оккупировав в течение июня — августа 1941 г. Белоруссию, немецкие фашисты установили на всей территории республики кровавый режим насилия и произвола.

Нацистский план «Ост» предусматривал уничтожение и выселение из Белоруссии 75 процентов белорусского населения; остальные 25 процентов белорусов подлежали онемечиванию, причем имелось в виду их использование как сельскохозяйственных рабов.

С целью массового истребления и подавления белорусского народа правительство фашистской Германии направило в Белоруссию многочисленные карательные, административные и полицейские органы: гестапо, службу безопасности (СД), зондеркоманды, тайную полевую полицию, фельдкомендатуры, ортскомендатуры, сельскохозяйственные комендатуры, жандармерию, охранные полицейские части, войска СС и СА. Все эти войска и органы были особо подготовлены и имели специальные планы по уничтожению советских людей.

Кровавый фашистский оккупационный режим преследовал не только империалистические, чисто захватнические цели, но и политические, классовые цели, цели уничтожения социалистического государства. В течение трех лет оккупации Белоруссия испытала на себе все самые отвратительные и кровавые стороны нацистского «нового порядка».

1 сентября 1941 г. в должность генерального комиссара Белоруссии в Минске вступил матерый гитлеровец — палач белорусского народа Вильгельм Кубе.

В административном отношении Белоруссия наряду с Латвией, Литвой и Эстонией входила в ведение рейхскомиссариата «Остланд» с административным центром в г. Риге. При этом территория Белоруссии была расчленена. Белостокская область и северная часть Брестской области были присоединены к Восточной Пруссии. Южные районы Брестской, Пинской, Полесской и юго-западная часть Гомельской — были включены в так называемый рейхскомиссариат «Украина», а западная часть Виленской, Витебская, Могилевская, основная часть Гомельской и северная часть Полесской и восточная часть Минской области были выделены в особую зону «армейского тыла». Барановичская область, западная часть Минской области, а также северные районы Пинской и северо-западные районы Брестской областей, восточные и юго-восточные районы Виленской области входили в

«генералбецirk Белоруссия», включавший в свой состав всего 68 районов, в которых проживало около 2,5 млн. человек, т. е. менее $\frac{1}{3}$ всего населения Белоруссии.

Белоруссия была поделена на округа (гебиты) и волости. Округ являлся высшей местной административно-территориальной единицей. Волости устанавливались в границах бывших сельских Советов. В каждом селе назначался староста, насаждалась полиция. Никакие местные органы власти не избирались, а назначались гитлеровцами.

В общей структуре нацистского генерального комиссариата существовал так называемый главный отдел, объединявший отделы: политики, пропаганды, культуры, молодежи и женский. Все эти отделы должны были вести пропагандистскую работу среди белорусского населения с целью его подчинения фашистскому порядку. С той же целью нацисты издавали (по состоянию на июль 1942 г.) 140 газет на 9 языках (в 1943 г. количество фашистских изданий возросло). Из этого общего количества на белорусском и русском языках издавалось 39 газет и 11 журналов. Наиболее распространенной являлась так называемая «Белорусская газета». Она печаталась в Минске большим форматом, тиражом 50 тыс. экземпляров, два раза в неделю, на белорусском языке. Газета «Голас вёскі» издавалась средним форматом, тиражом 30 тыс. экземпляров и выходила один раз в неделю на белорусском языке. Под названием «Новый путь» националисты издавали газету в Белостоке, Гомеле, Могилеве, Бобруйске, Орше, Борисове, Лепеле и Червене. Все газеты получали информационный материал из вышестоящего нацистского пропагандистского центра.

9 сентября 1941 г., обращаясь через фашистскую прессу в Минске к белорусам, генеральный комиссар Кубе призывал население «сохранять спокойствие и порядок» и уважать фашистские порядки. Одновременно он требовал сдать фашистским властям все оружие, включая охотничьи ружья и боеприпасы. За невыполнение приказа грозил расстрел¹.

Но это было лишь началом драконовских полицейских мер. За этим последовал ряд приказов, создавав-

¹ ЦГАОР БССР, фонд Кубе, д. 1, л. 1.

ших для жителей буквально каторжный режим. Так, в июле 1942 г. Кубе распорядился запретить в Минске и в других городах и селах под страхом расстрела всякое свободное передвижение населения. Полиции предлагалось всех «нарушителей задерживать, требовать поднятия рук и в случае непослушания расстреливать на месте». Запрещались всякие собрания и свободный переезд из села в село, из города в село. Население под страхом смерти обязано было сообщать гитлеровским властям о появлении на улице всякого нового человека, за что гитлеровский комиссар обещал выдавать доносчикам вознаграждение: водку, папиросы, махорку. У входа в каждый дом вывешивались списки людей, живущих в этом доме. И горе было человеку, не числившемуся в списке, если полиция обнаруживала его в доме.

В городах Белоруссии гитлеровцы переименовали большинство улиц. Многие из них были названы именем Гитлера и других фашистских главарей. Советские патриоты, ненавидя фашистский «новый порядок», рискуя жизнью, часто срывали с домов эти ненавистные народу названия или делали к ним такие приписки: «Ул. сумасшедшего Адольфа Гитлера»; «Ул. брехуна Геббельса». Подобного рода приписки вынудили гитлеровцев дать ряду улиц другие названия. Приказ немецкого командования, разосланный в начале 1942 г. за № 10 в адрес полевых комендатур, гласил: «Местным комендатурам. Улицам, названным именем фюрера или именами германских военных начальников, немедленно дать нейтральные уличные названия, вследствие того, что надписи улиц, названных указанными именами, как правило, срываются злонамеренными лицами из населения или подвергаются оскорбительным припискам»¹.

Не находя исполнителей диверсий в городе, гитлеровцы расстреливали людей. В таких случаях обычно погибали заложники.

Чтобы более конкретно представить себе систему фашистского политического режима в Белоруссии, мы подробнее остановимся на положении в оккупирован-

¹ Материалы сектора печати ЦК КП Белоруссии, фонд фашистской печати.

ном Минске. В 1940 г. в Минске насчитывалось около 245 тыс. жителей; осенью 1942 г., по немецкой переписи, осталось 103 тыс. Минск являлся главным центром фашистского управления Белоруссии и крупным военным гарнизоном. Численность постоянного гарнизона достигала 4—5 тыс. солдат и офицеров. Кроме того, в городе сосредоточивались армейские резервы, пополнялись и переформировывались потрепанные на фронте гитлеровские части. Здесь базировались штабы корпуса охраны тыла центральной группы войск, штабы и войска карательного корпуса СС, управление железными дорогами, большой аппарат гестапо, СД и полевой полиции.

Основные руководящие посты в городе были заняты отъявленными фашистами. Гебитскомиссаром Минской области являлся фашист Вильгельм Кайзер. Начальником минской городской полиции и войск СС был фашист Ценнер. Городскому комиссару Вильгельму Янецке была подчинена городская управа. Старшиной городской управы оккупантами был поставлен белорусский буржуазный националист В. Ивановский, состоявший на службе у гитлеровцев еще задолго до второй мировой войны. Основные отделы управы (промышленный, сельскохозяйственный, строительный, здравоохранения, финансовый, отдел паспортизации и др.) также были укомплектованы буржуазными националистами, предателями белорусского народа, завербованными гитлеровцами в разное время для шпионской и диверсионной работы. Городская управа нисколько не заботилась о нуждах населения. Город с приходом гитлеровцев остался без освещения, без снабжения хлебом и топливом.

На совещании главных руководителей отделов и отделений генерального комиссариата Белоруссии 29 января 1942 г. руководитель СД и войск СС государственный советник Гофман признал, что «в Минске не хватает продовольствия и топлива, население Минска помогает партизанам, в связи с чем партизанское движение вокруг города Минска усиливается».

Гофман требовал поголовного истребления евреев, но вместе с тем указал на причину, заставлявшую нацистов повременить с выполнением этой людоедской

задачи. «Из-за морозов,— указывал Гофман,— полная ликвидация евреев невозможна, так как земля слишком промерзла, чтобы копать ямы... Полное уничтожение евреев невозможно и потому, что мы все еще из их рядов черпаем рабочую силу».

Однако это было лишь вопросом времени. Гофман тут же указал на то, что против евреев «весной начнутся сильные экзекуции»¹.

По приказу гитлеровского командования 15 июля 1941 г. в Минске было создано еврейское гетто. Нееврейское население из района гетто было выселено. Вся территория гетто была огорожена колючей проволокой и охранялась полицейскими. В гетто немцы загнали около 100 тыс. евреев, обреченных на смерть. На протяжении 1941—1942 гг. почти все евреи из гетто были выведены за город и истреблены гитлеровцами. Очень немногим удалось бежать или спастись с помощью партизан.

Правовое положение белорусского, а также другого нееврейского населения Минска мало чем отличалось от положения евреев.

В Минске было организовано два суда — один немецкий, другой белорусский. Белорусскому суду, составленному из буржуазных националистов, были подведомственны исключительно гражданские дела. Все политические и уголовные дела находились в ведении немецкого суда. Но суд не играл существенной роли в правовом режиме, так как большинство «дел» решалось без суда, гестаповцы и полиция расстреливали людей по своему усмотрению. Городская тюрьма всегда была переполнена, заключенных морили голодом, не давали воды и ежедневно истребляли. Из тюрьмы, как правило, никто не возвращался. По ночам фашисты рыскали по домам, устраивали обыски, забирали ни в чем не повинных людей. Население города постоянно держалось в состоянии страха. То и дело происходили массовые расстрелы коммунистов и беспартийных активистов как заложников. Нацистские власти время от времени публиковали в печати сообщения о расправах над заложниками.

¹ ЦГАОР БССР, фонд генерального комиссара Белоруссии, д. 31, л. 163—168.

После произведенного партизанами взрыва в столовой СД 8 сентября 1943 г. гитлеровцы устроили облаву в северной части Минска (на 1-й и 2-й Арктических и Беломорской улицах). При этой облаве полиция без разбора хватала мужчин, женщин, детей. Свыше 1000 человек было арестовано в качестве заложников. Все они были вывезены в Малый Тростенец и на другой день расстреляны. Официально гитлеровцы объявили, что «расстреляно 300 заложников»¹.

По приказу оккупантов в городе часто производилась перерегистрация всего мужского населения. Явившихся на перерегистрацию задерживали и как военнопленных направляли в концентрационный лагерь, находившийся в районе Сторожевского кладбища (позже лагерь был переведен в Дрозды). Лагерь представлял собой открытый участок местности, обнесенный колючей проволокой; он усиленно охранялся автоматчиками и пулеметчиками на вышках. Сюда загоняли как военнопленных солдат и офицеров Советской Армии, так и мужское население города. Заключенных систематически обыскивали, отбирали у них ценные вещи, избивали дубинками и резиновыми нагайками. Они длительное время не получали ни воды, ни хлеба.

В Минске гитлеровцы восстановили и пустили в ход некоторые промышленные предприятия, на которых было занято в принудительном порядке свыше 15 тыс. рабочих. Они работали преимущественно для военных нужд.

Электростанция города обеспечивала светом только те дома, в которых жили оккупанты. Город почти не отапливался. Для отопления квартир немецких фашистов вырубались городские парки.

Система управления на заводах и фабриках строилась на основе принуждения. Во главе предприятий стояли директор и шеф-комиссар — нацисты. Инженерно-технический персонал и рабочие, как правило, набирались из местного населения.

Рабочие, как и все жители города, жили в холоде и голодали. Самая высокая заработная плата квали-

¹ «Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белоруссии». Минск, 1947, стр. 247—249.

фицированного рабочего достигала 60 марок в месяц (1 марку фашисты приравнивали к 10 советским рублям, которые, как и марки, имели хождение). Черно-рабочий зарабатывал в день 1 марку. А скромный обед в чайной стоил 3—5 марок. Население не получало самых необходимых товаров — соли, мыла, спичек и т. д. Жители сбывали на рынке свои последние вещи, обменивали их на продукты питания. На почве голода росли эпидемические заболевания.

Условия труда были тяжелыми. Технический руководитель мастерской по производству военных повозок фирмы «Требец» Феликс Райтцук, уроженец города Аленштайна, Восточная Пруссия, на допросе Чрезвычайной следственной комиссии показал: «Советских граждан оккупационные власти направляли на работу в принудительном порядке... Представители фирмы жестоко эксплуатировали советских граждан, принуждали даже стариков работать по 10—12 часов в сутки за небольшую плату, били их и плохо кормили. Владелец фирмы «Борман» лично убивал советских людей, которые работали у него. Рабочих кормил очень плохо и только один раз в день. Обед состоял из 80 граммов хлеба и редко картофельного супа. Ужинов совсем не было. На заработанные деньги рабочие ничего не могли купить, а поэтому и жили, как и рабочие других фирм, впроголодь, ходили оборванными»¹.

22 сентября 1943 г., в день убийства в Минске народными мстителями палача Кубе, гитлеровцы в городе и его окрестностях без разбора арестовали несколько тысяч мужчин, женщин и детей. Тысячи людей были вывезены в Тростенец и там расстреляны.

В день убийства Кубе из каждой камеры минской тюрьмы гестаповцы взяли по несколько заключенных, собрали около 300 человек в одну камеру, раздели, а затем всех умертвили в «душегубке».

По-варварски относились оккупанты к больным советским гражданам. В больнице в Новинки осенью 1941 г. гитлеровцы истребили около 300 больных. Около 400 больных в ноябре — декабре 1941 г. были

¹ «Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и рассмотрению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их соучастников». Минск, 1944, стр. 20—21.

вывезены из 2-го клинического городка и расстреляны. Массовые убийства больных совершались и в других больницах.

На первых порах нацисты разыгрывали роль «покровителей» религии. В Минске действовало несколько православных церквей, два костела, татарская мечеть, общество баптистов. В августе 1942 г. состоялся даже церковный «собор», на котором обсуждался вопрос об отношении церкви к «новому порядку». Но большая часть духовенства отказалась поддерживать нацистов. Вскоре многие православные священники были схвачены в гестапо и казнены. Арестованы и расстреляны были также ксендзы обоих католических костелов.

Несмотря на весь ужас и гнет оккупации, население Минска не покорилося фашистам. Вокруг Минска действовали партизаны. В самом Минске существовало партийное и комсомольское подполье. Издавалась подпольная газета «Звезда». На улицах все чаще и чаще появлялись советские листовки и сводки Совинформбюро. Неуловимые партизаны и подпольщики нападали на гитлеровцев и истребляли их, партизанские разведчики и диверсанты приходили в город и уходили из него, несмотря на усиленные полицейские караулы.

Немецко-фашистские захватчики чувствовали себя в непокоренном городе как на пороховой бочке. Они превратили Минск в укрепленный лагерь. На перекрестках улиц были построены казематы из камня и бетона с пулеметными и артиллерийскими гнездами. Занятые оккупантами здания были огорожены высоким забором из колючей проволоки, окна заложены кирпичами, в них были устроены бойницы для пулеметов и автоматов. Днем и ночью город усиленно охранялся большими нарядами войск СС. Однако это не спасло оккупантов от мести народа.

Минскими партизанами был уничтожен бургомистр Ивановский, редактор фашистской газеты Козловский, немецкий шпион Фабиан Акинчиц; две минские девушки убили крупного немецкого разведчика барона фон Файта. Руками минских партизан был убит и Вильгельм Кубе.

Немецкий генерал Шверлинг в 1943 г., выступая на немецком кладбище в Минске, на похоронах убитых немецких чиновников, указывал, что на этом кладбище

уже похоронено 1600 немцев, погибших от рук партизан.

Бригадный генерал английской армии Диксон и д-р Гейлбрунн в изданной ими в 1954 г. книге **«Коммунистические партизанские действия»** считают, что нацисты во многом «ошиблись» в борьбе с партизанами и считают необходимым «извлечь уроки из ошибок нацистов». Они ратуют за «завоевание политической поддержки со стороны народов»¹. Английским авторам вторит американский майор Эдгар Хауэлл. Он пишет: «Сила сопротивления населения стала бы исчезать с момента, когда каждый русский убедился бы в том, что Германия предлагает ему лучшую жизнь, чем она была возможной при советском режиме»².

Но может ли завоеватель в одно и то же время угнетать народ и пользоваться его активной поддержкой? Конечно, нет. Не так уж просты были нацистские политики, как это кажется их современным буржуазным критикам.

На протяжении трех лет оккупации Белоруссии, на разных этапах своего хозяйничанья нацисты пытались различными методами добиться покорности народа. Вначале они, рассчитывая на успех молниеносной войны, вели ничем не прикрытую политику истребления советского народа. Все их приказы и распоряжения были полны угроз: «расстрелять», «повесить», «сжечь», «уничтожить» и т. д. И гитлеровские временщики в Белоруссии расстреливали, вешали, жгли, истребляли, грабили и стирали с лица земли целые деревни и города, при этом нисколько не скрывая своих варварских истребительных целей. Но примерно через год, потерпев ряд поражений на Восточном фронте и встретив серьезное сопротивление советского народа в своем тылу, нацисты стали более осмотрительными. Аресты советских людей они и теперь осуществляли не реже, но делали это тайно, по ночам. При облавах и обысках они всегда старались подчеркнуть, что арестовывают лишь коммунистов, а граждан, стоящих вне политики, якобы не трогают. Более того, во многих

¹ Диксон и Гейлбрунн. Коммунистические партизанские действия. М., 1957, стр. 250.

² Edgar M. Howell. The Soviet Partisan movement. Washington, 1956.

случаях оккупанты начали проводить собрания жителей, на которых нацистские пропагандисты пытались разъяснить, что германские власти не только не поощряют грабежи и убийства мирных жителей, но и строго это запрещают.

В борьбе с партизанами гитлеровцы пытались подкупить население льготами по налогам, освобождением от принудительных работ, обещанием дать землю, деньги. Но население хорошо изучило подлые повадки оккупантов и не реагировало на эти посулы.

Вначале гитлеровцы считали, что белорусы не способны к активному сопротивлению оккупантам. Немецкая фашистская газета «Берлинер берзенцейтунг» 22 июля 1942 г. писала, что «белорусы не проявили никаких государственных способностей, которые могли бы противостоять воле завоевателей. Они лишены твердости, честолюбия и энергии, всегда были пассивным объектом в борьбе окружающих великих народов». Но вскоре захватчики убедились в обратном.

Нацистский министр оккупированных территорий Розенберг в одном из своих выступлений сказал, что «в результате 23-летнего господства большевиков население Белоруссии в такой мере заражено большевистским мировоззрением, что для местного самоуправления не имеется ни организационных, ни персональных условий», что «позитивных элементов, на которые можно было бы опереться, в Белоруссии не обнаружено». Жизнь подтвердила ненависть белорусского народа к нацистам. Не найдя поддержки в народе, оккупанты привлекли к политическому управлению Белоруссией буржуазных националистов, которые и стали участниками ряда искусственно созданных фашистских националистических организаций.

22 октября 1941 г. в Минске была создана «Белорусская народная самопомощь» (БНС). Еще задолго до вероломного нападения на Советский Союз немецкие фашисты собрали остатки белорусской белоэмигрантщины и подготовили из них группу шпионов и диверсантов. Эти люди и составили ядро БНС, которая явилась ответвлением подобной организации, уже существовавшей в Германии.

Во главе БНС в Минске был поставлен гитлеровский агент И. Ермаченко. По замыслу нацистов, БНС

должна была вовлечь в орбиту своего влияния известные круги местного белорусского населения и тем самым образовать для немцев опору в народе. Но БНС ни в какой мере этой задачи не выполнила.

Генеральный комиссар Кубе 29 июня 1942 г. обратился к Ермаченко с публичным письмом, содержащим предложение об «установлении тесного сотрудничества немецких оккупационных властей с честным белорусским населением»¹. Предлагая БНС выделить по одному в главный комиссариат и гебитскомиссариаты и по три человека в некоторые отделы главного управления (политики, пропаганды и школы), Кубе надеялся с их помощью создать националистические «подполки» оккупационного режима. Он рассчитывал также привлечь белорусских националистов к борьбе с партизанами. Но, несмотря на то что фашистские лакеи — националисты в своих газетенках до хрипоты призывали белорусов вступать в полицейские отряды для борьбы с партизанами, воз не двигался с места. «Вольный корпус самообороны» так и не был создан.

Разуверившись в возможности какого бы то ни было «добровольного сотрудничества» с населением, гитлеровцы широко прибегли к насильственной мобилизации белорусов в корпус «самообороны» и в местные полицейские гарнизоны. Оккупанты посылали мобилизуемым мужчинам через полицию извещения о «добровольной явке». Такие мобилизации были проведены в Чечерском, Кормянском, Светиловическом и других районах Белоруссии. Тех, кто уклонялся от явки, гитлеровцы мобилизовывали силой.

Но искусственно сколоченные полицейские формирования были непрочными. При первом же соприкосновении с партизанами они распадались. Многие силой набранные полицейские переходили с оружием на сторону партизан.

Таким образом, все попытки оккупантов мобилизовать белорусов в немецко-фашистскую «самооборону» и использовать их для борьбы с народными мстителями — партизанами потерпели полное крушение.

Потерпевшая неудачу БНС в июле 1943 г. была реорганизована гитлеровцами в «Белорусскую само-

¹ «Белорусская газета», 9 июля 1942 г.

помощь» (БСП) — с еще более урезанными политическими правами. Вместо Ермаченко во главе новой организации был поставлен гитлеровский агент Соболевский. Но и эта подновленная фашистская организация не сыграла сколько-нибудь заметной роли.

Провокационные политические цели преследовало и создание молодежной фашистской националистической организации. 22 июня 1943 г. (обратим внимание на то обстоятельство, что это произошло через два года со дня вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз) генеральный комиссар Кубе собрал в Минском городском театре своих чиновников и некоторую часть местных жителей и объявил, что с позволения Розенберга создается «Союз белорусской молодежи» (СБМ). Во главе этой организации нацистами был поставлен некий М. Ганько. Устав СБМ, опубликованный в печати, так определял цели этого союза: «Отрыв белорусской молодежи от Востока и приобщение ее к арийскому Западу». В члены СБМ по уставу принималась только белорусская молодежь в возрасте от 10 до 20 лет.

С июля 1943 г. фашистский штаб СБМ выпускал в Минске ежемесячный журнал «Жыве Беларусь». Журнал был рассчитан на идеологическую обработку белорусской молодежи. Для младшего возраста эту задачу выполнял журнал «Белорусская школа», начавший выходить еще с января 1942 г. в Минске.

Для подготовки руководящих фашистских кадров СБМ в Минске, Слониме, Альбертине в 1943 г. гитлеровцы учредили трехнедельные курсы, через которые пропустили свыше 500 человек белорусской молодежи. Но и тут немецкие оккупанты просчитались. Белорусская молодежь не пошла в эти организации. По словам шефа СБМ Ганько, к июню 1944 г. союз насчитывал около 4 тыс. юношей и свыше 3 тыс. девушек¹. Но так было на бумаге. На деле большинство их были завербованы насильно. Подпольные партийные и комсомольские комитеты Белоруссии разоблачали реакционный характер СБМ, и эта правда была услышана и понята молодежью Белоруссии.

¹ См. «Белорусская газета», 28 июня 1944 г.

Крупным провокационным политическим маневром немецко-фашистских оккупантов была организация так называемой «Белорусской центральной рады» (БЦР), которую они создали в Минске 21 декабря 1943 г.

В это время Белоруссия была охвачена всенародным партизанским движением, Советская Армия наступала. Политический режим гитлеровских временщиков становился все более шатким.

Новый генеральный комиссар Белоруссии фон Готтберг, заменивший казненного партизанами палача Кубе, в своей речи 21 декабря 1943 г. на «торжествах» по случаю создания БЦР призывал население Белоруссии поверить в благожелательные намерения гитлеровских властей и превратить белорусские деревни «в опорные пункты» против партизан.

Был опубликован устав БЦР. Президентом национал-фашистской рады был назначен бывший слущкий помещик, белоэмигрант Островский. По замыслу нацистских политиков, БЦР должна была создать у народа иллюзию наличия национального «белорусского правительства», убедить белорусов в прочности власти немецко-фашистских оккупантов.

6 марта 1944 г. «президент БЦР» Островский объявил приказ о мобилизации населения в так называемую «Белорусскую краевую оборону» (БКО). Призыву подлежали рядовые 14 возрастов (с 1908 по 1924 г.) и весь младший и старший офицерский состав в возрасте до 57 лет. Целью новой организации являлась борьба с партизанами. Но и из этой затеи ничего не вышло. Несмотря на угрозы смертной казни, белорусы в своей массе не выполнили приказ о явке на призывные пункты, и мобилизация провалилась. Зато ряды партизан значительно пополнились патриотами, скрывшимися от мобилизации.

Остановимся еще на одной политической попытке нацистов — на создании в начале 1944 г. так называемого «Беларускага культурнага згуртавання» (БКЗ), во главе которого немцы поставили некоего Авгена Колубовича.

По замыслу нацистов, БКЗ должна была объединить белорусскую интеллигенцию — писателей, художников, композиторов, артистов и т. д., привлечь их на

службу немецким оккупантам и подчинить белорусскую национальную культуру немецкому влиянию. Но врагу не удалось привлечь интеллигенцию на свою сторону. БКЗ оказалась такой же мертворожденной организацией, как и остальные фашистско-националистические союзы и общества.

* *

✽

Страшный урон нанесли фашистские оккупанты Советской Белоруссии — ее населению, экономике и культуре. О тяжелых потерях населения Белоруссии, понесенных от оккупации, говорят следующие цифры. До Великой Отечественной войны население Белоруссии насчитывало 9 млн. 200 тыс. человек. По переписи 1959 г., т. е. спустя 15 лет после окончания войны, в Белоруссии проживало всего 8 млн. 60 тыс. человек. Довоенная численность населения еще не восстановлена и в настоящее время. В Белоруссии гитлеровцы истребили около двух с половиной миллионов человек, т. е. более 25 процентов всего населения. Среди государств Европы БССР понесла в годы второй мировой войны самые высокие людские потери.

Но белорусский народ в тягчайших условиях немецкой оккупации не поддался влиянию человеконенавистнической фашистской расовой идеологии. Врагу не удалось оторвать белорусский народ от содружества и братства с могучим русским народом. В ходе войны восторжествовала идеология дружбы всех народов Советского Союза. Она, эта дружба, одержала полную победу над фашистской звериной идеологией национализма и расовой ненависти.

Белорусский народ решительно выступил против нацистского оккупационного режима. Он поднялся на партизанскую борьбу, которая распространилась по всей Белоруссии. В рядах партизан с оружием в руках сражалось свыше 370 тыс. народных мстителей. В тылу врага действовало свыше тысячи партизанских отрядов. Большую работу в тылу противника, в подполье, развернула Коммунистическая партия Белоруссии. На оккупированной врагом территории Белоруссии действовало 9 подпольных обкомов партии, 174 городских

и районных комитета, 1113 первичных партийных организаций в партизанских бригадах и отрядах и 184 территориальные подпольные партийные организации. Парторганизации Белоруссии в тылу врага объединяли свыше 25 тыс. коммунистов.

Кроме того, на оккупированной территории Белоруссии действовало 10 подпольных обкомов комсомола, 206 райкомов и горкомов и свыше 5 тыс. первичных комсомольских организаций, которые объединяли свыше 73 тыс. комсомольцев. Партизаны Белоруссии истребили около полумиллиона гитлеровских солдат, офицеров, полицейских и их прислужников. В тылу врага, в подполье и в партизанских отрядах, издавались 162 типографские печатные газеты. Ежедневно печатались и распространялись листовки и сводки Совинформбюро. Советская пропаганда наносила удар по политическому режиму гитлеровцев, мобилизовала народ на борьбу с нацистами, вселяла в народные массы уверенность в полном разгроме гитлеровской Германии.

Как и в остальных оккупированных советских республиках и областях Советского Союза, земля Белоруссии горела под ногами оккупантов. Их политический режим насилия и террора оказался полностью несостоятельным и был опрокинут и уничтожен силами Советской Армии и борющегося народа.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА НА УКРАИНЕ

Угрожающая ситуация, создававшаяся для гитлеровской армии на Восточном фронте и в тылу к концу 1942 г., вынудила фашистское военно-политическое руководство созвать специальную конференцию для поисков выхода из этого положения.

Конференция состоялась 18 декабря 1942 г. в Берлине в имперском министерстве по делам оккупированных восточных областей. В ее работе участвовали верхушка этого министерства и представители генерального штаба и управлений тыла командования всех армейских групп на Восточном фронте. Выступления военных участников конференции, которым приходилось непосредственно иметь дело с советским населением, были пронизаны паническим страхом перед бурей народного гнева, поднимавшейся в тылу немецко-фашистской армии. Все они говорили о непреодолимых трудностях для оккупантов на советских территориях, если оккупационная политика и пропаганда не станут более гибкими и не смогут потушить народное сопротивление, прежде всего партизанское движение, против которого военные меры оказались бессильными.

Однако даже этот жгучий для гитлеровцев вопрос не являлся центральным на конференции. Главнейшим мотивом выступлений ее участников было признание

того факта, что наличными людскими ресурсами Германия не сможет победить Советский Союз, если германская политика любыми средствами не сумеет поднять одни народы СССР на войну против других. «Россию могут разбить только русские»¹, — говорил один из высокопоставленных военных участников конференции, имея в виду Советский Союз и его народы в целом.

Советский Союз оказался неизмеримо сильнее, чем ожидали гитлеровцы. Одним из главнейших источников его силы была воспитанная Коммунистической партией дружба народов многонационального Советского государства. Значение и силу этой дружбы гитлеровцы ощутили на собственной шкуре, когда к могучим ударам Красной Армии по врагу на фронте присоединялись все более тяжелые и опасные для него удары из тыла, со стороны разнонационального населения временно оккупированных западных территорий Союза ССР. Советские народы, поднявшиеся на борьбу против фашистских захватчиков, не утратили своего единства даже разделенные линией фронта.

Столкнувшись с морально-политическим единством многонационального советского общества и начиная понимать его действительное значение, фашистские политики стали искать способ посеять братоубийственную вражду между советскими народами. Особенно заманчивым казался им отрыв от СССР украинского народа, который составлял почти $\frac{2}{3}$ населения оккупированной советской территории. На этой основе и возникла нереальная идея провозглашения буржуазного «украинского государства», что, как надеялись ее авторы, должно было привести к конфликту между украинским и русским народами в интересах фашистской Германии.

Эта идея, нереальная потому, что украинский народ не мыслил для себя иной государственности, кроме советской, в неразрывном союзе с другими народами СССР, в том числе с русским, возникла не случайно. Она была не чем иным, как возвращением гитлеровцев к их антисоветским планам 30-х годов создания так называемой «великой Украины», т. е. отрыва Украины от Советского Союза и превращения

¹ A. Dallin. German Rule in Russia, 1941—1945. A Study of Occupation Policies. London, 1957, p. 153.

ее в марионеточное государство как орудие немецкой политики на Востоке. В дальнейшем, уверенные в своей быстрой победе над Советским Союзом, гитлеровцы отбросили эти планы. Когда же военная fortuna в ноябре 1942 г. отвернулась от Германии, к ним снова обратилась часть нацистских главарей.

К их числу принадлежали Розенберг с большинством руководящего состава его министерства и ряд высших офицеров из командования на Восточном фронте. Придя к выводу, что победа над Советским Союзом становится недостижимой вследствие недостаточности собственных сил Германии и ее союзников, они считали необходимым дать обещание создать, а при определенных условиях даже провозгласить какую-то видимость националистической буржуазной государственности на Украине. Они рассчитывали, что, создав с помощью отдельных местных предателей марионеточное правительство на территории Украины, им удастся разорвать вековые связи украинского народа с русским и другими народами Советского Союза и даже мобилизовать украинцев в армию.

21 декабря 1942 г. Розенберг направил Гитлеру меморандум, составленный по материалам конференции. В этом меморандуме, который ясно отражал его ужас по поводу услышанного на конференции, Розенберг просил у «фюрера» разрешения доложить ему лично о положении дел на оккупированной советской территории и обосновать политические меры, необходимые, по его мнению, для подрыва партизанского движения и привлечения местного населения на сторону Германии.

Предложение Розенберга потерпело полнейшую неудачу. Гитлер не только отказался принять своего «рейхсминистра», сославшись на занятость в связи с ходом военных действий на южном секторе советско-германского фронта, но и сделал Розенбергу выговор за вмешательство в военные дела. В свою очередь военное командование, представители которого принимали участие в конференции, получило выговор за вмешательство в политику.

Ссылаясь на этот и другие подобные факты, все без исключения реакционные буржуазные историки второй мировой войны единодушно утверждают, будто

главными причинами возникновения массового партизанского движения на оккупированных советских территориях, в частности на Украине, которое приобрело особенно широкий размах в 1943 г., была, с одной стороны, террористическая политика гитлеровцев, а с другой — их неумение расколоть советские народы и натравить их друг на друга. Особенно большой ошибкой, утверждают эти историки, было то, что гитлеровцы отказались провозгласить или хотя бы пообещать создание «украинского государства». Отсюда делается вывод: не было бы этих ошибок — не было бы и партизанского движения и вообще сопротивления.

Эти утверждения не являются случайными. Стремление наиболее агрессивных империалистических кругов в капиталистическом мире к войне против Советского Союза заставляет их сторонников в исторической науке выискивать «доказательства», которые хотя бы внешне правдоподобно объясняли поражение фашистского блока, явившееся закономерным и неизбежным результатом преимуществ социалистического строя, «ошибками» немецко-фашистской политики, которых можно было бы избежать в новой войне и таким образом добиться успеха там, где Гитлер потерпел поражение.

Утверждение буржуазных историков о том, что Германия будто бы могла предотвратить возникновение массового партизанского движения на оккупированных советских территориях, в частности на Украине, не соответствует историческим фактам.

Партизанская борьба на захваченной врагом советской территории вспыхнула с первых дней оккупации, до того как гитлеровцы успели по-настоящему развернуть осуществление своей террористической политики. Более того, во многих районах советские люди подготовились к этой борьбе еще до прихода врага. Следовательно, объявлять политику гитлеровцев главной, если не единственной, причиной возникновения партизанского движения — значит извращать исторические факты.

Совершенно ясно, что фашистский террор еще больше усиливал ненависть советского населения к захватчикам и тем самым усиливал его борьбу против оккупантов. Вместе с тем первостепенное значение

имели крупные победы Красной Армии на фронте, каждая из которых вызывала новую волну подъема партизанского движения и активизацию всеобщего сопротивления населения оккупантам. Главную же роль играли пламенный патриотизм советских людей и неутомимая политическая и организаторская деятельность Коммунистической партии, вдохновлявшей и организовывавшей народ на борьбу во вражеском тылу.

Напав на СССР, гитлеровцы вынудили советский народ подняться на священную войну за свободу и независимость своей Родины. Не было бы войны — не было бы Сопротивления и партизанского движения; советскому народу не пришлось бы уничтожать вторгшегося врага. Подобная участь ожидала бы любого агрессора, немецкого или иного, какой бы ни была его политика.

Что же касается политики оккупантов, то она была такой, какой она только и могла быть. Гитлеровцы напали на Советский Союз с заблаговременно разработанными планами уничтожения социалистического строя и превращения нашей страны в свой резервуар сырья и рабской рабочей силы, с планами постепенной германизации ее путем методического уничтожения местного населения и замены его немецкими колонистами. Эти планы можно было осуществлять только средствами самого зверского террора. Фашистские захватчики делали это сознательно и неуклонно, ибо иначе война теряла для них всякий смысл.

Только полное непонимание этого факта буржуазными историками могло породить их легковесные замечания по поводу, как они пишут, «патологической политики» Гитлера. В ряде вышедших на Западе книг по истории второй мировой войны нередко можно встретить высказывания, которые звучат как упреки по адресу Гитлера за то, что он не проводил другой, более «гибкой» политики на оккупированных советских территориях, в особенности на Украине.

Следует сказать, что эта проблема не давала покоя самому Гитлеру задолго до его буржуазных «критиков». И как раз отказ Гитлера от попыток изменить оккупационную политику на Украине, о причинах которого — мы увидим это дальше — он говорил своим приближенным вполне откровенно, еще раз показы-

вает безнадежность мечтаний всех врагов Советского Союза расколоть многонациональное советское общество.

19 мая 1943 г. в ставке Гитлера возле Винницы состоялось специальное совещание, посвященное проблеме германской политики в отношении Украины. В совещании участвовали Гитлер, Борман, Розенберг и Кох.

Между Розенбергом и Кохом, этими высокопоставленными фашистскими палачами, оставившими после себя кровавый след на Украине, непрерывно шла междоусобная борьба. Украина была самой большой и самой богатой частью временной добычи гитлеровцев на востоке. Розенберг и Кох боролись за власть над этой добычей и за то влияние в фашистской иерархии, которую она давала. Несмотря на то что формально Розенберг был начальником Коха, преимущество все время оставалось на стороне последнего, потому что его поддерживали Геринг, Гиммлер, Борман и сам Гитлер, и фактически Кох не зависел от Розенберга.

Кох олицетворял собой самую грубую и зверскую форму фашистской диктатуры. Своим подчиненным он постоянно твердил, что судьба украинцев — быть рабами немцев и поэтому все те, кто будет представлять даже потенциальную угрозу для господства оккупантов на Украине, должны физически уничтожаться. Главное место среди враждебных оккупантам сил, по мнению Гитлера и Коха, занимала советская интеллигенция, и поэтому она первая подлежала уничтожению. Гитлеровский сатрап не делал секрета из этих взглядов, да их и нельзя было утаить, ибо они воплощались в конкретных действиях оккупационных властей. Кох решительно отбрасывал идею создания какого-либо политического органа даже из самых преданных гитлеровцам изменников украинского народа, потому что это означало бы признание их хоть и неравноправными, но все же партнерами в политике.

Документы свидетельствуют, что отношение Розенберга к Украине не отличалось от взглядов Коха по существу. Он выступал только против тактики Коха. «Если Розенберг и возражал иногда против действий Коха,— указывал на Нюрнбергском процессе главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко,— то только по-

тому, что боялся преждевременной огласки, боялся, что беспримерное издевательство Коха над украинским народом вызовет усиление движения Сопротивления»¹. Поэтому Розенберг считал необходимым проводить оккупационную политику на Украине более замаскированными методами, не раскрывать ее настоящих целей, чтобы этим облегчить их осуществление. Поражения фашистской армии на советско-германском фронте вынудили Розенберга также вернуться к его собственной старой идее об использовании в тех же целях украинских националистов.

Катастрофическое ухудшение положения оккупационной власти на Украине в результате развития партизанского движения вынудило Розенберга в течение апреля 1943 г. дважды поднимать перед Гитлером вопрос об отстранении Коха от обязанностей рейхскомиссара Украины. «Фюрер» оставил эти просьбы без ответа, а во время встречи с обоими соперниками 19 мая 1943 г. он во всем поддержал Коха.

Продовольствие и рабочую силу с Украины можно получить, только применяя беспощадное насилие и расстрелы, подчеркнул Гитлер, одобряя террористическую политику Коха. Он отбросил, как абсолютно нереальные, самые основные расчеты Розенберга на использование украинского народа против русского. «Украинцы и великороссы,— разъяснял «фюрер» своему главному специалисту по национальному вопросу,— не противостоят друг другу; как раз наоборот — Украина является колыбелью России...»² Смысл дальнейших его высказываний сводился к тому, что украинцы никогда не пойдут на разрыв с русским народом. Нельзя не признать, что в данном случае Гитлер правильно оценил ситуацию.

К тому же Гитлер был убежден — и с полным на то основанием, — что украинские националисты не имеют поддержки в народе. Это убеждение, которое сложилось у него уже в довоенное время, еще больше укрепилось под впечатлением широчайшего размаха народного партизанского движения на Украине, направленного не только против нацистских захватчиков, но и против националистов.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 7. М., 1961, стр. 229.

² A. Dallin. Op. cit., p. 161.

Только «слабые генералы», саркастически говорил Гитлер 19 мая 1943 г., могут надеяться, что изменение германской политики повернет положение на Украине в пользу немцев. Однако Гитлеру вскоре пришлось возвратиться к этому вопросу, и именно потому, что посеянные Розенбергом надежды дали пышные всходы среди фашистского генералитета.

1 июля 1943 г. в гитлеровской ставке состоялось совещание командующих группами армий — высшего звена фашистского генералитета. Обсуждалось предстоящее наступление на Курской дуге. Гитлеровские генералы и фельдмаршалы уже утратили иллюзии о близости победы над Советским Союзом. Возможность победы даже не обсуждалась на совещании. Все это представляло собой резкий контраст с планами фашистского командования в предыдущие годы и было молчаливым признанием того факта, что Германия не имеет сил выиграть войну. Перспектива возможного поражения заставляла немецких генералов снова и снова обращаться к мысли о необходимости какими-то политическими мерами укрепить положение своей ослабленной армии и цепляться даже за фантастическую идею Розенберга использовать Украину против России.

Именно поэтому Гитлер в своей речи подробно остановился на предложениях изменить политику в отношении Украины, чтобы показать полнейшую беспочвенность надежд на какой-либо выигрыш для Германии от этого. «Не следует,— говорил он,— допускать, чтобы возникло такое направление мыслей: может случиться, что наши дела пойдут плохо; тогда все, что нам нужно будет сделать,— это создать украинское государство; тогда все будет хорошо; тогда мы получим миллион солдат. Мы не получили абсолютно ничего, ни одного человека»¹.

В этом и заключалась главная причина отказа фашистского руководства от попытки изменением политики в отношении Украины кардинально укрепить свое общее военно-политическое положение.

Это был вынужденный отказ. Из цитированных слов Гитлера видно, что в отличие от Коха он не от-

¹ «Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte», 1954, № 2, S. 180.

брасывал предложение опереться на каких-нибудь коллаборационистов на Украине. Использование местных квислингов было азбукой гитлеровской политики во всех оккупированных капиталистических странах Европы. Там оно приносило реальные политические выгоды оккупантам. На Украине положение было иным. Украинские националисты, из числа которых только и можно было наберечь квислингов, не имели поддержки в народе. Буржуазный национализм не имел специальной базы на украинской территории. Поэтому опора на националистических предателей, которые охотно соглашались служить оккупантам, не могла принести последним политический выигрыш, привлечь многомиллионное население Украины на сторону нацистской Германии.

Оккупационный режим на Украине держался исключительно на грубом военном насилии, на неограниченном терроре. Провозглашение марионеточного буржуазно-националистического правительства неизбежно привело бы к ослаблению такого режима. Оно содействовало бы еще большему подъему народного сопротивления оккупантам, усилению партизанской войны против гитлеровских захватчиков. Это был бы политический и военный проигрыш для оккупантов. Политический баланс этих расчетов был отрицательным для Германии. Именно эти соображения и вынудили фашистское руководство окончательно отказаться от предложения Розенберга и его военных единомышленников.

Колебания внутри фашистской правящей верхушки по вопросу о политике в отношении Украины были симптомом острого политического кризиса оккупационного режима. Они не привели к каким-либо изменениям самой политики. Однако это не было результатом недостаточной «гибкости» гитлеровского руководства. Создавшаяся ситуация была следствием всенародной борьбы против фашистских захватчиков на Украине и нерушимой прочности братского союза советских народов. Она была результатом объективных условий, которые царили на Украине вопреки воле оккупантов и в зародыше обрекали на провал любой, даже самый коварный политический маневр.

Оккупировав Украину, фашистская Германия не могла использовать ее до конца в своих интересах. Партизанская война, активное и пассивное сопротивление населения захватчикам стало главным фактором, который определял общее политическое положение на Украине. Оккупантам не удалось превратить украинский народ в послушного раба, сделать его орудием своей политики. В начале 1943 г. они были вынуждены даже в помыслах отказаться от подобных намерений. Это был политический крах оккупационного режима.

Провал оккупационной политики на временно захваченной территории Советского Союза, в том числе на Украине, имел далеко идущие последствия для фашистской Германии. Главным его результатом было дальнейшее ослабление германской военной машины. Он оказал также серьезное влияние на обострение общего военно-политического кризиса, охватившего гитлеровскую Германию после поражений ее армии на Восточном фронте зимой 1942/43 г.

Немалый интерес для историков второй мировой войны представляет тот факт, что, утратив надежду добиться победы под руководством Гитлера, многие немецкие офицеры, требовавшие в декабре 1942 г. изменения оккупационной политики на территории СССР, в том числе полковник фон Штауффенберг, вошли в заговор против Гитлера, приведший к известным событиям 20 июля 1944 г.

ГИТЛЕРОВСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЛИТВЫ

По планам гитлеровцев прибалтийские советские республики должны были стать составной частью фашистского рейха. Это зафиксировано во многих документах гитлеровцев (генеральный план «Ост» и др.). Так, Розенберг писал в инструкции имперскому уполномоченному в прибалтийских странах и Белоруссии: «Целью имперского уполномоченного в Эстонии, Латвии, Литве и Белоруссии должно являться создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть великой германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителей германской расы и уничтожения нежелательных элементов»¹.

Планы гитлеровцев преследовали не только захват территории и богатств, уничтожение государственности и национальной культуры, но и превращение в рабов, выселение или даже уничтожение литовского народа. В деле германизации Литвы особое место отводилось колонистам из Германии, «иммиграции лиц германской нации».

В условиях войны гитлеровские оккупанты, конечно, не могли полностью осуществить свои замыслы.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 397.

Но их политика на оккупированной территории Литвы с самого начала в основном определялась вышеупомянутыми установками.

Вскоре после оккупации территории Советской Литвы начата была планомерная колонизация, которая особенно усилилась в 1942 г. Был учрежден специальный орган — *Ansiedlungsstab* с центром в Каунасе, занимавшийся выселением местных жителей из их хозяйств и поселением немецких колонистов. До осени 1942 г. в Литву прибыло 16 300 немецких колонистов. Колонизация была начата с приграничных районов Литвы и города Каунаса.

С планами колонизации и германизации Литвы связана и политика гитлеровских захватчиков в области культуры. Гитлеровцы, понимая, что большим препятствием в осуществлении их разбойничьих планов будет интеллигенция Литвы, старались уничтожить национальную культуру республики, разрушить систему просвещения, закрыть литовской молодежи доступ к просвещению, и особенно к высшему образованию, выбить из рук подрастающего литовского поколения сильное оружие — знания, чем ослабить его национальное самосознание и сломить всякую попытку к сопротивлению. Жестокими методами они старались ликвидировать интеллигенцию Литвы. Ими были расстреляны десятки видных деятелей культуры, в том числе скульптор В. Грибас, поэт В. Монтвила и многие другие.

В 1941 г. в Литве было закрыто 7 театров, все дома культуры и клубы-читальни. Из библиотек была изъята вся литература, изданная в Советском Союзе (в том числе и техническая). Было запрещено распространять произведения 17 литовских писателей¹.

С началом оккупации постоянно терроризировались высшие учебные заведения Литвы. Чиновники штаба Розенберга запретили университету выдавать дипломы высшего образования, вообще тормозилась всякая культурно-просветительная работа. В марте 1943 г. гитлеровцы закрыли и, по существу, разгромили Вильнюсский университет, филармонию, консерваторию, Академию наук, Академию художеств,

¹ Центральный государственный архив Литовской ССР, ф. 595, оп. 1, д. 181, л. 301.

Институт прикладного искусства, разграбили учебные пособия и другие ценные вещи. В ночь на 17 марта 1943 г. они произвели обыски на квартирах профессоров, арестовали и вывезли в концентрационные лагеря 60 известных деятелей культуры и науки. Свои действия оккупанты обосновывали тем, что интеллигенция Литвы своей агитацией отрицательно повлияла на проведение различных мероприятий оккупационных властей.

С началом оккупации гитлеровцы закрыли в Литве все русские школы, а формально разрешили продолжать учебу в литовских школах, но делали все, чтобы прекратилась и их работа. Они занимали помещения школ под казармы, арестовывали учителей, разгоняли учеников и т. д.

В годы оккупации в Литве было физически уничтожено более тысячи учителей. Многие учителя должны были уйти из школ, как «неблагонадежные», с точки зрения гитлеровцев. О масштабах расправы гитлеровцев с учителями можно судить хотя бы по тому факту, что 4—5 августа 1941 г. лишь в двух уездах Литвы (Швенченском и Швенченеляйском) было репрессировано 237 учителей¹.

В тех школах, которые кое-как работали в условиях оккупации, гитлеровцы вводили свои порядки. Из учебных программ было удалено преподавание русского, английского и французского языков, а за их счет вводилось усиленное преподавание немецкого языка. В гимназиях немецкому языку отводилось больше уроков, чем родному.

Политика гитлеровских захватчиков осуществлялась с помощью созданного ими жестокого оккупационного режима.

Сразу после оккупации территории республики гитлеровцы создали по всей Литве военные комендатуры. В руках комендантов сосредоточивалась не только военная, но и гражданская власть.

Гитлеровские военные коменданты угрожали смертной казнью за любой поступок, противоречивший введенному оккупантами порядку. Чтобы держать в страхе местных жителей и принудить их

¹ «Hitlerinė okupacija Lietuvoje». Vilnius, 1961, psl. 229.

выполнять распоряжения оккупантов, гитлеровские военные коменданты ввели систему заложников.

Понимая, что осуществление их захватнических планов встретит упорное сопротивление трудящихся Литвы, активно включившихся в 1940 г. в строительство новой жизни в республике, гитлеровцы старались найти предателей среди местного населения. В Литве они без большого затруднения нашли себе слуг в лице литовских буржуазных националистов.

С помощью гитлеровцев на территории Германии еще до начала Великой Отечественной войны Советского Союза был создан из бежавших из Литвы после восстановления Советской власти буржуазных националистов так называемый «Фронт литовских активистов», который руководил подрывной деятельностью на территории Советской Литвы. Литовские буржуазные националисты с первых дней оккупации активно помогали гитлеровским захватчикам проводить жестокие оккупационные мероприятия в Литве. Националисты были использованы оккупантами для создания органов оккупационных гражданских властей на местах. Из них были назначены начальники уездов, волостные и сельские старосты и некоторые другие чиновники. Литовские буржуазные националисты помогали гитлеровцам ликвидировать достижения Советской власти в республике, советское законодательство, уничтожать коммунистов, комсомольцев, советских активистов, всех, кто включился в строительство социалистической Литвы.

В июле 1941 г. Советская Литва была превращена в составную часть созданного гитлеровцами «Остланда».

Для управления «Остландом» Гитлер назначил имперского комиссара Лозе с резиденцией в Риге. Литва, как и другие советские республики, входившие в состав «Остланда», была названа генеральной областью. Генеральным комиссаром Литвы был назначен А. фон Рентельн. Территория временно оккупированной Советской Литвы была разделена на шесть округов, во главе которых были поставлены окружные комиссары.

Аппарат управления гитлеровцев в Литве был весьма мощным. Лишь в одном генеральном комиссариате Литвы работало около 300 сотрудников.

немцев. В нем были следующие «главные отделы» с большим числом подотделов: политики, управления, хозяйства, техники. Это показывает, по каким основным направлениям и в каких масштабах вели работу гитлеровские оккупационные власти.

Из числа предателей литовского народа гитлеровцы назначили генеральных советников при генеральном комиссаре. Первым советником стал бывший начальник генерального штаба армии фашистской Литвы, организатор и руководитель прогитлеровского путча 1934 г. генерал П. Кубилюнас. На местах у власти бургомистрами, начальниками уездов, начальниками местной полиции, волостными старостами и другими чиновниками были поставлены местные буржуазные националисты. В аппарат управления привлекались также немецкие колонисты и репатрианты.

Весь аппарат оккупационных властей с институтом генеральных советников демагогически был назван «самоуправлением» Литвы. Начиная с 1942 г, после того как фашистская военная машина потерпела первые поражения на Восточном фронте, гитлеровцы много говорили о расширении «самоуправления». Они старались представить дело так, будто на оккупированной территории Литвы отныне управляют сами литовцы — «представители литовского народа». Оккупанты даже разрешили генеральным советникам от своего имени издавать распоряжения, но только после одобрения генеральным комиссаром. Таким образом, гитлеровцы старались, по словам Геббельса, «переложить на них ответственность за неприятные и непопулярные мероприятия»¹.

На деле даже генеральные советники были лишь связующим звеном между высшими гитлеровскими чиновниками и представителями властей на местах. Их главная задача состояла в том, чтобы «давать советы» оккупантам по разным экономическим, политическим и другим вопросам, направленным на ограбление и разорение Литвы.

Генеральный комиссар Литвы Рентельн оставил за собой право назначать и смещать с должностей всех

¹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 3. М., 1961, стр. 439.

чиновников «самоуправления», начиная с первого генерального советника и кончая волостными старостами. Низшие чиновники гражданской администрации были полностью подвластны окружным комиссарам, так что «самоуправление» Литвы было лишь демагогией, служившей для обмана литовского народа.

В Литве был оставлен и местный суд литовских буржуазных националистов. Но, не доверяя местным своим слугам, гитлеровцы запретили «литовскому» суду решать все дела, касающиеся лиц немецкого происхождения, партизанской и коммунистической деятельности, саботажа или несоблюдения изданных гитлеровцами законов, более важные уголовные дела и дела, касающиеся вопросов некоторой собственности. Все эти дела решал суд самих гитлеровцев.

Одной из основных задач оккупационных властей было подавление любого сопротивления литовского народа.

В первые дни оккупации Советской Литвы гитлеровцы, стараясь ликвидировать все возможные силы сопротивления «новому порядку», при активном содействии литовских буржуазных националистов прибегли к жестокому террору. Их жертвами пали сотни коммунистов, комсомольцев, советских и профсоюзных работников и рядовых трудящихся, активно включавшихся в 1940 г. в строительство социалистической Литвы. Людей расстреливали чаще всего без всякого суда, или же суд вершили сами палачи на месте расстрела. Уже в первые месяцы оккупации начали действовать концентрационные лагеря. Почти в каждом уезде создавались лагеря для крестьян, не выполнивших обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов. В тюрьмах, концентрационных лагерях все время находилось не менее 20 тыс. трудящихся Литвы (в данное число не входят узники лагерей для военнопленных, перемещенных лиц из других областей Советского Союза, гетто) ¹.

После уничтожения части заключенных, контингент пополнялся заново. Все лица, которым не доверяли оккупанты по «политическим мотивам», карались

¹ «Lietuvos TSR istorija. Nuo seniausiy laikyiki 1957 mety». Vilnius, 1958, psl. 420.

смертной казнью или осуждались «на все время войны» или «на неопределенное время». В тюрьмах трех крупнейших городов Литвы (Вильнюса, Каунаса, Шяуляя), рассчитанных на 1704 заключенных, в мае 1944 г., по данным самих оккупантов, содержалось 3736 человек¹. Много граждан Советской Литвы было вывезено в концентрационные лагеря, находившиеся в Германии и на территориях временно оккупированных ею стран.

Для проведения террористических актов и зверского истребления советских людей были созданы специальные группы, отряды и команды. В Литве из числа буржуазно-националистического отребья были созданы так называемые полицейские батальоны «самоохранения». Эти формирования также должны были бороться с партизанами не только на территории Литвы, но и на других временно оккупированных территориях Советского Союза.

Другой, не менее важной задачей гитлеровских оккупационных властей было ограбление народного хозяйства Литвы, обеспечение гитлеровской армии и Германии сельскохозяйственными продуктами, а промышленности — сырьем и рабочими, насильно угнанными из оккупированных областей, подготовить условия и провести колонизацию Литвы. Все эти мероприятия проводились самыми жестокими методами и средствами.

Вначале гитлеровские оккупационные власти разными демагогическими посулами старались собрать нужную рабочую силу на добровольных началах, но, видя, что из этого ничего не получается, ввели принудительную регистрацию. С каждым годом контингенты вывоза молодежи непомерно росли. В этом преступном деле оккупантам старательно помогали литовские буржуазные националисты. Лишь в течение двух месяцев 1943 г. «самоуправление» взялось вывезти из Литвы 30 тыс. человек², а в 1944 г. первый генеральный советник П. Кубилюнас договаривался с генеральным комиссаром Рентельном о вывозе в Германию 100 тыс. литовцев³. Устраивались массовые

¹ ЦГА ЛССР, ф. 644, оп. 1, д. 25, л. 398.

² ЦГ архив ЛССР, ф. 442, оп. 1, д. 24, л. 15.

³ «Hitlerine okupacija Lieruvoje», psl. 177.

облавы и вывоз рабочей силы. Мобилизации, призывы, регистрации следовали одна за другой. Оккупанты окружали целые кварталы и улицы, базары, рестораны, кинотеатры, даже церкви, хватали всех подходящих им по возрасту людей, вталкивали их в вагоны и отправляли в Германию. Гитлеровцы старались вывезти из Литвы самую сильную, здоровую и трудоспособную часть населения.

Однако литовский народ, его молодежь всячески саботировали все мероприятия оккупантов. Все планы гитлеровцев по мобилизации молодежи провалились. Полностью провалилась в марте 1943 г. и затея гитлеровцев организовать литовский легион войск СС.

Стараясь услужить оккупантам, «самоуправление» Литвы «взяло на себя» ответственность за мобилизацию в 1943 г. Но «самоуправление» во главе с генеральными советниками, по их же признанию, не имело никакого авторитета среди народных масс Литвы.

Гитлеровские оккупанты, стараясь еще раз обмануть литовский народ и хотя бы часть его притянуть на свою сторону, созывали разные конференции и совещания «представителей народа», создавали разные советы, делая вид, что расширяют «самоуправление», которое народные массы с насмешкой называли «самоудавление» Литвы.

5 апреля 1943 г. в Каунасе на конференцию «представителей литовского народа» собрались самим Кубилюнасом тщательно подобранные 93 буржуазных националиста, преобладающее большинство которых являлось чиновниками «самоуправления». Остальными «представителями» были реакционные офицеры бывшей армии буржуазной Литвы, реакционное католическое духовенство и кулаки. Они без всякого обсуждения приняли три резолюции, подготовленные совместно с генеральным комиссаром, и верноподданническую телеграмму, адресованную Гитлеру. В своих резолюциях эти «представители народа» призывали население активно сотрудничать с оккупантами, беспрекословно выполнять их волю¹.

При первом генеральном советнике Кубилюнасе был создан «совет», состоявший из активно сотрудни-

¹ «Ukininko patavejas», N 14, 19. IV. 1943.

чавших с гитлеровцами буржуазных националистов. Оккупанты надеялись, что все решения, принятые при участии «совета», будут оказывать влияние на литовский народ и будут в какой-то мере выполняться.

Но и такое «расширенное самоуправление» гитлеровским оккупантам не дало ожидаемых результатов. Оккупанты не смогли выполнить своих планов и по вывозу молодежи в Германию. Все же за три года гитлеровской оккупации, по данным Чрезвычайной государственной комиссии, им удалось вывезти в Германию более 36 тыс. человек.

Особенно старательно гитлеровские оккупационные власти действовали в области подчинения народного хозяйства Литвы целям войны. Пока шла война, основные усилия гитлеровцев направлялись на максимальное использование продовольственных ресурсов республики для снабжения своей армии и тыла и на подавление сил Сопротивления в Литве.

Однако все мероприятия гитлеровцев, которые были возложены на оккупационные гражданские власти и должны были в конце концов привести к уничтожению литовского народа, провалились благодаря сопротивлению народных масс и особенно благодаря героической борьбе Красной Армии, в 1944—1945 гг. освободившей территорию Литовской ССР.

Из вышесказанного можно сделать следующие краткие выводы.

Основные усилия гитлеровских оккупационных властей были направлены на подавление любого сопротивления, на максимальное использование экономических и людских ресурсов Советской Литвы для целей войны. Они проводили мероприятия, направленные к осуществлению грабительских планов немецкого империализма о присоединении Литвы к гитлеровскому рейху.

Гитлеровцы на территории республики проводили политику германизации и колонизации, не дожидаясь окончания войны.

Все мероприятия гитлеровских оккупантов проводились самыми жестокими методами и принесли литовскому народу неисчислимые жертвы и страдания.

ФАШИСТСКИЙ ТЕРРОР В ЭСТОНИИ

(1941—1944 гг.)

В Праге есть церковь, под порталом которой высечено слово «Раазику». Это — название тихой железнодорожной станции в Эстонии, в тридцати километрах к востоку от Таллина. В Праге это слово высечено между словами «Маутхаузен» и «Равенсбрюк».

Раазику... Это только один пункт на карте Эстонии, связанный с самым чудовищным проявлением «нового порядка» в моей республике в дни господства коричневой чумы. Если же высечь названия всех гестаповских застенков, созданных гитлеровцами и их верными слугами из подлого племени квислингов — эстонских буржуазных националистов на временно оккупированной земле Эстонии, то церковного портала не хватит: на территории, на которой проживает немногим больше одного миллиона человек, фашисты и их пособники создали свыше ста тюрем, концентрационных лагерей и других застенков. Словно черная сыпь, обезобразили они карту Эстонской ССР. Колючая проволока, натянутая на высокие столбы, сколоченные из досок караульные будки эсэсовцев, бесчисленные таблички из фанеры с угрожающим «Хальт!» — все это зловеще дополнило силуэты эстонских городов и сел. По дорогам и улицам оккупированной республики потянулись колонны арестованных. Среди них были эстонские новоземельцы. Земля, столь обильно омытая их потом,

земля, которую народная власть дала бывшим батракам, теперь обильно обагрилась кровью этих тружеников... Среди арестованных были текстильщики Кренгольма, машиностроители Таллина, горняки Эстонского сланцевого бассейна, рыбаки острова Сааремаа. Их обвинили в том, что они... хорошо работали при народной власти. Арестованным учителям вменялось в вину то, что они рассказывали детишкам историю Советского Союза. Пионеров арестовывали за то, что они могли вырасти и стать комсомольцами. Евреев — за то, что родились они евреями. Англофилов гестаповцы водворяли в концлагеря за то, что ориентация их не совпадала с фюрерской. Дефаитистам слуги свастики надевали наручники за то, что не верили они в то, что предрекал автор «Майн кампфа»...

Аресты производились в таком массовом масштабе, что оккупантам не хватало тюрем, и тогда под гестаповские застенки были использованы в городе Пярну, например, здание школьного общества на улице Калеви; корпуса льнокомбината на правом берегу реки Пярну; трехэтажное здание-склад, известное под названием «Бети-айт»; казармы на Рижском шоссе; подвал Шмидта на улице Вез; здание еврейской синагоги.

В другом эстонском городе — Тарту — огромный концлагерь был создан на Выставочной площади. Когда все девять павильонов бывшей выставки были забиты узниками, фашисты и их пособники создали еще один концлагерь — прямо под открытым небом: в землю были врыты столбы, на них натянули рядов в 25—30 колючую проволоку, и еще один атрибут «нового порядка» был готов. Семь концентрационных лагерей было создано фашистами в городе эстонских текстильщиков — Нарве, около двадцати — на территории одного только Вирумааского уезда.

Тюрьмы и концлагеря были переполнены, несмотря на то что гестаповцы и поступившие к ним на службу предатели народа — эстонские буржуазные националисты — ежедневно вывозили людей на расстрел. Так, из оригинала отчета начальника фашистской политической полиции Таллин-Харьюской префектуры от 19 декабря 1941 г. видно, что на это число в Централь-

ной таллинской тюрьме находилось 1869 человек, что, как указывает автор отчета, на 427 человек больше, чем вмещал этот гестаповский застенок. Из этих же отчетов явствует, что из Центральной таллинской тюрьмы было вывезено и по приказу фашистов расстреляно, например, только за один день 16 апреля 1942 г. 67 узников, 30 октября 1942 г. — 243 узника.

Самые массовые расстрелы в оккупированной Эстонии производились в деревне Лемматси, под Тарту, у противотанкового рва, вырытого трудящимися города до его захвата гитлеровцами. Здесь находится самая крупная на эстонской земле братская могила жертв фашизма — у края противотанкового рва залпы гестаповцев оборвали 12 тыс. человеческих жизней... Достоин сожаления, что правительство США, бросив вызов всем честным людям мира, взяло под свою защиту одного из главных палачей Тартуского концлагеря — Карла Линнаса. Бывший начальник лагеря смерти Линнас, приговоренный Верховным судом СССР к смертной казни, проживает сейчас в Нью-Йорке по адресу: 21, Goldsmith Avemic, greenlawn, Long Ysland. В числе 12 тыс. жертв Карла Линнаса были эстонские профессора Пеэтер Рубель и Артур Клийман, чешский профессор Леопольд Зильберштейн, профессор Лазарь Гулкович, талантливый эстонский художник Андрус Иохани.

Свыше 15 тыс. человек расстреляли фашисты на территории бывшего Вирумааского уезда, 24 тыс. человек — на острове Сааремаа, 28 500 человек — в городе Нарве, свыше 2 тыс. человек убили фашисты в песках Калеви-Лийва, около 3 тыс. убили и сожгли в Клоога¹. Всего же за годы оккупации Эстонии гитлеровскими палачами и их пособниками было расстреляно 125 тыс. человек, половину из которых составляют мирные жители, половину — военнопленные. Таков кровавый финал «нового порядка» в оккупированной Эстонии.

Подтверждением и серьезным дополнением к сказанному здесь служит сборник документов и материалов «Немецко-фашистская оккупация в Эстонии. 1941—1944 годы», специально подготовленный к на-

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. 4, стр. 124.

шему конгрессу Институтом истории партии при ЦК КП Эстонии и Центральным архивом Эстонской ССР и розданный всем вам. Я полностью присоединяюсь к мнению членов редакционной коллегии этой книги товарищей Леэде, Матсулевич и Тамма, выраженному в ее предисловии: «...то, о чем рассказывают эти страницы, подчас настолько невероятно, что не укладывается в рамки человеческого понимания». Но все это было. Более того, как отмечают члены редколлегии: «Ни одна строка здесь не является плодом фантазии». И это действительно так; почти все 44 документа, публикуемые в книге, написаны фашистами, начиная от Гитлера, Розенберга и Лозе и кончая их слугами из числа местных квислинговцев типа Мере, Викса, Юхта.

Готовясь к захвату чужих земель, главари третьего рейха в своих сумасбродных планах заранее определяли судьбу той или иной страны, того или другого народа.

Что касается народов Прибалтики, и в частности народа Эстонии, то имеющиеся в нашем распоряжении документы не оставляют никакого сомнения в том, что в планах Гитлера и его сообщников типа Гиммлера и Эйхмана, Глобке и Виалона, Лозе и Еккельна было «уготовано» этим народам. Руководящим указанием для фашистов в Прибалтике, как и на других оккупированных территориях, было заявление Гитлера: «Мы должны совершенствовать технику уничтожения народов. Если вы спросите меня, что я подразумеваю под уничтожением народов, то я отвечу: я подразумеваю под этим уничтожение целых расовых групп... Я имею право убивать миллионы из низших рас, которые плодятся, как черви». К низшей расе главари гитлеровской Германии отнесли, как известно, наряду со многими другими народами также эстонцев, латышей и литовцев. Об этом прямо заявил на «процессе генералов» в Риге в 1946 г. бывший начальник полиции и СС «Остланда» обергруппенфюрер СС Фридрих Еккельн: «Гиммлер, давая общие указания об отношении к народам Прибалтики, подчеркнул, что латыши, литовцы и эстонцы — низшие расы, и этим должно определяться отношение к данным народам. Гиммлер заявил, что основную массу латышей, литовцев и эстонцев

необходимо переселить или избавиться от них другим путем...»¹

Или вот еще один характерный документ, предъявленный обвинителем от США на Нюрнбергском процессе Сэмуэлем Гаррисом. Документ этот имеет № ПС-1029 (США-145), и в нем, в частности, говорится: «Целью имперского комиссара Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии должно являться создание германского протектората, с тем чтобы превратить эти области в составную часть великой германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов».

Вводя в действие расистские законы Глобке, гитлеровцы истребили всех лиц еврейской национальности на территории оккупированной Эстонии. Из всех стран, попавших под иго коричневой чумы, евреи были уничтожены быстрее всех именно в Эстонии. Это подтверждает в числе других гитлеровских документов и так называемый протокол «Ванзее» — протокол состоявшегося 20 января 1942 г. в Берлине совещания, на котором было принято «окончательное решение» по еврейскому вопросу, согласно которому в Европе должно было быть уничтожено 11 млн. евреев. В этом протоколе приводится длинный список стран, против каждой из которых проставлено количество лиц еврейской национальности. И лишь после названия одной страны — Эстонии — стоит прочерк. Выполнение плана «Коттбус» — плана уничтожения евреев в «Остланде» — в части Эстонии к тому времени было уже закончено...

С приходом к власти нацисты издали десятки декретов, в каждом из которых есть слова: «Евреям запрещается...» В концентрированном виде все эти декреты нашли отражение во «Временных директивах по обращению с евреями на территории Остланда», составленных рейхскомиссаром по делам «Остланда» группенфюрером СА Генрихом Лозе в Риге 13 августа 1941 г. на основе расистских законов Глобке. Этот до-

¹ «Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР». Рига, 1946, стр. 165.

кумент Генрих Лозе адресовал имперскому министру по оккупированным восточным областям Альфреду Розенбергу.

Документ предусматривал обязательную регистрацию всего еврейского населения. Еврей должен был на левой стороне груди и посредине спины носить всегда видимую желтую шестиконечную звезду не менее 10 см в диаметре.

Евреям запрещалось менять место жительства и квартиры без разрешения областного или городского комиссара; пользоваться тротуарами и общественными средствами сообщения: трамваем, железной дорогой, автобусом, пассажирскими пароходами, извозчиками и автомобилями; пользоваться общественными заведениями и учреждениями, служащими для отдыха населения: курортами, пляжами, парками, садами, спортивными площадками; посещать театры, кино, библиотеки, музеи, школы. Имущество еврейского населения конфисковывалось.

Вот такой расистский циркуляр Генриха Лозе, свободно проживающего ныне в Западной Германии, в Мюхленбарбеке, близ Келлингхаузена, получил и генеральный комиссар оккупированной Эстонии обергруппенфюрер СА барон Карл-Сигизмунд Лицман, скрывающийся сейчас в Западной Германии.

Еще до издания указанных выше директив фашисты устроили в захваченных ими городах и селах Прибалтики массовые еврейские погромы. Это происходило в первые же дни оккупации и отражено в рапорте начальника «эйнзацгруппы А» бригаденфюрера СС и генерал-майора полиции Шталекера, в котором есть такие «откровения»:

«...Мы заставляли местные антисемитские элементы организовывать еврейские погромы через несколько часов после захвата города. Следуя нашему совету, полиция безопасности решила разрешить еврейский вопрос всеми возможными средствами и с предельной решимостью. Но нам не хотелось, чтобы полиция безопасности, хотя бы в первое время, действовала от своего лица, ввиду того что исключительно суровые меры могли дурно подействовать даже на немцев. Мы решили представить дело так, чтобы всем казалось,

будто местное население само взяло инициативу в свои руки в борьбе против евреев.

С самого начала было предусмотрено, что надежные элементы из местного населения будут оказывать полиции содействие в борьбе с паразитами, т. е. главным образом с евреями...

Нетрудно понять, кого имел в виду бригаденфюрер СС Шталекер под «надежными элементами».

Если взять оккупированную Эстонию, то здесь самыми «надежными» для Шталекера людьми, убийцами и организаторами убийств, стали:

1. Глава оккупационного органа «эстонского самоуправления» Хялмар Мяэ. Ему в годы оккупации подчинялась «вспомогательная полиция», о которой докладывал в Берлин Шталекер. В настоящее время военный преступник Мяэ проживает по адресу: Австрия, город Грац, улица Фаунаштрассе, 68.

2. Фашистский «директор внутренних дел» Оскар Ангелус — один из бывших руководителей министерства внутренних дел буржуазной Эстонии. При фашистах он руководил отрядами «самообороны» и полицией, о которой Шталекер писал, что «эти люди выполняли свои обязанности под нашим руководством довольно успешно».

После изгнания оккупантов из Эстонии военный преступник Оскар Ангелус убежал в Швецию, где проживает и сейчас в городе Лунде.

3. Оберштурмбанфюрер СС Айн Мере — начальник сектора «Б» полиции безопасности и СД оккупированной Эстонии, бывший майор эстонской буржуазной армии. Это из-за его «деятельности» над порталом церкви в Праге высечено слово «Раазику» — на эту станцию «по разнарядке» Эйхмана прибыли в сентябре 1942 г. эшелоны, в которых были лица еврейской национальности из Чехословакии и Германии. Большинство из них — свыше 2 тыс. стариков, женщин и детей — было под руководством Мере убито в тот же день в песках Калеви-Лийва.

Сейчас палач Мере свободно проживает в Англии, в г. Лестере. Английское правительство, грубо нарушив взятое на себя международное обязательство, предоставило убежище оберштурмбанфюреру СС

Айну Мере, приговоренному Верховным судом ЭССР к смертной казни.

4. Оберштурмфюрер СС Эрвин-Рихард Викс, бывший комиссар политической полиции буржуазной Эстонии, «эстонский Эйхман». Викс, приговоренный Верховным судом ЭССР к смертной казни, нашел заступников в лице расистов из правительства Австралии. Он проживает в настоящее время в Сиднее.

5. Помощник Вика — Эвальд Миксон, бывший личный охранник диктатора Эстонии Пятса. Скрывается сейчас под именем Эдвальда Хиндриксона в Исландии (г. Рейкьявик, Богахлиди, 15).

Именно этим и им подобным предателям народа из числа фашистов и эстонских буржуазных националистов гитлеровский бригаденфюрер СС Шталекер поручил роль непосредственных организаторов и исполнителей плана «Коттбус» в оккупированной Эстонии. Это об их «работе» докладывал Шталекер в Берлин: «...в Эстонии арест всех евреев мужского пола в возрасте старше 16 лет был почти закончен. Все они были казнены частями самообороны под руководством зондеркоманды 1-а».

Исключение было сделано для врачей и старост. Еврейки в возрасте от 16 до 60 лет, способные работать, были арестованы и отправлены на торфоразработки и другие работы.

Миру достаточно хорошо известны результаты претворения в жизнь расистских законов: они стоили жизни 6 млн. евреев. Что касается «Остланда», куда входили территории оккупированных Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии, то здесь евреи были уничтожены раньше, чем в других республиках. Помимо протокола «Ванзее» это явствует также из другого рапорта Шталекера, в котором он дает отчет о деятельности руководимой им эйнзацгруппы «А» полиции безопасности и СД за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г. «Систематическая работа по очищению Востока,—говорилось в этом документе,—согласно основным приказам имела своей целью возможно полную ликвидацию евреев. Эта цель в основном достигнута. Исключая Белоруссию, экзекуции подвергнуто 229 052 еврея. Оставшиеся в прибалтийских провинциях евреи мобилизуются

в срочном порядке на работы и размещаются в гетто...»

Дела фашистской полиции безопасности и СД показывают, как убийцы спорили из-за имущества жертв расистских законов, в составлении которых столь активную роль сыграл статс-секретарь ведомства Аденауэра Ганс Глобке. Из этих документов явствует также, что в осуществлении операции «Коттбус» принял личное участие еще один из «незаменимых специалистов» бывшего западногерманского канцлера — статс-секретарь боннского министерства экономического сотрудничества Фридрих-Карл Виалон. В годы фашизма он был начальником одного из отделов в рейхскомиссариате «Остланда». Виалон лично давал указания генеральному комиссару Эстонии Лицману о водворении евреев в концлагеря, о том, какое имущество евреев надо взять на учет «суммарно», какое — «поштучно».

Из «Временных директив по обращению с евреями на территории Остланда» видно, какую роль в руководстве операцией «Коттбус» сыграл бывший рейхскомиссар «Остланда», палач народов Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии группенфюрер СА Генрих Лозе, нынешний пенсионер правительства ФРГ.

Генрих Лозе в последнее время до того обнаглел, что выступил даже в защиту своего бывшего «коллеги» Фридриха-Карла Виалона, которого суд во Франкфурте-на-Майне решил было привлечь к ответственности.

Надо сказать, что в общем хоре зловещего неофашизма слышен и писк людей, которых гитлеровский бригаденфюрер СС палач Шталекер считал «надежными», — эстонских буржуазных националистов, вышвырнутых народом вон с эстонской земли. По мере того как в Западной Германии увеличивается число реваншистских сборищ бывших эсэсовцев, как в Соединенных Штатах Америки расисты взрывают динамитом синагоги и среди бела дня убивают раввинов, как во Франции издаются цветные фотографии Гитлера, наглеют и недобитые квислинги из числа нынешних главарей эстонской реакционной эмиграции. Так, бывший начальник сектора «Б» полиции безопасности и СД оккупированной Эстонии оберштурмбанфюрер СС Айне

Мере не только свободно живет в английском городе Лестере, но и был долгое время... заместителем председателя «Общества эстонцев в Англии». Вместе с ним в этом обществе «боролись за свободу» еще два эсэсовских палача — Альфонс Ребане и Харальд Рийпалу. И лишь после суда над Мере в Таллине эта кровавая «тройка» разбежалась. В страхе перед расплатой пустил себе пулю в лоб Рийпалу, убежал с острова и скрывается сейчас под боннским крылышком Ребане. Рабочие текстильной фабрики прогнали Мере, и он сейчас опасается выходить вечерами из дому. Но время от времени Мере и Ребане выступают с фашистскими заявлениями в эмигрантских листах.

Или взять Канаду. Там до последнего времени во главе эстонской реакционной эмиграции находился напарник и помощник Карла Линнаса из Тарту фашистский полицейский комиссар Аксель Луйтсалу — убийца профессора Пеэтера Рубеля. А сейчас, когда этот «борец за свободу» отравился крысиным ядом, когда до канадской общественности дошла правда о палаче Луйтсалу, во главе организации стал эсэсовец Харри Пяркма. Вместо гестаповца — эсэсовец. Достойная замена!

Многие бывшие «надежные» для бригаденфюрера СС и генерал-майора гитлеровской полиции Шталекера люди из числа эстонских буржуазных националистов нашли убежище в Швеции. Один из убийц Екатерины Кюхн — бывший ассистент полиции безопасности и СД Леонид Лайд не только разгуливает в шведской столице, но и является руководящим деятелем «Эстонского национального комитета». Другой гестаповец — Харальд Вийрсалу, также один из организаторов убийств таллинских евреев, является членом правления «Представительства эстонцев в Швеции». В этой же фашистской организации подвизается Оскар Ангелус, бывший в годы коричневой чумы директором внутренних дел оккупированной Эстонии. В одном из церковных хоров Стокгольма поет бывший начальник полиции безопасности и СД оккупированного Пярну оберштурмфюрер СС Хейнрих Виснапуу. Недавно в торжественной обстановке оберштурмфюрер СС был награжден церковным орденом Платона третьей степени, и теперь грудь гестаповца украшают

три ордена: к двум фашистским прибавили церковный...

В той же Швеции скрывается еще один активный фашистский пособник — Эдгар Кант. В годы оккупации Эстонии этот человек «совмещал» две должности: ректора Тартуского университета и... резидента гестапо. Удирая из Эстонии вместе с оккупантами, Кант выкрал из сейфов университета золотые монеты и медали, платиновое лабораторное оборудование и другие ценности стоимостью почти 50 тысяч рублей. Сейчас вор и гестаповец Кант не только один из «идеологов» архиреакционного «Представительства эстонцев в Швеции», но и... читает лекции в Лундском университете.

От своих бывших подчиненных не отстают и «маленький фюрер» Хялмар Мязэ, бывший глава «эстонского самоуправления», проживающий в Граце и ездивший вместе с австрийскими неонацистами «для обмена опытом» к испанскому каудильо. Нелишне отметить, что дирижером фашистского шабаша, разыгранного в вотчине Франко, был не кто иной, как Отто Габсбург.

Из сказанного ясно, что те самые силы, которые в годы второй мировой войны оставили на эстонской земле 125 тыс. могил жертв фашизма, вновь поднимают голову. Вот почему сейчас, как никогда, своевременно звучат слова пламенного патриота страны, на дружественной земле которой происходит наш конгресс, слова Юлиуса Фучика: «Люди, будьте бдительны!».

ЗВЕРСТВА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ НА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЗЕМЛЕ

В период Великой Отечественной войны немецко-фашистскими войсками была занята и удерживалась в течение двух с половиной лет почти вся территория Ленинградской области. До войны на оккупированной территории области проживало 2 млн. 800 тыс. человек. После разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом и изгнания их из Ленинградской области в освобожденных районах было зарегистрировано 450 тыс. жителей. Уже одно сопоставление этих цифр раскрывает сущность того бесчеловечного режима, который оккупанты установили на захваченной ленинградской земле.

В Ленинградской области до начала войны работали сотни промышленных предприятий, успешно развивалось сельское хозяйство. В районах области росли и крепили более 10 тыс. колхозов, 148 крупных совхозов и 131 машинно-тракторная станция¹. Быстро развивались крупные города: Псков, Луга, Новгород, Дно, Остров, Порхов и десятки других. Этот огромный экономический район с большим населением, высоко развитой промышленностью и сельским хозяйством, большим количеством средних и высших учебных заведений, ценнейшими архитектурными и историческими памятниками фашистские варвары намеревались

¹ Ленинградский партийный архив (ЛПА), ф. 24, оп. 3, ед. хр. 5304, л. 3.

превратить в пустыню. Во всех городах, районных центрах, рабочих поселках, станциях и крупных селах Ленинградской области были размещены вражеские гарнизоны почти 700-тысячной группы армий «Север», а под Ленинградом и в прифронтовых районах были заняты абсолютно все селения. В оккупированных районах осенью 1941 г. почти полностью был уничтожен урожай зерновых культур; солдаты гитлеровской армии опустошили все огороды колхозников, и густонаселенные районы под Ленинградом остались без продовольствия. Начался голод. Немецкие оккупационные власти не проявили никакой заботы о населении.

В сентябре — октябре 1941 г. была сформирована оккупационная администрация, управления в городах и районах возглавили отъявленные нацисты, а им в помощь были подобраны чиновники из предателей и уголовных элементов.

Всюду были созданы полицейские управления, полицейские отряды и группы, жандармерия, карательные отряды, тайная полиция и ее агентура. Весь этот аппарат насилия был направлен на ограбление и порабощение советского народа. На территории Ленинградской области, так же как и в республиках Прибалтики, действовали немецко-фашистские органы безопасности — СС, СД, гестапо, оперативная группа «А» и специальные эйнзацкоманды, предназначенные для истребления советских людей.

Во всех городах и районных центрах были созданы тюрьмы и застенки гестапо, где применялись самые бесчеловечные методы дознания — пытки. Оккупированная территория области была покрыта концентрационными лагерями. На площадях городов для устрашения населения были построены помосты и виселицы для проведения публичной казни. В качестве виселиц использовались перекладины спортивных сооружений, телеграфные столбы, балконы домов, деревья аллей и парков.

Ворвавшись в пригороды Ленинграда, города Пушкин, Петергоф, Гатчину и Павловск, гитлеровцы начинали вылавливать советских активистов и им сочувствующих и чинить расправу. За два с половиной года своего пребывания в городе Пушкине гитлеровцы рас-

стреляли и повесили 18 368, угнали на каторжные работы в Германию 17 968 советских граждан; в Петродворце они уничтожили 4265 и угнали в Германию 30 783 человека¹. Почти полностью было истреблено не успевшее эвакуироваться население Гатчины, Павловска, Стрельно, Лигово и других городов и рабочих поселков. Замечательные парки Пушкина, Павловска, Гатчины и Петродворца, служившие до войны местом отдыха миллионов людей, были превращены в массовые места казней.

Из городов области большие группы мужчин, женщин и подростков под конвоем систематически направлялись оккупантами на каторжные работы в Германию.

Много советских людей, оставшихся в пригородах Ленинграда осенью и зимой 1941 г., погибло от голода. До войны население этих городов получало продовольствие из Ленинграда. Когда пригороды были оккупированы фашистами, централизованное снабжение прекратилось. Производить заготовку продовольствия было негде. Немецкие оккупационные власти запретили гражданам выход из городов. В городах уже летом 1941 г. начался голод, а осенью и зимой он принял ужасающие размеры. От голода погибли сотни тысяч рабочих, служащих и интеллигентов. Среди погибших были ученые, писатели, врачи и учителя, не успевшие покинуть пригороды. В Пушкине, Павловске, Гатчине, Петродворце после изгнания немецко-фашистских захватчиков не осталось ни одного уцелевшего здания. Дворцы-музеи были разграблены и сожжены, промышленные предприятия, жилые дома и школы разрушены. Гитлеровцы целиком разрушили города-спутники: Колпино с крупнейшим машиностроительным заводом, Пулково с Пулковской астрономической обсерваторией.

Колоссальный материальный ущерб и неисчислимые бедствия советским людям причинили немецкие захватчики во всех оккупированных городах и районах Ленинградской области. Ими почти полностью были разрушены города Псков, Новгород, Старая Русса, Чудово и др. В Новгороде, крупном промыш-

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 585.

ленном и культурном центре, где до войны жило до 100 тыс. человек, было разрушено и сожжено 2346 домов, уцелело только 15 зданий. Фашисты разрушили в Новгороде редчайшие памятники старины: Софийский собор, Кремль и другие памятники, уничтожили все школы, средние и высшие учебные заведения, кинотеатры, дома культуры и библиотеки. К моменту освобождения город представлял собой сплошные руины, его улицы и площади заросли бурьяном. В подвалах развалин Новгорода уцелело всего 25 человек¹.

Южнее озера Ильмень стоял древний русский город Старая Русса, в котором проживали десятки тысяч людей. В этом городе было разрушено 2645 зданий; после изгнания захватчиков осталось одно полуразрушенное здание. Население города, не успевшее эвакуироваться на восток, почти полностью погибло, а оставшиеся в живых были угнаны в Германию. Так же поступили гитлеровцы с городами и районными центрами Чудово, Демянском, Мгой и многими другими. В городе Чудово после изгнания немецких захватчиков не осталось ни одного целого дома. От города Демянска, имеющего многовековую историю, также остались только груды щебня и пепелище.

За 24 года существования Советской власти крестьянство Ленинградской области достигло значительных успехов в развитии сельского хозяйства. В 1941 г. колхозники ожидали хорошего урожая зерновых и огородных культур. Ворвавшиеся немецко-фашистские войска разрушили колхозное хозяйство. Захваченные земли были отобраны у крестьян и объявлены собственностью Германии, а имущество колхозов, совхозов и МТС — трофеями немецкой армии. Согласно разработанному Розенбергом и одобренному Гитлером земельному закону фашистские оккупационные власти в Ленинградской области, как и на всей оккупированной территории СССР, провели так называемую земельную реформу. Суть этой реформы сводилась к ликвидации или, как говорилось в законе, «упразднению» социалистической системы хозяйства.

¹ ЛПА, ф. 24, оп. 2, ед. хр. 5310а, л. 73; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, ед. хр. 313, л. 17.

По гитлеровскому закону землю получала небольшая группа людей, ставшая на путь измены советскому народу, на путь сотрудничества с немецкими оккупационными властями. Из них фашисты намеревались сделать фермеров — свою опору в деревне. Подавляющая масса крестьян получала только маленькие приусадебные участки и обрекалась на голодное существование. Она вынуждена была искать средства к жизни путем заработков. Таким образом, фашисты в изобилии обеспечили новых помещиков и кулаков дешевой рабочей силой. Для того чтобы держать сельское население в узде, фашисты возрождали крестьянскую общину, против которой много лет боролись крестьяне царской России, которую ликвидировала Великая Октябрьская социалистическая революция. Крестьянская община была нужна фашистам для закабаления, закрепощения трудового крестьянства. Устанавливалась круговая порука, которая была нужна фашистам при проведении политических, экономических и административных мероприятий. При помощи общины, во главе которой стоял староста-кулак, легче было вылавливать активных участников Сопротивления, советских патриотов, легче взимать налоги, подати, штрафы, грабить, порабощать и подавлять трудовое крестьянство.

Совхозы и многие колхозы, как крупные сельскохозяйственные предприятия, фашисты не ликвидировали. Они передавали их за особые заслуги гитлеровским генералам, комендантам, графам, баронам и немцам-колонистам. В некоторые усадьбы возвращались их бывшие владельцы — помещики, изгнанные революцией. Хозяйства передавались в частную собственность, для их обработки в распоряжение новых хозяев отдавались целые деревни. Крестьяне этих деревень должны были обрабатывать поля, ухаживать за посевами, убирать урожай, работать на животноводческих фермах, беспрекословно выполнять все указания хозяев. На оккупированной территории фашисты восстанавливали давно уничтоженное в России крепостное право.

Так, в Порховском районе совхоз «Полоное» и земли прилежащих колхозов были переданы порховскому коменданту графу Хильману. Для работы

в имении Хильману было передано несколько сот русских крестьян¹. Совхоз «Искра» был передан немецкому барону Шауэру. Для работы в имении Шауэра были прикреплены крестьяне окрестных деревень. Рабочий день был установлен по 15—16 часов в сутки, за труд крестьянам давали по 300 граммов овсяной муки. За невыполнение нормы при обработке полей применялись телесные наказания. В первых числах мая 1942 г. Шауэр согнал на центральную усадьбу прикрепленных к нему крестьян; перед собравшимися на обширном дворе имения за нерадивое отношение к работе публично выпороли одиннадцать советских женщин, и среди них 55-летнюю крестьянку Елену Федоровну Кузьмину, которую запороли до смерти. Поркой руководил сам барон Шауэр².

Конесовхоз «Волашево» был отдан майору немецко-фашистской армии Курту Шпрингеру. Для работы в имении была прикреплена Лиговская волость, старшина которой был обязан ежедневно выделять для бесплатной работы в имении 50 крестьян. Крестьяне обязаны были приходить на работу со своими продуктами питания. Для постройки замка в имение ежедневно сгонялись сотни каменщиков, плотников и других строительных рабочих со своим инструментом и продовольствием.

До войны пользовался большой известностью крупный животноводческий совхоз «Большевичка» Карамышевского района. В хозяйстве совхоза было 6 тыс. свиней, 95 лошадей, сотни коров и овец. Совхоз имел свою электростанцию, столовую, Дом культуры, больницу, детский сад, детские ясли, школу и благоустроенный поселок, где жили рабочие совхоза. Фашисты разрушили совхоз. Свиней и лошадей растащили проходящие части гитлеровской армии. Весной 1942 г. совхоз был превращен в немецкое помещичье хозяйство и передан гитлеровцу Леккерт. Восстановление имения Леккерт начал с ограбления местного населения. С помощью старост-предателей он отбирал у крестьян лошадей, коров, свиней и птицу, заставлял их

¹ «Листовки партизанской войны в Ленинградской области». Л., 1945, стр. 61.

² Там же, стр. 62.

бесплатно работать, применяя самые жестокие меры насилия.

На землях колхозов Конезерье, Люблино и Городец Лужского района было воссоздано имение бывшего помещика барона фон Бильдерлинга. Бильдерлинг при помощи оккупационных властей отобрал у местных крестьян скот, инвентарь и ввел барщину. На землях совхозов Гари, Вишенка и Дновский массив Дновского района было создано помещичье имение фашиста Адольфа Бека. Население 14 окружающих деревень было прикреплено для обработки обширных полей имения. Тысячи крестьян гнули спины на нового барина. Плетьюми и палками подгоняли надсмотрщики крестьян. Сам Адольф Бек неоднократно выезжал в поле и стрелял по крестьянам из автомата, заставляя их таким способом работать не разгибая спины¹.

В совхозе «Выбити» Солецкого района было создано крупное помещичье военное хозяйство. Чтобы обработать земли этого хозяйства, старшине Выбитской волости и старостам окружающих деревень было приказано выгонять все взрослое население на работу два раза в неделю и заставлять трудиться с рассвета до 10 часов вечера.

На землях колхозов Волосовского района были созданы имения немецкого барона Кельнера, гитлеровца Гутмана.

В Островский район вернулся старый помещик Богданов, в Сошихинский — помещик Черепнин и т. д. В Дновский, Батецкий и многие другие районы на земли колхозов были посланы немцы-колонисты. Так фашисты начали всюду восстанавливать сметенное революцией помещичье землевладение и помещичью кабалу с ее крепостным трудом, палочной дисциплиной, жестокой бесчеловечной эксплуатацией. Но советских людей, испытавших благотворное влияние свободного труда в социалистическом сельском хозяйстве, гитлеровцам не удалось повернуть на старый, осужденный историей путь развития. Вводя «земельную реформу», оккупационные власти всюду встречали сопротивление советских людей.

¹ См. М. Н. Никитин и П. И. Вагин. Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей. Л., 1943, стр. 53—54.

В Ленинградской области, как и на всей оккупированной территории, фашисты установили тяжелую систему налогов, поставок и всевозможных поборов. Налоговая политика гитлеровцев преследовала те же цели, что и закон о землепользовании,— ограбление и безудержную эксплуатацию сельского населения.

В районах Псковщины гитлеровцы взимали подворный налог с каждого крестьянского двора по 240 рублей в год; с каждого трудоспособного мужчины — по 120 рублей; за рабочую лошадь — от 800 до 1200 рублей; за собаку — 60 рублей; за кошку — 30 рублей. Кроме того, на содержание старост и старшин взималось от 5 до 8 рублей, на содержание полицейских — по 10 рублей, на содержание дорог и охрану мостов — от 10 до 20 рублей.

Кроме денежных налогов взимались натуральные налоги: с гектара посева зерновых — 2 центнера зерна (при среднем урожае в 3—4 центнера), 8 пудов сена с хозяйства, 360 литров молока с коровы, 30—50 яиц с курицы, 20—50 тонн картофеля на деревню. Учитывая, что псковские деревни не велики, да к тому же в годы войны они были наполовину пустыми, на каждый двор приходилось до тонны картофеля. Натуральные сборы производились также за выдачу паспорта, за крестины и т. д.¹

Примерно такие же налоги были установлены для северо-западных и пригородных районов Ленинградской области.

Кроме взимания денежных и натуральных налогов велись заготовки продовольствия для воинских частей. С этой целью за войсками следовали многочисленные хозяйственные команды, которые буквально грабили сельское население.

Взимание налогов, поставок и всевозможных сборов часто заканчивалось зверскими расправами над целыми селениями.

За один месяц хозяйничанья в Гдовском районе гитлеровцы отобрали у населения более 3 тыс. голов крупного рогатого скота; при этом якобы за оказанное сопротивление они убили и замучили 133 человека².

¹ ЛПА, ф. 0116, оп. 9, ед. хр. 1739, л. 428—430.

² ЛПА, ф. 0116, оп. 1, ед. хр. 1723, л. 57.

В деревне Закрапивино Полновского района требовали от крестьян хлеба, масла, яиц, свинины, меду. Крестьяне отказались выполнить это требование. Тогда командир части приказал солдатам отобрать все насильно, что и было сделано. За оказанное «сопротивление» фашисты выгнали на середину деревни крестьян и учинили порку. Поркой руководил сам командир части. Немецкие солдаты — любители острых ощущений сфотографировали эту публичную порку.

Ворвавшись в Залучский район, гитлеровцы ограбили и разрушили 66 сел из 112, уничтожили все общественные постройки. За оказанное сопротивление расстреляли и повесили 55 колхозников. Особенно свирепствовали гитлеровцы в пригородных районах Ленинграда, ставших прифронтовыми, — Тосненском, Павловском, Гатчинском, Чудовском, Киришском, Мгинском и др. Население этих районов было ограблено начисто, дома и постройки сожжены, десятки тысяч советских людей были обречены на голодную смерть. Фашисты расстреляли и повесили сотни людей, в том числе стариков, женщин, инвалидов и детей. В деревне Верест Волосовского района проходившие немецкие войска отобрали у колхозников весь хлеб, овощи, скот, за сопротивление грабегам публично расстреляли колхозников В. Егорова, М. Тавиод и Р. Озолина.

С 1941 г. гитлеровцы вели широкую агитацию за выезд советских людей на работу в Германию. Но эта агитация не дала положительных результатов, советские люди не хотели ехать в Германию. Фашисты применили другой метод: через старшин и старост населению вручались повестки о явке на сборные пункты. Но и это не помогло — советские люди уклонялись, прятались от вербовщиков и старост, уходили в леса. Осенью 1942 г. начали применять насильственные меры для увоза советских людей в Германию. Для этого они создали специальные команды, вооруженные автоматами и пулеметами. Эти команды «вербовщиков» совершали внезапные налеты на населенные пункты, оцепляли их, устраивали облавы и всех захваченных мужчин, женщин, юношей и девушек, под конвоем отправляли на сборный пункт или на станции, а затем в закрытых вагонах вывозили в Германию.

Насильственный увоз в Германию сопровождался невиданной жестокостью и зверскими расправами. Когда фашисты ворвались в деревню Ровняк Пожеревицкого района, они согнали крестьян на площадь и заявили, что те должны отправиться на работу в Германию. Крестьяне наотрез отказались ехать. Гитлеровцы схватили Александра Павлова, Ивана Тимофеева, 14-летнего Ивана Павлова, 12-летнего Александра Николаева и Николая Николаева и всех пятерых расстреляли. Остальных загнали в машины и увезли.

Ворвавшись в деревню Палицы Порховского района, гитлеровцы выгнали на улицу 90 крестьян и объявили, что отправляют их в Германию. Крестьяне решительно заявили, что в Германию не поедут. Гитлеровцы загнали крестьян в сенной сарай и всех сожгли живыми¹.

Поспешно отступая под натиском Советской Армии, фашисты уничтожали на своем пути все живое. Специально созданные немецким командованием группы подрывников, факельщиков и эвакуаторов минировали и взрывали города, выжигали села, истребляли советских людей.

Немецкий карательный отряд ворвался в деревню Сево Навережского сельсовета Пожеревицкого района и сжег ее. В огне погибло все имущество колхозников. Мирных жителей, пытавшихся выходить из горевших домов, каратели расстреливали в упор. В результате дикой расправы было убито и сожжено 86 мирных жителей деревни Сево, в том числе 27 женщин и 45 детей в возрасте от 3 месяцев до 15 лет. Спаслось от расправы только 19 человек.

Только за один день в январе 1944 г. в Дновском районе фашисты сожгли 17 деревень и уничтожили 215 мирных граждан. За отказ выехать в Германию в деревне Большое Тресно изверги расстреляли 58, а в деревне Большая Горушка — 105 женщин и детей.

Крестьяне-колхозники всюду оказывали активное сопротивление немецко-фашистским захватчикам. За непокорность и оказание сопротивления фашисты со-

¹ См. М. Н. Никитин и П. И. Вагин. Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей, стр. 59.

жгли и разграбили 259 колхозных сел, расстреляли, замучили или угнали на каторгу в Германию 16 тыс. крестьян Дедовичского района. Оставшиеся в живых вынуждены были до прихода Советской Армии скрываться в лесах. Так же поступили фашисты и с населением Поддорского, Белебелковского, Славковского, Уторгошского и других районов. В Уторгошском районе немецкие захватчики из 117 селений уничтожили 106. Население района, скрываясь от фашистских «вербовщиков», до прихода Советской Армии укрывалось в лесах¹. Так было всюду.

Фашистам не удалось покорить советских людей. Трудящиеся Ленинградской области всеми силами сопротивлялись оккупантам, создавали отряды, вели партизанскую борьбу, помогали Советской Армии, а в период наступления войск Ленинградского фронта во многих районах подняли вооруженное восстание, они выступали против фашистов под лозунгом: «Лучше умереть в бою, чем покориться оккупантам».

¹ ЛПА, ф. 24, оп. 2, ед. хр. 5305, л. 236.

ЖЕРТВЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ БЛОКАДЫ — РЕЗУЛЬТАТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ленинград, являвшийся одним из крупных объектов в захватнических планах немецко-фашистской армии, не был оккупирован гитлеровцами, но пережил ужасы 900-дневной блокады.

Невероятные страдания выпали на долю населения города, которое до войны составляло 3 млн. 300 тыс. человек. Огромный ущерб причинила блокада и самому городу — его жилому фонду, историческим памятникам, культурным сокровищам. Все это дает основание рассматривать блокаду Ленинграда как один из преступных актов гитлеровской оккупационной политики — политики уничтожения советского народа. С целью разрушения Ленинграда и истребления его жителей немецко-фашистская армия широко применяла авиационные налеты и артиллерийские обстрелы города.

Наступление на Ленинград с воздуха, начавшееся 6 сентября 1941 г. и сопровождавшееся артобстрелами, особенно возросло в первые месяцы блокады и продолжалось в течение всей 900-дневной героической борьбы за город. 8 сентября 1941 г. вражеские самолеты, прорвав противовоздушную оборону города, совершили первый массированный налет на Ленинград. Бомбардировке подверглись в основном Московский, Смольнинский, Дзержинский районы. Фашистские летчики сбросили на город более 6 тыс.

зажигательных и 48 фугасных бомб (весом 250—500 килограммов). Возникло 178 пожаров¹.

9 сентября враг повторил артиллерийский и воздушный налеты на город, расширив зону бомбардировки.

Характерной была воздушная бомбардировка города 19 сентября 1941 г. В этот день воздушная тревога объявлялась шесть раз, в налетах участвовало 264 самолета противника. Общая продолжительность воздушной тревоги составила 7 часов 34 минуты. На город было сброшено 528 фугасных и 1435 зажигательных бомб. Немецкая артиллерия в течение дня несколько раз обстреливала город, всего было выпущено 97 снарядов. Вследствие налетов фашистской авиации и артобстрелов в Ленинграде образовалось 89 очагов поражения. В их ликвидации в этот день участвовало 25 390 человек.

Враг бомбардировал и обстреливал не только объекты стратегического и оборонного значения. Фашистские летчики обрушивали свой смертоносный груз на мирные кварталы города. Они разрушали жилые здания, школы, больницы, культурно-бытовые учреждения, калечили и убивали мирных, ни в чем не повинных людей — женщин, стариков, детей, больных и раненых.

Бомбардировки и обстрелы города проводились врагом по заранее разработанному плану. Они были преднамеренной жестокостью по отношению к мирному населению города, памятникам архитектуры и искусства. Об этом свидетельствуют планы Ленинграда, захваченные при разгроме фашистских войск под стенами города в январе 1944 г., на которых среди объектов для артиллерийского обстрела под № 9 отмечен Эрмитаж — сокровищница мирового искусства, под № 192 — Дворец пионеров, под № 89 — больница имени Эрисмана, под № 708 — Институт охраны материнства и младенчества, под № 757 — жилой квартал на Большой Зелениной улице и т. д.

Стремясь нанести наибольший урон населению, фашисты приурочивали налеты и обстрелы к тому времени, когда в городе было особенно оживленное движение, наибольшее скопление жителей.

¹ См. Д. В. Павлов. Ленинград в блокаде. М., 1958, стр. 25.

За период блокады фашистская авиация сбросила на Ленинград 107 тыс. фугасных и зажигательных бомб. Фашисты обстреливали город 611 раз, или 22 дня ежемесячно, и выпустили 150 тыс. снарядов. В течение почти трех лет враг обрушивал на Ленинград в среднем по 300 бомб и снарядов ежедневно. В городе возникло до 16 тыс. пожаров. В результате бомбежек и артобстрелов было убито 16 747 и ранено 33 782 человека ¹.

Фашистские варвары нанесли огромный ущерб промышленности, городскому хозяйству и населению города. Было разрушено и повреждено свыше 10 тыс. жилых домов площадью более 17 млн. квадратных метров. Сотни тысяч жителей города лишились крова. Полностью было разрушено 840 промышленных зданий, более 3 тыс. повреждено. Уничтожено или повреждено большое количество оборудования, в том числе 218 паровых котлов, 16 паровых турбин, 389 электрогенераторов, 7110 электромоторов, свыше 3700 станков по металлу и т. д.

Значительный ущерб фашисты нанесли городскому и железнодорожному транспорту. Ими было разрушено 38,8 километра трамвайных путей, 118 трамвайных вагонов, повреждено 980 трамвайных вагонов и 114 троллейбусов. Уничтожено и повреждено 106 паровозов и 640 вагонов, разрушено более 285 километров железнодорожного полотна.

Гитлеровцы разрушили полностью 22 школьных здания и 5 зданий институтов; 393 школы и 150 учебных корпусов ленинградских вузов получили повреждения, в их числе здание Ленинградского университета, Академии художеств, Горного института и др. Пострадали 482 лечебных учреждения и 195 детских учреждений. В общей сложности убытки жилищного и коммунального хозяйства исчислялись в сумме до 15 млрд. руб. ²

Огромный ущерб немецко-фашистские варвары нанесли всемирно известным памятникам архитектуры и искусства Ленинграда. В результате бомбежек и артобстрелов было разрушено и повреждено 187 исторических зданий города, выстроенных прославленными

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 582.

² ЛПА, ф. 25, оп. 2, ед. хр. 4887, л. 140.

зодчими. Сильно пострадало здание Адмиралтейства, на которое было сброшено 26 фугасных бомб, 50 снарядов и сотни зажигательных бомб. На протяжении долгих месяцев враг упорно, систематически обстреливал и бомбардировал Эрмитаж и Зимний дворец. В Эрмитаж попали две авиабомбы и около 30 артиллерийских снарядов, которые причинили значительные повреждения зданию и уничтожили 151 и повредили 27 376 ценнейших экспонатов. В Зимний дворец попала бомба и 10 артснарядов¹. Большие разрушения и ущерб были причинены Русскому музею, Центральному историческому архиву (здание бывшего сената), Таврическому дворцу, Петропавловской крепости, театру оперы и балета имени С. М. Кирова и др. В пригородах Ленинграда — Петродворце, Пушкине, Павловске, Гатчине, где хозяйничали в период блокады гитлеровские оккупанты, всемирно известные произведения искусства были разрушены или разграблены. Только из Петродворца фашисты вывезли в Германию около 34 тыс. музейных экспонатов².

Противник нанес большие потери Ленинграду, но не смог сжечь и разрушить город, не сломил воли трудящихся к сопротивлению.

Великая любовь к социалистической Родине, принесшей советскому народу счастье и процветание, придавала силы ленинградцам перенести не только бомбардировки и артобстрелы, но и более суровые, невиданные лишения и трудности, которые принесла им вражеская блокада.

В результате блокады резко сократился подвоз продовольствия в Ленинград. Основные продовольственные ресурсы к январю 1942 г. были почти полностью израсходованы. На 1 октября 1941 г. запасы муки в Ленинграде составляли 42,2 процента к запасам на 1 июня 1941 г., а к 1 января 1942 г. — всего лишь 2 процента. Нормы выдачи хлеба и других продуктов неуклонно снижались. По самой низкой норме с 20 ноября по 25 декабря 1941 г. рабочие и ИТР получали по 250 граммов хлеба в день, а служащие, иждивенцы и дети — по 125 граммов³. Но какой это был

¹ См. «Акт Ленинградской комиссии...», стр. 14.

² См. «Вопросы истории КПСС», 1961, № 1, стр. 65.

³ ЛПА, ф. 25, оп. 15, ед. хр. 143, л. 79.

хлеб? Черный, жесткий, наполовину состоящий из примесей, он был малосъедобен и малопитателен. В городе начался голод. Люди употребляли в пищу столярный клей (из него варили студень), сыромятные ремни, машинные масла, жмыхи. Хлеб стал драгоценностью.

К мукам голода прибавились бытовые лишения. В городе почти иссякло топливо, а зима выдалась суровая — стояли сильные морозы. За последние два с лишним столетия средняя зимняя температура в 1941/42 г. была одной из самых низких. Выпало много снега: он лежал непроходимыми сугробами на площадях, улицах и набережных города. Снежные сугробы покрылись ледяным панцирем и превратились в огромные глыбы. Здания обледенели. Корабли, стоявшие на Неве, были похожи на суда, затертые в полярных льдах. Холод преследовал ленинградцев всюду — и на заводах, и в учреждениях, и в квартирах. В результате артиллерийских обстрелов и бомбежек с воздуха в цехах заводов и в жилых домах оконные стекла были выбиты, а фанера и доски, которыми заколачивались окна, плохо держали тепло. Нередко в цехах у станков лежал снег, так как крыши зданий были пробиты фашистскими бомбами или повреждены артснарядами. Температура была настолько низкой, что руки примерзали к металлу. Рабочие ставили небольшие жаровни рядом со станками, чтобы немного согреться и продолжать работу. В типографии газеты «Правда», для того чтобы разогнать машину, тратили больше часа. Краска мерзла, надо было ее разогревать и после этого пускать в печать.

Перестало действовать центральное отопление. В жилых домах и на предприятиях были установлены печи-временки, но вскоре и их стало нечем топить. Тысячи людей переселились в подвалы — бомбоубежища крупных домов или съезжались в маленькие комнаты, где было больше шансов как-то сохранить немного тепла.

Замерзла домовая сеть водопровода. 24 января 1942 г. вышел из строя городской водопровод. Истощенным, ослабевшим людям приходилось с большим трудом ходить за водой на Неву, брать воду из каналов, из пожарных гидрантов и на санках

в ведрах, бидонах, кастрюлях привозить ее в свои жилища.

Из-за отсутствия света и топлива прекратилась работа бань, прачечных, парикмахерских. Это тяжело отразилось на быте ленинградцев.

В городе резко снизилась выработка электроэнергии. В январе 1942 г. электростанции Ленинграда давали энергии всего 4 процента по сравнению с выработкой на 1 января 1941 г. Получали электроэнергию только госпитали, хлебозаводы, типографии и некоторые промышленные предприятия. Из-за отсутствия электроэнергии многие фабрики и заводы прекратили работу, некоторые перешли на производство ручным способом. На ряде заводов были построены местные блок-станции.

Для освещения в быту и на предприятиях ленинградцы пользовались разного рода коптилками, фонарями и даже лучиной.

Остановился городской транспорт. Трамваи и троллейбусы, занесенные снегом, стояли в парках и на улицах города. В городе почти не было горючего. И поэтому редко можно было увидеть проезжавшую автомашину. По опустевшим улицам усталой походкой, шатаясь от слабости и истощения, брели пешеходы. Ленинградцы в суровую зиму 1941/42 г. совершали пешком десятки километров пути, направляясь на фабрики и заводы, в учреждения и школы. Нередко им приходилось идти с одного конца города на другой.

Голод, холод, невиданные трудности и лишения подрывали здоровье и физические силы ленинградцев. Люди опухали от голода, страдали авитаминозом, цингой и дистрофией (истощение). Дети перестали улыбаться и были похожи на маленьких старичков, порой трудно было отличить молодую девушку от дряхлой старухи. Катастрофически росла смертность населения. В январе 1942 г. умирало не менее 3,5—4 тыс. человек ежедневно. Смерть настигала ленинградцев по пути на заводы и фабрики. А сколько героев погубило у своих станков, у которых они работали во имя победы до последних сил, до последнего вздоха! Медицинские работники, приходя по вызову к больным на квартиры, многих уже не заставляли в живых. Врач Милова в суровый январский день 1942 г.,

придя по вызову в квартиру № 67 дома № 11/13 по Боровой улице, увидела жуткую картину. «Полутемная комната. На стенах изморозь. На полу замерзшие лужи. На стульях труп мальчика 14 лет, в детской коляске — второй труп крошечного ребенка, на кровати мертвая хозяйка комнаты К. К. Вандель. Возле нее, растирая ей грудь полотенцем, стоит ее старшая дочь Миккау. Но погасшую жизнь не вернешь. В один день Миккау потеряла мать, сына и брата, погибших от холода и голода. У дверей, еле держась на ногах от истощения, стоит соседка Лизунова, обезумевшим взором глядит на умерших. На следующий день умерла и она». Жертвы блокады были почти в каждой квартире Ленинграда. Нередко вымирали целые семьи.

Об одной из таких трагедий блокированного города повествует записная книжка-дневник ленинградской четырехклассницы Тани Савичевой, хранящаяся в Музее истории Ленинграда.

«Женя умерла 28 декабря в 12 ч. 30 м., 1941 г.

Бабушка умерла 25 января в 3 часа дня 1942 г.

Лека умер 17 марта в 6 час. утра 1942 г.

Дядя Вася умер 13 апреля в 2 часа ночи 1942 г.

Дядя Леша — 10 мая в 4 часа дня 1942 г.

Мама — 13 мая в 7 ч. 30 м. утра 1942 г.

Савичевы умерли.

Умерли все».

Из всей семьи Савичевых, состоявшей из 7 человек, осталась одна Таня. Однако вскоре и она умерла.

За период блокады голод и другие лишения осажденного города унесли 632 253 жизни ленинградцев¹. Среди этих тысяч погибших были многие ученые, писатели, работники искусства: знаменитый семитолог академик П. К. Коковцев, выдающийся исследователь античности академик С. А. Тебелев, академик архитектуры Г. Д. Гримм, почвовед член-корреспондент АН СССР П. А. Земятчинский, профессор О. Р. Мунц, по проектам которого была построена Волховская ГЭС, доктор физико-математических наук З. З. Вулих, профессор Академии художеств А. И. Савинов, писатель А. Р. Беляев — автор известных фантастических романов, известный художник-портретист В. А. Зверев, работы которого хранятся в крупнейших музеях страны,

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 584.

композитор В. К. Томилин, заслуженный артист РСФСР Ф. П. Богданов и др. В Ленинграде от голода умерло 45 писателей, 110 художников, 136 архитекторов. В Государственном Академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова умерло от дистрофии 29 выдающихся артистов, в Горном институте погибло 36 профессоров и преподавателей.

С декабря 1941 г. по февраль 1942 г. от истощения умерло свыше трети оставшихся в Ленинграде сотрудников Института этнографии Академии наук СССР. Из 8 сотрудников Китайского кабинета Института востоковедения Академии наук СССР умерло 6 человек.

Погибли от голода многие видные деятели советской медицины — А. Н. Червенцов, А. А. Садов, заслуженный деятель науки офтальмолог В. Н. Долганов и др.

Хоронить погибших было трудно: не было транспорта, не хватало сил. И в те суровые дни можно было увидеть необычную процессию. По заснеженным улицам Ленинграда, с трудом передвигая ноги, один-два человека тянули за собой саночки или большой кусок фанеры, на котором везли на кладбище завернутый в простыню труп умершего. Кладбища и подъезды к ним были завалены мерзлыми телами, занесенными снегом. В домах, подъездах и на улицах лежали многие тысячи незахороненных трупов. Команды МПВО взрывали землю и погребали умерших в братских могилах. Значительное число погибших погребено на Пискаревском кладбище, ныне превращенном в мемориальный музей.

Но никакие жертвы, никакие трудности блокады не сломили стойкости и мужества ленинградцев.

Окруженный фашистскими полчищами, терпя невиданные лишения, Ленинград могучей твердыней стоял на берегах Невы.

История войн не знала другого подобного примера, когда город с многомиллионным населением, находясь в течение 900 дней в блокаде, жил, боролся и победил.

Защитники Ленинграда в своей героической борьбе не были одиноки. Врагу не удалось изолировать город Ленина от всей страны. Выдержать 900-дневную блокаду и победить врага ему помогла Родина, Советское правительство, весь советский народ.

Всенародная помощь страны в ее различных формах помогла защитникам Ленинграда преодолеть невероятные трудности и лишения блокады, выстоять перед лицом сильного и жестокого врага.

Эта помощь дала возможность воинам Ленинградского и Волховского фронтов подготовить и нанести в январе 1943 г. мощный удар по окружавшим город гитлеровским войскам и прорвать кольцо блокады. Восстановление железнодорожной связи с Большой землей не только укрепило военное положение Ленинграда, но и позволило придать новый, еще больший размах оказываемой ему помощи. Следствием этого было улучшение продовольственного снабжения населения города и воинов фронта, использования промышленного потенциала Ленинграда для проведения операций советских войск по снятию блокады с Ленинграда, а также на нужды военного хозяйства всей страны.

Замысел врага задушить Ленинград костлявой рукой голода был сорван.

В январе 1944 г. воины Советской Армии совместно с моряками Краснознаменного Балтийского флота и партизанами Ленинградской области окончательно разгромили гитлеровские войска под Ленинградом. 27 января 1944 г. вся страна праздновала великую победу под Ленинградом.

Правительство высоко оценило заслуги города-героя. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1945 г. Ленинград был награжден орденом Ленина.

Беспримерная по своему мужеству борьба ленинградцев в условиях 900-дневной блокады вызвала удивление и восхищение современников. Героическая оборона Ленинграда и разгром гитлеровских войск под его стенами были огромным вкладом в победу Советской Армии над фашистской Германией в Великой Отечественной войне.

Трудящиеся Ленинграда с помощью всей страны залечили раны, нанесенные войной, восстановили город-герой — крупнейший индустриальный и культурный центр СССР, превратили его в важнейший центр технического прогресса.

О РОЛИ ГЕРМАНСКОГО МИНИСТЕРСТВА ВОСТОЧНЫХ ОККУПИРОВАННЫХ ОБЛАСТЕЙ

Поход немецко-фашистской армии на восток ознаменовался невиданными зверствами в отношении гражданского населения и советских военнопленных. Это не явилось случайностью в политике нацистской Германии или результатом злой воли отдельных военнослужащих немецкой армии и полиции. Чудовищные злодеяния, совершенные нацистами на советских территориях, явились выражением определенной государственной политики правителей фашистской Германии. Оккупационная политика гитлеровской Германии явилась составной частью завоевательных планов германского империализма во второй мировой войне. На протяжении длительного времени в Германии велась идеологическая подготовка войны против Советского Союза. Гитлер еще в 1923 г. провозгласил: «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, нужно иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены». Нацистская пропаганда на все лады перепевала это положение Гитлера и призывала готовиться к завоеванию земель на востоке, прежде всего за счет Советского Союза и других славянских стран. Подробные планы в отношении устройства Восточной Европы были разработаны еще накануне второй мировой войны. В 1940 г. был составлен генеральный план «Ост», в котором в концентрированном виде изложены нацистские планы в отношении народов Восточ-

ной Европы. Сущность этого плана сводилась к уничтожению Советского государства, захвату территорий СССР и порабощению советских людей.

После принятия плана «Барбаросса» нацистские правители значительно активизировали деятельность по разработке вопросов оккупационной политики на подлежащих захвату территориях Советского Союза. Выступая на совещании высшего генералитета немецко-фашистской армии 30 марта 1941 г., Гитлер поучал их, что война против России представляет борьбу двух идеологий и что задача Германии в отношении России состоит в том, чтобы «разбить вооруженные силы, уничтожить государство». «Речь идет о борьбе на уничтожение. Война против Советского Союза будет резко отличаться от войны на западе. На востоке жестокость явится благом для будущего»¹. В этих установках нацистского главаря сформулированы требования ликвидации Советского государства и порабощения советских людей путем установления жесточайшего режима на захваченных территориях.

Огромную активность в разработке агрессивных планов в отношении Советского Союза и оккупационного режима проявил А. Розенберг, ставший впоследствии министром по делам оккупированных восточных территорий. Возглавляя внешнеполитический отдел германской национал-социалистской партии, А. Розенберг зарекомендовал себя в качестве одного из самых злобных врагов Советского Союза и других прогрессивных сил. В начале апреля 1941 г. он получил задание от правительства создать центральное политическое бюро для разработки восточных проблем. Так началось, по существу, создание восточного министерства, которое было оформлено вскоре после нападения Германии на Советский Союз. 2 апреля 1941 г. Розенберг подготовил меморандум о целях и методах германской оккупационной политики в отношении территорий Советского Союза. «Вооруженная борьба с Советской Россией,— говорится в нем,— приведет к быстрой оккупации больших частей территории Советского Союза, имеющих важное значение. Весьма вероятно, что военные действия с нашей стороны очень

¹ «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 81—82. Служебный дневник Гальдера. Запись 30 марта 1941 г.

скоро приведут к военному краху СССР». Касаясь вопроса о будущей политике в отношении Советского Союза, Розенберг писал: «Оккупация должна охватить чудовищно большой район. Обращение с отдельными частями территории должно с самого начала быть направлено на достижение поставленных политических целей, как в отношении управления, так и в экономическом и идеологическом отношении». В своем меморандуме Розенберг наметил политику в отношении различных частей Советского Союза. Дело шло о расчленении Советского Союза и разжигании вражды между различными национальностями нашей страны в целях осуществления великогерманской политики. Прибалтика — Эстония, Латвия и Литва — должна была стать областью немецкой колонизации. Предусматривалось массовое переселение немецких колонистов в эти страны и выселение больших групп «расово неполноценных» элементов. «Потребуется перемещение широких кругов интеллигенции — особенно латвийской — в русские основные территории», — указывал Розенберг. Наряду с этим он говорил о возможности поселения в прибалтийских странах датчан, голландцев, норвежцев и даже англичан после победоносного окончания войны.

Речь шла о том, чтобы «эта онемеченная в течение одного или двух поколений страна могла бы быть присоединена к собственно немецкой территории».

В меморандуме выдвинут план создания «Черноморского союза» в составе Украины, Дона и Кавказа, для того чтобы «постоянно держать под ударом Москву и обеспечить великогерманское жизненное пространство с востока». Строились планы создания марионеточных государственных формирований во главе с немецкими правителями — рейхскомиссарами, которые должны были служить целям агрессивной германской политики на Востоке. «В экономическом отношении эта область имела бы задачу образовать мощный сырьевой и дополнительный продовольственный базис для великогерманской империи». Другими словами, речь шла о превращении этих областей в аграрный придаток империалистической Германии.

Розенберг мечтал о возможности после захвата территорий Советского Союза в Европе установить

германское господство и над Средней Азией. Продвижение немецких войск в Среднюю Азию рассматривалось им так же, как возможность для нанесения удара по интересам Англии в Индии. Розенберг поставил вопрос: нельзя ли будет побудить правительства Ирана и Афганистана к выступлению против Индии? Угроза английским коммуникациям в Индию приобрела бы тогда реальное значение и принудила бы Англию к концентрации крупных сил в этом районе, чего она могла избежать в Европе и других районах.

Розенберг и его ведомство разработали структуру оккупационного аппарата для советских территорий. В приложении к «меморандуму» от 7 апреля 1941 г. (№ 2) говорится о лицах, намеченных на важнейшие посты в административном аппарате на Востоке. На пост имперского комиссара прибалтийских стран и Белоруссии Розенберг рекомендовал гаулейтера Генриха Лозе с местопребыванием в Риге, на пост рейхс-комиссара Украины — Шикеданца, который в течение 20 лет был занят разработкой «русского вопроса». Для руководства Кавказом намечался нацист, статс-секретарь Бакке, сам по происхождению с Кавказа и бегло говоривший по-русски. В качестве рейхс-комиссара области Дон — Волга был рекомендован Д. Клагесс, министр-президент Брауншвейга, с местопребыванием в Ростове-на-Дону. На случай оккупации Москвы Розенберг проектировал на пост рейхс-комиссара гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха. Он уже мечтал, что рейхс-комиссары будут назначены Гитлером не только для прибалтийских стран, Украины, Кавказа и области Дон — Волга, но и для Москвы и Туркестана.

В отчете от 28 июня 1941 г. о подготовительной работе по восточноевропейским вопросам Розенберг указывает, что по предварительному плану, одобренному фюрером, в настоящий момент намечается создание четырех имперских комиссариатов. «Исходя из соображений политического характера, я предложу фюреру организовать достаточное количество генеральных комиссариатов (24), главных комиссариатов (около 80) и областных комиссариатов (свыше 900)»¹.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, д. 157, л. 55—70; «Нюрнбергский процесс», т. 2, стр. 553.

20 апреля 1941 г. Розенберг был назначен уполномоченным по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями. Для выполнения возложенных на него задач Розенбергу подчинялось созданное для этой цели учреждение. Копия приказа о назначении А. Розенберга была направлена начальником имперской канцелярии Ламмерсом начальнику штаба ОКВ Кейтелю с просьбой о сотрудничестве. «...Прошу Вас,—говорится в письме,— в соответствии с желанием фюрера, оказать любую требуемую помощь рейхслейтеру Розенбергу в деле проведения возложенной на него задачи». В том же письме Кейтелю рекомендовалось выделить представителя в учреждение Розенберга для связи. В ответном письме Кейтель сообщил, что постоянным заместителем для связи с ведомством Розенберга назначен начальник штаба оперативного руководства генерал артиллерии Иодль, а его заместителем — генерал Варлимонт. Им было поручено заняться решением задач, поставленных перед Розенбергом,— «в той степени, в какой они касаются верховного командования вооруженных сил»¹.

Вскоре после назначения Розенберга в штабе ОКВ под руководством Кейтеля состоялось совещание, на котором был обсужден ряд проблем, связанных с предстоявшей оккупацией территорий Советского Союза. Учитывая предложения Розенберга, Кейтель издал приказ относительно порядка откомандирования соответствующих лиц в ведомство по разработке оккупационной политики на Востоке. «Все последовавшие за этим переговоры по всем вопросам восточного пространства проводились впоследствии должностными лицами ОКВ совместно с сотрудниками аппарата Розенберга»². В результате переговоров с адмиралом Канарисом было договорено, что люди из аппарата Розенберга при существующих условиях «ни в коем случае не будут вступать ни в какие сношения с какими-либо представителями народов Восточной Европы».

Позднее Розенберг ознакомил генерала Браухича и гроссадмирала Редера «с историческим и политиче-

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. 2, стр. 548, 549.

² Там же, стр. 551.

ским пониманием восточной проблемы». В результате дальнейших переговоров была достигнута договоренность о выделении представителей ведомства Розенберга по вопросам политического характера, связанным с запросами верховного командования. Эти представители должны были находиться при главном командовании армии и в отдельных армейских группах. В результате переговоров с министерством пропаганды было достигнуто соглашение, в соответствии с которым утверждение и согласование всех политических и прочих статей, текстов речей и воззваний и т. п. должно было проводиться в ведомстве Розенберга. Содержание пропагандистских работ должно было координироваться с установками министерства пропаганды и просвещения.

Розенберг отметил, что состоялось собеседование также с министром по вопросам экономики Функом, который назначил в качестве постоянного представителя министерства директора Шлоттерера (директор концерна «И. Г. Фарбениндустри»). С участием последнего стали затем почти ежедневно проводиться совещания в духе военно-экономических задач штаба по руководству экономическими мероприятиями на Востоке. «Тут же, — отмечает Розенберг, — мне пришлось вести переговоры с генералом Томасом, статс-секретарем Кернером, статс-секретарем Бакке, министерствального директором Рике, генералом Шубертом и другими.

По всем восточным вопросам, связанным с непосредственной работой специалистов на данном этапе, а также тем вопросам, которые касались будущего, было достигнуто полное соглашение»¹.

Длительные совещания проводились с представителями полиции в целях координации полицейских функций с нормами «нового порядка». Большое внимание Розенберг уделил вопросу подготовки пропагандистской деятельности на подлежащих оккупации территориях СССР. Ответственные сотрудники министерства просвещения и пропаганды и других ведомств, министерствального директор Фриче, посланник Шмидт (МИД Германии), имперский интендант ра-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, д. 144, л. 249—255.

диовещания Глазмеер, д-р Гротте (ОКВ) и другие были приняты Розенбергом и «проинструктированы по вопросам позиций, которые они должны будут занять с просьбой согласовать терминологию прессы, по возможности избегая всякой огласки».

За два дня до нападения Германии на Советский Союз Розенберг выступил в узком кругу своих сподвижников с большой речью, в которой он суммировал прежние высказывания по вопросу о политических целях войны против Советского Союза. «Советский Союз... стал теперь объектом немецкой мировой политики»¹. Розенберг решительно выступил против идеи сохранения какого бы то ни было единого национального государства на территории СССР. Задача нацистов, пояснял он, состоит не только в уничтожении большевизма, Советского государства, но и в том, чтобы воспрепятствовать созданию какого бы то ни было нового национального государства на территории России. «Война ведется,— указывал Розенберг,— не во имя образования неделимой России, а для проведения германской мировой политики». Ее цель состоит в том, чтобы «выкроить из огромной территории государственные образования и направить их против Москвы, освободив тем самым германскую империю на будущие века от восточной угрозы».

Розенберг неоднократно сетовал по вопросу «опасности», якобы угрожавшей Германии со стороны Советского Союза. «Великая борьба на востоке Европы,— говорится в инструкции Розенберга рейхскомиссару «Остланда» от 21 июля 1941 г.,— означает разгром большевизма навсегда... Но Советский Союз означает лишь очень короткий промежуток времени во всей совокупности исторических проблем восточного пространства. Поэтому целью этой войны является не только разгром большевизма, но и создание нового порядка... Политической целью вооруженной борьбы может быть только одно — навсегда освободить Германскую империю от великорусского натиска»².

¹ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, д. 1666, л. 187—188.

² ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 18777.

Касаясь вопроса о целях рейхскомиссара «Остланда», Розенберг писал: «Цель рейхскомиссара для территорий Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии должна заключаться в том, чтобы добиваться для них формы протектората империи и затем, привлекая на свою сторону полноценные в расовом отношении элементы и проводя известные мероприятия, касающиеся политики расселения, превратить их в часть великой германской империи. Балтийское море должно стать внутренним морем на севере под защитой великой Германии»¹.

Белоруссия рассматривалась нацистами как область для переселения нежелательных элементов из Латвии, Литвы, Эстонии и польских территорий, включенных в состав Германии. «Представляется целесообразным поселять поляков не в генерал-губернаторстве, а на востоке Белоруссии (Смоленская область), чтобы вытеснить оттуда русский дух».

Прикрываясь флагом «освободителей» народов Прибалтики, нацистские главари решительно выступали против создания независимых государств любого рода. В инструкции рейхскомиссару «Остланда» Розенберг прямо указывал: «Рейхскомиссар «Остланда» должен воспрепятствовать возникновению претензий на создание независимых от Германии эстонского, латышского, литовского и белорусского государств. Нужно постоянно подчеркивать, что все эти области подчиняются немецкой администрации, которая имеет дело с народами, а не с государствами».

При этом рекомендовалось внушать населению, что «Германия со всей ее мощью на протяжении многих лет была единственным гарантом мнимой независимости этих народов, которые в результате действий своих политиков посмели бороться против этой Германии».

Указав на нецелесообразность публичного высказывания по данному вопросу, Розенберг заявил, что «из отклонения идеи о создании государства вытекают все мероприятия, чтобы не допустить создания самостоятельных национальных армий. Военная власть

¹ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 18777, стр. 4.

также здесь принадлежит великой германской империи, а не малым народам Остланда»¹. Только к управлению общинами разрешалось привлечение представителей местного населения. Таков тот «новый порядок», который нацисты из министерства Розенберга разработали для народов Латвии, Литвы, Эстонии и Белоруссии. Речь шла об установлении колониального режима в форме немецкого протектората, онемецивании местного населения, истреблении непокорных и выселении всех нежелательных элементов.

16 июля 1941 г. в ставке Гитлера состоялось совещание нацистских главарей по вопросу о «новом порядке» на оккупированных территориях Советского Союза. Первые успехи немецко-фашистских войск вскружили ему голову. В предвидении скорой «победы» Гитлер с упоением заявил: «Создание военной державы западнее Урала никогда не должно стать снова на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска. Защиту этого пространства от всяких возможных опасностей берет на себя Германия...»²

Сформулировав — в который уже раз! — программу уничтожения Советского государства, расчленения его территорий и порабощения советских людей, Гитлер и другие главари фашизма откровенно говорили здесь о жесточайших методах подавления какого бы то ни было сопротивления советских людей оккупантам. Он требовал «учиться» в проведении политики угнетения народов у английских империалистов, которые, как известно, накопили богатый в этом отношении опыт. Примером должно служить поведение англичан в Индии...

Розенберг на этом совещании выступал за проведение дифференцированной политики в различных районах в целях разъединения народов оккупированных территорий и натравливания их друг на друга. Он поставил затем вопрос об обеспечении управления,

¹ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 18777, стр. 6, 7.

² «Преступные цели — преступные средства». М., стр. 50—51.

т. е. о подавлении сопротивления народных масс оккупантам. Выступивший затем Гитлер заявил о необходимости предоставления полицейским полкам танков, применение которых полицией в новых восточных областях «чрезвычайно нужно», так как, имея соответствующее количество танков, полиция могла бы сделать многое. Для подавления сопротивления населения Гитлер рекомендовал использовать авиацию. Рейхсмаршал Геринг должен был переместить свои учебные аэродромы в новые области, и, если это будет нужно в случае восстания, даже Ю-52 смогут сбрасывать бомбы. Гигантское пространство должно быть как можно скорее подчинено. Лучше всего это может быть достигнуто путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд. Присутствовавший на совещании фельдмаршал Кейтель в своем выступлении подчеркнул, что «надо сделать местное население ответственным за свои собственные дела, так как, естественно, невозможно ставить охрану возле каждого сарая, для каждого вокзала. Местные жители должны знать, что будет расстрелян всякий, кто проявляет бездействие, и что они будут привлекаться к ответственности за всякий проступок»¹. На этом же совещании были утверждены имперские комиссары для «Остланда» — Украины, Москвы и Кавказа (Г. Лозе, Э. Кох, Каше, Шикеданц).

Совещание 16 июля 1941 г. в ставке Гитлера определило окончательно основные направления оккупационной политики немецко-фашистских властей на захваченных территориях Советского Союза.

На следующий день последовал приказ Гитлера о гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях.

«Гражданские власти,— говорится в § 2 этого приказа,— во вновь оккупированных восточных областях подчинены рейхсминистру по делам оккупированных восточных областей, если эти области не входят в компетенцию администрации пограничных с империей или с генерал-губернаторством территорий»². Рейхсминистром по делам оккупированных восточных

¹ «Преступные цели — преступные средства», стр. 53, 54.

² Там же, стр. 54—55.

областей был назначен А. Розенберг. В приказе было установлено, что подчиненные рейхсминистру по делам оккупированных восточных областей вновь оккупированные области подразделяются на рейхскомиссариаты; они в свою очередь подразделяются на генеральные округа, а эти последние — на районы.

В тот же день, 17 июля 1941 г., Гитлер подписал указ о полицейской охране оккупированных восточных областей, которая возлагалась на рейхсфюрера СС и начальника полиции Германии Гиммлера. Последний наделялся правом отдавать рейхскомиссарам распоряжения по данному вопросу. Для осуществления полицейской охраны к каждому рейхскомиссару прикомандировывался старший начальник СС и полиции, непосредственно и лично подчиненный рейхскомиссару. К генеральным комиссарам, главным комиссарам и областным комиссарам прикомандировывались начальники СС и полиции, непосредственно и лично им подчиненные.

В дополнение к этому 23 июля Гитлер еще раз дал директивные указания о жесточайшем подавлении всякого сопротивления на оккупированных восточных территориях. «Имеющиеся для обеспечения безопасности в покоренных восточных областях войска ввиду обширности этого пространства будут достаточны лишь в том случае, если всякого рода сопротивление будет сломлено не путем юридического наказания виновных, а если оккупационные власти будут внушать тот страх, который единственно способен отбить у населения всякую охоту к сопротивлению».

За этим в июле — августе 1941 г. последовала целая серия указов, приказов, распоряжений по вопросам оккупационной политики. 5 августа было издано распоряжение Розенберга о введении трудовой повинности в оккупированных восточных областях для всех жителей в возрасте от 18 до 45 лет¹. 16 августа было введено в действие распоряжение о принудительной трудовой повинности для еврейского населения в возрасте от 14 до 60 лет. Для этой цели организовывались «трудовые отряды». Лица, уклоняющиеся от выполнения трудовой повинности, подлежали

¹ ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, д. 183, л. 52.

заклучению в каторжную тюрьму. «В тех случаях, когда уклонение от трудовой повинности осуществлялось несколькими лицами по договоренности между собой, или в других особо тяжелых случаях может быть применена смертная казнь».

23 августа 1941 г. Розенберг подписал указ о вынесении специальными судами смертных приговоров лицам, не повинующимся оккупационным властям. Местное население,— говорится в указе,— обязано вести себя в соответствии с немецкими законами и приказами, изданными немецкими властями. Поскольку местные жители не являются немецкими подданными или лицами немецкой национальности, они подлежат следующему особому положению о наказаниях:

«Все лица, осуществляющие акт насилия против немецкой империи или против органов власти, находящихся на территории восточных оккупированных областей, подлежат смертной казни, а в менее тяжелых случаях — заключению в каторжную тюрьму»¹.

Этот приказ Розенберга представляет типичный образец фашистского террористического законодательства на оккупированных территориях. Сформулированные в нем положения давали возможность всегда найти предлог для расправы с населением оккупированных территорий.

Проведение жестокой политики рассматривалось гитлеровцами на оккупированных территориях как естественное явление. Бывший рейхскомиссар Украины Э. Кох неоднократно заявлял о необходимости самых жестоких мер по отношению к населению Украины, дабы оно чувствовало силу оккупационных властей. «Само собой разумеется,— писал Кох Розенбергу 16 марта 1943 г.,— что жесткие требования германского военного командования относительно поставок сельскохозяйственных продуктов и набора рабочей силы в Германию следует проводить только суровыми методами... Руководство, лишенное жестокости, постоянно рассматривалось бы славянскими народами как признак слабости... Само собой разумеется, что из моего рейхскомиссариата нельзя доставить

¹ «Преступные цели — преступные средства», стр. 61—63.

в Германию 1,5 млн. людей без того, чтобы германская администрация при этом не проявляла известной жестокости...¹

Восточное министерство уделяло большое внимание судьбам Кавказа. Розенберг неоднократно указывал на необходимость захвата этого важного района Советского Союза. Когда немецкие войска развернули наступление на юг летом 1942 г., Розенберг составил специальную записку «О преобразовании Кавказа», в которой намечены контуры оккупационного режима на Кавказе. «Цель германской политики — господство над Кавказом и над граничащими с юга странами как в политическом, так и в военном отношении. Задача Кавказа, прежде всего, является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток»². Во главе германской администрации должен был стоять «имперский покровитель по Кавказу», или «наместник по Кавказу», во главе отдельных районов намечалось поставить «наместников», или «покровителей». Предусматривалась военная оккупация районов Кавказа на длительный срок. Ставленник Розенберга на пост рейхскомиссара Кавказа Шикеданц в составленной 28 августа 1942 г. записке «Краткий отчет организационного штаба «К»» (т. е. «Кавказ») сообщал, что намечено создать пять больших управлений: Грузия, Азербайджан, Горный Кавказ, Кубань, Терек. Созданный задолго до этого организационный штаб «Кавказ» развернул активную деятельность в лагерях военнопленных, стремясь завербовать представителей кавказских народов. Для этой цели был создан специальный орган «Динстштелле», который проводил свою работу в тесном контакте с учреждениями министерства Востока. К работе были привлечены лица из белоэмигрантских элементов. В подготовке оккупационного режима на Кавказе приняло участие и министерство иностранных дел Германии, которое

¹ Документы и материалы ОИВОВ, ИМЛ, инв. № 5404-с, стр. 1—2. ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, ед. хр. 217, док. № 192-ПС.

² ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, ед. хр. 1666, стр. 123.

подобрало кандидатуру грузинского «престолонаследника» в лице белоэмигранта князя Багратиона-Мухранского, женатого на итальянке.

Большое внимание было уделено подготовке к экономической эксплуатации Кавказа — для облегчения германской военной экономики. «По инициативе штаба «К» при министерстве Востока создано общество обеспечения немецких капиталовложений. Задача общества сводилась к тому, чтобы прибрать к своим рукам промышленные предприятия на Кавказе и использовать их в интересах германской военной экономики. Общество обеспечения немецких капиталовложений должно было действовать в том же направлении, что и создаваемые крупные акционерные общества».

Приведенные факты свидетельствуют, что восточное министерство Розенберга являлось орудием оккупационной политики германского фашистского империализма, стремившегося к установлению своего мирового господства. Но оккупационный режим представлял собой, по выражению английского историка Д. Реитлинджера, «дом, построенный на песке». Под могущественными ударами Советских Вооруженных Сил немецко-фашистские колонизаторы были выброшены с территории СССР, а гитлеровское государство рухнуло, похоронив под своими обломками авантюристическую клику фашистских правителей.

ФАШИСТСКИЕ ПЛАНЫ ГЕРМАНИЗАЦИИ СЛАВЯНСКИХ СТРАН В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Составной частью авантюристических замыслов германского империализма о завоевании мирового господства было порабощение славянских народов в целях их денационализации и колонизации территории славянских стран.

В рамках подготовки к осуществлению этих агрессивных планов фашизм проводил длительную и интенсивную идеологическую обработку немецкого населения. Большое значение придавалось обоснованию исторической оправданности германской экспансии против славянских народов, как народов якобы неполноценных в расовом отношении.

Идеи германской экспансии против славян, идеи расовой ненависти были унаследованы и восприняты фашизмом от идеологов пангерманизма, таких, как П. Легар, Ф. Ланге, Л. Вольтманн, казенно-полицейский историк Ф. Трейчке¹, автор программы создания «Срединной Европы» Ф. Науманн, ярый антисемит Т. Шёнерер, которого с интересом слушал Гитлер, и многих других. Пангерманисты доказывали превосходство и божественное предназначение «нордической» расы и оправдывали законность захвата чужой территории. Их домыслы послужили идеологическим прикрытием и обоснованием агрессивных устремлений

¹ См. о нем: *В. И. Ленин. Соч.*, изд. 5, т. 13, стр. 8.

германского империализма в конце прошлого и в начале XX века.

В обширной националистической германской и частично австрийской литературе, издававшейся уже накануне первой мировой войны, можно найти все компоненты, составившие потом основу фашистского антиславизма. В этой литературе провозглашалось требование расширения жизненного пространства немцев за счет выселения чехов, поляков, словенцев и других славян с родных земель в Россию, доказывалась необходимость «колонизации земель России» и велась проповедь истребительной войны против славян, как людей более низшей, чем немцы, расовой категории, в целях обеспечения мирового господства немцев.

На формирование агрессивной антиславянской политики германского империализма большое влияние оказало также пруссачество, духом которого была пропитана вся государственная и общественно-политическая жизнь Германии. Прусские юнкеры видели в землях славянских народов на востоке главный резерв расширения своих земельных владений. Лапидарно эта программа агрессии германского империализма против восточных соседей Германии была выражена получившим широкую известность девизом «*Drang nach Osten*» — «Натиск на Восток».

Как известно, эта программа германизации славян не оставалась лишь пожеланием. В течение многих веков господствующие классы Германии и Австро-Венгрии предпринимали большие усилия, чтобы осуществить ее на практике. Нацисты восприняли как пангерманско-пруссаческие идеи о расширении жизненного пространства немцев за счет славянских народов, так и саму практику германской колонизации славянских земель в прошлом. Они довели эти идеи и практику до крайнего шовинизма и человеконенавистничества. При этом суровые уроки, которые неоднократно получали немецкие захватчики на Востоке, полностью игнорировались.

Фашистская программа внешней экспансии отличалась крайней степенью цинизма. Лидеры национал-социализма не считали нужным скрывать, что их целью является аннексия чужих земель на евро-

пейском континенте, в первую очередь захват земель Советского Союза и других стран Восточной Европы.

«Когда мы говорим сегодня о завоевании новых земель в Европе,— писал Гитлер в «Майн кампф»,— мы можем думать в первую очередь только о России и о подчиненных ей лимитрофах». Еще более определенно и конкретно в отношении славян Гитлер говорил в интимных беседах со своими приверженцами, непосредственно связывая завоевание мира немцами с истребительной войной против славян. «Надо любыми средствами,— говорил он,— добиваться того, чтобы мир был завоеван немцами. Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего изгнать и уничтожить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев и белорусов»¹.

Подобные же мысли в отношении славян высказывал и А. Розенберг в своей книге «Миф XX столетия». «В великой борьбе за существование, честь, свободу и хлеб, какую ведет столь творческая нация, как германская, недопустимо считаться с поляками, чехами и тому подобными нациями... Эти нации необходимо отбросить на восток, чтобы освободить земли, которые будут обрабатывать немецкие руки»².

В чем же заключались причины особо враждебного отношения германского фашизма к славянским народам? В основе экспансии германского империализма против славян лежали экономические и социально-политические причины. Рассматривая с необыкновенным вожделием земли славянских народов как богатейшую кладовую промышленного сырья и продовольствия, германский империализм рассчитывал путем захвата этой кладовой обеспечить постоянную и обширную сырьевую базу монополистическому капиталу, а также решить одновременно ряд острых внутренних социальных проблем. В первую очередь имелось в виду ослабить остроту аграрного вопроса, порожденную крайне неравномерным рас-

¹ «Второй всеславянский митинг в Москве 4—5 апреля 1942 г.». М., 1942, стр. 14.

² «Изверг Гитлер — лютый враг славянских народов». М., 1941, стр. 25.

пределением земли в самой Германии, где сосредоточение огромных земельных массивов в руках малочисленной кучки крупных землевладельцев вызвало малоземелье подавляющей массы крестьянства, «аграрное перенаселение» и породило острые социальные противоречия в деревне. Эти противоречия, угрожавшие социальной революцией, фашизм рассчитывал устранить за счет внешней экспансии, путем наделения землей малоземельных крестьян в завоеванных районах. Определенную роль в этих колонизаторских планах фашизма играло стремление избавиться от избыточной рабочей силы, которая с роковой неизбежностью появлялась в буржуазной Германии в условиях мирного времени.

Что касается планов фашистской агрессии против Советского Союза, то здесь ко всему вышеупомянутому примешивалась еще классовая ненависть германского империализма к первому социалистическому государству, способному своим примером усилить революционную энергию германского народа. Именно поэтому начиная с Великой Октябрьской социалистической революции все германские буржуазные партии, а также социал-демократия усиленно запугивали немецкий народ большевизмом и «красной опасностью». Нацистские руководители в годы второй мировой войны подчеркивали, что идет «борьба двух диаметрально противоположных политических систем». Исходя из этого, они проводили особо жестокие меры в подавлении и истреблении советских людей.

Одна из особенностей прошлой войны заключалась в том, что если во время войны 1914—1918 гг. над народами не нависала угроза их дальнейшему существованию в качестве наций, то во время второй мировой войны появилась реальная опасность истребления целых народов германским фашизмом. В первую очередь такая опасность возникла для славянских народов, в отношении которых нацисты применили методы биологической войны, возведя в степень государственной политики массовое истребление миллионов славян с целью осуществления германизации завоеванной территории. «Мы должны развить технику обезлюдивания,— говорил Гитлер Раушнингу.— Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюджи-

ванием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц... я имею право устранить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви»¹.

Эти идеи истребительной войны против славян получили практическое воплощение в конкретных планах и действиях нацистов в годы второй мировой войны. Планы германизации территории славянских стран, изгнания и уничтожения славянских народов разрабатывались нацистами с немецкой последовательностью и методичностью по мере подготовки и проведения агрессии в отношении тех или иных народов.

Чешский народ, который первым из славянских народов стал жертвой германской агрессии, Гитлер еще в 1932 г. предназначил к выселению в Сибирь или в Волинскую область². В 1938 г. руководство судетонемецкой партии разработало так называемую «программу действия», которая предусматривала распыление чешского народа, колонизацию территории страны немцами, закрытие чешских школ, запрещение изданий на чешском языке и осуществление других мер, направленных на уничтожение чехов как нации. Эта программа стала основой для выработки «окончательного проекта решения» так называемого «чешского вопроса». В последующие годы такие «окончательные проекты» интенсивно разрабатывались различными германскими организациями и учреждениями, включая вермахт.

В проектах имперского протектора Нейрата и государственного секретаря К. Г. Франка, утвержденных Гитлером летом 1940 г., предусматривалось онемечивание части чешского населения, выселение и уничтожение чехов, непригодных к онемечиванию по расовым признакам или ввиду враждебного отношения к империи. Освободившаяся территория предназначалась к заселению немецкими колонистами. Конечной целью германской политики в протекторате являлась полная германизация Чехии и Моравии.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 483.

² Гитлер заявлял: «Чехоморавский бассейн будет колонизирован немецкими крестьянами. Чехов переселим в Сибирь или в Волинскую область. Из Центральной Европы они должны уйти» («*Čhtéli nás vyhubit*». Dokumenty. Praha, 1961, str. 7).

«Главная линия,— заявлял Гейдрих в октябре 1941 г., определяя германскую политику в протекторате,— должна заключаться в следующем: этот простор должен стать однажды немецким, и чеху в конце концов уже нечего здесь делать»¹.

Полякам нацисты уготовили участь быть «рабами великой всемирной германской империи, подлежащими суровой, бесчеловечной эксплуатации, лишенными национальности, минимальных благ культуры и, наконец, собственной родины»².

Разработку планов колонизации польской территории и их осуществление гитлеровцы начали с тех польских областей, которые были включены в 1939 г. непосредственно в рейх. В ноябре 1939 г. появился так называемый меморандум Э. Вейтцеля и Т. Гехта, составленный в отделе расовой политики национал-социалистской партии и носивший название «Соображения по вопросу об отношении к населению бывших польских областей с расово-политической точки зрения».

Цели немецкой политики в указанных польских областях заключались в их полной германизации путем онемечивания тех слоев, которые являются подходящими для этого, устранения всех «непригодных к онемечиванию иноплеменных групп» и поселения «на освобожденной территории» немцев³.

В целях практического осуществления этого замысла население на этой территории было резко разделено на немцев, которые получали права германского гражданства, и поляков, которые лишались этих прав, как и прав на владение недвижимым имуществом, занятия ремеслами и т. д. Бесправие польского населения усугублялось лишением его прав на образование на родном языке, закрытием польских театров, клубов, даже ресторанов и кафе, запрещением издавать польскую периодическую прессу и книги, создавать культурные и другие общества, вплоть до запрещения богослужения на польском языке.

Меры германизации польского населения приме-

¹ «Chtéli nás vyhubit», str. 132.

² «Нюрнбергский процесс», т. 4, стр. 559.

³ «Biuletyn glownej Komisji badania Zbrodni niemilckish v Polsce», IV, str. 149.

нялись в отношении небольшой части (около 1 млн.) поляков. Подавляющая же часть (около 5,4 млн.) польского населения подлежала выселению в генерал-губернаторство.

В третьей, заключительной части указанного меморандума были определены основные принципы политики Германии непосредственно и в генерал-губернаторстве, которые заключались в биологическом истреблении польского населения путем создания невыносимых материальных условий, в сокращении естественного прироста, физическом истреблении значительной его части и последующем выселении поляков в Сибирь.

Линия насильственного прекращения дальнейшего биологического развития славянских народов в качестве нации, т. е. линия биологической войны против славян, все более определенно и настойчиво выражается нацистами по мере благоприятного для них развития мировой войны. В секретном докладе, подготовленном академией германского права в январе 1940 г. и представленном на Нюрнбергском процессе американским обвинением, прямо говорилось, что, для того чтобы освободить жизненное пространство от поляков в генерал-губернаторстве и в западных польских областях, присоединенных к рейху, следует вывезти из Польши в Германию на длительный срок сотни тысяч поляков, «препятствуя таким образом их естественному биологическому развитию»¹. Подобные же замыслы были высказаны Гиммлером, который предложил несколько миллионов польских семей вывезти в рейх, расселить их там и таким образом «уничтожить как представителей нации».

В своей записке «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей»², одобренной и утвержденной Гитлером в качестве директив в мае 1940 г., Гиммлер предложил раздробить народы «восточных областей» (пока здесь речь шла о генерал-губернаторстве) «на возможно более мелкие ветви и группы», что привело бы, по мнению автора записки, к ликвидации польской и украинской наций.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 4, стр. 561.

² См. «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 87.

Большое значение в осуществлении денационализации славян Гиммлер придавал ликвидации интеллигенции и прекращению обучения покоренного населения. Осуществление этих мер, по его мнению, привело бы к тому, что население «восточных провинций» представляло бы собой «лишенную руководителей массу рабочей силы».

Не исключено, что эти соображения Гиммлера легли в основу генерального плана «Ост», подготовленного, очевидно, к моменту нападения Германии на СССР имперским управлением безопасности (RSHA)¹. С победой в войне против СССР гитлеровцы связывали окончательное решение «славянского вопроса». В плане «Ост» были изложены основные принципы германской колониационной политики в Центральной и Восточной Европе во время войны и после предполагаемого нацистами ее победоносного завершения.

В этом плане нацистские замыслы массового выселения и истребления славянских народов приобрели особый размах. Фашистские главари выдвинули здесь идею решения славянской и восточной проблемы в целом в течение 25—30 лет. До нас основные идеи этого нацистского плана создания «нового порядка» на востоке Европы дошли через посредство так называемого меморандума Эриха Ветцеля от 27 апреля 1942 г., носящем название «Замечания и предложения по генеральному плану «Ост» рейхсфюрера войск СС», в котором были прокомментированы основные принципы генерального плана «Ост». Из указанного документа следует, что гитлеровцы планировали после победоносного окончания войны с СССР выселение с территорий Центральной и Восточной Европы в отдаленные районы Сибири огромных масс местного, в основном славянского, населения численностью в 31 млн. человек и заселение их земель немцами². Для осуществления германской колониза-

¹ В отношении даты составления генерального плана «Ост» существуют разные мнения. В сопроводительной статье к публикации документов «Генеральный план «ОСТ»» в «Военно-историческом журнале» эта дата определяется как конец 1941 г. Я. Гумковский и Н. Лещинский называют начало 1940 г. Очевидно, основные наброски плана имелись уже в середине 1941 г.

² «Biuletyn Głównij komisji», V, str. 214.

ции конкретно предназначалась территория Польши, советских прибалтийских республик, Белоруссии, Украины и европейской части РСФСР. Предполагалось оставить на родине для последующего онемечивания и использования в качестве рабочей силы, в первую очередь в хозяйствах немецких помещиков, около 14 млн. человек, а именно: до 35 процентов украинцев, до 25 процентов белорусов и всего лишь 10—15 процентов поляков¹. Это население предполагалось лишить всех политических и социальных прав.

В указанных «Замечаниях и предположениях по генеральному плану «Ост» Э. Ветцеля делались соответствующие поправки и предложения, касающиеся уточнения некоторых цифр и положений плана. Так, вместо 31 млн. человек автор предлагал выселить в Западную Сибирь 46—51 млн.², в том числе до 14—23 млн. поляков и 3,5 млн. чехов, так как указанная в плане «Ост» цифра численности населения на захваченной территории, по его мнению, была значительно преуменьшена. В «Замечаниях» также содержались предложения, направленные на то, чтобы «разгромить русских как народ», «разобщить их». С этой целью автор предлагал раздробить территорию, населяемую русскими, на обособленные районы, а часть русского народа онемечить. Предполагалось также онемечить нерусские национальности, в том числе народы Кавказа, татар и т. п. Большое значение в «Замечаниях» придавалось подрыву биологической силы русского и других народов, сокращению их численности вплоть до введения стерилизации. «Для нас, немцев,—говорилось здесь,—важно ослабить русский народ до такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе». Характерно, что Гиммлер после рассмотрения представленного ему плана дал указание составить общий план немецкой колонизации с учетом ранее составленных планов колонизации различных стран, включая области Польши, чешские области и т. д. Он также указал, что надо предусмотреть полное онемечивание генерал-губернаторства, Эстонии и Латвии.

¹ См. «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 93, 94, 97.

² См. там же, стр. 96.

В июне 1942 г. была окончена разработка еще одной части генерального плана «Ост». В этом проекте, разработанном оберфюрером СС профессором К. Мейером¹ непосредственно по указанию Гиммлера², были определены принципы осуществления сельской и городской германской колонизации восточных районов, т. е. оккупированных областей Польши и Советского Союза, подсчитаны материальные расходы и их финансовое обеспечение, потребность в колонистах и т. д. Предназначенные для колонизации районы делились на две группы: на включенные в рейх и так называемые пограничные районы, т. е. включенные в Германию территории западных и восточных (Белосток) областей Польши. В проекте предусматривалось сосредоточить всю административную власть в районах колонизации, включенных в рейх, в руках рейхскомиссара по вопросам укрепления немецкой нации, в пограничных районах — рейхсфюрера войск СС, т. е. в том и в другом случае в руках Гиммлера. Этим подчеркивался военно-террористический характер осуществляемого мероприятия. Это обстоятельство усиливалось тем, что на колонистов возлагались функции и военного характера. Средства для осуществления массовой немецкой колонизации предусматривалось изыскивать за счет населения оккупированных территорий. Подробно были разработаны в проекте условия аренды колонистами земли, передачи им хозяйственных построек и другого имущества. Для пограничных районов, т. е. районов, предназначенных после территории, включенной непосредственно в рейх, для первоочередной колонизации (к ним относились районы генерал-губернаторства, Крым, Ленинградская, Новгородская, Псковская и Херсонская области, а также советские прибалтийские республики), предусматривались меры онемечивания местного населения наряду с осуществлением колонизации. После осуществления колонизации эти районы включались непосредственно в рейх.

¹ «General plan «Ost». Rechtliche wirtschaftliche und räumliche Grundlagen des Ostaufbaus vorgelegt von SS — Oberführer Prof. Dr. Konrad Meyer». Berlin — Dahlem, Juni 1942. «Przegląd Zachodni», 1961, № 2, 3, str. 70—103.

² «Przegląd zachodni», 1961, № 3, str. 78.

В проекте было также предусмотрено осуществление на колонизируемых территориях дорожного, промышленного, городского и сельского жилищного строительства для колонистов силами местного населения (путем введения всеобщей трудовой повинности) и военнопленных. Финансирование этого строительства было предусмотрено наряду с другими поступлениями за счет репараций с побежденного противника. Все планы колонизации намечалось осуществить в течение 25 лет, общая стоимость ее определялась ориентировочно в 45,7 млрд. марок¹. Колонизацию предлагалось подкрепить созданием колонизационных опорных пунктов (36) вдоль главных железнодорожных и автодорожных магистралей, 14 пунктов предполагалось разместить на территории генерал-губернаторства.

План «Ост» предусматривал практически разрушение огромных материальных ценностей на Востоке и неуклонное проведение политики аграризации колонизируемой территории. Об этом свидетельствуют данные о предполагавшемся резком уменьшении городского населения в ряде районов. Например, в так называемой «Ингерманландии», т. е. в Ленинградской области, предполагалось сократить городское население в 16 раз (до 200 тыс. человек)². Подобное же сокращение городского населения предполагалось провести и в так называемой Готской области, т. е. на юге Украины.

Дополнительный свет на методы осуществления массовой немецкой колонизации захваченной территории славянских народов и их денационализации проливает также выступление Р. Гейдриха 2 октября 1941 г. на собрании нацистов в Праге. Излагая основные замыслы нацистов в отношении поработенных народов Европы, Гейдрих разделил все поработенное Германией население Европы на тех, которых нацисты относили к категории германцев,— это были норвежцы, голландцы, бельгийцы, датчане и шведы. Хотя и предусматривалась ликвидация их государственности, однако нацисты предполагали найти иной

¹ «Przegląd zachodni», 1961, № 3, str. 95.

² Ibid., str. 98.

способ обращения, «нежели в отношении народов другой расы, славянских или подобных им наций».

Что касается территории на востоке, «заселенной частично славянами» и простирающейся до Урала, то, говорил Гейдрих, эти просторы «должны быть нашей сырьевой базой, а их жители станут работать ради осуществления великих и культурных целей, а если говорить резко — они должны нам служить, как рабы»¹.

Все эти мероприятия должны были подготовить осуществление последующей массовой немецкой колонизации, которую нацисты намеревались осуществить методом создания так называемых немецких валов. «...Там, на востоке,— говорил Гейдрих,— будет создан огромный вал из крестьян-ратников, с тем чтобы эта территория раз и навсегда была закрыта от бурного нашествия из Азии. Потом ее разделили бы поперечными валами. Эту землю мы постепенно приобретали бы для себя таким способом, что с окраин самой Германии, заселенной людьми нашей крови, будет постепенно выдвигаться один вал за другим, так, чтобы мы постепенно продвигали немецкую колонизацию на восток»².

Первый такой вал немецкой колонизации составила польская территория, присоединенная к Германии. В этот же вал включалась территория Восточной Пруссии и Силезии. С этой территории, по словам Гейдриха, предполагалось выселить 8 млн. поляков и заселить ее немцами. Далее наступала очередь прибалтийских советских республик и собственно польской территории, т. е. территории генерал-губернаторства. «Потом придет очередь Украины, которая должна жить под немецким командованием прежде всего в качестве крупнейшей сырьевой и продовольственной базы»³.

Особенно подробно Гейдрих остановился на судьбе чешского народа, многократно подчеркнув, что Чехия и Моравия должны быть заселены немцами. К этому вопросу он вернулся снова спустя пять меся-

¹ «Čhtěli nás vyhubit», str. 129.

² Ibidem.

³ Ibid., str. 130.

цев, когда в своем выступлении 2 февраля 1942 г. заявил, что будет онемечено около 40—60 процентов чехов, остальные же, неспособные к онемечиванию, возможно, будут отосланы на побережье Ледовитого океана, где в будущем концентрационные лагеря будут идеальным отечеством для 11 млн. евреев из Европы...

Практическое осуществление плана «Ост» и других планов фашистской колонизации предполагало такое «обезлюдивание» огромной территории Центральной и Восточной Европы, которое намечал Гитлер в приводившейся выше беседе с Раушнингом. В то время как предусматривалось выселение и уничтожение десятков миллионов славян, по расчетам варианта плана «Ост», подготовленным Мейером, даже максимальная мобилизация всех резервов немецкого населения для колонизации на Востоке, включая и тех немцев, которых предполагалось ввезти из западноевропейских стран, давала лишь около 4 млн. человек¹. Конечно, гитлеровцы тогда не предполагали, какие потери понесет сам немецкий народ в войне и какие разрушения он будет иметь на собственной территории. Если учесть все это, то гитлеровцы практически не имели бы 4 млн. немцев для колонизации. Следовательно, они не располагали резервами свободного немецкого населения. В этом состояла одна из сторон авантюристичности планов осуществления немецкой колонизации. Следовательно, злонамеренные выдумки фашизма о нехватке жизненного пространства были лишь демагогией.

Острая нехватка немецкого населения для освоения огромной территории, которую предполагал захватить германский империализм, была одной из причин появления замыслов онемечивания больших масс покоренного населения при условии тщательного отбора по расовым признакам.

Нацисты, как правило, избегали касаться планов Германии в отношении народов Юго-Восточной Европы. Это, конечно, не свидетельствует о том, что у Германии отсутствовали планы насильственной ассимиляции и истребления южных славян. Однако

¹ «Przegląd zachodni», 1961, № 3, str. 99.

германский империализм вынужден был временно считаться со своим партнером по фашистскому блоку — Италией, и поэтому нацисты воздерживались от откровенных заявлений по этому вопросу. Однако ряд выступлений официальных лиц Германии, а также практика истребления славянского населения Югославии дают нам основания сделать вывод о том, что гитлеровцы готовили южным славянам ту же судьбу, что и славянам западным. Выше нами уже приводились слова Гитлера о необходимости истребления славянских народов, среди которых были названы как сербы, так и болгары.

Об уготованной фашистами странам Балканского полуострова участи аграрно-сырьевых придатков германской империи и поставщиков рабочей силы Германии, а также о полной ликвидации их национального лица довольно недвусмысленно писала в 1941 г. издававшаяся немцами во время войны в Афинах газета «Дейче нахрихтен фюр Грихенланд» следующее: «Нужно забыть существующие исторические, этнические, географические и другие особенности балканских народов... Граница (имелась в виду граница германской империи.— *Авт.*) будет начинаться у Эгейского и Средиземного морей и кончатся у Норвежского моря. Юго-Восточная Европа будет сферой производства сельскохозяйственных продуктов и источником рабочей силы для Германии. В новой Европе речь идет о том, чтобы крестьянин, будь то серб, грек, болгарин или румын, обрабатывал землю и чтобы его труд давал как можно больше ценностей для развития и процветания Центральной Европы»¹.

Газета откровенно изложила существо политики Германии на Балканах, политики денационализации балканских народов и аграризации их стран, причем не делалось никакого исключения и для союзницы Германии — Болгарии.

Антиславянскую направленность политики германского империализма на Балканах раскрывает также указание Гитлера начальнику гражданского управления в Мариборе, Югославия, от 26 апреля 1941 г., которое было выражено словами: «Превратите

¹ «Большевик», 1941, № 21, стр. 31.

мне эту землю в немецкую, такую немецкую, какой является вся остальная Штирия»¹.

В приведенном нами выше письме Гиммлера от 12 июня 1942 г. автор письма, давая указания о составлении общего плана немецкой колонизации в Европе, упоминает о существовании плана колонизации Верхней Крайны и Южной Штирии, т. е. о проведении мер, непосредственно направленных против южных славян.

Большой интерес для раскрытия планов нацистов в отношении южных славян представляет речь рейхсминистра Фрика в декабре 1941 г. в связи с назначением Ф. Райнера имперским наместником в Каринтию и Крайну. Подчеркивая необходимость полной германизации этих областей, к которым были присоединены и оккупированные югославские районы Северной Словении, превращения их в «страну, полностью немецкую», Фрик поставил задачу создать в южной пограничной полосе «сильный чисто немецкий вал». Как заявил Фрик, «комиссар по укреплению германской народности отдал уже необходимые распоряжения»². Следовательно, мы встречаемся здесь с той же нацистской тактикой создания «немецких валов», которая планировалась и применялась для осуществления немецкой экспансии в Центральной и Восточной Европе.

Практика германской экспансии в славянских странах Балканского полуострова, особенно в Югославии, носила ярко выраженный характер истребительной войны против славянских народов. Об этом свидетельствуют многочисленные распоряжения оккупантов об уничтожении югославских деревень и городов, включая и столицу Югославии Белград, о массовых расстрелах заложников и мирного населения в качестве репрессий за партизанскую деятельность, истребительные походы против партизан, уничтожение югославов в концлагерях. Эти массовые репрессии привели к тому, что Югославия в ходе войны понесла, как известно, очень тяжелые человеческие потери (1706 тыс.

¹ М. Mikuz, Pregled Zgodovine narodnoosvobodilne borbe v Slovenije. Ljubljana, 1960, I kniha, S. 63.

² ЦГАОР СССР, ф. 7445, сг. оп. 2, с. д. 131, л. 33—34.

убитых), причем основная часть этих потерь приходится именно на долю гражданского населения.

Что касается практических мер по германизации захваченных земель Северной Югославии, то известно указание Гитлера о выселении в «Старую Сербию» из Северной Словении (Южной Штирии) 220—260 тыс. словенцев. Так же как и в отношении чехов, гитлеровцы планировали онемечивание оставшихся словенцев путем выселения в рейх. Большие размеры приняла денационализация сербов в марионеточном хорватском государстве.

Важную роль в планах германского фашистского правительства по осуществлению порабощения славянских народов и их последующей денационализации играла политика всемерного разделения славянских народов, разрушения их исторически сложившихся государств.

Излюбленным методом нацистской политики было натравливание одних славянских государств на другие, возбуждение национальной розни между славянскими народами во многонациональных славянских государствах.

Осуществляя эту политику, Германия ставила следующие цели: 1) добиться ослабления славянских государств, что не только приводило к их быстрейшему подчинению, но и позволяло более успешно осуществить германизацию захваченной территории; 2) устранить возможность образования единого фронта всех национальностей страны и тем самым ослабить размах национально-освободительного движения; 3) путем некоторых уступок одним национальным группам по сравнению с другими попытаться использовать первых в своих военных целях и создать определенную опору в оккупированной стране.

Однако и в этом случае для нацистов неизменным оставался основной принцип — полный политический контроль, экономическая зависимость и ограбление того народа, которому для видимости сохранялась (болгары) или предоставлялась (словаки, хорваты) призрачная самостоятельность.

Фашистские планы посорить и разобщить славянские народы полностью провалились. Славянские народы поняли смертельную угрозу их национальному

существованию, которая была порождена агрессивной политикой германского империализма. Никогда еще в истории всех славянских народов не было такого прочного единства и единодушия, которое сложилось в совместной антифашистской борьбе в годы второй мировой войны.

Нацисты попытались осуществить свои планы колонизации в ряде славянских стран. Первой была и здесь Чехословакия, в которой немецкая колонизация с одновременным изгнанием чешского населения практически началась сразу же после захвата Германией чехословацких пограничных районов в октябре 1938 г. Еще более широкие масштабы эта колонизация приобрела после 15 марта 1939 г., т. е. вслед за оккупацией оставшихся после Мюнхенского соглашения 1938 г. чешских районов страны. Эта немецкая колонизация проводилась как по линии села, так и по линии города. Оккупанты попытались в качестве первых шагов разбить территорию протектората Чехия и Моравия на отдельные районы, изолированные немецкими полосами поселений. В рамках осуществления этого плана было отобрано у чешских крестьян свыше 500 тыс. гектаров земли. Крестьяне из этих районов выселялись. Параллельно осуществлялись меры по захвату германским капиталом ключевых экономических позиций ремесленных и торговых предприятий в городе, по онемечиванию культуры чешского и словацкого народов, по насаждению здесь фашистской идеологии.

В рамках колонизации польской территории уже в октябре 1939 г. было начато переселение поляков из западных областей на территорию генерал-губернаторства. Согласно официальному докладу польского правительства, польское население было изгнано из городов Орлово, Гдыня, Познань, Гнезно, Хелмно, Постян, Ношава, Иновроцлав, Лодзь и др. Многие из изгнанных направлялись прямо в концлагеря. Особенно массовый характер приобрело выселение в так называемом Крае Варты (в этот край была включена территория Познаньского, часть Лодзинского и Поморского воеводств и один повет Варшавского воеводства), где с 1 декабря 1939 г. по 31 декабря 1943 г., по данным самих оккупантов, было выселено 534 тыс. поляков. Немецких документов о выселении из других областей

не сохранилось. Однако можно с полным основанием предположить, что намеченный оккупантами план ускоренного выселения 1 млн. поляков из западных областей был ими выполнен уже в ходе войны.

После разгрома Югославии в 1941 г. и захвата территории нацисты включили Северную Словению в состав рейха. Сразу же в этих районах началось массовое выселение словенского населения, вместо которого поселялись немцы. Только в 1941 г. из оккупированной немцами Северной Словении было переселено 15 тыс. словенцев в Сербию.

На оккупированной территории Советского Союза оккупанты попытались осуществить колонизацию в основном в прибалтийских республиках. Так, в Литву в 1941 г. было возвращено 16 тыс. немцев, переселенных отсюда после 1940 г.

В осуществлении германизаторской политики нацизма во всех славянских странах активную роль проводника этой политики играло немецкое национальное меньшинство, зараженное шовинизмом и жадной наживы. Эти элементы составляли основную часть различного рода подрывных организаций и вооруженных карательных формирований и таких террористических органов германского управления в оккупированных странах, как гестапо, служба безопасности, полиция и т. п. Так, гитлеровцы создали в Югославии из проживавших здесь немцев дивизию войск СС «Принц Евгений», в Чехословакии было создано много так называемых ягдкоманд. Подобные формирования были организованы и в Польше. Они совершали бесчеловечные преступления против славянского населения. Не без основания гитлеровцы рассматривали каждую национальную группу немцев в славянских странах в качестве «оплота империи».

Колонизаторские мероприятия нацистов наталкивались на ожесточенное сопротивление местного населения. В Польше, в районе Замощь, в связи с колонизацией развернулась настоящая ожесточенная вооруженная борьба, с поджогом поселений колонистов и упорным сопротивлением крестьян карательным отрядам. Подобное же широкое движение крестьянства в районах колонизации развернулось по призыву КПЧ в Чехословакии в 1942 г. Выявилося также, что колониза-

ция, по словам самих гитлеровцев, наносит большой экономический ущерб. В результате военных поражений на фронтах, а также под давлением движения Сопротивления и в силу других обстоятельств нацисты вынуждены были отказаться от проведения колонизации во многих районах Польши, Чехословакии и Югославии. Они были принуждены также запретить публичную пропаганду колонизационной политики на Востоке. В секретной инструкции рейхслейтера пропаганды национал-социалистской партии Геббельса, датированной 15 февраля 1943 г., разосланной всем рейхслейтерам, гаулейтерам и областным руководителям партии, указывалось на недопустимость, особенно в публичных речах и статьях, клеймить «восточные народы» «животными», «варварами» и т. п. и категорически запрещалось высказываться о том, что Германия собирается основать колонии на Востоке и вести колониальную политику. В инструкции также не рекомендовалось говорить о новых немецких поселениях, а тем более крупных поселениях, публиковать теоретические исследования по вопросу о германизации населения и территории, так как это повлекло бы за собой усиление сопротивления восточных народов. Тем более, говорилось в инструкции, нельзя публиковать требований о высылке коренного населения.

Фашистские власти стали чаще прибегать к демагогии в практике осуществления своего господства на оккупированных территориях.

Все это отнюдь не свидетельствовало об отказе нацистов от колонизаторских планов и истребления славянских народов. В октябре 1943 г., т. е. уже после инструкции Геббельса, Гиммлер в своем выступлении считал необходимым подчеркнуть, что планы нацистов остаются неизменными, что с победой в войне они связывают «создание немецкой империи, подчинение всей Европы. Это означает,—заявил он,—что мы сможем тогда получить мир и в течение ближайших 20 лет перестроить и расширить наши деревни и города, расширить границы нашего германского государства еще на 500 км на восток»¹.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 4, стр. 564.

Гитлеровский сатрап в Польше Ганс Франк еще в начале 1944 г. нагло угрожал полякам и украинцам: «Если бы мы выиграли войну, тогда, по моему мнению, поляков и украинцев и все то, что околачивается вокруг, можно было бы превратить в рубленое мясо»¹. Его однофамилец, нацистский наместник в чешских землях К. Г. Франк, приблизительно в то же время настойчиво подчеркивал неизменность прежней линии германского империализма в протекторате Чехия и Моравия, т. е. линии на полное уничтожение чешского народа и «насаждение расы и крови сильнейшей нации».

В полной мере осуществлялась и практика массового истребления славянского населения, о чем свидетельствовали бесчинства гитлеровцев при подавлении народных восстаний в Варшаве, в Словакии, партизанского движения в Югославии и Советском Союзе.

Фашистские планы немецкой колонизации земель Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, заселенных славянскими народами, были обречены на неизбежный провал. Они были построены чисто волюнтаристски, без учета закономерностей развития человечества, великих материальных и духовных сил советского общества, огромной силы сопротивления захватчикам тех народов, которых гитлеровцы намеревались истребить. Они игнорировали и нежелание самого германского народа осуществлять эти бредовые замыслы германского империализма.

Годы войны показали, насколько опасны для человечества замыслы фашистской реакции и милитаризма, какими жертвами и страданиями приходится расплачиваться народам за авантюристическую политику империализма, не останавливающегося перед тем, чтобы развязать истребительную войну против целых групп народов. Эти замыслы продолжают лелеять и теперь милитаристы Западной Германии — наследники фашистских мракобесов. Вместе с тем в годы войны выявилась могучая сила свободолюбивых народов, их способность разбить и опрокинуть замыслы агрессивного империализма.

¹ Архив ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 6628с. Дневник Ганса Франка, том 1, стр. 22.

Часть II

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
ФАШИСТСКИХ
ОККУПАНТОВ

Г. М. СОРОКИН,
Д. Ф. ВИРНЫЙ,
П. П. ЛИПИЛО

НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКАЯ СИСТЕМА ОГРАБЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ СССР¹

1. Общие вопросы немецко-фашистской экономической политики

Вторая мировая война поставила перед учеными всех отраслей знания, в том числе и перед экономистами, много новых вопросов, имеющих не только историческое, но и практическое значение для настоящего и будущего. Посмотрим с этой точки зрения на некоторые наиболее важные экономические проблемы, вставшие в период второй мировой войны.

В годы прошедшей войны народное хозяйство воюющих стран превратилось в военное хозяйство, и перед исследователями встала задача объяснить специфические законы возникновения и функционирования военной экономики. При этом существенно следующее. Предпосылки создания военной экономики накапливались задолго до начала войны. Проследивая указанный процесс, можно определить сроки, когда эти предпосылки оказались достаточными для развертывания военного хозяйства. Изучая развитие

¹ Первый раздел доклада разработан членом-корреспондентом Академии наук СССР Г. М. Сорокиным; второй — профессором, доктором экономических наук Д. Ф. Вирным при участии кандидата исторических наук А. В. Бондаревского, кандидата экономических наук Т. И. Деревянкина и кандидата исторических наук Ш. Э. Резниковой; третий — кандидатом исторических наук П. П. Липило.

военной техники, военной промышленности и других элементов военного хозяйства, изучая их развитие в мирное время, экономическая наука может своевременно сигнализировать обществу о военной подготовке империалистических сил.

В минувшей войне столкнулись два типа военной экономики — капиталистический и социалистический. Социалистическая военная экономика, так же как и мирная, оказалась более жизнеспособной и эффективной, чем экономика капиталистическая. Всесторонняя оценка преимуществ советской военной экономики в прошлой войне, учет возросших ресурсов обороноспособности стран социалистического лагеря имеют большое значение в проведении ими политики мира и предотвращения войны.

В зависимости от типа военного хозяйства, объективных законов его развития, социальной природы государств, участвующих в войне, складывалась внешняя и внутренняя экономическая политика правительств воюющих государств. Изучение в этом аспекте экономической политики военного времени представляет опять-таки большой интерес, так как вскрывает объективную основу экономической политики и позволяет своевременно и с достаточной точностью предсказать, как сложатся отношения между классами и государствами в случае военного конфликта.

Особо актуальное значение имеет изучение экономической политики военных лет, проводимой немецким фашистским государством. Она несла смертельную опасность народам Советского Союза и многих других стран. Но и фашистская военная политика не была неожиданностью, она вызывалась социальной природой и целями немецкого империализма и фашистского государства и показала, какой неслыханной ценой вынуждено расплачиваться общество, когда оно допускает к власти крайне реакционные и милитаристские круги. Здесь рассматриваются только некоторые вопросы внешней экономической политики гитлеровского государства — главным образом политика в отношении оккупированных территорий СССР. Однако этот частный вопрос может быть разрешен, если иметь в виду движущие пружины всей экономической

политики гитлеризма. В противном случае легко потерять в необозримом количестве фактов.

Экономическая политика немецкого фашистского государства была политикой наиболее реакционного, наиболее милитаристского и захватнического, наиболее шовинистического и враждебного социализму и демократии монополистического капитала. И оккупационная политика фашистской армии вытекала из природы немецкого империализма; более того, она не сложилась стихийно в ходе войны, но была в основных чертах продумана и определена заранее.

Фашистская оккупационная политика во временно захваченных советских районах, прежде всего, вдохновлялась сумасбродной идеей «Дранг нах Остен», выношенной фашизмом задолго до начала войны. Это была политика безудержной экспансии немецкого империализма, колоссального расширения рынков сырья, сбыта и рабочей силы. Немецкий империализм требовал все нового «жизненного пространства» и подготовил армии захватчиков для подчинения фашистской империи огромных советских районов — европейских (до Урала), а также закавказских районов.

В июле 1940 г. германские генералы стали готовить конкретные планы нападения на СССР, а в декабре был санкционирован план «Барбаросса» с конечной целью «отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск — Волга». Реализация этой военной цели привела бы, как думали фашистские стратеги, к превращению Советского Союза в колонию фашистской империи. Перед началом войны с Советским Союзом фашистские главари говорили как о решенном деле о создании «блоков» — великой Финляндии, Прибалтики, Украины, Кавказа. В эти «блоки» включалась территория СССР до Урала; социалистическое государство, по этому замыслу, распадалось, а немецкий империализм простирал свое господство на все названные гигантские территории.

Также заранее под руководством Геринга были составлены «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупируемых восточных областях» — «Зеленая папка». «Зеленая папка» Геринга была законченной программой ограбления оккупированных районов Советского Союза. Она имела в виду насильствен-

ное изъятие материальных ценностей, введение принудительного труда, отправку сырья и продовольствия в Германию, неограниченный выпуск ничем не обеспеченных денежных знаков и т. д. Наиболее принципиальные установки этого плана Геринга сводились к следующему.

«Согласно приказам фюрера необходимо принять все меры к немедленному и полному использованию оккупированных областей в интересах Германии... Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кампании. Наряду с этим германской промышленности должны быть даны и прочие сырьевые продукты из оккупированных областей... Первой задачей является наиболее быстрое осуществление полного продовольственного снабжения германских войск за счет оккупированных областей».

Документ не оставляет никаких сомнений в том, что фашистское государственное руководство Германии сознательно проводило политику грабежа. Директивы отмечают, что «совершенно неуместно мнение о том, что оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их восстановлена. Восстановление порядка должно проводиться только в тех областях, в которых мы можем добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти. А в остальных... экономическая деятельность должна ограничиться использованием обнаруженных запасов». Геринг разъясняет далее, какими методами следует изымать «обнаруженные запасы». «Все нужные нам сырьевые товары, полуфабрикаты и готовую продукцию следует изымать из торговли путем приказов, реквизиций и конфискаций. Немедленный сбор и вывоз в Германию платины, магния и каучука. Выявленные в прифронтовой полосе и тыловых областях продукты питания, а также средства бытового и личного потребления и одежды поступают в первую очередь в распоряжение военно-хозяйственных отделов для удовлетворения потребностей войск... Непринятое ими передается последующей военно-экономической инстанции»¹.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 274.

«Я намереваюсь грабить, и именно эффективно», — заявил на совещании с рейхскомиссарами и представителями военного командования Геринг.

Для эффективного грабежа еще перед войной с Советским Союзом было намечено создание специального аппарата с собственным командованием, экономическими штабами, со своей разведкой, инспекциями, воинскими частями, отрядами по сбору средств производства, отрядами по сбору сырья, военными агрономами, сельскохозяйственными офицерами и т. д. Предусматривалась организация специальных хозяйственных инспекций и команд в Ленинграде, Мурманске, Риге, Минске, Москве, Туле, Горьком, Киеве, Баку, Ярославле и многих других советских промышленных городах.

Оккупационные власти использовали захваченные ценности в первую очередь для армии, на месте. Гитлеровская многомиллионная армия, как саранча, пожирала награбленное продовольствие, использовала захваченные советские интендантские запасы и имущество населения для обмундирования гитлеровцев, не обеспеченных теплой одеждой и обувью. Советское добро потекло также широкой рекой в Германию в виде солдатских и офицерских посылок. Но это была только одна сторона дела.

Фашистская оккупационная политика, подчиняясь задачам развертывания немецкого военного хозяйства, стремилась выкачать экономические ресурсы захваченных территорий. Это проводилось путем вывоза сырья, продовольствия, оборудования и других материальных ценностей, а также организации производства на тех предприятиях, которые попали в руки врага и по тем или иным соображениям не были эвакуированы в Германию.

Оккупационная политика гитлеровцев в области промышленности и сельского хозяйства по-разному решала перспективные и текущие задачи. В послевоенной перспективе немецкие экономисты лелеяли мечту превратить СССР в сырьевой придаток Германии, уничтожить социалистические формы хозяйства и создать капиталистические и госкапиталистические предприятия, подчиненные немецким монополиям, насадить кулацко-юнкерские хозяй-

ства в деревне. В связи с этим предполагалось перемещение местного населения из города в сельские местности, а также вывоз рабочей силы в Германию.

Монополистический капитал стал создавать для реорганизации в указанном направлении и широкой эксплуатации советской промышленности, сельского хозяйства, природных богатств специальные общества. Проводилась организация разветвленной сети банков. С 7 июня 1942 г. в Ровно начал действовать Центральный эмиссионный банк Украины с отделениями в крупных городах. Были также организованы Украинский союз хозяйственных банков во главе с Центральным хозяйственным банком, Эмиссионный банк «Остланда» в Риге, «Гемейншафтс банк Остланд», прибалтийские филиалы немецких банков: Дрезденского, Коммерческого, Трудового и «Ганзабанка». Окупантами было создано около 50 обществ и компаний.

Для эксплуатации тяжелой промышленности был образован восточный филиал концерна «Герман Геринг», угольной промышленности — общество «Берг-Хюттс Ост», Восточное горнопромышленное общество, Контора донецкой и украинской каменноугольной промышленности. Нефтяную промышленность должны были прибрать к рукам акционерное общество «Континенталь-оль», общества «Ост-оль», «Карпатен-оль», «Балтик-оль». Для проведения восстановительных и строительных работ в области энергетики были созданы «Энергибау-Ост», «Энергиферзорунг Остланд», «Энергиферзорунг Украине» и Общество энергоснабжения Нижне-Днепровского района. Восстановление Днепрогэса поручалось фирме «Сименс». И так по всем важным отраслям промышленности. Причем имелось в виду привлечь австрийские, голландские, венгерские и бельгийские капиталы.

Но интенсивная эксплуатация советских богатств через монополии — это была далекая перспектива. В условиях войны по плечу оказались задачи куда более скромные. В основном деятельность немецкой армии в области промышленности свелась к следующему. Как говорилось, немцы усиленно выкачивали запасы сырья и продукции. Стремясь захватить пол-

ностью все запасы дефицитного сырья, немцы запретили в захваченных районах производство мыла, обуви, кожаных изделий, платья и т. п. Гитлеровцы широко вывозили из захваченных районов производственное оборудование. Так, в начале 1942 г. вывозилось в Германию оборудование и различные материалы со сланцевых рудников Ленинградской области. Летом 1942 г. из Латвии вывозились токарные, сверлильные, ткацкие, динамомашины, моторы. В декабре 1942 г. из Могилева было вывезено оборудование шелковой фабрики и других предприятий. В феврале 1943 г. эвакуировались целые предприятия из Минска, Киева и т. д.

Что касается организации производства на захваченных предприятиях, надо прямо сказать: немцам не повезло. Советские граждане даже под угрозой смерти отказывались работать на оккупантов, а партизаны выводили фабрики и заводы из строя. Гитлеровцы смогли восстановить и пустить в ход сравнительно небольшое количество предприятий, необходимых для неотложных нужд армии. Это были некоторые коммунальные предприятия, заводы строительных материалов, машиностроительные предприятия, используемые для ремонта вооружения и производства боеприпасов. На короткое время были частично восстановлены марганцевые копи, нефтепромыслы в Западной Украине, некоторые угольные шахты Донбасса. Частично использовались для снабжения войск предприятия легкой и пищевой промышленности. Отдельные машиностроительные заводы производили простейший сельскохозяйственный инвентарь. Но наладить сколько-нибудь нормальную работу захваченных предприятий гитлеровцы не сумели. В этом отношении характерны безуспешные попытки восстановить добычу угля на донецких шахтах. Производство угля было столь незначительно, что даже в районы Донбасса фашистам приходилось завозить уголь из Силезии и других мест.

В сельском хозяйстве в конечном счете имелось в виду создать вместо колхозов и совхозов индивидуальные капиталистические хозяйства и государственно-капиталистические предприятия — имения. Именно к этому был направлен аграрный закон

Розенберга — Геринга от 27 февраля 1942 г. Этим законом колхозный строй объявлялся ликвидированным. Но сначала объявлялись частной собственностью крестьян только приусадебные участки, на основных же сельскохозяйственных площадях пытались организовать хозяйство крепостнического типа («общинное хозяйство»).

Оккупанты приложили немало усилий, чтобы организовать в захваченных районах сельскохозяйственное производство. В сельскохозяйственные районы направлялись немецкие управляющие; в 1942 г. были присланы 30 тыс. членов организации «Гитлеровская молодежь», которые проходили практику как будущие колонизаторы. Гитлеровцы возвращали земли кулакам и помещикам, надеясь найти в них опору для своей аграрной политики. В качестве сельскохозяйственных руководителей в Лужском районе Ленинградской области оказались бывшие землевладельцы барон Бильдерлинг и барон фон Розен. В селе Интернациональное Щигровского района Курской области усадьба сельскохозяйственного техникума, мельница и колхозный скот были переданы вернувшемуся из эмиграции племяннику известного черносотенца Маркова. Немцы не смогли дать сельскому хозяйству современных машин и других средств производства. Им удалось лишь поставить некоторое количество простейшего инвентаря для ручных работ. Так, из Германии на Украину было доставлено около 1 млн. серпов.

При невозможности использовать экономические средства организации производства оставалось одно — принуждение крестьян к труду. Колхозники боролись с оккупантами, не желали на них работать. О сохранении сельскохозяйственного производства на прежнем уровне, не говоря уже о его расширении, в оккупированных районах нечего было и думать. Оно катастрофически падало. Не справившись с организацией производства, оккупанты обратились к налогам и реквизициям.

Оккупационные власти ввели **поборы и налоги** с населения. Так, практиковались сборы теплой одежды для германской армии (иногда это делалось под предлогом оказания помощи пленным красноармейцам),

изъятие домашней утвари и посуды из цветных металлов (в Минске был издан приказ, что за скрывание цветных металлов виновные подлежат публичной казни через повешение, а наиболее старательные получают особые справки «об активном участии в борьбе против большевизма»); денежные налоги (поголовный сбор, подоходный налог, поземельный налог, налог с торгового оборота, налог на здания, налоги на собак и кошек). Но и эта столь изощренная система поборов не давала желаемых результатов. Самым действенным способом мобилизации ресурсов были повсеместные реквизиции, повальный грабеж. Этими методами фашисты выкачали из оккупированных районов огромные ценности. Приведем некоторые данные. Следует, конечно, иметь в виду, что гитлеровцы не считали своей важной задачей учет ценностей, захваченных в оккупированных областях. Не были в этом заинтересованы и военные: показывая высокие цифры, они или лишались дотаций, или получали задания сдать «трофеи». Полного учета не могло быть и потому, что предметы потребления в больших масштабах изымались децентрализованно — солдатами. Встречающиеся в немецких архивах общие цифры проливают некоторый свет на масштабы изъятий. Так, например, в 1942—1943 гг. немцы изымали в пользу Германии из оккупированных областей СССР около 4,1—4,2 млн. тонн зерна и 1,1 млн. тонн мяса в год.

В 1940 г. в СССР заготовки зерна составляли 36,4 млн. тонн и мяса до 2 млн. тонн. В оккупированных районах, в соответствии с удельным весом в сельскохозяйственном производстве, довоенные заготовки зерна равняются 13—14 млн. тонн и мяса около 1 млн. тонн. Однако в 1943 г. валовая продукция сельского хозяйства в оккупированных районах составляла всего 16 процентов довоенной. Если в такой же пропорции снизились товарные ресурсы, тогда они по зерну за счет урожая 1943 г. могли бы составить 2—2,5 млн. тонн и по мясу — 150—200 тыс. тонн. Немцы же за год изъяти свыше 4 млн. тонн зерна и свыше 1 млн. тонн мяса. И это без учета децентрализованных заготовок. Ясно, что оккупанты забирали продовольствие под метелку, не оставляя

ни семян, ни фуража, ни продовольствия для населения, вырезали и угоняли скот. Это было их сознательной политикой.

В приказе фельдмаршала Рейхенау от 10 октября 1941 г., который был разослан как образцовый всем германским частям с упоминанием о том, что Гитлер признал этот приказ превосходным, содержится следующее подстрекательство к грабежу и истреблению населения: «Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью»¹.

В архивах встречаются также данные о вывозе в Германию ценных видов сырья. По 31 марта 1944 г. в Германию отправлено железной руды 1150 тыс. тонн, марганцевой руды и концентрата — 1136 тыс. тонн, хлопка — 19 тыс. тонн, шерсти — 18 тыс. тонн и т. д. Насколько значительны эти изъятия, видно из того, что довоенная добыча марганцевой руды в СССР составляла 2557 тыс. тонн, заготовки шерсти в 1940 г. — 120 тыс. тонн, а в 1943 г. — 65 тыс. тонн.

Особо тщательно разработанные меры предусматривала фашистская оккупационная политика в отношении **населения** и использования **рабочей силы**. Помимо эксплуатации трудящихся на работах в военном хозяйстве и на военных сооружениях гитлеровцы проводили массовое истребление народов, не принадлежащих к немецкой национальности. Уничтожение целых народов как средство упрочения экспансии германского империализма — это новое, крайнее средство, изобретенное гитлеровцами и примененное во второй мировой войне. Расправа с беззащитным мирным населением вызывалась кровожадной идеологией фашизма.

Экономистов должно специально интересоваться, как мыслили и как осуществляли гитлеровские военные и правительственные чиновники организацию труда рабочих оккупированных областей. Призвав в армию подавляющую часть своего работоспособного населения, Германия остро нуждалась в рабочей силе. Она рассматривала захваченные районы как богатейший резервуар, откуда можно черпать необходимые рабочие руки.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 275.

В своей речи от 9 ноября 1941 г. Гитлер не выражал «ни на секунду сомнения в том, что на оккупированных территориях, которые контролируемы в настоящее время, мы заставим работать на нас всех до последнего человека».

Фашисты зарились не только на советское зерно, мясо, нефть, цветные металлы и т. д. и т. п. Они мечтали также воспользоваться изумительной способностью советских рабочих к творческому труду. Как отмечалось на одном из высокопоставленных совещаний с участием Геринга, русские рабочие показали свою трудоспособность во время строительства гигантской русской промышленности, поэтому эта трудоспособность должна быть теперь использована на благо империи.

Фашисты применили массовый угон работоспособной части населения, а также детей на работы в Германию. Насильственная массовая эвакуация мирного населения оккупированных районов и использование его для расширения военного хозяйства империи — это тоже новая и характерная черта германского империализма, выявившаяся во второй мировой войне. Из Советского Союза оккупационные власти отправили в Германию 4 млн. 978 тыс. советских граждан.

Фашистские военные и гражданские деятели возродили по отношению к советским людям рабско-крепостническую организацию труда как на оккупированной территории, так и в самой Германии. Общий подход к иностранным рабочим, по инструкции Заукеля, состоял в том, чтобы давать этим рабочим такое количество пищи, и предоставлять такие помещения для жилья, и обращаться с ними таким образом, чтобы это требовало наименьших затрат при максимальной эксплуатации рабочих.

Заукель указал, чтобы рабочим, чья производительность труда снижалась, давали меньшее количество продуктов и что не следует интересоваться судьбой рабочих, чья производительность труда не представляет более значения.

Для более конкретной характеристики условий труда советских рабочих, эксплуатируемых немецкими захватчиками, можно было бы указать на следующие факты. Принуждение к труду применялось

не только к взрослым, но и к детям в возрасте от 10 до 14 лет. Советским гражданам выделялись наиболее тяжелые работы. Как предусматривали германские инструкции, «копать землю и дробить камни — это работа не для немцев, для этого есть русские». На советских людей возлагались тяжелые ручные работы в сельском хозяйстве, угольных шахтах, по строительству дорог, разминированию и т. д. Использование советских рабочих и обращение с ними должны быть, по указанию немецких властей, такими, как и по отношению к русским военнопленным. На оккупированных территориях немцы ввели 14—16-часовой рабочий день даже на наиболее вредных для здоровья работах, в большинстве случаев без оплаты или с оплатой настолько низкой (меньше половины германской марки в день), что это обрекало на медленную голодную смерть. «Указания по обращению с иностранными рабочими из гражданского населения, находящимися в империи», воскрешают, казалось бы, невозвратимые картины рабства. В них говорится:

«...Восточные рабочие носят знак «ост» (прямоугольник с бледно-голубой окантовкой, на синем фоне белыми буквами написано слово «ОСТ»)...

Восточных рабочих содержат в закрытых лагерях, которые они имеют право покидать только для производства работ под постоянной охраной часовых или начальника лагеря»¹.

К рабочим применялись телесные наказания. Так, в Харьковской области за невыход на работу полагалось 25 розог. 20 февраля 1942 г. чиновник управления железных дорог в Риге Валк направил в Управление железных дорог Эстонии телеграмму следующего содержания: «Каждое нарушение служебной дисциплины со стороны служащего, принадлежащего к местной национальности, в особенности неявка на работу, опоздание на службу, появление на службе в пьяном виде, невыполнение служебного приказа и т. д., отныне должны караться со всей строгостью: а) в первый раз 15 ударами палкой по обнаженному телу, б) в повторных случаях 20 ударами палкой по обнаженному телу».

¹ «Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 788, 789, 790.

Для питания русских был «изобретен» специальный хлеб из следующей смеси: 50 процентов ржаных отрубей, 20 процентов отжимок сахарной свеклы, 20 процентов целлюлозной муки и 10 процентов муки, изготовленной из соломы или листьев.

Факты показывают, что фашисты осуществляли эксплуатацию рабочих, превосходящую капиталистическую и феодальную эксплуатацию. Условия труда не только не обеспечивали восстановление рабочей силы, они обуславливали физическое вымирание людей, и в самое непродолжительное время.

Попытка германского империализма завоевать Советский Союз, захватить и подчинить важнейшие районы СССР бесславно провалилась. Но грабительская политика фашистов, развязанная ими война, временная оккупация обширных советских районов нанесли Советскому Союзу колоссальный ущерб.

Прежде всего нужно сказать об ущербе населению, уменьшении его численности, ухудшении здоровья и т. д. Во второй мировой войне исключительно велики людские потери. Но дело далеко не исчерпывается военными потерями. Расисты проводили массовое уничтожение женщин, детей, стариков. Оккупационный режим был для советских граждан режимом голода. В захваченных районах люди были лишены медицинской помощи. Голод и болезни уносили миллионы жизней. Миллионы людей погибли на фашистской каторге. Резко сократилась рождаемость. Это до сих пор отрицательно сказывается на трудовых ресурсах страны. Неблагоприятно изменилась структура трудовых ресурсов, особенно в деревне, вследствие большой убыли мужского населения.

Развязанная германскими милитаристами война против Советского Союза унесла 20 млн. жизней советских людей.

Наряду с людскими потерями развязанная фашистами война и немецкая оккупация нанесли Советскому Союзу колоссальный материальный ущерб. Величина материального ущерба является одним из важнейших показателей результатов оккупационной политики гитлеровцев. Материальный ущерб, нанесенный фашистской Германией, складывается из ряда статей. Сюда относятся: ущерб населению, общенародным

и кооперативным предприятиям, снижение национального дохода от прекращения или сокращения работы государственных предприятий, колхозов и граждан, стоимость конфискованного германскими оккупационными войсками продовольствия и снабжения, военные расходы СССР, а также потери от замедления темпов общего хозяйственного развития страны в результате действий врага на протяжении 1941—1945 гг.

Политика ограбления фашистскими войсками захваченных территорий сочеталась с политикой уничтожения в ходе наступательных операций и особенно при отступлении фабрик, заводов, колхозов и совхозов, железных дорог, жилищ. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников рассмотрела около 4 млн. актов об ущербе, причиненном оккупантами советским гражданам, колхозам и государству за время оккупации советских территорий. Только прямой ущерб (потери от прямого уничтожения имущества) составляет 679 млрд. рублей в государственных ценах 1941 г.¹ Немецко-фашистские захватчики разрушили 1135 угольных шахт, на которых добывалось свыше 100 млн. тонн угля в год, свыше 3 тыс. нефтяных скважин с добычей до 5 млн. тонн нефти в год, электрические станции общей мощностью около 5 млн. киловатт, 37 заводов черной металлургии с ежегодной выплавкой 11 млн. тонн чугуна и 10 млн. тонн стали, 749 заводов тяжелого и среднего машиностроения и т. д. Немецкие войска разорили и разграбили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных станций; они зарезали, отобрали или угнали в Германию 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота, 27 млн. овец и коз, 110 млн. голов домашней птицы.

Полностью или частично были разрушены 1710 городов и поселков городского типа и более 70 тыс. деревень, сожжено или разрушено свыше 6 млн. зда-

¹ «Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков», стр. 430, 433, 444, 429.

ний и лишены крова около 25 млн. человек. Огромные абсолютные размеры прямого ущерба очевидны. Но его величина становится еще более ощутимой, если сравнить его с довоенными масштабами советского народного хозяйства. Тогда окажется следующее¹:

	Было в 1940 г.	Уничтожено, разрушено оккупантами или увезено в Германию	Потери в % к наличию в довоен- ный период
Общий объем промышленных предприятий (по числу рабочих), млн.	10,9	4	37
Общий объем производства, млн. тонн			
чугун	14,9	11	74
сталь	18,3	10	55
уголь	165,9	100	60
нефть	31,1	5	16
Общая мощность электростанций, млн. <i>квт.</i>	11,2	5	45
Общая численность скота, млн. голов			
лошади	17,7	7	40
крупный рогатый скот . .	47,8	17	36
овцы и козы	76,7	27	35

В целом общая величина только прямого материального ущерба намного превысила величину довоенного национального дохода, а по отношению к национальному имуществу районов, подвергавшихся оккупации, этот ущерб составлял около $\frac{2}{3}$.

Героическими усилиями удалось восстановить общий объем промышленного производства в 1948 г., а по некоторым важным отраслям промышленности — позднее. Война отбросила на 10 лет развитие хлопчатобумажной, льняной, кожевенно-обувной, сахарной,

¹ «Статистический ежегодник за 1961 г.», стр. 567, 176, 189, 381. Данные за 1940 г.

мясной и маслостроительной промышленности. Надолго подорваны были производительные силы сельского хозяйства.

Таким образом, прямой материальный ущерб был чрезвычайно тяжел и для всего народного хозяйства СССР. Он был еще более тяжел для хозяйства районов, подвергавшихся оккупации.

Проведенный статистическими органами учет показал огромные размеры опустошений, произведенных гитлеровцами. Основные изменения в районах, подвергавшихся оккупации, таковы:

	Было до войны	Учтено после освобождения	То же в % к довоенным данным
Население, млн. человек	88	55	63
В том числе:			
городское »	25	10	40
сельское »	63	45	72
Количество учителей, тыс.	526,5	249,2	47
Количество врачей »	58,5	16,5	28
Число промышленных предприятий, тыс.	116,7	20,2	17
Число лошадей, млн.	10,5	3,4	32
» крупного рогатого скота, млн.	24,4	10,3	42
Число свиней, млн.	18,8	2,8	15
Число овец и коз, млн.	26,6	8,5	32
Количество тракторов, тыс.	207,6	89,6	43
» комбайнов »	66,7	32	48
Железные дороги, тыс. км	122	65	53

Население оккупированных районов сократилось на 33 млн., или на 37%, в том числе городское население — на 60%. Часть населения — около 10 млн. человек — была эвакуирована в тыл, часть призвана в армию, значительная часть была угнана в Германию, погибла от рук фашистских захватчиков, голода и болезней. В наибольшей мере сократилось население в трудоспособном возрасте, особенно мужское.

Восстановление хозяйства сразу же натолкнулось на нехватку рабочей силы.

В оккупированных районах сохранилось лишь 17% рабочих. Были уничтожены, вывезены или приведены в негодность основные фонды промышленности. В 1943 г. в этих районах было произведено лишь 6% довоенной продукции, в 1944 г.—18% и в 1945 г.—30%.

Столь же безотрадная картина наблюдалась и в сельском хозяйстве. поголовье лошадей сократилось на $\frac{2}{3}$, крупного рогатого скота и коз — на 60—70%, поголовье свиней было уничтожено почти целиком, парк тракторов и комбайнов сократился более чем наполовину. В районах, бывших в оккупации в 1943 г., валовая продукция сельского хозяйства составляла лишь 16% довоенной и в 1945 г. благодаря чрезвычайным мерам повысилась лишь до половины довоенного уровня.

Оккупанты разорили культурные и медицинские учреждения. После освобождения оказалось на месте менее половины учителей и менее $\frac{1}{3}$ врачей. Гитлеровцы, отступая, стремились превратить советские районы в пустыню. Эту цель войны они выполнили наиболее успешно. Восстановление районов, опустошенных фашистами, Советское правительство считало первоочередной задачей. Она стала общенародной задачей.

В ходе войны в освобожденных районах были полностью или частично восстановлены тысячи промышленных предприятий, более 1800 совхозов и 3 тыс. машинно-тракторных станций, восстановлено 85 тыс. колхозов, около 6 тыс. больниц и более 70 тыс. школ. В городах, подвергавшихся оккупации во время войны, построено и восстановлено 17,9 млн. квадратных метров жилой площади, а в сельской местности — 1 млн. 260 тыс. жилых домов. В первую очередь восстанавливались железные дороги, жилье, больницы, добыча топлива, электростанции, металлургия, предприятия легкой и пищевой промышленности, МТС.

Как ни велик прямой материальный ущерб, причиненный СССР гитлеровцами, он составляет лишь часть всего ущерба, нанесенного захватнической политикой германского империализма. Прямой ущерб,

военные расходы, временную потерю доходов от промышленности и сельского хозяйства в оккупированных районах составили 2 триллиона 569 млрд. рублей. Это во много раз превысило сумму довоенного национального дохода Советского Союза.

Было бы, однако, неправильно рассматривать оккупационную политику немецкого фашизма только с экономической точки зрения и видеть лишь ее губительное влияние на производительные силы оккупированных районов. Оккупационная политика имела огромное воздействие на политическую жизнь миллионных масс. Против воли гитлеровцев она стала фактором величайшей мобилизации народов СССР на справедливую войну с захватчиками, усиления партизанской войны. Немецкая оккупационная политика полностью обнажила экспансионистские, эксплуататорские, антинародные цели немецкого империализма. Гитлеризм был смертельным врагом социалистического государства, и все народы Советского Союза поднялись на полный разгром захватчиков.

2. Разрушение и разграбление немецко-фашистскими захватчиками национальных богатств Украинской ССР

Советская Украина с ее 40-миллионным трудолюбивым народом, мощной индустрией и высокоразвитым многоотраслевым сельским хозяйством занимала одно из первых мест в гитлеровских планах завоевания и ограбления стран Европы. Еще задолго до вероломного нападения на Советский Союз гитлеровское правительство и немецкий генеральный штаб разработали подробный план разграбления экономики Украины и превращения последней во «внутреннюю колонию» «великой германской империи», в сырьевой придаток германской экономики. В секретном документе — «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» («Зеленая папка»), составленном под руководством Геринга, — в этой развернутой программе ограбления оккупированных районов Советского

Союза — даны были прямые указания немецкой армии и немецким хозяйственным органам о порядке разграбления и уничтожения материальных и культурных ценностей Украины.

Выкачивание экономических ресурсов с Украины проводилось в первую очередь путем вывоза уцелевшего оборудования, сырья, продовольствия и других материальных ценностей, а также путем организации производства на предприятиях, которые по тем или иным причинам не были демонтированы и эвакуированы в Германию.

Подводя итоги первого года немецко-фашистского хозяйничанья на оккупированной территории Украины, Эрих Кох на совещании в Ровно в августе 1942 г. следующим образом изложил сущность и дальнейшие задачи экономической политики оккупантов на Украине:

«Нет никакой свободной Украины. Цель нашей работы должна заключаться в том, что украинцы должны работать на Германию, а не в том, чтобы мы делали этот народ счастливым. Украина должна дать то, чего не хватает Германии. Эта задача должна быть выполнена, невзирая на потери... Фюрер потребовал с Украины 3 млн. тонн зерна для Германии, и они должны быть поставлены...»

Развивая ту же мысль, Эрих Кох 5 марта 1943 г. на совещании членов национал-социалистской партии в Киеве говорил:

«Я извлеку все возможное из этой страны... Я пришел сюда, чтобы помочь фюреру, и население должно работать, работать и еще раз работать. Так как некоторые люди обеспокоены тем, что население может не иметь достаточного количества продовольствия, то знайте, что население нас не должно интересовать... Мы пришли сюда не для того, чтобы оказывать помощь. Мы пришли сюда, чтобы создать основу для победы. Мы раса господ и должны помнить, что даже самый плохой германский рабочий в биологическом отношении и с расовой точки зрения в тысячу раз лучше, чем данное местное население...»¹

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. 3. М., 1958, стр. 404, 661.

Подчиняя себе национальные богатства, гитлеровцы и население, проживающее на оккупированной территории СССР, рассматривали лишь как придаток их экономической оккупационной политики. «Наш руководящий принцип,— заявлял Гитлер,— должен заключаться в том, что эти народы имеют только одно единственное оправдание для своего существования — быть полезным для нас в экономическом отношении»¹.

Аналогичное высказывание мы встречаем и в письме инспектора по вооружению на Украине от 2 декабря 1941 г., адресованном начальнику отдела вооружения ОКВ (Верховное командование германских вооруженных сил) генералу Томасу: «Если украинец обязан работать, то мы должны обеспечить его физическое существование отнюдь не из сентиментальных чувств, а из трезвого хозяйственного расчета»².

Эксплуатация населения. Рабский труд. Гитлеровцы в широких масштабах осуществляли программу массового порабощения населения оккупированных советских территорий. Еще «Зеленая папка» Геринга декларировала принудительный характер труда для мирного советского населения. Для непосредственной организации и распространения принудительного труда было создано специальное ведомство под руководством Заукеля, которое работало в тесном контакте с военным командованием. Излагая программу использования рабочей силы, Заукель писал, что целью рабочей мобилизации является использование всех богатств и неограниченных источников, захваченных вооруженными силами под руководством Адольфа Гитлера для укрепления нашей армии, а также для нужд нашей страны. Все сырьевые материалы, плодородие оккупированных территорий, а также их рабочая сила должны быть полностью использованы в интересах Германии и ее союзников.

С первых дней оккупации Украины все работоспособное население, а также старики и подростки здесь были взяты на учет оккупационными властями. На всей оккупированной территории Украины была введена всеобщая трудовая повинность. Принудительный

¹ «Hitler's Table Talks». London, 1953, p. 424.

² «Нюрнбергский процесс», т. 3. М., 1958, стр. 416.

рабский труд применялся в первую очередь на тяжелых работах в горнорудной промышленности, на постройке дорог, на погрузочных работах и в сельском хозяйстве. Для промышленных рабочих был установлен 14—16-часовой рабочий день. Везде была создана обстановка жестокого террора, издевательств и насилия. Все работы проводились под надзором полицейских и солдат. Работающие подвергались избиениям и за малейшую вину — расстрелу.

Нацистские власти силой принуждали высококвалифицированных специалистов выполнять тяжелые физические работы. Например, оставшихся в городе профессоров и преподавателей Днепропетровского металлургического института фашисты заставляли работать в качестве грузчиков. Гитлеровцы не останавливались и перед зверской эксплуатацией детского труда. Известно, что в Мелитополе 10-летние дети работали на засыпке песком заболоченных мест в районе р. Молочной, использовались в качестве рабочих на мелитопольских заводах.

Разрушение и разграбление промышленности. Возрождая рабско-крепостнические формы организации труда, фашистские захватчики смогли частично организовать производство на захваченных предприятиях. На Украине на короткое время были восстановлены некоторые марганцевые копи, нефтепромыслы и угольные шахты, некоторые коммунальные предприятия, заводы строительных материалов и др. Однако наладить нормальную работу захваченных предприятий гитлеровцы не смогли.

Оккупанты создавали на Украине разного рода промышленные «общества», представлявшие собою филиалы монополистических объединений, существовавших в фашистской Германии. Так, например, для эксплуатации тяжелой промышленности на Украине был образован восточный филиал концерна «Герман Геринг», «Контора донецкой и украинской каменноугольной промышленности», «Общество энергоснабжения Нижне-Днепровского района» и др. Хотя они организовывались с ограниченными капиталами, зато обладали неограниченными правами захвата и ограбления украинской экономики и беспощадной эксплуатации населения Украины.

Потерпев провал в попытках использования производственных мощностей промышленности Украины для налаживания производства, немецко-фашистские захватчики приступили к планомерному разрушению и уничтожению производительных сил республики. Отступая, они уничтожали здания, сооружения и оборудование, разбирали производственные здания на кирпичи, используя их при постройке блиндажей и укреплений, сжигали в печах оконные рамы, двери и паркет, превращали производственные и культурно-бытовые помещения в конюшни для лошадей. Летом 1943 г. Гиммлер распорядился, чтобы на оставляемой фашистами под ударами Советской Армии территории не было ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одной железнодорожной линии, ни один дом не должен остаться целым, не должно быть ни одной шахты, которую можно было бы эксплуатировать в течение ближайших лет, не должно быть ни одного неотравленного колодца.

В секретной директиве от 2 ноября 1943 г. руководитель экономической группы южных немецких армий Нагель предписывал, чтобы весь Донецкий бассейн восточнее позиции «Черепаша» (эта позиция проходила западнее Славянск — Константиновка) был эвакуирован в хозяйственном отношении и полностью разрушен. Все, что не может быть эвакуировано, указывалось в директиве, подлежит разрушению, в особенности водонапорные и электрические станции, шахты, заводские сооружения, средства производства всех видов, урожай, который не может быть вывезен.

В этой же директиве указывалось, что разрушения следует произвести не в последний момент, когда войска уже будут вести бой или отступать, а своевременно.

Немецко-фашистские захватчики прежде всего разрушали предприятия тяжелой промышленности СССР — угольной, металлургической, машиностроительной, энергетической. В Донецком угольном бассейне они разрушили сотни шахт и вывезли из них огромное количество ценного оборудования, а также разрушили и разграбили электрические станции, обслуживавшие угольные шахты. В числе разрушенных шахт Донбасса были такие крупнейшие, как шахта имени Ленина, Ирмино, Голубовка, имени Артема

и др., с ежегодной добычей на каждой свыше 1 млн. 200 тыс. тонн угля¹. Не ограничившись уничтожением шахт, производственных зданий и оборудования, оккупанты уничтожали жилые дома шахтеров, клубы, детские и культурные учреждения.

Большие разрушения были причинены немецко-фашистскими захватчиками также другой ведущей отрасли промышленности УССР — черной металлургии. Были уничтожены и частично повреждены 47 доменных печей, 117 мартеновских печей, 135 прокатных станов². Из 26 металлургических, 25 коксохимических и 5 метизных заводов ни один не сохранился полностью. В числе разрушенных немецко-фашистскими захватчиками украинских заводов были такие гиганты черной металлургии, как завод «Запорожсталь», запорожский «Днепроспецсталь», ждановский «Азовсталь», Днепро-дзержинский, Донецкий, Никопольский и др. В груды развалин был превращен один из самых крупных металлургических заводов Украины — Макеевский завод имени Кирова, на котором до Великой Отечественной войны работало 20 тыс. человек. Разрушение заводов производилось по указанию и под руководством представителей акционерного общества «Восток» — офицера Руфуса, фирмы «Колин» — шеф-директора Якобса, фирмы «Отто» — директора завода Ренкгофа.

Немецко-фашистские захватчики разрушили 599 заводов тяжелого и среднего машиностроения УССР, на которых до войны было занято 623 тыс. человек³. Самым большим разрушениям подверглись Ново-Краматорский и Старо-Краматорский заводы, Луганский паровозостроительный, Харьковский турбогенераторный, Горловский имени Кирова, Торецкий завод, харьковский «Свет шахтера», Мелитопольский дизельный, Одесский имени Январского восстания, Луганский имени Пархоменко, Харьковский подъемно-транспортного машиностроения и многие другие. Крупнейший Ново-Краматорский машиностроительный завод до Великой Отечественной войны выпускал металлургическое оборудование. Только основные цехи этого завода

¹ Архив Института истории партии ЦК КПУ, ф. 166, оп. 2, д. 155, л. 11.

² Там же, л. 12.

³ Там же, л. 13.

занимали 183 045 квадратных метров. На заводе работало 20 тыс. человек. Немецкие оккупанты привели в негодность на этом заводе 1113 станков, гидравлический 300-тонный горизонтальный пресс взорвали, много оборудования вывезли в Германию¹.

Оккупанты взорвали Ворошиловградский паровозостроительный завод имени Октябрьской революции, похоронив под руинами 500 человек, проживавших по соседству с заводом. Они полностью уничтожили и разрушили заводы Харькова — тракторный, ремонтно-подшипниковый, велосипедный, Запорожский завод комбайнов, станкостроительные образцовые заводы в Киеве, сельскохозяйственного машиностроения в Кировограде, химического, деревообрабатывающего и бумагоделательного машиностроения и др.

В итоге оккупации были разрушены все основные электростанции республики, в том числе крупнейшая в то время ДнепрогЭС имени Ленина, Штеровская, Кураковская, Зуевская и Северо-Донецкая в Донбассе, Криворожская, Харьковская, Киевская и многие другие. Были уничтожены и наиболее крупные заводы электротехнической промышленности, выпускавшие электровозы, генераторы, электромоторы и другое электрооборудование.

Таким образом, промышленность Советской Украины практически была полностью уничтожена оккупантами.

Разрушение транспорта. Немецко-фашистские захватчики нанесли большой ущерб железнодорожному, водному и речному транспорту Украины. Секретный приказ имперского руководителя СС предлагал: «...обеспечьте всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами, чтобы в оставляемых врагу областях не было ни одного рельса, чтобы шпалы были все взорваны...»²

Специальными путеразрушительными машинами было выведено из строя 10 магистральных железных дорог, на которых были разрушены многие тысячи километров железнодорожной колеи, 220 тыс. проводок и линий железнодорожной связи. Враг взорвал 5,6 тыс. железнодорожных мостов, разрушил

¹ См. «Документы обвиняют», вып. 2, стр. 262.

² ЦГАОР СССР, ф. 7446, оп. 2, д. 96, л. 94.

1786 вокзалов и станций, 712 водонапорных башен, 1389 гидроколонок и уничтожил 120 паровозных депо. Были разрушены либо вывезены в Германию свыше 6704 паровозов и мотовозов и более 181 тыс. вагонов.

Гитлеровцы причинили также большой ущерб речному и морскому транспорту республики. Они потопили и разрушили 372 крупных пассажирских, грузовых и специальных судна, потопили и захватили 442 пассажирских, грузовых и буксирных речных парохода и 1789 несамоходных судов¹.

Разрушение и ограбление сельского хозяйства. В захватнических планах немецкого фашизма Украина занимала особое место как источник продовольствия и сельскохозяйственного сырья.

Основным требованием экономической программы на Востоке было обеспечение Германии продовольствием, причем Украина и Северный Кавказ должны были создавать главные продовольственные запасы.

По директиве рейхсминистра Розенберга колхозы временно были превращены в «общинные дворы» (*Gemeinwirtschaften*), а совхозы — в «земские дворы» (*Domänen*). Однако создание «общинных» и «земских» дворов было лишь проформой. По существу же эти «общинные хозяйства» превращались в государственные имения, причем оккупанты практиковали это одновременно с передачей земли в собственность немецким генералам, офицерам и разным военным комендантам.

Сразу же после захвата украинских областей оккупанты начали организовывать на лучших землях колонии фольксдейче, подготавливая также земли для заселения их рейхсдейче. На совещании около Житомира в июне 1942 г. Гиммлер дал прямое указание очистить территорию Украины для будущего заселения немцами. На основе этого указания министр земледелия Дарре заявил: «Земля завоеванных нами стран будет распределена между солдатами, которые особенно отличились, и между образцовыми членами национал-социалистской партии. Таким образом, возникнет новая земельная аристократия. У этой аристократии будут свои крепостные — местные жители...

¹ Архив Института истории партии ЦК КПУ, ф. 166, оп. 2, д. 155, л. 15, 16.

На всем восточном пространстве,— продолжал далее Дарре,— только немцы имеют право являться собственниками крупных имений. Страна, населенная чужой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных батраков и промышленных рабочих»¹.

Немецкие колонисты кроме лучших земель забирали и лучшие постройки, колхозный инвентарь, крупный рогатый скот и т. д.— все, что им было необходимо для организации помещичье-кулацких хозяйств.

Согласно «закону» Розенберга управитель «общины» своей властью имел право жестоко наказывать крестьян за «ослушание» или «невыполнение приказов». Крестьянам категорически воспрещалось передвигаться из одной местности в другую, ходить в лес. Установлена была ежедневная обязательная регистрация. Каждый обязан был работать не менее пяти дней в неделю, а за невыход на работу уплачивал штраф и получал 25 розог. Работа начиналась в 6 часов утра и продолжалась до захода солнца под надзором немецких комендантов, которые избивали всякого, кто осмеливался ослабить трудовое напряжение.

«Служба поддержания внутреннего порядка в украинском селе должна быть службой дубинки...»,— говорилось в одном из приказов штаба 48-го бронетанкового корпуса фашистской армии.

При отсутствии механической и живой тягловой силы крестьян принуждали от зари до зари вскапывать землю лопатами, впрягаться в бороны, в телеги и т. д.

Отступая, немецкие захватчики уничтожали сельскохозяйственные постройки, сжигали и травили посевы, вырубали сады; угоняли в Германию скот, увозили запасы продуктов и другое имущество. **В колхозах** на территории УССР они уничтожили свыше 230 тыс. строений, сожгли и уничтожили 18 млн. гектаров посевов сельскохозяйственных культур, вырубали до 144 тыс. гектаров садов и виноградников; вывезли в Германию 3 млн. 442 тыс. голов крупного рогатого скота, 3 млн. 730 тыс. свиней, 4 млн. 781 тыс. овец и коз; 2 млн. 692 тыс. лошадей, 17 млн. 829 тыс. голов разной домашней птицы; 4 млн. 415 тыс. тонн

¹ «Braune Mappe», Bd. II, S. 33.

зерна и муки, 1 млн. 310 тыс. тонн картофеля, овощей и фруктов; вывезли, уничтожили или привели в негодное состояние в колхозах 1 млн. 187 тыс. почвообрабатывающих машин, 109 тыс. посевопосадочных машин, 197 тыс. уборочно-сортировочных машин, 1 млн. 278 тыс. телег и саней.

Немецкие захватчики причинили также огромный ущерб совхозам и МТС УССР. Они вывезли из совхозов все запасы сельскохозяйственных продуктов, в МТС разрушили тракторный и машинный парк, хозяйственные и другие постройки.

Совхозам и МТС СССР немцы причинили ущерб в сумме 4 млрд. 476 млн. рублей; 53,4 процента общего ущерба относится к основным фондам, из которых 18 процентов падает на постройки и сооружения и 15,5 процента — на рабочий и продуктивный скот совхозов. Немцы уничтожили и повредили в совхозах свыше 21 тыс. строений, из которых 8,1 тыс. жилых зданий, 3,9 тыс. зданий производственного назначения и 6,4 тыс. животноводческих построек. Они уничтожили или угнали из совхозов Украины в Германию 430 тыс. голов крупного рогатого скота, 664 тыс. свиней, 711 тыс. голов овец и коз, 293 тыс. лошадей, разграбили или вывезли 750 тыс. тонн зерна, 220 тыс. тонн картофеля, 458 тыс. тонн сена и т. д.¹

Разрушение городов и сел. За время своего хозяйничанья в оккупированных районах Украины немецко-фашистские захватчики нанесли большой ущерб жилому фонду республики. Ими было сожжено и разрушено свыше 2 млн. зданий, более 540 тыс. надворных построек, лишено крова 10 млн. человек². Только в восьми областях Левобережной Украины и в Киеве оккупанты разрушили свыше 4 млн. квадратных метров жилой площади, что составляло половину жилого фонда этих областей, а в таких городах, как Донецк, Полтава и Чернигов, было разрушено две трети жилого фонда.

Ни в одном городе Украины во время оккупации не действовало централизованное водоснабжение.

¹ Архив Института истории партии ЦК КПУ, ф. 166, оп. 2, д. 155, л. 20—22.

² Там же, л. 2.

Ввиду отсутствия какого-либо санитарного надзора за колодцами распространялись массовые заболевания.

Разграбление личного имущества населения. Составной частью экономической политики немецкого фашизма были разграбление и уничтожение личного имущества мирного населения, в частности крестьянства. Во всех областях Украинской ССР немецко-фашистские захватчики отбирали у населения ценные вещи, одежду, скот, сельскохозяйственные продукты, предметы домашнего обихода, облагали жителей штрафами, налогами и контрибуциями.

В приложении к специальному приказу оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск за № 43761/44 указывалось: «Необходимо путем принудительного обложения населения занятых областей любыми способами добывать одежду. Прежде всего необходимо забирать шерстяные и кожаные перчатки, пальто, жилеты и шарфы, ватные жилеты и брюки, кожаные и валяные сапоги, портянки»¹.

Кроме приведенных выше цифр о грабеже и разорении государственного и колхозного имущества на территории УССР фашистские захватчики разрушили принадлежавшие гражданам УССР 1 млн. 808 тыс. жилых домов, зарезали или угнали в Германию 326 тыс. лошадей, 3 млн. 722 тыс. голов крупного рогатого скота, 4 млн. 941 тыс. голов свиней, 1 млн. 825 тыс. овец и коз, 40 млн. 246 тыс. голов домашней птицы, отобрали 600 тыс. тонн муки и крупы, 6 млн. 250 тыс. тонн картофеля, овощей и фруктов, 200 тыс. тонн фуража, 2100 тонн различных продуктов².

С первого же года войны вследствие ограбления на Украине возник голод, в результате чего во многих городах население вымирало. Так, например, в Харькове, по свидетельству самих оккупационных властей, только в первом квартале 1942 г. из 22 708 умерших 13 749 человек погибли от голода, причем особенно велика была смертность среди детей. В докладной записке торгового отдела Харьковского городского управления бургомистру города от 21 июля 1942 г. читаем:

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1946, стр. 233.

² Архив Института истории партии ЦК КПУ, ф. 166, оп. 2, д. 155, л. 24.

«Население живет впроголодь, падают его силы, болеет, умирает. Кто может, убегает из Харькова. Город-великан пустеет, разрушается»¹.

Особенно жестокие формы приняли реквизиции. Немцы реквизировали весь хлеб, скот, фураж и другие сельскохозяйственные продукты. Реквизиции сопровождались сжиганием дотла целых деревень и массовыми зверскими убийствами.

Принятая политика была изложена в официальном докладе инспектора по вооружению на Украине 2 декабря 1941 г., в котором говорилось:

«Изъятие сельскохозяйственных излишков на Украине для распределения их в рейхе возможно только при условии, если внутреннее потребление на Украине будет сведено к минимуму. Эта цель должна быть достигнута путем следующих мер:

1. Уничтожение излишних едоков (евреев, а также населения крупных украинских городов, из которых такие, как Киев, вовсе не получают никакого продовольствия).

2. Путем чрезвычайного сокращения продовольственных норм для украинцев — жителей других городов.

3. Путем сокращения потребления продуктов сельским населением»².

Умышленно создавая голод на Украине, оккупанты вывозили в Германию огромное количество продовольствия. Так, в письме к Гитлеру Эрих Кох привел следующие данные о количестве вывезенных с Украины в Германию продуктов сельского хозяйства за период с начала оккупации до конца июня 1943 г.³:

Зерновые . . .	3 600 000 тонн	Сахар	155 000 тонн
Бобовые . . .	100 000 »	Хлопок . . .	5 000 »
Масло . . .	50 000 »	Шерсть . . .	7 000 »
Картофель .	500 000 »	Конопля и лен	5 500 »
Мед и варенье	25 000 »	Лекарства (лечебные травы) . .	1 500 »

¹ Харьковский облгосархив, ф. Р-2615/367с, д. 49, л. 13.

² «Німецько-фашиський окупаційний режим на Україні». Київ, 1951, стр. 379.

³ International Military Trial, doc, № 0—1786.

Денежная система. Банки. Торговля. Одним из методов ограбления оккупированной Украины являлся также установленный нацистами финансовый режим.

В первые недели оккупации немецкие воинские части, реквизируя у крестьян сельскохозяйственные продукты, в отдельных случаях «расплачивались» расписками, имевшими подпись: «Германские вооруженные силы». Позднее на всей оккупированной Украине платежным средством были объявлены билеты германских кредитных касс (оккупационные марки). Они имели вид денежных знаков, но по существу являлись денежным суррогатом, не имевшим никакого реального обеспечения. В обращении оставались также советские деньги. При расчетах одна марка приравнивалась к десяти рублям. На Украине была создана разветвленная сеть банков во главе с Центральным эмиссионным банком, который начал действовать в Ровно с июля 1942 г. Банк имел филиалы в Брест-Литовске, Кировограде, Житомире, Киеве, Николаеве, Днепропетровске, Луцке, Виннице. Центральный эмиссионный банк выпустил новые деньги — «карбованцы», в купюрах по 5, 10, 20, 50, 100 и 500 карбованцев. Они были напечатаны на немецком и украинском языках.

Населению было предписано до 25 июля 1942 г. обменять советские деньги в купюрах по 5 руб. и выше на карбованцы. После этого на Украине остались в обращении карбованцы, советские денежные знаки достоинством в 1 и 3 руб., советская разменная монета, оккупационные марки и германская цинковая монета в 1, 5 и 10 пфеннигов.

Для кредитования и банковского обслуживания торговых и промышленных организаций и отдельных немецких предпринимателей было открыто 17 отраслевых хозяйственных банков. Они были объединены в союз хозяйственных банков, возглавляемый Центральным хозяйственным банком, который находился в Ровно и имел филиалы в Киеве и Днепропетровске. Центральному хозяйственному банку было выдано рейхскомиссаром Украины 200 млн. карбованцев в качестве основного капитала и 50 млн. карбованцев в качестве запасного капитала. Центральный хозяйственный банк и Союз хозяйственных банков возглавлял д-р Вэге. Администрация хозяйственных банков со-

стояла из немцев. За деятельностью местных отделений наблюдали немецкие районные комиссары.

Поборы, налоги с населения. Помимо прямых реквизиций государственных, колхозных и кооперативных складов и запасов, сохранившихся после отступления Красной Армии, германские власти проводили широкую систему поборов непосредственно с населения. Кроме невероятно тяжелых натуральных реквизиций взимались также многочисленные денежные налоги. Поголовный сбор обязаны были уплачивать все жители в возрасте от 16 до 60 лет. Размеры налогов устанавливались местными оккупационными властями произвольно.

Введенная оккупантами на Украине денежная система была использована для еще большего усиления грабежа и экономического гнета населения. При помощи финансовой системы вводились различные формы налогов:

государственный: налог с оборота, налог с прибыли, подоходный налог, включая зарплату, налог с кооперативных организаций, с наследства и т. д.;

местный налог: на строения, рента, на транспортные средства, на скот, на собак и т. п.

За неуплату налогов, особенно за несплату сельскохозяйственных продуктов и скота, виновные предавались смертной казни через повешение и расстрелы.

Угон населения на каторгу в Германию. Гитлеровские власти осуществляли также насильственную отправку трудоспособного населения Украины на каторгу в Германию. Они стремились таким путем сохранить и повысить уровень германского военного производства. Угон мирного населения Украины в немецкую неволю проводился в особенно больших масштабах. По признанию Коха, только к началу 1943 г. в Германию было отправлено 710 тыс. украинцев. А всего было угнано с Украины свыше 2 млн. человек.

«Набор» рабочей силы для отправки в Германию проводился с применением таких мер, как облава, расстрелы, поджоги и др. Например, в Полтаве в конце декабря 1942 г. группа железнодорожников в 65 человек, отказавшаяся ехать в Германию, была повешена. В Харькове с целью заставить население выехать в Германию фашисты в 1942 г. сняли с продовольствен-

ного снабжения 70 тыс. человек¹. Чтобы форсировать массовую отправку рабочих в Германию, на Украину в 1942 г. дважды приезжал генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Заукель. Как сообщало 31 мая 1942 г. германское информбюро, Заукель подчеркнул необходимость мобилизации всей без остатка рабочей силы.

В протоколе совещания по поводу использования в Германии советских граждан с территории, оккупированной немецко-фашистскими захватчиками, которое происходило у Заукеля осенью 1942 г., говорится:

«1) Фюрер распорядился немедленно вывезти в Германию 400—500 тыс. украинских женщин в возрасте от 15 до 35 лет для использования в домашнем хозяйстве и последующего онемечивания их.

2) Фюрер в категорической форме высказал желание онемечить большое количество этих девушек.

3) Волей фюрера через 100 лет в Европе должны жить 250 млн. человек, которые будут говорить на немецком языке.

4) Расценивать этих работниц из Украины как работниц с Востока и делать на них пометку «Ост»².

Применяя рабско-крепостнические формы эксплуатации миллионных масс украинского населения, угнанного в Германию, немецко-фашистские захватчики осуществляли также заранее разработанную применительно к поработешенному колониальному народу целую «систему» подготовки невольников для эксплуатации в рейхе. Так, в специальной инструкции Гитлера Розенбергу, переданной через Бормана и включавшей Украину в нацистское «жизненное пространство», 23 июля 1942 г. говорилось: «Никоим образом нельзя позволять ненемецкому населению получать высшее образование. По мнению фюрера, будет вполне достаточно, если ненемецкое население, а также так называемые украинцы будут учиться читать и писать».

«5) Ни в коем случае мы не должны допускать у ненемецкого населения возникновения чувства собственного достоинства»,

¹ Архив Института истории партии ЦК КПУ, ф. 1, оп. 14, д. 548, л. 34.

² ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, д. 256, л. 403—404.

Вывоз советских людей в Германию осуществлялся в неслыханных по своей жестокости условиях. Положение этих несчастных людей было особенно тяжелым, поскольку им не давали возможности взять с собой одежду. Женщины и мужчины забирались прямо с постели и помещались в подвал. Некоторые были в ночных рубашках. Захваченные были заперты на долгое время в вагоны, которые не отапливались, и были лишены какой-либо возможности получать хотя бы воду, пищу и одежду или пользоваться уборной. Там не было воды и отопления. Женщины подвергались всевозможным физическим и моральным издевательствам в процессе так называемых «медицинских осмотров».

Угнанные в Германию попали там в условия, еще более тяжелые, чем те, в которых им приходилось жить дома во время оккупации. И очень многие из них, став жертвами кровавого нацистского террора и садизма, уже не вернулись на родину.

Общий ущерб, причиненный оккупацией Украинской ССР. На основании актов, составленных в колхозах, общественных организациях, государственных предприятиях и учреждениях, установлено, что на территории УССР немецко-фашистские захватчики:

а) истребили и замучили до 4,5 млн. советских граждан;

б) разрушили и сожгли 714 городов и более 28 тыс. сел и деревень, сожгли и разрушили свыше 2 млн. зданий, более 540 тыс. надворных построек, лишили крова около 10 млн. человек.

Дотла сожгли такие старинные города, крупнейшие промышленные и культурные центры Украины, как Чернигов, Полтава, Житомир. Огромным разрушениям подверглись также Киев, Харьков, Днепропетровск, Запорожье и многие другие города.

Немецко-фашистские захватчики разрушили 16 150 промышленных предприятий, на которых было занято около 2,3 млн. рабочих; уничтожили или вывезли 127,8 тыс. электромоторов, 81,6 тыс. металлорежущих станков, разрушили многие тысячи километров колеи магистральных железных дорог, 1916 зданий железнодорожных станций, 14 тыс. почтово-телеграфных учреждений, уничтожили 18 тыс. лечебных учреждений,

32 930 школ, техникумов, высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, 19,2 тыс. библиотек. Они разорили и разграбили 27 910 колхозов, 872 совхоза и 1300 машинно-тракторных станций, вывезли или повредили 56 128 тракторов и 24 128 комбайнов. Отобрали и угнали в Германию 7 млн. 594 тыс. голов крупного рогатого скота, 3 млн. 311 тыс. лошадей, 9 млн. 333 тыс. голов свиней, 7 млн. 317 тыс. голов овец и коз, 59 млн. 297 тыс. голов домашней птицы.

Немецко-фашистские захватчики причинили прямой имущественный ущерб гражданам и народному хозяйству СССР в сумме 285 млрд. рублей в государственных ценах 1941 г., из них:

1. Государственным предприятиям и учреждениям . . .	106,0	млрд.	руб.
2. Колхозам	88,1	»	»
3. Гражданам	84,7	»	»
4. Кооперативным, профсоюзным и другим общественным организациям	6,2	»	»

Ущерб, причиненный советским гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям, находившимся на территории СССР, распределяется следующим образом:

А. Государственные предприятия, учреждения и общественные организации союзного подчинения	74 270	млн.	руб.
Б. Государственные предприятия, учреждения, общественные организации республиканского и местного подчинения, колхозы и советские граждане	210 730	»	» ¹

Приведенные цифры далеко не исчерпывают всего ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками Украинской ССР. Они охватывают только потери от прямого уничтожения имущества граждан, колхозов, общественных организаций, государственных предприятий и учреждений.

¹ Архив Института истории партии ЦК КПУ, ф. 166, оп. 2, д. 155, л. 1—3.

В указанную сумму ущерба не включены такие потери, как снижение национального дохода от прекращения и сокращения работы государственных предприятий, колхозов и граждан, стоимость конфискованных оккупационными войсками предметов продовольствия и снабжения, а также военные расходы.

Доля Украины в расходах СССР на войну, а также потери доходов, которые в результате оккупации понесены государственными предприятиями, кооперативами, колхозами и населением Украинской ССР, достигли за период войны более 900 млрд. рублей. К этой сумме нужно добавить указанную выше сумму 285 млрд. рублей, т. е. сумму прямого ущерба, который был нанесен Советской Украине и ее населению в результате огромных разрушений и ограбления государственного, кооперативного и личного имущества. Таким образом, общая сумма ущерба, понесенного Советской Украиной, составляет почти 1 триллион 200 млрд. рублей.

Огромным был ущерб, нанесенный немецко-фашистскими захватчиками всему советскому народу, его экономике. Однако самая тяжелая жертва, понесенная Советским Союзом, в том числе Украинской Советской Социалистической Республикой, в Отечественной войне,—это потеря миллионов советских людей.

Украинский народ черпал свои силы и стойкость в советском социалистическом строе, в неиссякаемом источнике дружбы народов Советского Союза, в их великом чувстве единой советской семьи, которое породило единство героических действий в боях и в труде для борьбы против гитлеровских захватчиков за освобождение своей Родины.

Патриотизм, стойкость и мужество миллионов советских людей явились главным фактором, обеспечившим разгром гитлеровской Германии во второй мировой войне.

После изгнания фашистских оккупантов Советская Украина представляла собой страшную картину опустошенной земли. Гитлеровцы уничтожили, сожгли и разграбили многочисленные материальные и культурные ценности, все, что было создано трудолюбивым украинским народом за многие годы. Миллионы людей

лишены были крова. Миллионы советских людей были расстреляны или угнаны в фашистское рабство.

«Промежуток в 25 лет — это такой срок, который потребуется России, чтобы восстановить разрушенное нами», — писал Гитлеру немецкий генерал Штюльпнагель.

Гитлеровцы действительно рассчитывали, что наша страна, в том числе и Украина, во время войны утратит свою экономическую мощь и будет отброшена на десятилетия назад. Но враги жестоко просчитались. Используя преимущества социалистической системы хозяйства, опираясь на дружбу и братскую взаимопомощь народов СССР, украинский народ после очищения своей территории от немецко-фашистских оккупантов смог в течение нескольких лет не только залечить тяжелые раны войны, но и намного превзойти довоенный уровень развития своей экономики и культуры.

3. Разрушение и разграбление гитлеровцами национальных богатств Белорусской ССР

В июне — августе 1941 г. гитлеровские полчища, вероломно вторгнувшись на советскую территорию, оккупировали Белорусскую Советскую Социалистическую Республику. Над белорусской землей опустилась черная ночь фашистской неволи, длившаяся свыше трех лет.

В годы оккупации Белорусская республика с территорией свыше 228 тыс. кв. км и населением почти 9 млн. человек подверглась страшному опустошению и разорению, была доведена немецко-фашистскими захватчиками до крайней степени экономического упадка. Осуществляя свои захватнические, агрессивные планы, гитлеровцы беспощадно разрушали белорусские города и села, систематически уничтожали и грабили материальные и культурные ценности, созданные трудом многих поколений.

Уже в первые дни и недели своего разбойничьего нашествия германские агрессоры нанесли тяжелый

урон экономике Белоруссии, и прежде всего ее промышленности, транспорту и связи, которые концентрировались главным образом в крупных промышленных центрах и городах республики. Именно на эти центры и города фашисты обрушили удары своей авиации и артиллерии.

Особенно пострадала в это время столица Советской Белоруссии — Минск. В Минске были выжжены целые улицы и кварталы. Сами гитлеровцы были вынуждены позднее признать это. Так, фашистская газета «Дейче цейтунг им Остланд» в номере от 20 февраля 1942 г. писала: «В Минске разрушено 80 процентов домов. В уцелевших домах жители живут очень скученно. Население голодает...»¹

В сообщении «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в гор. Минске» Чрезвычайная государственная комиссия отмечала, что гитлеровцы «сожгли и взорвали в Минске 23 крупнейших предприятия: вагоноремонтный завод, станкостроительный завод, стекольный завод «Пролетарий», 2 кирпичных завода, весовой завод «Ударник»; уничтожили 11 хлебозаводов, кондитерскую, бисквитную и трикотажную фабрики, мясокомбинат, швейные фабрики «Октябрь» и имени Крупской, разрушили в городе 4 гостиницы, привели в негодность водопровод, канализацию, телефонно-телеграфную сеть»².

Оккупанты ограбили и разрушили в Минске Белорусский государственный университет, медицинский и политехнический институты, Академию наук с ее институтами, музеями, ботаническим садом, Государственную картинную галерею. Из оперного театра они вывезли в Германию декорации, мебель, люстры, зеркала, картины, ковры, ткани.

Глубокие раны были нанесены фашистскими захватчиками и таким белорусским городам, как Гомель, Витебск, Могилев, Брест, Барановичи, Орша, Полоцк, Пинск, Гродно, Мозырь, Борисов, Рогачев, Жлобин, Бобруйск, Слуцк, Осиповичи, и многим другим.

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 222, л. 123.

² «Нюрнбергский процесс», т. 4, стр. 90.

С особым ожесточением оккупанты уничтожали все на своем пути во время отступления, когда под могучими ударами Красной Армии они были вынуждены откатываться на запад. Гитлеровские вандалы взрывали и жгли здания, уничтожали мосты и прочие сооружения, разрушали железные дороги, увозили ценное оборудование и другое имущество, угоняли население, пытаясь превратить оставляемую советскую территорию в «зону пустыни». Многие белорусские города и другие населенные пункты вновь запылали, подожженные отступающими фашистами. В областном центре Белоруссии — Гомеле, например, оккупанты начали уничтожать уцелевшие здания, увозить ценности и угонять население почти за месяц до своего бегства из города. Только одна штабная рота 530-го немецкого пехотного полка 299-й дивизии взорвала и сожгла, по свидетельству военнослужащего этой части Гуппе, 25 больших каменных зданий и не менее 80 других построек. Немецко-фашистские захватчики «изуродовали до неузнаваемости некогда красивый, жизнерадостный город, — говорится в акте Гомельской областной комиссии. — Гитлеровцы разрушили в Гомеле до 5 тыс. наилучших зданий, в том числе 3800 жилых домов». В акте перечисляются предприятия, взорванные захватчиками, называются объекты городского коммунального хозяйства, железнодорожный узел, речной порт, аэродром, автобаза, мосты, разрушенные захватчиками в Гомеле¹. Подобную картину можно было наблюдать и в других белорусских городах.

Стремительные наступательные операции Красной Армии, равно как и героические действия партизан, сорвали гнусное намерение фашистских оккупантов превратить белорусскую землю в «мертвую зону».

Массовое уничтожение и расхищение народного достояния, разграбление экономики Белоруссии производились немецко-фашистскими захватчиками не случайно. Это были не простые акты произвола оккупационных властей или отдельных воинских частей, а осуществление заранее продуманной до деталей политики гитлеровского правительства. На Нюрнберг-

¹ «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941—1944 гг.» Минск, 1963, стр. 109, 301—302.

ском процессе над главными немецкими военными преступниками было доказано, что гитлеровцы задолго до нападения на нашу страну подготовили программу ограбления и расхищения богатств Советского государства, которая составляла неразрывную часть общего плана агрессии против СССР.

В этой программе захватчики учитывали и материальные ресурсы, и людские резервы Белоруссии, стремясь поставить их на службу своей агрессивной войне. «Мы прибыли в страну,— заявил гитлеровский наместник в Белоруссии гаулейтер В. Кубе,— с общей директивой управлять этой страной и поставить экономику этой страны на службу войне, которую Германия ведет на востоке, извлечь из страны все, что можно извлечь из ее экономической мощи»¹.

Метод открытого беспощадного ограбления и расхищения народного достояния в захваченных советских районах являлся одним из главных в фашистском арсенале средств, с помощью которых оккупанты «извлекали» богатства Белоруссии и «ставили» ее экономику на службу агрессии.

Прямые грабежи носили постоянный характер, проводились повсеместно и со все возрастающей силой. Но особенно широкий размах приобретали они во время карательных операций оккупантов против партизан и населения.

О масштабах и размахе прямого ограбления белорусского населения фашистскими оккупантами во время карательных экспедиций убедительно свидетельствуют заявления и отчеты самого начальника СС и полиции генерального округа Белоруссии² генерала фон Готтберга. Выступая на одном из совещаний руководящей верхушки оккупационной администрации, состоявшемся в апреле 1943 г., Готтберг хвастался, что только с ноября 1942 г. по март 1943 г. включительно на территории генерального округа «войсками было захвачено 15 944 тонны пшеницы и 5432 тонны картофеля. Солома, сено, лен и конопля были захвачены

¹ ЦГАОР БССР, ф. 370, оп. 1, д. 1263, л. 7.

² Генеральный округ Белоруссии включал Барановичскую и части Минской, Полесской, Пинской, Брестской и Вилейской областей.

в меньших количествах. Далее были захвачены: 22 504 головы крупного рогатого скота, 2372 свиньи, 15 373 овцы, много птицы и прочего, а также лошади». В то же время «было захвачено 3589 человек, могущих составить рабочую силу для операции Заукеля»¹, т. е. предназначенных для угона на каторжные работы в фашистскую Германию.

В своих отчетах от 28 июня и 20 августа 1943 г. фон Готтберг вновь докладывал, сколько и чего было захвачено войсками в населенных пунктах во время крупных карательных операций «Коттбус» и «Герман»². Суммируя эти данные, получим следующую картину грабежа: захвачено у населения 10 038 голов крупного рогатого скота, 4049 лошадей, 1670 свиней, 11 753 овцы, значительное количество мелкого скота, домашней птицы, 145 центнеров муки, большое количество зерна, картофеля, льняного семени и другой продукции, а также 1794 шкуры, свыше 100 сельскохозяйственных машин и др.³ Если к этим данным присоединить десятки тысяч мирных граждан, угнанных карателями в рабство, 14 тыс. уничтоженных женщин, стариков, детей, которых эсэсовский палач Готтберг в своих отчетах выдал за убитых партизан, да прибавить и те сотни сожженных деревень, о которых Готтберг умалчал, то кровавый «баланс» фашистского разбоя и грабежа предстанет перед нами как еще одно неопровержимое свидетельство чудовищных злодеяний, совершенных гитлеровскими преступниками на белорусской земле в годы оккупации.

В Белоруссии не было такого района, где бы фашисты не сжигали населенных пунктов, не грабили и не убивали мирных жителей. Десятки районов, таких, как Освейский, Кличевский, Ушачский, Бегомльский, Любанский, Октябрьский, Ельский, Хойникский и мно-

¹ ЦГАОР БССР, ф. 370, оп. 1, д. 1263, л. 127.

² Карательные операции «Коттбус» и «Герман» проводились соответственно в апреле — июне и июле — августе 1943 г. против партизан и населения Минской, Витебской, Вилейской и Барановичской областей. В операции «Коттбус» участвовало 80 тыс., а в операции «Герман» — 50 тыс. немецких солдат и офицеров. Их действия поддерживали авиация, танки, артиллерия. Операциями руководил сам Готтберг.

³ ЦГАОР БССР, ф. 370, оп. 1, д. 1880, л. 42, 55, 57, 58, 104, 110, 112.

гие другие, были разорены оккупантами до основания. В одном только Суражском районе Витебской области на территории восьми сельсоветов за один июнь 1942 г. было ограблено и сожжено фашистами 1918 крестьянских дворов из общего количества 2270¹.

Повсеместные и поголовные грабежи сопровождались самыми дикими насилиями и издевательствами. В дом крестьянки Дригулиной, проживавшей в деревне Костровка Кричевского района Могилевской области, однажды ворвались немецкие солдаты с офицером и стали подчистую грабить домашнее имущество. Когда очередь дошла до коровы, крестьянка начала умолять фашистского офицера не обрекать на голодную смерть ее четырех малолетних детей. Но мольбы несчастной женщины не тронули палача, который хладнокровно разрядил в нее свой пистолет и приказал зарыть детей живыми в землю.

Кровавая трагедия разыгралась в деревне Дяковичи Житковичского района Полесской области. В феврале 1943 г. в эту деревню ворвались гитлеровские каратели и приказали всем собираться якобы для переезда на хорошие земли в соседнюю Украину. Но это была подлая провокация. Когда под нажимом вооруженных солдат жители собрали свои пожитки, каратели начисто ограбили их, а затем загнали в сарай и заживо всех сожгли. В огне погибло 336 человек².

Гитлеровские оккупанты, не довольствуясь прямым грабежом, прибегали к другим способам хищнической эксплуатации экономических ресурсов. В этой связи нельзя не обратить внимания на попытки фашистских захватчиков пустить в ход отдельные уцелевшие предприятия, организовать промышленную эксплуатацию лесных богатств, залежей торфа, подчинить своему контролю кустарные ремесла. К этим, как и ко всем другим участкам экономики Белоруссии, тянулись щупальца крупных немецких промышленных и торговых фирм. Под крылышком гражданских и военных оккупационных властей они развивали лихорадочную деятельность, захватывая ключевые позиции в системе

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 223, л. 23.

² ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 91, д. 273, л. 9.

организованного грабежа и эксплуатации оккупированных районов Белоруссии. В Минске, например, обосновались такие немецкие фирмы, как «Борман», «Шорова-верк», «Требец», «Шлахтхоф», «Троль».

Рассматривая Белоруссию как свою колонию и сырьевой придаток Германии, оккупанты и не думали восстанавливать ее фабрики и заводы, поднимать из руин разрушенные города и промышленные центры. Наоборот, они готовы были увековечить то состояние полной разрухи и упадка, в котором оказались промышленность и все народное хозяйство Белоруссии в результате разбойничьего нападения и оккупации германских войск. В беседе с корреспондентом фашистской газеты «Дейче цейтунг им Остланд» генеральный комиссар Кубе нагло заявил: «Крупные города Белоруссии Минск, Витебск, Гомель, Могилев и Смоленск превращены в развалины... Нет необходимости восстанавливать все эти города, так как город портит белоруса, потому что он привязан к земле»¹.

Восстановительные работы, предпринимавшиеся в оккупированных районах Белоруссии, проводились только в тех случаях, когда это вызывалось потребностями немецкой армии или оккупационных властей. Восстанавливались главным образом железные и шоссейные дороги, отдельные цехи разрушенных заводов для ремонта поврежденной в боях техники. На больших шоссейных магистралях размещались авторемонтные мастерские, производившие средний и капитальный ремонт автомашин, а также танков.

Пускались в ход некоторые предприятия местной промышленности, преимущественно пищевой, а также кустарные мастерские. Все они работали на оккупантов под строгим их контролем.

Подавляющее большинство промышленных предприятий, которые удалось гитлеровцам пустить в ход, работали далеко не на полную мощность, с большими перебоями. Причина такого положения крылась главным образом в том массовом движении Сопротивления, которым были охвачены рабочие этих предприятий. Прибегая к самым различным средствам борьбы,

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 33, л. 69.

от саботажа до устройства диверсий, советские патриоты срывали работу предприятий.

Фашистских захватчиков особенно привлекали лесные богатства белорусского народа. Они называли лес «ключевым сырьем», «важнейшей хозяйственной отраслью генерального округа Белоруссии». Хищническая эксплуатация и истребление белорусских лесов гитлеровцами поистине не знали границ. Фашистская газета «Минскер цейтунг» похвалялась: «Количество полученной за отчетный хозяйственный год древесины приблизительно в полтора раза превышает количество обычно получаемого строительного леса и дров. Главными потребителями леса являются армия и железные дороги, использующие большое количество этого ключевого сырья... Значительное количество древесины, перерабатываемой на бумагу, крепежного леса, а также хвойного и лиственного леса идет на экспорт. Экспортируется также клееная фанера и пиленый лес»¹.

О форсированном истреблении лесных угодий свидетельствует и такой факт, как постоянное расширение промышленной переработки поступившей из местных лесов деловой древесины.

Трудно себе представить, до каких размеров могло бы дойти варварское уничтожение белорусских лесов гитлеровскими захватчиками, если бы этому не препятствовали партизаны. Тот факт, что почти 60 процентов территории Белоруссии, и прежде всего ее лесные массивы, контролировались партизанами, резко ограничивал возможность эксплуатации лесных богатств и позволил уберечь большие лесные площади от полного истребления.

Большой интерес проявляли фашистские оккупанты также к залежам торфа в Белоруссии. В ряде мест им удалось, используя даровую рабочую силу, местных жителей и военнопленных, развернуть торфоразработки. Слуцкий окружной комиссар Карл докладывал на совещании у Кубе, что в его округе в 1942 г. было нарезано 74 тыс. тонн торфа. Гитлеровцы стремились повысить темпы торфоразработок. Начальник отдела по вопросам хозяйства генерального комиссариата

¹ «Minsker Zeitung», 24/25.XII. 1943.

Белоруссии Рудольф, выступая на том же совещании, заявлял, что в 1943 г. «мы должны добыть 800 тыс. тонн торфа, что на 200 тыс. тонн больше добычи в Германии»¹.

Однако оккупанты испытывали большие затруднения в организации торфоразработок. Добыча торфа велась примитивными способами, при отсутствии всякой механизации. Производительность труда была крайне низкой. Советские люди отказывались работать на фашистов, саботировали их приказы, разбегались. В этом им оказывали помощь партизаны, которые своими решительными действиями срывали хозяйственные планы захватчиков.

Одна из главных целей гитлеровской политики экономической экспансии и ограбления белорусских земель состояла в том, чтобы подчинить разбойничьим целям фашистской агрессии ресурсы сельского хозяйства Белоруссии. Оккупанты рассматривали сельское хозяйство нашей республики как один из важнейших источников снабжения немецкой армии. Особо уполномоченный Гитлера по борьбе с партизанским движением на Востоке генерал фон дем Бах-Зелевский так и называл Белоруссию — источник «снабжения целой группы армий» (т. е. группы армий «Центр»). «Этот источник, — подчеркивал он, — не может высохнуть»².

С первых дней оккупации гитлеровцы приступили к планомерному ограблению сельского хозяйства республики. Они ликвидировали в захваченных районах и областях Белоруссии все колхозы, а их имущество, равно как и имущество совхозов и МТС, объявили собственностью германского государства. Под ширмой «нового порядка землепользования», объявленного в оккупированных советских районах, фашисты лишили крестьян всех прав на землю. Согласно этому «порядку», белорусские крестьяне загонялись в «общинные хозяйства», где устанавливалась круговая порука, свирепствовал произвол немецких управляющих. Члены общины привлекались к труду в принудительном порядке. Они не могли свободно распоряжаться

¹ ЦГАОР БССР, ф. 370, оп. 1, д. 1263, л. 123, 104.

² Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 45, л. 95.

продуктами «общинного хозяйства», плодами своего труда.

На землях совхозов захватчики организовали военно-крепостнические хозяйства — так называемые «земские дворы» или «государственные имения», находившиеся в ведении немецких сельскохозяйственных комендантов. Лучшие совхозные и колхозные земли во многих районах были розданы помещикам.

В июне 1943 г. гитлеровское правительство декларировало «введение земельной собственности в освобожденных восточных областях». Землей наделялись в первую очередь «политически благонадежные» лица, т. е. всевозможные пособники и ставленники фашистских захватчиков. Крестьяне получали крохотные участки, а многие вообще оставались без наделов.

Восстанавливая в Белоруссии помещичье и кулацкое землевладение, фашистские оккупанты преследовали цель окончательно закабалить белорусских крестьян, превратить их в бесправных рабов немецких баронов.

В области использования оккупантами экономических ресурсов и возможностей сельского хозяйства политика гитлеровцев сводилась к тому, чтобы побольше выкачать из белорусской деревни продуктов питания, прибрать к своим рукам всю сельскохозяйственную продукцию. «В экономическом отношении здесь (в Белоруссии.— *Авт.*) имеются еще обширные возможности,— заявлял Кубе на совещании окружных комиссаров в апреле 1943 г.—...Из сельского хозяйства можно будет выжать вдвое больше, точно так же и в области скотоводства и зернового хозяйства»¹. Он призывал «сконцентрировать всю экономику в наших руках» и «выполнить свои задачи», т. е. усилить ограбление белорусского народа.

Неприкрытый прямой грабеж в белорусской деревне дополнялся обложением сельского населения многочисленными налогами, поборами, поставками, штрафами, которые, по сути дела, никем и ничем не регулировались.

Фашистские захватчики принуждали крестьян поставлять им зерно, картофель, мясо, молоко, яйца,

¹ ЦГАОР БССР, ф. 370, оп. 1, д. 1263, л. 20.

скот, птицу, фураж, шерсть, дмотканое полотно, лен, пеньку и другую сельскохозяйственную продукцию. В 1942 г. в районах Белоруссии взимались с небольшими отклонениями в ту или другую сторону натуральные налоги по норме: зерновые культуры — 3—4 центнера с гектара, молоко — 350 литров от коровы, свинина — 100 килограммов со двора, яйцо — 35 штук с курицы, птица — 6 килограммов со двора, шерсть — 1,5 килограмма с овцы и т. д. Количество поставок увеличилось также за счет разных «промежуточных» и «дополнительных» военных планов. В Полесской области, например, помимо сдачи «плановых» поставок каждый двор должен был вносить дополнительно 45 килограммов мяса, а трудоспособный крестьянин — 1—1,5 пуда зерна¹.

Во все концы Белоруссии шли грозные приказы и распоряжения военных и гражданских оккупационных властей о безоговорочной обязательной поставке населением сельскохозяйственной продукции. Вот типичное распоряжение:

«17 октября 1942 г.

Старосте деревни Кветча...

Прилагается при этом план сдачи госпоставок для дер. Кветча. Одновременно предлагаю Вам выполнить все зерновые поставки не позднее 27 октября 1942 г.

Предупреждаю, что в случае невыполнения этого распоряжения 28 октября дер. Кветча будет сожжена немецкими войсками.

Сообщаю план заготовок на Вашу деревню:

1) ржи — 2280 кг, 2) овса — 1900 кг, 3) ячменя — 2280 кг, 4) пшеницы — 304 кг, 5) гречихи — 760 кг, 6) бобовых — 77 кг, 7) картофеля — 13 821 кг.

Начальник района...»

Трудящееся крестьянство Белоруссии решительно отказывалось выполнять приказы и распоряжения оккупантов, срывало поставки продовольствия для немецкой армии, прятало свое добро, чтобы оно не попало в руки захватчиков.

Подводя итоги выполнения плана сельскохозяйственных заготовок в генеральном округе Белоруссии,

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 161, л. 39.

начальник главного отдела экономики генерального комиссариата Фрейтаг вынужден был констатировать на совещании у Кубе в апреле 1943 г.: «Предварительный план по сбору зерна составлял 140 тыс. тонн, а на сегодня заготовлено 55 тыс. тонн. Предварительный план по сбору картофеля составлял 290 тыс. тонн, а на сегодня собрано 60 процентов. Предварительный план по убойному скоту составлял 28 тыс. тонн, а на сегодня выполнено 40 процентов»¹.

По приказу германского военного командования в отношении населения, не выполнявшего сельскохозяйственные поставки, применялись драконовские меры. В деревни и села посылались воинские части для захвата продовольствия и расправы над крестьянами. Сами гитлеровцы признавали это. В частности, гебитскомиссар Слуцкого округа Карл докладывал В. Кубе, что в свое время в его округе поставки выполнялись на 80 процентов. «Сейчас мы достигли уже 70 процентов,— указывал он,— но это было сделано большей частью путем операций. При этом было захвачено только крупного рогатого скота 8 тыс. голов. Было забрано все, некоторые деревни исчезли с лица земли».

Выкачка оккупантами сельскохозяйственной продукции, в первую очередь хлеба и фуража, особенно усиливалась в момент уборки урожая. Обычно гитлеровцы заранее готовились к захвату урожая. В соединения и части регулярных войск, полицию, жандармерию, специальные команды и части поступали секретные приказы высшего командования со строгим предписанием использовать все наличные силы для проведения операций по ограблению.

В 1943 г. такой приказ, например, издал главнокомандующий группы армий «Центр» фон Клюге; на этом основании 27 июля 1943 г. в свою очередь был издан секретный приказ № 3514/IVa/43 командира корпуса охранных войск с подробным изложением мер по захвату, охране и транспортировке урожая «в защищенные от банд»² лагеря хозяйственной инспекции

¹ ЦГАОР БССР, ф. 370, оп. I, д. 1263, л. 24—25.

² Так гитлеровцы цинично называли советских партизан, сражавшихся за свободу и независимость своей Родины.

или армии или на погрузочные пункты...» В приказе давалась установка забирать у населения подчистую все продукты. «...Следует в особенности сделать упор на том,— предписывалось в приказе,— что запасы фуража и картофеля прежде всего должны быть без остатка доставлены из сельской местности...»¹ Из приказа видно, что за счет ограбления и изъятия урожая гитлеровцы рассчитывали снабдить продовольствием не только оккупационные войска, находящиеся в Белоруссии, но и армии группы «Центр», не говоря уже об отправке огромного количества продовольствия в саму Германию. «Должно быть полностью обеспечено вплоть до нового урожая,— читаем в приказе командующего охранного корпуса,— не только снабжение войск и учреждений в области армейского тыла группы армий «Центр», но и снабжение самих армий группы «Центр».

На основе распоряжений высших властей в воинских частях, полевых комендатурах, полиции, жандармерии, войсках СС военно-хозяйственными инстанциями детально разрабатывались операции по захвату урожая. 813-я полевая комендатура в Могилеве, например, разработала операции под условным названием «Княжицы» и «Вендриж II», которые проводились в августе 1943 г. в Могилевском районе силами регулярных войск с участием полиции, жандармерии, специальных частей и даже авиации.

Целям поголовного ограбления и выкачки средств из оккупированных районов Белоруссии служил также финансовый режим захватчиков. Мобилизация денежных средств осуществлялась путем принудительных налогов, которыми облагались повсеместно городские и сельские жители. Налоги дополнялись штрафами и страховыми сборами.

Как и натуральные налоги, о которых речь шла выше, денежные поборы носили произвольный характер. Каких только налогов и поборов не вводили гитлеровцы в Белоруссии! Здесь и подушный налог, который взимался с каждого жителя в городе и деревне, и поземельный, и военный, и налоги за собаку, за кошку,

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, л. 38, 624.

за дом и надворные постройки, и даже за окна, выходящие на улицу и во двор, и т. п. и т. д. Вот, например, какие денежные поборы были установлены оккупационными властями в 1943 г. для жителей Полоцка: подушный налог — 100 рублей в год с каждого горожанина в возрасте от 15 до 60 лет, земельная рента, налог для оплаты старост улиц, налоги на владельцев собак — 15 рублей и кошек — 10 рублей, налог на кустарей в размере 25 процентов доходов, страховой сбор и др. В Полесской области каждый трудоспособный обязан был уплачивать 120 рублей основного налога, от 200 до 500 рублей военного налога; вводились обязательные страхование, хозяйственный налог, налоги за содержание скота, птицы и др.¹

За неуплату налогов население каралось расстрелами, заключалось в тюрьмы, подвергалось публичным поркам.

Вся финансовая система оккупантов была направлена, как утверждали сами гитлеровцы, на то, чтобы предоставить в распоряжение германского государства «как можно больше средств для ведения войны».

Захватчики стремились поставить на службу своей военной машине не только материальные и финансовые ресурсы, но и людские резервы оккупированной Белоруссии. Повсеместно в городах и селах они ввели режим принудительного труда для мирного населения. Мужчины и женщины, старики и даже дети в возрасте от 10 лет привлекались к обязательной трудовой повинности или по месту жительства, или в специальных «трудовых лагерях», или, наконец, на работах в самой Германии. Под угрозой расправы и голодной смерти фашисты заставляли советских людей выполнять различные тяжелые работы, в том числе и военного характера. Они использовали в массовом масштабе труд военнопленных, не считаясь ни с какими нормами международного права. С целью учета рабочей силы на каждого трудоспособного заводилась рабочая карточка, являвшаяся наряду с паспортом основным удостоверением личности.

Немецкие власти жестоко преследовали уклоняющихся от работы горожан. Это видно хотя бы из вы-

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 45, л. 123; д. 1308, л. 137.

ступления обер-инспектора Мооса на совещании у Кубе в апреле 1943 г.: «В отношении приглашения неработающих лиц на работу мы сталкиваемся с большими трудностями. Из числа приглашенных является лишь небольшая часть, и в большинстве случаев их приходится приводить с полицией. В последнее время полиция провела несколько операций. У полиции не было картотеки, по которой она могла бы произвести проверку лиц. Все лица, о которых соседи не могли подтвердить, что они работают, арестовывались». И далее Моос приходит к выводу: «Если нам понадобится резерв рабочей силы, то его мы можем получить лишь с помощью полиции»¹.

Оккупанты установили бесчеловечную систему эксплуатации и каторжного труда для насильно загнанных на предприятия рабочих, обслуживавших немецкую армию. Продолжительность рабочего дня была 10—12 часов. Но владельцы предприятий, имевшие право неограниченно увеличивать рабочий день, заставляли рабочих трудиться по 14—16 часов, в большинстве случаев без всякой оплаты или за мизерную зарплату. Если рабочий не справлялся со сменным заданием, его не отпускали с работы, пока он не выполнял своей нормы. За опоздание или невыход на работу, не говоря уже о самовольном уходе с предприятия, виновные жестоко наказывались: их заключали в концлагеря или отправляли на каторгу в Германию.

Над рабочими стояла целая свора фашистских надсмотрщиков. Они систематически терроризировали рабочих, придирались к любому пустяку, избивали и сажали их в холодные камеры. Подозреваемых в саботаже подвергали пыткам, расстреливали.

Чудовищный произвол фашистов царил на паровозо-вагоноремонтном заводе в оккупированном Гомеле. «Избиения рабочих немецкой администрацией и немецкими солдатами железнодорожной охраны,— говорится в акте специальной следственной комиссии,— проводились систематически в цехах завода, на его территории и в заводской конторе...»²

¹ ЦГАОР БССР, ф. 370, оп. 1, д. 1263, л. 97—99.

² «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941—1944 гг.», стр. 218.

Точно такой же режим каторжного труда и террора был введен гитлеровцами во всех других городах Белоруссии. Рабочие и их семьи, как и все остальное трудящееся население белорусских городов, в годы оккупации владели нищенским существованием. Захватчики посадили их на голодный продовольственный паек. В г. Полоцке, например, дневной рацион работающего мужчины составлял около 250 граммов недоброкачественного хлеба, приготовленного из смеси овса, вики, ячменя и ржи. Работающие женщины и дети получали соответственно 210 и 100 граммов хлеба в сутки. Причем и этот мизерный паек выдавался с большими перебоями. О других продуктах и думать не приходилось.

Норма выдачи продуктов по карточкам все время урезывалась. Под разными предлогами захватчики лишали многих рабочих права на получение даже таких нищенских пайков. «В принципе,— писал в своем приказе 8272/43 от 14 июля 1943 г. главнокомандующий группы армий «Центр» фон Клюге,— становится необходимым ограничение числа рабочих, имеющих право на получение пайка...»

Страшные испытания выпали на долю сельского населения Белоруссии. Оккупационные власти, грабя и разоряя тружеников белорусской деревни, в то же время заставляли их работать не покладая рук на германскую военную машину. Они принуждали крестьян от зари до зари гнуть спину на немецких колонистов, прибравших к рукам значительную часть земельных угодий, отбывать барщину в «государственных имениях», выполнять трудовую повинность на строительстве дорог, торфо- и лесоразработках и т. д.

Над сельскими жителями постоянно висела угроза кровавой расправы за невыход на работу по приказу захватчиков. Характерным в этом отношении является следующий приказ, который был послан 5 февраля 1943 г. управляющим немецким имением Краузенгофом старосте дер. Мацки Радошковичского района Вилейской области: «Вторично приказываю направить на работу в хозяйство Маслоwichи 6 мужчин, 4 лошади и 8 женщин. В случае невыполнения данного приказа мной будет дан приказ обстрелять вашу деревню

артиллерийским огнем. На работу явиться сегодня же»¹. В дер. Нефедовке Браславского района той же области гитлеровские палачи расстреляли целую семью из 9 человек только за то, что хозяйка семьи, заболев, три дня не выходила на работу в фашистское имение.

Тяжелая участь была уготована оккупантами белорусской молодежи. Гитлеровцы стремились, как заявлял генеральный комиссар Белоруссии Кубе, «взять молодежь в свои руки», т. е. превратить ее в послушных рабов, призванных выполнять только физическую работу. Фашисты и не скрывали этой цели. Откровенничая на совещании у Кубе, «руководитель молодежного движения» Шульц так и сказал: «Рабочая сила... молодежи должна быть использована немецкой военной промышленностью и сельским хозяйством, и в этих целях нами должны быть использованы все средства. Следовательно, для немецкого руководства на первом плане стоит **трудовое воспитание** белорусской молодежи в целях достижения победы, и это определяет наши действия»².

О том, как гитлеровские поработители собирались осуществить «трудовое воспитание» молодежи на практике, поведал на совещании начальник службы безопасности Белоруссии Штраух: «Я принял командование над «трудовым воспитательным лагерем»... и предлагаю провести в нем трудовое воспитание по трем ступеням: 1) строгий режим, тяжелая работа, строгие телесные наказания; 2) упорный труд, но лучшее обращение и лучшая работа; 3) работа за пределами лагеря на предприятиях, фермах и т. д... Пока я ничего не буду проводить, так как лагерь еще полностью не оборудован, но заверяю вас, что все будет так, как я сказал. После всей этой обработки я возвращу безропотных и трудолюбивых людей».

Из показаний людей, побывавших в фашистских концлагерях, и из многочисленных документов, в том числе и немецких, можно привести многие сотни примеров, свидетельствующих о том, как гитлеровские «воспитатели» в «трудовых лагерях» свели в могилу

¹ «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941—1944 гг.», стр. 60.

² ЦГАОР БССР, ф. 370, оп. 1, д. 1263, л. 66.

или превратили в инвалидов тысячи и тысячи советских граждан.

В длинной цепи преступлений немецко-фашистских захватчиков на белорусской земле особое место занимает насильственный угон мирных граждан на фашистскую каторгу в Германию. Для проведения в жизнь чудовищной рабовладельческой программы был создан огромный специальный аппарат во главе с назначенным Гитлером «главным уполномоченным по использованию рабочей силы» Заукелем. Агенты Заукеля, рыская по городам и селам Белоруссии, создавали «вербовочные» пункты, брали на учет трудоспособных людей и предлагали им «добровольно» выехать на работу в Германию. Но охотников почти не оказывалось. Тогда немецкие власти стали делать разверстку по городам и сельским районам, рассылать приказы об обязательной отправке рабочей силы в Германию.

В деревнях Слуцкого района Минской области в феврале 1943 г. были вывешены объявления за подписью германского окружного комиссара, в которых говорилось: «Все жители, как мужчины, так и женщины, рождения 1900—1927 гг., должны явиться 2 марта 1943 г. в 10 часов утра в уездную управу для освидетельствования и отправки на работу в Германию. Взять с собой одежду, обувь и маршевое питание на 3—4 дня. Кто не явится — будет заподозрен в бандитизме, и с ним поступят соответствующим образом»¹.

Чтобы осуществить преступные планы массового угона советских людей на каторжные работы в Германию, немецкие захватчики становились на путь обмана, угроз, провокаций, проводили полицейские облавы и карательные операции. Всего, по неполным данным, только из г. Барановичи было отправлено на каторжный труд в Германию 7593 человека².

О массовом угоне мирного населения Белоруссии в Германию насильственным путем свидетельствуют

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Документы и материалы, стр. 367.

² См. «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941—1944 гг.», стр. 243.

также фашистские документы тех лет, в которых приводятся красноречивые данные и признания оккупантов. В частности, такой материал содержится в «протоколе совещания окружных комиссаров, начальников главных отделов и начальников отделов генерального комиссариата в Минске с 8 по 10 апреля 1943 г.» На этом совещании фашистские заправилы откровенно называли вещи их именами. Вот протокольная запись речи самого генерального комиссара Белоруссии. Читаем: «Когда, например, комиссии по использованию рабочей силы устраивали киносеансы, народ шел в кино, а потом неожиданно помещение окружали немецкие солдаты и отбирали все работоспособное население и отправляли в Германию, не дав возможности проститься и взять что-либо с собой». И далее: «Представитель по использованию рабочей силы, не связавшись предварительно с нами, потребовал от армии и полиции предоставить в его распоряжение людей, окружить деревни, чтобы собрать рабочую силу, в случае отказа — расстреливать людей».

Что гитлеровские поработители поступали именно таким образом, подтвердил представитель «биржи труда» из Вилейки, который поделился собственным «опытом» насильственной «вербовки» рабочей силы в Германию: «Я сам забираю рабочих из деревень следующим образом: я заставляю обыскивать дома с двух сторон. Потом в центре деревни пойманные проверяются и вместе с крестьянами, которые не явились по повесткам, отправляются в центр. Таким образом я набираю за день 45 человек... Главное в этих операциях заключается в том, чтобы показать местному населению, что мы не шутим... До сих пор в империю отослано 6500 человек, но я продолжаю вербовать дальше»¹.

Особенно усилился угон мирных людей в Германию, когда началось массовое изгнание немецких войск с территории Советской страны. В 1943 г. гитлеровцы приступили к тотальной мобилизации населения на работу в Германию. На основании приказов № 8466/43 от 27 июня и № 10123/43 от 26 июля 1943 г. главнокомандующего группы армий «Центр» фон

¹ ЦГАОР БССР, ф. 370, оп. 1, д. 1263, л. 14, 88—89.

Ключе они проводят мобилизацию молодежи 1925 и 1926 гг. рождения. В течение 10 недель, начиная с 1 августа 1943 г., все юноши и девушки этих возрастов должны были быть угнаны в Германию. От мобилизации не освобождались даже лица, которые были заняты на особо важных работах. Мобилизованных сгоняли в «сборные лагеря», созданные в Гомеле, Жлобине, Бобруйске, Орше, Борисове, Могилеве, Витебске и других городах Белоруссии¹. Здесь их грузили в товарные вагоны и под усиленным конвоем эшелон за эшелон увозили в проклятое фашистское рабство.

На особом счету у фашистских захватчиков было население, проживавшее в партизанских зонах. Оно объявлялось «бандитами» или «соучастниками бандитов», ставилось «вне закона» и подлежало поголовному угону в рабство. На сей счет имелись прямые директивы и распоряжения гитлеровского правительства и военного командования. Так, в приказе № 8272/43 от 14 июля 1943 г. главнокомандующий группы армий «Центр» фон Ключе распорядился «изъять все пригодное к работе население из бандитских областей, временно удерживаемых бандитами, и отправить в Германию с целью дальнейшего увеличения численности рабочих рук в империи».

Во исполнение этих приказов снаряжались крупные воинские части и соединения, которые устраивали настоящую охоту за мирными жителями. Многие десятки тысяч советских людей из Белоруссии были уведены фашистскими карателями на чужбину, в гитлеровское логово. Только во время карательных операций «Коттбус», «Герман» и «Фриц» оккупанты угнали, по их же данным, 38 721 человека, в том числе 20 814 мужчин, 12 021 женщину и 5886 детей².

Гитлеровцы нагло попирали элементарные международные нормы и правила, объявляя захваченных в партизанских зонах мирных граждан военнопленными. В апреле 1944 г. в руки белорусских партизан попала инструкция штаба 3-й немецкой танковой армии

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 38, л. 281—622.

² ЦГАОР БССР, ф. 370, оп. 1, д. 1880, л. 42, 55, 57, 58, 104, 110, 112; ф. 500, оп. 1, д. 769, л. 273.

«О мобилизации сельского населения и реквизиции имущества», в которой давалась установка «...пригодных к труду мужчин от 15 до 60 лет направлять в качестве военнопленных на сборные пункты военнопленных, потому что они принципиально заподозрены в бандитизме».

Угон мирных советских граждан принимал особо жестокий и массовый характер в ближнем тылу немецких войск при их отступлении. Уходя с нашей территории, захватчики старались угнать на запад буквально все население не только для того, чтобы возместить потребность в рабочей силе, но и стремясь оставить за собой опустошенную землю.

Перед своим бегством из Белоруссии гитлеровские поработители пошли на новое гнусное преступление. Как видно из секретного меморандума, подготовленного 12 июня 1944 г. для министерства по делам оккупированных восточных областей, командование группы армий «Центр» собиралось «захватить 40—50 тыс. юношей в возрасте от 10 до 14 лет, которые находятся на захваченной территории, и привести их в империю...» Раскрывая сокровенные цели этого чудовищного замысла, авторы меморандума писали: «Это мероприятие ставит своей целью не только предотвратить усиление вражеской военной мощи, но и сократить его биологические потенциалы с точки зрения перспективы на будущее; за эти идеи высказались не только имперский руководитель СС, но также и сам фюрер»¹.

Однако этим бредовым замыслам германских фашистов не суждено было осуществиться. Доблестная Красная Армия сокрушила на полях Белоруссии гитлеровские орды, освободила многострадальный белорусский народ от ненавистного ига оккупантов, спасла его от окончательного закабаления и истребления.

Глубокие раны были нанесены немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству Белорусской ССР. По официальным данным, оккупанты полностью или частично разрушили и сожгли 209 городов и районных центров (из общего количества 270), а также 9200 сел и деревень Советской Белоруссии. Из

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 778.

10 773 тыс. квадратных метров жилого фонда городов и райцентров сохранилось всего 2762 тыс. Немцы сожгли на селе 1 млн. 200 тыс. строений, в том числе свыше 500 тыс. колхозных общественных построек и 420 996 крестьянских домов. В городах и на селе осталось без крова до 3 млн. человек.

Фашистские захватчики разрушили и ограбили свыше 10 тыс. промышленных предприятий и все электростанции. При этом было полностью уничтожено и вывезено в Германию 96 процентов энергетических мощностей, десятки тысяч единиц промышленного оборудования, в том числе 83,9 процента всех действовавших до войны металлорежущих станков, 86 процентов оборудования кожевенно-обувной промышленности, свыше 80 процентов оборудования предприятий мясо-молочной промышленности, 79,5 процента оборудования промышленности строительных материалов, большое количество кузнечно-прессового, литейного, сварочного и другого оборудования, а также оборудования стекольной, трикотажной, текстильной, бумажной, полиграфической, сахарной, спирто-водочной и других отраслей промышленности¹.

Промышленность Белоруссии была настолько разрушена и разграблена гитлеровскими оккупантами, что к концу 1944 г., спустя шесть месяцев после освобождения республики от захватчиков, ее валовая продукция составила всего 5 процентов от уровня довоенного 1940 г.

Глубоко подорванным и дезорганизованным оказался транспорт республики, прежде всего железнодорожный и автомобильный. Оккупанты разрушили 6026 километров железнодорожных путей, все здания вокзалов, депо, взорвали и уничтожили все крупные и средние мосты на железных и шоссейных дорогах, уничтожили или угнали в Германию 1271 паровоз, 234 мотовоза, свыше 55 тыс. пассажирских и товарных вагонов, цистерн и платформ, 18 425 автомашин, 127 тягачей.

¹ ЦГАОР БССР, ф. 845, оп. 1, д. 199, л. 89—177, 213—332; «Достижения Советской Белоруссии за 40 лет». Статистический сборник. Минск, 1958, стр. 13; Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 521, л. 4—5.

Тяжкий удар нанесли немецкие захватчики социалистическому сельскому хозяйству Белоруссии. Они ограбили и разорили 10 тыс. колхозов, 92 совхоза, 316 МТС, уничтожили или похитили и отправили в Германию 8896 тракторов, 1100 комбайнов, десятки тысяч других сельскохозяйственных машин и орудий.

Огромный урон был нанесен земледелию. Оккупанты уничтожили посевы зерновых культур на площади свыше 1 млн. 970 тыс. гектаров, картофеля — 454 635 гектаров, огородных культур — 283 301 гектар, посевы свеклы, кормовых культур и др. Посевные площади всех сельскохозяйственных культур в целом по республике сократились по сравнению с уровнем 1940 г. почти на 60 процентов¹.

Полностью было уничтожено общественное животноводство колхозов. Во всех категориях хозяйств поголовье крупного рогатого скота сократилось почти на две трети по сравнению с уровнем 1940 г., поголовье свиней — на 89 процентов, овец и коз — на 78, лошадей — на 61 процент; 60 процентов колхозных семей лишились личного скота². За период оккупации гитлеровцы уничтожили, захватили и угнали в Германию 2 млн. 800 тыс. голов крупного и 5 млн. 700 тыс. голов мелкого скота; похитили свыше 1 млн. голов домашней птицы³.

Немецко-фашистские захватчики расхитили и вывезли из Белоруссии большие запасы сырья и материалов промышленного и сельскохозяйственного производства, огромное количество продуктов питания, в том числе 401 428 тонн зерна, 216 776 тонн муки, 307 989 тонн картофеля, 24 340 тонн овощей, 3126 тонн мяса, 2634 тонны масла и животных жиров, 21 862 тонны сахара и других продуктов, более 1 млн. 137,6 тыс. тонн торфа, свыше 6 млн. 940,5 тыс. кубометров деловой древесины, более 476 тыс. кубометров пиломатериалов; вырубili 103 845 гектаров лесных насаждений, 32 766 гектаров садов.

¹ ЦГАОР БССР, ф. 845, оп. 1, д. 199, л. 179—197, 202—210; 334, 336, 338—358.

² Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 521, л. 4—5.

³ ЦГАОР БССР, ф. 845, оп. 1, д. 199, л. 381.

В денежном исчислении материальный ущерб, причиненный гитлеровцами народному хозяйству Белорусской ССР и отдельным гражданам (потери от прямого уничтожения и разграбления имущества), равен 75 млрд. рублей (в ценах 1941 г.)¹.

Приведенные данные далеко не исчерпывают всего ущерба, причиненного гитлеровскими оккупантами Советской Белоруссии. Эти данные показывают только потери от прямого уничтожения и ограбления имущества государственных предприятий и учреждений, колхозов, общественных организаций и населения БССР. Кроме этого, Белорусская ССР понесла потери от конфискации германскими оккупационными войсками предметов продовольствия и снабжения; от прекращения хозяйственного развития республики и деятельности предприятий, колхозов, совхозов, МТС.

Но самая тяжелая жертва, понесенная Белорусской республикой во время немецкой оккупации,— это советские люди, убитые, замученные и угнанные гитлеровскими захватчиками. За три года оккупации республики фашистские палачи замучили, расстреляли, повесили, заживо сожгли и удушили в газовых камерах («душегубках») более 2 млн. 200 тыс. советских граждан, а также угнали в немецкое рабство под угрозой оружия 380 тыс. жителей Белоруссии, многие из которых погибли в результате невыносимых условий труда, истязаний и голода.

Великая Отечественная война окончилась всемирно-исторической победой СССР. Прошли годы. Белорусский народ с братской помощью всех народов Советской страны, и прежде всего великого русского народа, возродил из пепла и руин свои города и села, восстановил разрушенное войной народное хозяйство и обеспечил его дальнейшее мощное развитие.

¹ ЦГАОР БССР, ф. 845, оп. 1, д. 199, л. 7, 402—516.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ФАШИСТОВ ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ УКРАИНСКОГО НАРОДА

Готовясь к походу против СССР, германские фашисты разработали далеко идущие планы захвата Советского Союза и порабощения советских людей. Они стремились не только захватить территорию СССР, но и уничтожить социалистический строй.

Выступая на совещании высшего генералитета немецко-фашистской армии 30 марта 1941 г., Гитлер сказал, что война против России — это «идеологическая война с целью уничтожения большевизма»¹.

Исходя из этих установок, гитлеровцы заблаговременно готовили ужасные злодеяния на оккупированной советской территории. Их злодейские замыслы принадлежали не отдельным преступным элементам, а вытекали из разработанного немецко-фашистским правительством плана войны, представляя собой его составную органическую часть. «Идейной» основой преступлений на оккупированных территориях была человеконенавистническая «расовая теория» фашистов. На упомянутом совещании Гитлер выдвинул конкретные требования о самом широком проведении злодеяний, заявив, что в войне против Советского Союза «будут неуместны рыцарство и военная честь».

Среди многочисленных и тягчайших преступлений, совершенных гитлеровскими захватчиками на украинской земле, преступления против культуры занимают

¹ «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 82. Служебный дневник Гальдера.

значительное место. Цель немецко-фашистских оккупантов состояла не только в том, чтобы ликвидировать советский строй на оккупированных ими территориях СССР, но и в том, чтобы поработить народы, населяющие эти территории.

Разрушая и грабя культурные и исторические ценности, немецко-фашистские оккупанты пытались лишить украинский народ его культуры, низвести физически и духовно до положения рабов.

Готовя неслыханное преступление — истребление миллионов советских людей и порабощение оставшихся, фашистские заправилы намеревались лишить их всякой возможности иметь хоть какое-нибудь образование, пользоваться благами науки и культуры. Ведь такое право у порабощенных фашизмом народов могло поколебать господство гитлеровцев.

«Если мы будем обучать русских, украинцев и киргизов читать и писать,— говорил Гитлер,— то впоследствии это обернется против нас. Образование даст более развитым из них возможность изучать историю, овладеть историческим опытом, а отсюда развивать политические идеи, которые не могут не быть губительными для наших интересов... Нельзя, чтобы они знали больше, чем значение дорожных знаков. Обучение в области географии может быть ограничено одной единственной фразой — «столица рейха — Берлин»... Математика и все прочее подобное совершенно не нужны»¹.

Со свойственным гитлеровским расистам пренебрежением к другим народам фашистские «фюреры» культивировали среди немецких солдат и оккупационных чиновников дух ненависти к русским, украинцам, белорусам, их культуре, великое мировое значение которой общеизвестно. В секретном циркуляре командующего оккупационными войсками на Украине генерала Китцингера от 18 июля 1942 г. говорилось: «Украинец был и останется для нас чуждым. Каждое простое, доверчивое проявление интереса к украинцам и их культурному существованию наносит вред и ослабляет те существенные черты, которым Германия обязана своими могуществом и величием».

¹ «Hitler's Table Talks». London, 1953, p. 69, 424—425, 588—589.

Фашистские неучи нагло твердили об «отсталости» нашего народа и необходимости для него «немецкого руководства». Упражняясь в клеветнических измышлениях об украинском народе, один из идеологов фашизма, А. Розенберг, «глубокомысленно» поучал: «Украинский народ не может существовать без немецкой организации и руководящего начала. Плодородная и богатая Украина должна стать немецкой колонией, территорией, заселенной немецкими крестьянами из Западной Германии и Саксонии».

Разглагольствования о том, что все негерманские народы принадлежат к низшей расе и потому должны быть лишены права на свою культуру, образование, науку, нужны были гитлеровцам для того, чтобы «теоретически» обосновать их стремление к монопольному положению в этих областях.

«Наболевший» вопрос с «конкурентной» культурой фашисты решали довольно просто — культурные ценности любого народа превращали в пепел (кое-что, правда, считали возможным оставить, объявив производением «немецкого духа»). Разоряя ценности материальной культуры, гитлеровские вандалы физически истребили тысячи украинских ученых, врачей, педагогов, музыкантов, артистов и других деятелей культуры.

С исключительной последовательностью осуществляли гитлеровцы свои планы уничтожения и разграбления учреждений украинской культуры и науки. Ограблением культурных и научных ценностей ведала созданная при штабе рейхсминистра «восточных территорий» Розенберга специальная рабочая группа «Украина», находившаяся в Киеве. Этой группе был подчинен широко разветвленный аппарат, который при активной помощи предателей и украинских буржуазных националистов творил свое черное дело. Подобную же функцию выполнял батальон СС специального назначения при фашистском министерстве иностранных дел, который действовал по указаниям лично Риббентропа.

Сразу же после захвата того или другого советского города появлялись мародеры из «батальона Риббентропа», которые отбирали и вывозили наиболее ценное научное оборудование, архивные доку-

менты, различные коллекции, книги, кинофильмы и т. д. Дальнейшую «работу» проводили чиновники из ведомства Розенберга. С такой же целью румынские фашисты создали «трофейные» комиссии, подчинявшиеся так называемой «Организации I», имевшей многообразные функции и сеть агентов¹.

Разграбление и разрушение культурных ценностей народов оккупированных фашистскими захватчиками территорий производилось по заранее разработанному и тщательно продуманному плану, составленному в соответствии с директивой рейхсминистра «восточных территорий» Розенберга рейхскомиссару Украины Коху о конфискации культурных ценностей Украины. Были выработаны также специальные инструкции, в которых подробно перечислялось, какое имущество и ценности подлежат вывозу в Германию и что должно быть уничтожено на месте.

Как страшный ураган, свирепствовал фашистский зверь на нашей земле, разоряя огромным трудом созданные культурные ценности.

Немецко-фашистское командование прямо призвало своих солдат и чиновников к вандализму в захваченных районах, где будто бы «никакие исторические или художественные ценности не имеют значения».

Особенно большой ущерб украинской культуре нанесли фашисты в период отступления с территории Украины (1943—1944 гг.). Командование немецко-фашистскими войсками, выполняя директиву Гитлера о превращении оставляемых территорий в «зону пустыни», организовывало специальные команды «факельщиков». Задачей этих команд было сжигать наряду с жилыми постройками всевозможные учреждения, в том числе институты, музеи, театры и т. д.

В период оккупации многочисленные научно-исследовательские учреждения и вузы Украины были разрушены или превращены в казармы и застенки гестапо. Разорялись и уничтожались памятники многовековой украинской культуры, расхищались художественные галереи и музеи, сжигались миллионы книг библиотек республики.

¹ Партийный архив Института истории партии ЦК КП Украины (в дальнейшем: ПА ИИП ЦК КП Украины), ф. 1, оп. 16, ед. хр. 108, л. 48.

Неслыханному разграблению и разрушению подвергся центр украинской науки — Академия наук. Общий ущерб, нанесенный ей оккупантами, исчислялся в 126 млн. рублей. Были вывезены или уничтожены значительная часть оборудования, многочисленная библиотека, большинство уникальных музеев и коллекций академии — все, что не удалось эвакуировать в глубь СССР. Были ограблены и разрушены и остальные научно-исследовательские учреждения. Из 49 научно-исследовательских институтов Наркомата здравоохранения УССР разрушено было 36¹. Общая сумма убытков сети научно-исследовательских учреждений системы Наркомзема составляла около 143 млн. рублей².

Разграблено и сожжено было большинство высших учебных заведений, в том числе Киевский политехнический, Донецкий индустриальный, Днепропетровский горный, Одесский медицинский, Харьковский педагогический институты. В Харькове, например, из 34 вузов было полностью разрушено 17, остальные приведены в негодность³. Всего же на Украине в развалины были превращены 116 учебных корпусов вузов площадью в 643 616 квадратных метров. На $\frac{3}{4}$ уничтожены и разграблены их библиотеки, мастерские, лаборатории.

Оккупантами был сожжен один из старейших центров украинского образования — Киевский университет имени Т. Г. Шевченко. В огне погибли библиотека с фондом в 1 млн. 300 тыс. книг, зоологический музей, имевший свыше 2 млн. экспонатов, ряд других ценнейших музеев и коллекций, 20 лабораторий, 18 кабинетов и мастерских и т. д. Общий ущерб, нанесенный Киевскому университету, составил 18 млн. рублей.

Огромные убытки и разорение причинили фашисты народному образованию Украины, полностью уничтожив 8104 школы (1190 в городах и 6914 в селах) и полуразрушив 10 052 школьных здания⁴.

¹ ПА ИИП ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 16, ед. хр. 964, л. 39—40. (Здесь и далее денежные суммы даются в старом исчислении.)

² Журнал «Социалистическое сельское хозяйство», 1945, № 3, стр. 59.

³ ПА ИИП ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 16, ед. хр. 964, л. 39—40.

⁴ ПА ИИП ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 14, ед. хр. 451, л. 49.

Всего оккупанты разграбили и разрушили около 33 тыс. помещений школ, вузов, техникумов, научно-исследовательских институтов и 18 тыс. зданий лечебных учреждений.

Громадный ущерб был нанесен украинским театрам и кинотеатрам. Оккупанты целыми вагонами вывозили реквизит, декорации, мебель, кинооборудование и т. д. При отступлении захватчики уничтожили на Украине 62 театральных помещения. Ущерб, нанесенный украинским театрам, исчислялся суммой 130 млн. рублей. Лишь в девяти левобережных областях оккупанты полностью уничтожили 146 кинотеатров.

Особенно пострадали от гитлеровских вандалов музеи республики. Фашисты разрушили и ограбили 151 музей, нанеся убытков музейному хозяйству на сумму 1 млрд. 350 млн. рублей. Из Киевского музея украинского искусства были вывезены образцы украинской посуды XVIII, XIX и начала XX столетий, 5400 предметов живописи, графики, скульптуры художников Мурашко, Бурачека, Пимоненко, Яворского, Святославского, Светлицкого и др. Очень сильно пострадали художественные музеи и галереи Харькова, Одессы, Львова и других городов.

Представляет интерес свидетельство очевидцев о том, как была уничтожена Харьковская картинная галерея. В один из последних дней перед освобождением Харькова Советской Армией, 13 августа 1943 г., перед зданием Харьковской художественной галереи остановилась машина с «факельщиками». Гитлеровцы вынесли из нее баллоны с бензином и начали тщательно поливать им пол, стены, мебель музея. Затем бросили горящий факел. В этом гигантском костре погибли сотни произведений, в том числе картины Шишкина, Маковского и других известных художников.

Непоправимый ущерб был нанесен многочисленным историческим и краеведческим музеям. Фашисты не пощадили даже всемирно известный культурно-исторический заповедник — Киево-Печерскую лавру. В октябре — декабре 1941 г. отсюда были вывезены ценнейшие экспонаты: весь отдел оружия (до 4 тыс. предметов), в том числе уникальная витрина запо-

рожского оружия, оригиналы грамот украинских гетманов, нумизматическая коллекция, акты XV—XVIII веков, древние рукописи научных трудов и т. д. Разорен был лаврский музей истории архитектуры, который отражал развитие строительного искусства от пещерных жилищ каменного века и до памятников древнерусской архитектуры. Ограблен был такой памятник культуры славянских народов, как Софиевский собор в Киеве, из которого захватчики вывезли фрески XII века, предметы культа и т. д. Всего же фашисты вывезли из украинских музеев до 40 тыс. наиболее ценных экспонатов¹.

Злой рукой фашистского варвара были разворованы, а затем сожжены в Харькове замечательный музей Слободской Украины, непревзойденное произведение русских зодчих — Успенский собор в Киево-Печерской лавре, Полтавский историко-краеведческий музей, уникальное в своем роде художественно-архитектурное сооружение, ряд других музеев и исторических памятников. В уничтоженном фашистскими «факельщиками» Археологическом музее в Харькове погибли знамена Войска Запорожского, печатки казацкой старшины, оригиналы грамот и универсалов украинских гетманов, подлинники указов русских царей, старинные книги, среди которых был «Апостол», изданный И. Федоровым в 1580 г., коллекция русского оружия, начиная от XII века. В пепел была превращена и библиотека Археологического музея — свыше 21 тыс. томов, среди которых были антикварные библиотеки графов Апраксиных, личная библиотека Стефана Яворского с его пометками и т. д.

Не меньшему погрому были подвергнуты исторические архивы Украины. Специальные немецкие чиновники вывозили все наиболее ценные, с точки зрения оккупантов, неэвакуированные материалы. После этого архивы были разорены, а наиболее важные из них, как, например, Архив древних актов (в Киеве), сожжены.

Огромный вред нанесли оккупанты библиотечной сети Украины. Ими было уничтожено или разворовано более 50 млн. книг², ограблены и разорены крупней-

¹ См. «Правда», 13 февраля 1947 г.

² ПА ИИП ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 16, ед. хр. 406, л. 52.

шие библиотеки Украины — библиотека Академии наук УССР в Киеве, библиотека имени В. Г. Короленко в Харькове, известная львовская библиотека «Оссолинеум», одесская библиотека имени В. И. Ленина и сотни других.

Совершенно разорили гитлеровские оккупанты культурно-просветительные учреждения Украинской ССР — клубы, дома культуры, хаты-читальни и т. д. В тяжелейшем состоянии оказалась полиграфическая база республики — из общего количества 824 городских и районных типографий было уничтожено 634, или 77 процентов.

Преступления германского фашизма на Украине, как и вообще на оккупированных территориях Советского Союза, невозможно даже приблизительно выразить в денежном исчислении. Какой бы громадной ни была сумма, выражающая материальный ущерб, нанесенный оккупантами учреждениям науки и культуры Украины, все равно она не отразит всего масштаба убытков. Ведь памятники и достояния культуры не имеют цены.

Преступное отношение немецко-фашистских оккупантов к культурным ценностям и интеллигенции украинского народа, проявившееся повсеместно на Украине, было убедительным свидетельством попыток фашистов уничтожить украинскую социалистическую культуру. В одном из секретных документов фашистских оккупационных властей, где подробно излагаются мероприятия оккупантов по искоренению советской культуры среди населения Украины, есть интересное признание: «Не удивительно, — отмечается в нем, — что украинцы все больше убеждаются в том, что немецкая администрация проводит культурную политику, направленную на уничтожение украинской культуры»¹.

Около трех лет советские граждане на временно оккупированной территории были лишены элементарных человеческих прав. Объявив наш народ «низшей расой», фашисты всячески издевались над ним, пытались лишить человеческого достоинства, унижали,

¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства УССР, ф. 3676, оп. 4, ед. хр. 475, л. 1221.

оскорбляли. Каждый честный человек постоянно находился под страхом смерти. Фашистские оккупанты все делали для того, чтобы не дать советским людям возможности пользоваться великими благами самой передовой в мире социалистической культуры. Кровавый террор гестапо вместо образования, смрадные миазмы фашистской пропаганды вместо науки, угон в рабство, голод, безработица, беспросветная нищета — вот что принес советским людям фашизм. Тысячи лучших представителей советской интеллигенции, которые могли бы принимать активное участие в создании материальных и духовных ценностей на благо своего народа, были уничтожены немецко-фашистскими захватчиками.

Но огромный материальный и моральный ущерб, который понесла советская культура в годы Великой Отечественной войны, не привели ее в упадок. Социалистический строй, который является базой для развития советской культуры, дает ей великую животворную силу, делает ее способной преодолевать любые трудности и препятствия, обогащаться и развиваться.

УГОН НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ В ФАШИСТСКОЕ РАБСТВО

Прошло около двух десятилетий со времени окончания второй мировой войны. Но народы мира не забыли и никогда не забудут ужасов этой войны, лишений и страданий, какие принесли на оккупированную землю немецко-фашистские захватчики. Это они в погоне за мировым господством организовали насильственный угон миллионов людей с оккупированных территорий на каторжные работы в Германию и в середине XX века воскресили невольничьи рынки и средневековое рабство. С особой жестокостью и настойчивостью фашистские работоторговцы угоняли мирное гражданское население из оккупированных советских районов, и в частности с Украины. Украина является одной из тех республик Советского Союза, которая понесла наибольшие потери в людях от угона в немецко-фашистское рабство.

В своей программе рабского труда правительство фашистской Германии преследовало цель:

а) обеспечить все возрастающие потребности в рабочей силе и заставить миллионы иностранных рабочих участвовать в войне на стороне фашистской Германии, против собственных стран;

б) уничтожить или ослабить народы, которые гитлеровская клика считала «низшей расой» и которые противодействовали фашистской политике завоевания мирового господства;

в) сокращая местное население и обезлюживая оккупированную советскую территорию, фашистские оккупанты стремились уничтожить базу для роста партизанского движения, облегчить себе управление на Востоке и подготовить условия для переселения сюда немецких господ.

На осуществление этих задач уже с первых месяцев оккупации советских районов и была направлена вся деятельность немецких захватчиков. Еще в начале ноября 1941 г. на секретном совещании в Берлине рейхсмаршал Геринг давал своим чиновникам указания об использовании советских людей на принудительных работах в Германии и в оккупированных районах. Одно из этих указаний гласило: «Русские рабочие доказали свою трудоспособность во время строительства гигантской русской промышленности, поэтому эта трудоспособность должна быть теперь использована на благо империи...» Вместе с тем в этом циркуляре подчеркивалось, что русских рабочих следует использовать для дорожного строительства, для уборочных работ, разминирования и устройства аэродромов.

Использование рабочих, говорилось в разделе «Б» этого секретного указания, и обращение с ними должно быть на практике таким же, как и по отношению к русским военнопленным¹.

Таким образом, мирные советские люди, насильно угнанные оккупантами для работы в Германию, считались «военными трофеями», механически зачислялись в категорию «взятых военнопленных» и по режиму содержания приравнивались к таковым.

Геринг издал кровавый приказ не щадить советских людей, пригнанных в Германию.

«При применении мер поддержания порядка,— говорилось в этом приказе,— решающим соображением является быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь решением военно-полевого суда»².

Для осуществления своей программы Гитлер в марте 1942 г. назначил «главным уполномоченным по использованию рабочей силы» Фрица Заукеля, кото-

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 639—640.

² Там же, стр. 654.

рого наделил чрезвычайными полномочиями. В помощь Заукелю был создан огромный аппарат. На администрацию оккупированных областей, на воинские части, гестапо, жандармерию и полицию возлагалась обязанность всеми средствами содействовать выявлению и мобилизации рабочей силы для нужд Германии.

Вскоре после назначения Заукель разослал в строго секретном порядке на места приказ, в котором говорилось: «Вербовка, за которую вы отвечаете, должна форсироваться всеми доступными мерами, включая суровое применение принципа принудительности труда»¹.

На Нюрнбергском процессе Заукель заявил, что никаких насильственных мер при вербовке рабочей силы не принималось, что полиция привлекалась лишь там, где партизаны не давали возможности проводить эту работу. Однако многочисленные директивы, приказы и распоряжения гитлеровских главарей, в том числе и Заукеля, и сама практика так называемой «вербовки» не оставляют и тени сомнения в том, что для достижения поставленных целей преступное правительство фашистской Германии санкционировало и поощряло любые средства.

Ссылаясь на то, что «фюрер» разработал новый и весьма срочный план вооружения, для осуществления которого требовалось не менее 2 млн. иностранных рабочих, Заукель в своем письме Розенбергу потребовал любыми мерами обеспечить мобилизацию с Украины уже к 31 марта 1942 г. 225 тыс. рабочих, а к 1 мая — еще 225 тыс. человек. Позже, 5 октября 1942 г., Заукель писал Розенбергу о необходимости вербовки из восточных областей 2 млн., а 17 марта 1943 г. — еще 1 млн. мужчин и женщин, которые должны были быть доставлены в Германию в течение четырех последующих месяцев². В той же «программе» Заукель заявил, что по поручению «фюрера» «необходимо доставить из восточных областей 400—500 тыс. здоровых и крепких девушек для того, чтобы заметно разгрузить крайне занятую немецкую крестьянку».

В конце ноября 1941 г. и особенно после поражения немецко-фашистских армий в битве под Москвой

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 654.

² См. там же, стр. 668.

геббельсовские пропагандисты развернули на захваченных ими территориях широкую кампанию за добровольный набор рабочей силы для промышленности Германии.

Были изданы миллионными тиражами листовки и плакаты, призывавшие трудоспособное население ехать на работу в Германию и обещавшие всем добровольцам обеспечить «райскую» жизнь в империи. В городах и селах появились по этому вопросу воззвания генерал-комиссаров, штатткомиссаров, бирж труда, управ и других органов оккупационных властей. При этом указывалось, что немецкие власти якобы дают возможность всем получить полезную и хорошо оплачиваемую работу и что оставшиеся на месте члены семей добровольцев будут полностью обеспечены. Однако, невзирая на эту демагогическую пропаганду, кампания по добровольному набору рабочей силы принесла плачевные результаты. Советские люди решительно отказывались работать на фашистских захватчиков. Так, уже 6 декабря 1941 г. немецкая биржа труда в Кривом Роге отмечала неудовлетворительный ход вербовки горняков на работу в Германию и обязала всех ранее работавших на местных рудниках в возрасте от 17 до 55 лет немедленно явиться на биржу.

В одном из докладов начальника политической полиции и службы безопасности при руководителе СС в Харькове указывалось, что вербовка рабочей силы доставляет учреждениям беспокойство, так как среди населения наблюдается крайне отрицательное отношение к отправке на работу в Германию и что о добровольной отправке уже давно не может быть и речи. Чтобы принудить население ехать на работу в Германию, оккупационные власти города объявили о снятии со снабжения 70 тыс. человек, хотя никакого снабжения, по существу, и не было¹. Вскоре оккупационные власти стали на путь обязательных разверсток по городам, районам и селам. При этом указывалось, что все уклоняющиеся от явки будут преследоваться полицией.

¹ Партархив Института истории партии ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 14, д. 489, л. 548.

По приказу Заукеля с Украины должно было отправляться в Германию, начиная с апреля 1943 г., ежедневно не менее 6 тыс. человек. Чтобы выполнить это задание, во всех городах и селах Украины оккупационные власти издали приказы об обязательной явке всех граждан обоего пола в возрасте от 15 до 50 лет. Началась повсеместная погоня за людьми. Угоняли наиболее здоровых и трудоспособных работников, нередко целыми семьями. Так, из колхоза «Вперед» Смеловского района было забрано 72 человека, в том числе семья Харченко С. В. в составе трех человек, в семье Чернухи И. М. были угнаны две дочери. Из Станиславского района гитлеровцы угнали 1002 человека, в том числе около 100 семей по 2—3 человека¹.

Оккупационные власти всех уклонявшихся от «вербовки» и поездки в Германию объявляли вне закона. В районы, не выполнявшие «разверстки» по поставке рабов, направлялись карательные экспедиции, которые внезапно, чаще ночью, оцепляли населенные пункты, стакивали с постелей оторопевших от ужаса людей, сгоняли их в колонны и направляли на сборные пункты. Деревни зачастую сжигались. Такой, например, была операция против села Карабчиева Ружинского района, проведенная по приказу обер-лейтенанта жандармерии Бернгардта. В Мелитополе во время массовой облавы были схвачены тысячи людей, многие за попытку скрыться тут же были расстреляны.

Имеются многочисленные документы, в которых сами гитлеровские главари отмечали жестокости при «вербовке» рабочей силы, которые они всячески поощряли. В отчете генерального комиссара Житомирского округа Лейзера о совещании с Розенбергом в г. Виннице говорится: «...Я разрешил уполномоченному применять самые жестокие меры для того, чтобы достигнуть необходимого результата и получить контрольную цифру... Проблема мобилизации рабочей силы не может быть разрешена в «белых перчатках»².

В письме Розенберга к Заукелю от 21 декабря 1942 г. отмечалось, что из с. Боровичи нужно было взять 25 рабочих, но никто не явился, тогда полиция

¹ Партархив Института истории партии ЦК КП Украины, ф. 166, оп. 2, д. 112 (Акты Государств. чрезвычай. комиссии).

² «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 675—676.

начала поджигать дома и хватать кого попало и арестовывать их. «Там, где не находили самих мобилизуемых, они задерживали их родителей, как заложников до тех пор, пока не являлись их дети. Это же они проделали в Белоозерке. Те, которые не появлялись вовремя, должны были быть расстреляны. Люди многих деревень отправлялись в монастырь, но их всех арестовали, заперли и направили на работу. Среди них были слепые, хромые и старики... На Украине в качестве террористической меры были использованы поджоги...

В результате массового угона в рабство и сжигания сел в ряде районов появилось много беспризорных детей. Фашистские работоторговцы подбирали их и продавали на рынках. Так, по сообщению командиров партизанских соединений А. Н. Сабурова, С. Ф. Маликова, В. А. Бегмы, в Новоград-Волыньске, Олевске и др. мальчиков продавали по 5 марок, а девочек — по 3 марки»¹.

В г. Олевске за отказ от поездки на каторжные работы в Германию было расстреляно 70 человек. В Полтаве оккупанты приговорили к повешению 65 железнодорожников, отказавшихся ехать на гитлеровскую каторгу. На Украине трудно было найти город или село, где подобные факты не имели бы места. Повсеместно проводились массовые облавы. Людей хватали где попало, на улицах, площадях, на станции и в кинотеатрах, на рынках и даже в церквях. Всякий подвергался опасности быть схваченным в любом месте и в любое время полицейскими внезапно и быть привезенным на сборный пункт для отправки в Германию. Так, начальник отдела пропаганды Львовской городской управы доносил генерал-губернатору «дистрикта Галичина», что 20 октября 1942 г. кинотеатры «Студио», «Центральный», «Мева», «Рокс» и оперный театр работали почти при пустых креслах, так как накануне полиция совершила на них налеты и забрала всех зрителей, и поэтому публика, боясь быть схваченной на улице или в театре для отправки в Германию, не выходит из домов. Налеты полиции на кинотеатры и театры с этой целью были в Бердичеве, Житомире,

¹ ПА ИИП ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 1—14, д. 489, л. 30.

Звягиле и во многих других городах и районах Украины.

Нередко изголодавшиеся и истощенные люди заманивались на станции или к продуктовым магазинам обещаниями раздачи хлеба или соли, где их немедленно оцепляли и насильно грузили в вагоны.

Американский обвинитель Додд, выступая на Нюрнбергском процессе, подчеркивал, что фактически была санкционирована охота на людей. «Безгранично издеваясь над славянством,— говорил он,— нацисты применяли методы «набора» рабочей силы, которые берут начало в самых черных периодах работорговли»¹.

Советские люди, попавшие в руки фашистских извергов, с первых же дней пребывания в пересыльных лагерях и пунктах испытывали страшные муки, зверское обращение и издевательства. Поскольку многих из них захватывали на улице врасплох, стаскивали с постелей и т. д., они оказывались часто раздетыми, без обуви, без постельных принадлежностей и без самых необходимых вещей для личного обихода. До отправки в Германию арестованные или пойманные люди часто содержались в холодных и сырых подвалах или же на пересыльных пунктах под охраной полицейских за колючей проволокой. Невероятная скученность и антисанитария были всюду. На пунктах санобработки женщины подвергались унижению и глумлению. Подобные факты имели место на сборном пункте Харькова и в других городах. Пересыльным пунктом в Житомире была 17-я школа, которую гитлеровцы превратили в настоящую тюрьму для угоняемой молодежи. Жительница Житомира Валентина Орленко, доставленная на этот пересыльный пункт, рассказывала: «Дом охранялся полицейскими. На втором этаже в комнате разбросана солома, на которой группами сидели девушки: одни из них плакали, другие в отчаянии ломали руки, третьи молчали, опустив головы в безвыходном горе. Страшное отчаяние овладело мною, когда я это увидела. «Лучше смерть, чем неволя» — решила я и прыгнула со второго этажа в раскрытое окно... Потом я очутилась в больнице...

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 671.

Я спаслась, но осталась калекой на всю жизнь. Однако я счастлива, что не поехала работать на мерзких гадов»¹. Чтобы не ехать на каторгу в фашистскую Германию, подобным образом поступали многие сотни советских людей.

В Киеве пересыльный лагерь «штаба по набору рабочей силы в Германию» помещался в доме № 24 по Львовской улице. Начальником лагеря был Краузе. Во дворе находились две большие каменные казармы — одна для мужчин, другая для женщин. В первые же дни после освобождения Киева автор настоящих строк посетил этот бывший лагерь. Грязь была всюду невероятная, по углам остатки соломы, какие-то лохмотья. Стены, двери и подоконники испещрены сотнями надписей, в которых с мольбой и надеждой звучала просьба измученных и несчастных людей: «Отомстите за нас палачам...» 11 девушек из с. Красное Полтавской области записали на стене: «...здесь мы находились две недели, мучились, ели «баланду» один раз на день, а клопы ночью не давали покоя... Прощайте, наши товарищи! Не попадайтесь сюда, выкручивайтесь!»²

В другом углу на стене надпись краткая и выразительная: «Ідемо добровільно, під гвинтівкою. Бойченко Ганна, Полтавська область». А Василий Струк из с. Ядловки, что в 60 километрах от Киева, 21 сентября 1942 г. записал: «Было в нем 1500 дворов и 6000 населения. Немцы все село сожгли, а мирных людей выгнали в Германию на вечную каторгу и муку. Их тут всех мучают, бьют и голодом морят. Никогда еще не было, чтобы людей так истязали! Да сгинет Гитлер со своей сворой! Скоро придет время, когда он будет висеть на суку вместе со своими собаками!» Эти надписи невольников как нельзя ярче характеризуют страдания людей на пересыльных пунктах.

Издевательства над угоняемыми на каторжные работы еще более усиливались во время транспортировки их в Германию. В грязные товарные вагоны набивали по 60 человек, так что люди могли лишь стоять. Двери и люки в вагонах во время следования в пути

¹ «Житомирщина в період тимчасової окупації...», стр. 138.

² Архив комиссии по истории Отечественной войны, ф. 103, д. 34, стр. 134.

всегда оставались наглухо закрытыми. Эшелоны пленников сопровождали специальные охранные команды. Гитлеровцы издали специальную инструкцию о том, как кормить, присматривать за рабами в дороге. Им запрещалось иметь при себе ножи, вилки, вообще острые предметы. Запрещалось везти бумагу, карандаши, записывать станции, через которые следовали эшелоны. Во время транспортировки людей почти не кормили и не давали воды. Одна девушка из Краснодона заявила, что их эшелон находился в пути 24 суток, и за это время они получили 2 килограмма хлеба, 300 граммов колбасы и один раз «баланду». В дороге за попытку к бегству были убиты 3 девушки и 2 юноши¹. Несчастные пленники не имели даже возможности для отправления естественных надобностей. Больные находились вместе со здоровыми, не получая никакой медицинской помощи. В результате голода и болезней многие умирали по дороге, и их трупы выбрасывали в придорожные канавы.

Попав в Германию, порабощенные советские люди подвергались невероятно жестокому обращению, терпели страшные лишения и унижения человеческого достоинства. Преступная гитлеровская клика дала указание всех прибывающих с «Востока» рабов «расселять, кормить и обращаться с ними таким образом, чтобы эксплуатировать их в самой высокой степени и при этом при самых минимальных расходах».

Изданная немецкими рабовладельцами инструкция об обращении с советскими людьми гласила: «Всегда показывай им, что ты их хозяин. Будь с ними всегда только суровым... Ограничивайся только отдачей приказов. Не делай ничего такого, что бы могло облегчить их положение. Стремись заставить их работать возможно интенсивнее...»²

Фактическое осуществление политики в отношении обращения с «восточными рабочими», и прежде всего русскими и украинцами, было еще более жестоким и ужасным, чем рекомендовалось в инструкциях. Прибывавших с востока рабочих загоняли в концентрационные лагеря, огороженные колючей проволокой. Их держали в страшной тесноте, как арес-

¹ Архив комиссии, ф. 434, оп. 2, д. 52, л. 118, 119.

² «Комуніст», 11. X. 1942.

тантов, без элементарных удобств, без достаточного количества одежды, без минимальной медицинской помощи. «Восточные рабочие» были лишены своих имен, им были присвоены номера и нагрудные знаки «Ост». Их гоняли на работу и с работы колоннами под охраной вооруженных гитлеровцев. Их загружали непосильной работой и заставляли работать до полного изнеможения и истощения. Рабочие подвергались нечеловеческим унижениям и частым побоям.

Свыше 40 процентов рабочих, прибывавших с оккупированной территории Советской Украины, направлялись на предприятия военной промышленности и в строительную организацию Тодта, которые возглавлял Шпеер. Это был один из самых ярых проповедников жестокостей и насилий над советскими рабочими для выжимания из них наиболее высокой выработки. На многих заводах Круппа русские и украинские рабочие были доведены до такого состояния, что не имели сил даже взять в руки кусок металла, чтобы положить его на станок. Потерявший здоровье и вернувшийся на родину из фашистской каторги житель с. Мироновки Филипп Боцман рассказывает: «Я попал на трикотажную фабрику, где изготовляли военное обмундирование... Придирчивее всего немецкие мастера и надзиратели относились к нам, русским. Чуть что — рукоприкладство, ругань. Обед тут же в цеху — миска холодного супа из картофельной шелухи. Хлеба к обеду уже не оставалось. Все 300 граммов суррогатного хлеба поедались утром. Вечером пригоняли обратно в казармы. И так каждый день — голод, усталость, тоска. Одна девушка из Орловской области, избитая надзирателем, повесилась»¹.

16-летний юноша из Краматорска, А. Ревякин, угнанный вместе с братом в Германию, рассказал, что он работал на заводе боеприпасов около с. Логанно по 14 часов в сутки, он опух от голода и не мог идти на работу, за это ему дали 25 розог. На этом заводе было установлено такое наказание: кто не выйдет первый раз на работу — 25 розог, во второй раз — тюрьма, из которой почти никто не возвращался². За

¹ «Правда», 11 мая 1943 г.

² Партархив ИИП ЦК КПУ, ф. 236, д. 1—9, л. 40.

малейшее нарушение установленных правил администрация предприятий часто передавала виновных в руки гестапо. Здесь их били плетьюми, вырывали ногти, сажали в подвалы, которые заливали водой, и люди многие часы стояли по грудь в ледяной воде.

Не лучшей была судьба и тех рабочих и работников, которые попадали в сельское хозяйство. Преступное правительство Гитлера организовало невольничьи рынки. Каждый немецкий собственник за 10—15 марок мог купить себе раба. На этих рынках, как во времена рабовладельческого строя, покупатели ощупывали мускулы на руках и ногах, смотрели зубы и забирали в рабство советских людей, обменивали изнуренных непосильной работой на более крепких.

Немецкие господа, покупая восточных рабов, считали их своей собственностью. Подрядчик Лоренс Шпеер в письме к своему зятю Иосифу Шпееру писал: «У нас теперь работает украинская девка 19 лет. Будь спокоен — она будет работать. В воскресенье в деревню прибудет еще 20 русских. Я возьму себе несколько штук...»¹

Приобретая работников из оккупированных советских районов, немецкие рабовладельцы обращались с ними, как со скотом. Они подвергались издевательствам, побоям. Об одном из таких фактов писала Галина Новак, угнанная из Сумской области: «Здравствуй, дорогая мамо! Пишу, а сльози очі застилають. Ой, як я мучусь тут!.. Сьогодні хазяїн, побив мене за те, що я прогнала його хлопця, який прив'язав до мого ліжка собаку. Мій хазяїн — справжній звір. Він тільки і обзиває мене «руською свинею», за кожен найдрібніш помилку б'є по обличчю, дорікає, що багато заплатив за нас, а користь має невелику. Отак, мамо, нас розцінюють як худобу...»

Жительница г. Краснодона М. Лысенко, побывавшая на фашистской каторге, была очевидцем, когда в Мюнхене немецкая хозяйка, услышав сообщение по радио о разгроме немецких войск в битве на Волге, выплеснула в лицо своей невольницы Маруси Гордиенко из Дружковки (Донбасс) кастрюлю с кипящим молоком. В результате девушка ослепла².

¹ «Правда», 11 мая 1943 г.

² См. «Советская Украина», 16 мая 1943 г.

Согласно «Памятке домашним хозяйкам об использовании восточных работниц в городском и сельском хозяйстве», подписанной Заукелем, работницы с Украины, как и из других оккупированных советских районов, находились в специфических условиях, обязаны были носить значок «Ост», никакого права на свободное время не имели, отпуска им не предоставлялись, зарплаты никакой не полагалось, на фашистской каторге они обязаны были быть столько, сколько сочтут необходимым немецкие господа. Многие из угнанных в фашистскую неволю так и не вернулись на свою любимую родину. Одни были замучены фашистскими палачами, другие погибли от голода, холода, от изнурительного и непосильного труда. А те, кому удалось вернуться на родину, на всю жизнь остались больными или инвалидами.

Как установлено на Нюрнбергском судебном процессе, в промышленности и сельском хозяйстве Германии за годы второй мировой войны было использовано 10 млн. иностранных рабочих и военнопленных¹. С Украины было угнано на каторжные работы в Германию более 2 млн. человек, т. е. больше, чем из любой страны Западной Европы, подвергавшейся фашистскому нашествию².

Только из Днепропетровска фашистские работорговцы угнали более 130 тыс. человек, а из Донецкой области — свыше 252 тыс. Из общего числа угнанных с Украины на фашистскую каторгу большая часть их не вернулась назад.

Вот каким в действительности был гитлеровский «новый порядок», насаждавшийся немецко-фашистскими завоевателями на всех захваченных ими территориях. Прогрессивные народы мира никогда не забудут злодеяний фашизма. Памятуя о многих миллионах жизней, которые унесла развязанная немецко-фашистскими агрессорами вторая мировая война, народы мира удесятятят свои усилия для предотвращения новой войны и сохранения мира во всем мире.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 5, стр. 332.

² Партархив ИИП ЦК КП Украины, ф. 166, оп. 2, д. 155, л. 2.

УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ОККУПАНТАМИ КУЛЬТУРЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Дореволюционная Белоруссия была одной из экономически отсталых национальных окраин Российской империи. Экономической отсталости сопутствовала и отсталость в культурном отношении. В 1913 г. около 80 процентов населения было совершенно неграмотным. На территории современной БССР не было ни одного высшего учебного заведения. Всяческим ограничениям и гонениям подвергались литература и искусство белорусского народа.

Только с победой Великой Октябрьской социалистической революции белорусский народ обрел свою государственность и стал полноправным хозяином своей жизни. С первых дней Советской власти большевики Белоруссии возглавили борьбу трудящихся за построение нового, социалистического общества. Наряду с крупными успехами в хозяйственном развитии и в росте материального благосостояния населения, достигнутыми за 24 довоенных года существования Советской власти, в Белоруссии, как и во всей Советской стране, свершилась настоящая культурная революция.

Была ликвидирована неграмотность среди взрослого населения, полностью охвачены учебой дети школьного возраста. К 1941 г. в Белоруссии насчитывалось 25 высших учебных заведений, в которых обучалось свыше 21 тыс. студентов. В 1929 г. была

создана Академия наук, ставшая центром научно-исследовательской работы в республике. К октябрю 1941 г. в республике насчитывалось 51 научное учреждение с 2227 научными работниками. К этому же времени в республике было 20 театров, создана широкая сеть культурно-просветительных учреждений. Накануне Великой Отечественной войны в Белоруссии работало около 4 тыс. клубных учреждений, свыше 4 тыс. массовых библиотек, 26 музеев. В республике издавалось 200 центральных, областных и районных газет, около 100 многотиражек, 14 литературных и общественно-политических журналов. Газета, журнал и книга стали жизненной необходимостью и вошли в быт каждой семьи белорусского рабочего и колхозника.

Белорусская ССР была одной из первых советских республик, принявших на себя удар гитлеровской армии. Немецко-фашистская оккупация Белоруссии длилась три года и нанесла Советской Белоруссии огромный ущерб. Оккупанты не только уничтожали и расхищали производительные силы белорусского советского социалистического государства, но с особым зверством уничтожали и культурные ценности народа. Это вполне соответствовало всему звериному облику и поведению фашистских завоевателей. «Мы,— говорил Гитлер,— варвары, и мы хотим быть варварами. Это почетное звание»¹.

Учреждения культуры и здравоохранения, созданные белорусским народом, потерпели от фашистских варваров материальный ущерб на сумму в 3,1 млрд. рублей². В Белоруссии не осталось ни одной отрасли культуры, материальные ценности которой не подверглись бы варварскому грабежу и уничтожению. Особенно сильно пострадала школьная сеть республики и детские учреждения. Из 12 тыс. с лишним школ, имевшихся в республике до войны, гитлеровцами было уничтожено около 7 тыс. школьных зданий; разрушено 2567 зданий детских садов и яслей.

Варварски разрушили гитлеровцы здания высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов. Оборудование их было уничтожено или разграблено и вывезено в Германию.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 518.

² ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 80, ед. хр. 111.

Фашистские мракобесы проводили планомерное разрушение библиотек, уничтожение и расхищение книжных фондов. Разгрому подверглись здания клубов, дворцов культуры, музеев и других учреждений культуры и искусства Белоруссии. В Белоруссии немецко-фашистские оккупанты сожгли здания театров, 5340 клубов и красных уголков, 10 музеев, 219 библиотек.

В качестве примера страшных злодеяний немецко-фашистских захватчиков в области культуры белорусского народа приведем Минск — столицу БССР. До вероломного нападения фашистов на Советский Союз это был город просвещения, науки и искусства, город вузов, музеев, театров. Фашисты превратили его в город концентрационных лагерей. Они уничтожили в Минске 47 школ, 24 детских сада, 27 детских яслей, Дворец пионеров, разрушили Белорусский государственный университет вместе с его зоологическим, геолого-минералогическим и историко-археологическим музеями, Медицинский институт с его клиниками, Минский политехнический институт, в котором в 1940 г. обучалось около 9 тыс. студентов, разрушили консерваторию, сожгли многие другие здания культурно-просветительных учреждений и учебных заведений.

Общий материальный ущерб, нанесенный оккупантами только одному Белорусскому государственному университету, составил сумму почти в 80 млн. рублей¹.

Как оголтелые враги культуры, поступили гитлеровцы с Академией наук БССР. Заняв Минск, они в первые же дни начали ломать оборудование в лабораториях академии, увозя наиболее ценное в Германию. Был выброшен на улицу и сожжен архив Академии наук, разломаны теплицы.

Убегая из Минска под напором наступающей Советской Армии, гитлеровцы сожгли главный и лабораторный корпуса академии, лабораторное здание ботанического сада и 33-квартирный дом научных сотрудников.

¹ См. «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941—1944 гг.», стр. 164.

В результате этого вандализма ученые Белоруссии лишились не только производственных площадей, но и такого ценного оборудования, как 15 микроскопов, коллекции культурных растений и трав, животных, птиц и рыб, библиотеки, насчитывавшей свыше 300 тыс. книг, типографии со всем ее оборудованием и многих других материальных ценностей.

Фашистские варвары разрушили в Минске все культурно-просветительные учреждения. Более 20 лет создавалась библиотека имени В. И. Ленина. В 1932 г. была закончена постройка большого здания со специально оборудованным книгохранилищем. Гитлеровцы вывезли из этой библиотеки в Берлин и Кенигсберг 1,5 млн. ценнейших книг, в том числе такие уникальные книги, как собрание изданий Георгия Скарины, первые издания Литовского статута, коллекции рукописей Янки Купалы, М. Богдановича и других выдающихся белорусских писателей. Специальные уполномоченные фашистских оккупационных властей по так называемым «культурным делам» д-р Сивица, д-р Рахель, д-р Мюллер, д-р Кох, д-р Мах вывезли в Германию книжные фонды других библиотек: Государственного университета, Политехнического института, Научной медицинской библиотеки, Городской публичной библиотеки им. А. С. Пушкина.

Оккупанты уничтожили Государственную картинную галерею, вывезли в Германию картины и скульптуры выдающихся русских и белорусских мастеров — Репина, Айвазовского, Перова, Боголюбова, Козловского, Азгура и др. Они разгромили Государственный Белорусский театр оперы и балета, 1-й Белорусский драматический театр, Дом народного творчества, Дома союзов писателей, художников и композиторов. Из оперного театра они вывезли в Германию декорации, мебель, люстры, зеркала, картины, ковры.

Даже палач белорусского народа гитлеровский гаулейтер Кубе признавал, что разрушение и разграбление ценностей в Белоруссии, проводившееся оккупантами, приняло огромные размеры. Еще 29 сентября 1941 г. он в своем письме Розенбергу сообщал: «В Минске находилась большая, частично очень ценная, коллекция художественных изделий и полотен, которая сейчас без остатка вывезена из города... Речь

идет о миллионных ценностях, изъятых из генерального округа Белоруссии».

Сетуя на то, что многое ускользнуло из его рук, Кубе далее сообщал: «...СС предоставили остальные картины и предметы искусства — ценнейшие картины и мебель XVIII и XIX веков, вазы, изделия из мрамора, часы и т. д. — на дальнейшее расхищение германской армии. Генерал Штубенраух захватил с собой из Минска ценную часть этих коллекций и повез их в область военных действий. Зондерфюреры, фамилии которых мне еще не сообщили, увезли три грузовика с мебелью, картинами и предметами искусства»¹.

Что и говорить, донесение Кубе — авторитетное подтверждение вандализма гитлеровцев, направленное на уничтожение культуры белорусского народа.

Расхищение культурных богатств белорусского народа не было, однако, действием отдельных участников фашистской грабительской шайки. Это были действия, полностью отвечающие теоретическим и политическим установкам правящей нацистской клики. В известном приказе командующего 6-й германской армии генерал-фельдмаршала фон Рейхенау, одобренном Гитлером и разосланном войскам, указывалось: «Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения»².

Разрушая белорусские города и села, гитлеровские орды уничтожили много памятников архитектуры. Так, в Витебске из 20 ценных в архитектурно-историческом отношении объектов совершенно взорвано и сожжено 7, полуразрушено 12.

В Гомеле гитлеровцы сожгли выдающееся сооружение XVIII века — дворец Румянцева (Паскевича), превращенный при Советской власти в замечательный Исторический музей. Подобные примеры можно было бы привести и по другим городам Белоруссии. Ущерб, нанесенный фашистами памятникам архитектуры, исчисляется суммой в 43 млн. рублей.

Составной частью социалистической культуры белорусского народа, большим его завоеванием в годы Советской власти было прекрасно организованное

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 584.

² Там же, стр. 346.

здравоохранение. Учреждения этой области культуры гитлеровцы также нанесли колоссальный ущерб. Они разрушили 2187 больниц и амбулаторий, в том числе такие важные объекты, как мединституты в Минске и Витебске, научно-исследовательские институты микробиологии и физиотерапии, республиканскую психолечебницу в Могилеве, психиатрическую больницу в Витебске, 1-ю клиническую больницу в Минске, детский туберкулезный диспансер, санаторий «Черницы» (Витебск), химфармзавод (Минск) и многие другие учреждения культуры и здравоохранения.

Однако фашистские погромщики не ограничивались только грабежом и разрушением культурных ценностей. Они вообще стремились лишить белорусский народ каких бы то ни было возможностей культурного развития. При этом гитлеровцы исходили из своего плана порабощения тех жителей завоеванных ими территорий, которые уцелели от физического истребления. Гитлеровский министр земледелия Дарре с циничной откровенностью заявил: «На всем восточном пространстве только немцы имеют право быть владельцами крупных поместий. Страна, населенная чужой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных слуг и промышленных работников»¹.

Фашистские мракобесы самыми различными путями стремились не допустить культурного развития народа и ликвидировать его успехи в культурном строительстве.

Стремясь превратить советских людей в своих рабов, немецко-фашистские оккупанты ставили своей задачей прежде всего держать их в темноте и невежестве. «Для ненемецкого населения восточных областей,— писал Гиммлер,— не должно быть высших школ. Для него достаточно наличия четырехклассных народных школ. Целью обучения в этих народных школах должно быть только: простой счет, самое большое до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честными, старательными и послушными»².

¹ «Внешняя политика Советского Союза, 1945 год». М., 1949, стр. 45.

² «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 85.

На оккупированной территории Белоруссии работали лишь единичные школы, да и они оказались в чрезвычайно тяжелых условиях.

Оккупанты запрещали учителям и школьникам пользоваться советскими учебниками, не обеспечивали школ учебными принадлежностями. Это отмечал даже прогитлеровский орган «Белорусская газета». Она писала, что в школах нет бумаги, наглядных пособий.

Что касается высшего образования, то о его организации в Белоруссии немецко-фашистские оккупанты, конечно, и не помышляли, считая, что белорусам — их будущим рабам — образование не нужно.

Гитлеровские оккупанты лишили население Белоруссии всех демократических свобод (свободы собраний, свободы печати и др.), отказывали жителям Белоруссии даже в свободном проведении своего досуга и семейных торжеств. Известно, что жители Белоруссии преследовались оккупантами за советские песни, прослушанные у патефона или исполненные гражданами у себя дома.

Гитлеровцы разгоняли даже обычные вечеринки, на которых собиралась молодежь для проведения своего досуга. Так, например, они учинили разгром на одной из вечеринок в дер. Холопы Вилейского района только потому, что ее участники пели советские песни. В результате фашистского налета некоторые местные жители были убиты, а другие увезены в фашистскую жандармерию.

Фашистские погромщики не только разрушали медицинские учреждения, но и фактически ликвидировали разветвленную систему здравоохранения Белоруссии, созданную при Советской власти. Некоторые амбулатории и больницы продолжали действовать только с целью обслуживания оккупационной администрации. Население же никакой медицинской помощи не получало.

Непоправимый ущерб нанесли фашистские убийцы белорусскому народу истреблением его интеллигенции. За три года оккупации Белоруссии гитлеровцы расстреляли, сожгли и повесили, а также угнали в рабство в Германию тысячи учителей, врачей, артистов, научных работников. Фашисты зверски замучили выдающегося

врача профессора Ситермана, одного из лучших хирургов — профессора Хургина, крупнейшего специалиста по глазным болезням профессора Дворжица, гинеколога профессора Клумова и многих других. Только научных работников Академии наук БССР погибло и угнано в рабство 27 человек, научных работников Минского педагогического института — 11 человек.

Можно было бы назвать множество других фактов страшных злодеяний фашистов в области культуры на территории захваченной ими Белоруссии. Но и приведенные факты говорят о том, что никакими военными действиями не объяснить этих злодеяний. Нет! Уничтожение культуры белорусского народа было результатом варварской политики фашистской Германии, стремившейся к порабощению народов на оккупированных территориях. Белорусский народ не покорился захватчикам. Он продолжал развивать свою богатую и яркую культуру, даже в условиях войны, вопреки изуверской фашистской политике гитлеровских мракобесов. В партизанских краях и зонах Белоруссии издавалось 162 советские газеты. Сюда доставлялись книги и другие печатные издания с территории страны, не занятой вражескими войсками. Здесь действовали советские школы, работали партизанские врачи, обслуживавшие также и местное население. Даже в населенных пунктах, где располагались немецко-фашистские гарнизоны, люди тайно слушали радио, читали коммунистические листовки и газеты.

Прошло почти 20 лет со времени победоносного завершения Великой Отечественной войны. Своим самоотверженным созидательным трудом белорусский народ залечил тяжелые раны, нанесенные ему немецко-фашистской оккупацией. В условиях социалистического строя, при братской помощи всех народов Советского Союза трудящиеся Белоруссии достигли крупных успехов в своем хозяйственном и культурном строительстве. Теперь снова все дети в Белоруссии учатся в школах, которых в республике насчитывалось в 1961/62 учебном году почти 13 тыс. В этом же учебном году в республике работало 25 вузов и 101 среднее специальное учебное заведение. Значительно расширили по сравнению с довоенным временем свою работу Академия наук БССР и отраслевые научно-исследова-

тельские учреждения. На 1 октября 1961 г. в республике насчитывалось 7648 научных работников. Снова расцвели литература и искусство белорусского народа. Только количество киноустановок увеличилось в 1961 г. по сравнению с довоенным временем более чем в 5 раз. Еще большее развитие получила система здравоохранения.

Сила социалистического строя, творческий гений народа, руководимого Коммунистической партией, позволили Белорусской ССР преодолеть невиданные трудности, вызванные трехлетней немецко-фашистской оккупацией. Но белорусский народ никогда не забудет ужасов минувшей войны. Он никогда не забудет, что черные империалистические силы принесли ему столько горя и несчастья, нанесли такой колоссальный ущерб хозяйству и культуре Белоруссии. Белорусский народ вместе со всеми советскими народами, вместе со всем прогрессивным человечеством активно борется за мир во всем мире, за дружбу между народами.

БЫТ КРЕСТЬЯНСТВА В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛОРУССИИ

Немецко-фашистская оккупация, продолжавшаяся в течение трех лет на территории Белоруссии, принесла невиданные бедствия народу, в том числе миллионным массам колхозного крестьянства Белоруссии.

Население, попавшее под иго иноземных поработителей, очутилось в положении полного социального и политического бесправия, оказалось лишенным возможности продолжать свою хозяйственную деятельность и развивать свою культуру. В связи с этим не может не представлять интереса жизнь тех людей под игом оккупантов, которые не были ими истреблены, угнаны на каторгу в Германию или помещены в концентрационные лагеря.

Фашистские карательные экспедиции и блокады, бомбежки и обстрелы приводили к уничтожению целых сел и деревень, к сокращению жилого фонда, к невыносимым трудностям.

Вполне естественно, что систематические репрессии со стороны немецко-фашистских оккупантов наложили свой отпечаток на внешний облик тех сел и деревень, которые в какой-то мере уцелели. Улицы этих населенных пунктов становились пустынными и приобретали унылый вид. «По вечерам,— вспоминает жительница Лоевского района Гомельской области Н. Н. Грицкова,— не слышно было песен молодежи,

которыми был так богат наш район; не собирались старики на завалинках, улицы были пустынными, дома плотно закрывались с наступлением сумерек, даже не слышно было лая собак, они все были уничтожены немцами»¹.

Во внешнем облике жилищ того времени бросался в глаза общий вид окон. Часть рам была забита досками или заткнута тряпками. Стекла купить было нигде. Оккупанты запрещали населению выходить в лес за дровами. Крестьяне не имели возможности приобрести керосин. Освещать жилище приходилось при помощи лучины, как в дореволюционное время.

В условиях оккупации было широко распространено совместное проживание в одном доме нескольких семей. Так, в доме колхозницы дер. Старосек Любанского района Минской области К. Борисевич, семья которой состояла из четырех душ, жило еще 8 посторонних семей².

Но этим не ограничивались трудности жилищных условий в сельских населенных пунктах. Многие крестьяне после сожжения деревни гитлеровцами ютились в различных холодных постройках, в погребах, землянках, шалашах.

Стремясь спастись от налетов фашистской авиации и от карательных экспедиций, крестьяне многих населенных пунктов Белоруссии строили специальные землянки-тайники.

Очень распространено было в Белоруссии такое явление, как уход в леса на непродолжительное время (от нескольких часов до нескольких дней). В таких случаях крестьяне вскоре снова возвращались в населенные пункты после того, когда каратели сами уезжали оттуда или когда их изгоняли партизаны.

Но с 1942 г. крестьяне Белоруссии стали уходить в леса на длительное время. Они строили там целые поселения с шалашами, землянками, хозяйственными сооружениями, которые назывались «лесными

¹ Архив Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (в дальнейшем: АБГМИВОВ), ед. хр. 31054, л. 1.

² Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук БССР (в дальнейшем: АИИЭФ), ф. 6, оп. 4, ед. хр. 1, л. 38; ед. хр. 17, л. 37.

лагерями», «гражданскими лагерями», «семейными лагерями». Наиболее массовое, никогда не виданное до этого в Белоруссии переселение жителей в лесные гражданские лагеря происходило в 1943—1944 гг., когда в леса двинулись многие тысячи людей. Для более конкретного представления о масштабах ухода населения в леса приведем некоторые обобщенные данные. Так, к концу 1943 г. под защитой полесских партизан находилось более 200 тыс. мирных жителей. Большие массы населения уходили в леса под защиту народных мстителей в Витебской области. Только в начале 1943 г. ушло в леса более 10 тыс. жителей Суражского района этой области. Еще летом 1942 г., по свидетельству одного из руководителей партизанского движения— В. И. Ливенцева, во время вражеской блокады знаменитый Усакинский лес, где базировались народные мстители, превратился в сплошной лагерь, насчитывающий свыше 25 тыс. человек.

Уходило в леса население различных районов Минской области. Здесь находили укрытие многие тысячи горожан. На территории этой области партизанами было укрыто в лесах и спасено около 70 тыс. граждан из Минска, Борисова, Слуцка¹. Бывший секретарь Минского подпольного областного комитета Коммунистической партии В. И. Козлов приводит данные о том, что партизаны области спасли около 567 тыс. мирных жителей, ушедших из городов и деревень.

Широко распространенным было укрытие в лесах жителей Западной Белоруссии. Исключительно широкие масштабы приобретал уход населения в леса на территории Брестской области. Здесь в лесных семейных лагерях находилось 35 тыс. мужчин, женщин и детей. Подобные же факты можно привести по Пинской, Барановичской, Вилейской, Гродненской областям.

Приведенные цифры не отражают подлинных масштабов рассматриваемого явления. Эти цифры в значительной степени страдают неполнотой, так как в те времена невозможно было учесть всех местных жителей, укрывавшихся в лесах, особенно тех из них, которые уходили туда на непродолжительное время.

¹ АБГМИВОВ, ед. хр. 21971, л. 56.

В своих лесных лагерях крестьяне строили различные наземные сооружения (шалашы, домики), а также полуземлянки и землянки. Во временном жилье устраивались примитивные очаги или печки, отсутствовала необходимая мебель. Люди ютились в тесноте, в антисанитарных условиях, страдали от сырости, дыма, а очень часто и от холода, когда ввиду опасности не удавалось разводить костры или топить печи.

Особенно трудными становились условия проживания крестьян в лесах, когда проводились фашистские блокады. Тогда фашисты производили обстрел леса, землянок, шалашей, и население вынуждено было вести бродячий образ жизни, уходя от преследования вражеских автоматчиков. Чтобы представить зверства, которые обрушивали гитлеровцы на укрывавшееся в лесу население, достаточно ознакомиться со следующим фактом, установленным на открытом судебном процессе над группой бывших фашистских полицаяв, орудовавших в Хойникском районе Полесской области. Однажды банда карателей налетела на лесной лагерь мирных жителей. В смертельном страхе перед вооруженными головорезами люди разбежались. Только около одной из землянок, уткнувшись лицом в землю и затаив дыхание, лежала пятилетняя девочка. Ее тут же пристрелил один из фашистских палачей.

Люди лишены были возможности пользоваться даже своими временными лесными жилищами. Вот как передает подобное состояние колхозник дер. Живунь Люанского района А. И. Сулим. «Заберешься в чащу,— вспоминает он,— нарубишь еловых лапок, для того чтобы постлать их на снег, сверху поставишь две сошки, прикроешь ветвями и сидишь, как заяц, под кустом, старательно прислушиваясь к каждому шороху в лесу, и когда услышишь немецкое слово, бежишь, куда глаза глядят. Послушаешь, послушаешь, не слышно чужого разговора, снова тихонько нарубишь еловых лапок, выльешь из обуви воду, достанешь из узелка сухарь, размочишь по кусочкам и дашь детям, сам и так обойдешься»¹.

Многим крестьянам Белоруссии приходилось укрываться от врага в болотах. «Днем бегаешь по воде,

¹ АИИЭФ, ф. 6, оп. 4, ед. хр. 7, л. 4—5.

вымокнешь,— говорит колхозник дер. Старосек Любанского района И. Д. Синицкий,— но когда спишь ночью, вода на одежде обмерзнет, а утром ломаешь на ней лед»¹.

Очень тяжело переносили блокады крестьяне, имевшие малолетних детей. Жительница дер. Живунь Любанского района Е. П. Ясюченя, не имея лошади и будучи единственным взрослым членом семьи, возила своих детей по лесу на салазках. Люди боялись, чтобы дети не выдали места их укрытия своим плачем и криком. Встречались такие случаи, когда застигнутые врасплох женщины, не помня себя, убегали от напавших на них карателей и даже бросали своих детей. Колхозники рассказывают, как после окончания блокад дети радовались тому, что можно свободно разговаривать в полный голос, что не надо бояться и говорить шепотом.

Немецко-фашистские оккупанты лишили белорусских крестьян одежды и обуви. Они принимали все меры к тому, чтобы как можно больше награть здесь различного имущества, в том числе одежды, и увезти все это в Германию. В городах Белоруссии кое-какие товары появлялись на черном рынке, но крестьяне не могли воспользоваться и этой возможностью.

Там, где позволяли условия, у крестьян возрождались домашнее ткачество. Они производили одежду из холста и других материалов. Но и этих материалов не было. Посевная площадь льна в целом по Белоруссии сократилась тогда в 6 раз. О шерсти не могло быть и речи. Гитлеровские грабители в Белоруссии уничтожили, отобрали и угнали 78 процентов овец.

В белорусской деревне под властью оккупантов повсеместно возродились лапти, от которых крестьян избавила Советская власть.

Различные сельскохозяйственные продукты увозились в Германию, а белорусские крестьяне не имели даже соли. На торговлю солью оккупанты установили свою государственную монополию и различные ограничения, а также ввели налог на соль. Более того, основные запасы соли, оказавшиеся в их руках, оккупанты сконцентрировали исключительно в своих

¹ АИИЭФ, ф. 6, оп. 5, ед. хр. 4, л. 23.

торгово-заготовительных пунктах, где белорусский крестьянин мог ее приобрести в очень небольшом количестве за сельскохозяйственную продукцию. Это был один из методов ограбления гитлеровцами белорусского крестьянства, ибо по сравнению с солью устанавливались очень низкие цены на сельскохозяйственную продукцию. За 10 килограммов зерна, за килограмм мяса и жиров белорусский крестьянин получал на фашистском торгово-заготовительном пункте буквально граммы соли. «Немцы дразнились солью,— вспоминает колхозник дер. Владимировка Кличевского района Н. П. Кривошей.— За сданную шкуру или льноволокно давали горсточку соли»¹.

Такие трудности приводили к тому, что крестьяне вынуждены были искать какие-то заменители столовой соли. В пищу стали широко применяться минеральные (калийные) удобрения. Такие калийные удобрения, как сильвинит, калийная соль, хлористый калий, крестьяне находили на складах в колхозах, совхозах, на железнодорожных станциях, куда они были завезены в большом количестве еще до войны.

Необходимо отметить, что широкие масштабы употребления в пищу минеральных удобрений вызывали недовольство со стороны оккупантов. Их очень беспокоило, что такой вид сопротивления белорусского крестьянства экономической политике иноземных поработителей подрывает монополию на соль, установленную фашистскими главарями, и ведет к сокращению дохода Германии в «Остланде». Поэтому гитлеровские оккупационные власти выступали даже в своих газетах с призывом к населению Белоруссии не употреблять в пищу минеральные удобрения, а покупать соль. Недостаток соли стал буквально бичом для населения.

Ограбленное и разоренное крестьянство Белоруссии очень часто лишено было нормальных условий для приготовления пищи даже из тех продуктов, которые удавалось сохранить от фашистских грабителей. Пожары, перемещения погорельцев и беженцев в другие населенные пункты, скученность людей, живущих несколькими семьями в одном доме, проживание

¹ АИИЭФ, ф. 6, оп. 5, ед. хр. 22, л. 48.

в холодных постройках и землянках — все это очень отрицательно сказывалось на питании.

В результате фашистских карательных экспедиций и блокад белорусские крестьяне нередко вообще лишались каких бы то ни было запасов зерна и оставались без хлеба. Во многих случаях они вынуждены были, как и в дореволюционные годы, добавлять в муку при выпечке хлеба самые различные примеси. В ржаную муку подмешивали не только картофель, но и картофельную кожуру, а также мякину. В качестве примесей употреблялись дикие растения, головки клевера, липовый цвет, желуди, вереск, трава, древесная кора и даже болотный мох. Все это высушивали, перемалывали и подсыпали в ржаную муку. Корреспондент газеты «Известия», который побывал в Белорусском Полесье в тылу врага осенью 1943 г., писал: «Мякина, желуди, головки клевера, кожуру от картофеля — вот что составляет сейчас хлеб белорусского крестьянина»¹.

Положение многократно ухудшилось во время вынужденного пребывания населения в лесах. Там еще труднее было обеспечить себя продуктами, еще сложнее было приготовить пищу или испечь хлеб. Нередко не хватало воды.

Из-за недостатка посуды пищу иногда варили в немецких касках или гильзах от снарядов.

В лесных условиях белорусские крестьяне вынуждены были широко употреблять в пищу различные дикие лесные растения. Тяжелые условия фашистской оккупации вынуждали крестьян питаться и такими растениями, которые население Белоруссии в прошлом употребляло в пищу только во времена сильных голодовок.

«Дети лазали по деревьям, — рассказывает И. А. Агипович, — и собирали яйца всех без разбора птиц. Эти яйца пекли и варили. Мяса не было. В суп клали молодых птенцов... Употребляли конину. Резали лошадей, которые собирались уже подыхать»². Об употреблении конины и вороньего мяса рассказывают многие колхозники, вспоминая о тяжелых временах своей лесной жизни.

¹ «Известия», 3 октября 1943 г.

² АИИЭФ, ф. 6, оп. 5, ед. хр. 15, л. 38.

Но ни с чем не сравнимыми, невиданными по своим трудностям становились условия питания лесных жителей во время немецко-фашистских блокад, прочесов и обстрелов. Тогда уничтожались даже те скудные запасы, которые еще имели у себя жители лесных лагерей. «С нами из еды было только килограммов 10 сухарей и килограммов 5 толокна,— вспоминает колхозница дер. Малые Асётки Россонского района Витебской области М. Г. Фенченко.— Остановимся, размочим сухарь в снегу, погрызем его и идем дальше. По нашим следам шли немцы, но подоспевшая метель заметала наши следы»¹.

«В блокаду ели все несоленое»,— вспоминает колхозница дер. Старосек того же сельсовета А. С. Статкевич. Семья колхозника этой же деревни А. М. Сулим 6 суток пряталась в болоте. Тогда ничего не варили, и взрослые несколько дней совсем не ели.

В блокаду белорусские крестьяне вынуждены были употреблять в пищу даже мясо павших животных. «Вкусной казалась и дохлая конина»,— говорит, вспоминая о тех тяжелых временах, колхозница дер. Заболотье Октябрьского района Н. Н. Ахремчик. «Дети ели ежей и мясо подошедших коней»,— рассказывает колхозница дер. Усохи Кличевского района Е. С. Казеко. Жуткую картину питания голодных людей рисует колхозница дер. Усакино этого же района М. О. Порсик. «Первая блокада тянулась 9 суток,— рассказывает она.— На девятые сутки мы нашли шкуру теленка. По ней уже ползали черви. Мы ее опалили, сварили и съели».

Нередко крестьяне страдали в таких условиях и от жажды, если они в это время укрывались не в болоте, а в лесу. «Когда кончилась блокада,— вспоминает колхозник дер. Усакино Кличевского района Ф. И. Бандарчик,— то первое, что попросили дети — пить! Когда женщины принесли из реки воды, то во рту так пересохло, что вода в горло не шла, а выливалась через нос. Дети плачут, а попить не могут. И только через некоторое время понемножку промочили во рту да и напились»².

¹ АИИЭФ, ф. 6, оп. 5, ед. хр. 8, л. 23.

² АИИЭФ, ф. 6, оп. 5, ед. хр. 13, л. 5—6.

* * *

Таким образом, даже те жители Белоруссии, которые не были угнаны на каторгу в Германию или не попали в концентрационные лагеря, испытывали не только разного рода социальный и политический гнет, но и переносили самые различные ограничения, оскорбления, невиданные трудности и лишения во всех сферах своей домашней жизни и быта. Для трудящегося Белоруссии, в том числе и для крестьянина, находящегося в сфере действия фашистских гарнизонов, оккупационных властей и германских войск, его собственная деревня оказывалась своего рода концентрационным лагерем, а на домашний быт распространялся социальный и духовный гнет немецко-фашистских крепостников и рабовладельцев.

Широкие народные массы глубоко понимали, что только полное освобождение советской земли от немецко-фашистских поработителей избавит население от гнета и в области быта. Руководимые чувством патриотического долга перед Родиной, крестьяне массами шли в партизанские отряды и под руководством коммунистов самоотверженно боролись за освобождение страны от фашистского рабства.

ОГРАБЛЕНИЕ И РАЗОРЕНЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ЛИТОВСКОЙ ССР В ПЕРИОД ГИТЛЕРОВСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941—1944 гг.)

Гитлеровские захватчики, осуществляя свои заранее тщательно подготовленные планы, намечали захватить прибалтийские советские республики, превратить их в составную часть своей третьей империи, ликвидировать государственную самостоятельность и национальную культуру, захватить и использовать в своих интересах национальные богатства этих республик. Имелось в виду основную часть местного населения уничтожить или выселить, а остальных, соответствовавших требованиям расовой «теории», — онемечить и превратить в бесправных батраков и рабочих немецких колонистов — помещиков и капиталистов.

Захватив Литовскую ССР, гитлеровские оккупанты начали претворять в жизнь указанные планы, создавать в республике свой «новый порядок».

Прежде всего, они превратили Советскую Литву в «Литовскую генеральную область», входившую в состав «Восточного края».

Осуществляя свою грабительскую экономическую политику, гитлеровские оккупанты захватили и превратили в собственность Германии основные средства производства, подчинили своим интересам экономику республики и на протяжении трех с половиной лет безжалостно эксплуатировали ее материальные и людские ресурсы, уничтожали производительные силы.

Гитлеровцы захватили и использовали для своих нужд все государственные предприятия промышленно-сти, сельского хозяйства, торговли, средства транспорта и связи, радио, кинотеатры, жилые дома и т. д. Они захватили также предприятия и другое имущество, оставшиеся без хозяев, т. е. владельцы которых эвакуировались в глубь Советского Союза, укрывались, ушли в партизанские отряды или были уничтожены фашистами.

Конфискованное имущество было передано специально созданным в «Остланде» немецким монопольным обществам, которые его использовали исключительно для нужд захватнической войны и других интересов рейха. Так, предприятия текстильной и бумажной промышленности были переданы «Обществу волокна Восточного края с ограниченной ответственностью», предприятия пищевой промышленности — «Центральному обществу Востока по торговле сельскохозяйственными продуктами и средствами производства с ограниченной ответственностью».

Все остальные предприятия промышленности (как и других отраслей народного хозяйства Литвы) также были вынуждены выполнять разные военные заказы или отдавать оккупантам основную часть производимой ими продукции.

Особенно большой ущерб промышленности Литовской ССР нанесли гитлеровские захватчики в последние месяцы своего господства в республике, когда они из всех сил грабили промышленное оборудование, продукцию, поджигали и взрывали промышленные предприятия.

За годы своего господства во временно оккупированной Советской Литве гитлеровцы вывезли в Германию или уничтожили более 10 тыс. единиц промышленного оборудования, сотни тысяч тонн сырья, материалов и готовой продукции, уничтожили более $\frac{2}{3}$ производственных мощностей промышленности республики.

Претворяя в жизнь свою колонизаторскую политику, только до осени 1942 г., по неполным данным, гитлеровцы переселили из Германии в Литву 16,3 тыс. семей немецких колонистов, не считая многочисленных владельцев различного рода городских и сельских промышленных и торговых предприятий. Оккупанты кон-

фисковали и передали «Обществу по ведению сельского хозяйства Восточного края с ограниченной ответственностью» или частным немецким колонистам все государственные и оставшиеся без хозяев сельскохозяйственные предприятия. Таким образом, немецкие колонисты захватили в свои руки почти 200 тыс. гектаров земли¹.

Стремясь выжать из сельского хозяйства Литвы как можно больше продукции, гитлеровские оккупанты обложили крестьян непосильными принудительными поставками сельскохозяйственных продуктов. Например, в 1942/43 хозяйственном году объем принудительных поставок ржи и пшеницы был установлен в размере 245 тыс. тонн, что составляло около половины их валовой продукции 1942 г., объем поставок молока — 454 тыс. тонн 3,5-процентной жирности, т. е. около $\frac{2}{3}$ валовой продукции за этот год, и т. д.²

Гитлеровские захватчики разными методами заставляли крестьян выполнять сельскохозяйственные поставки. Против крестьян, не выполнивших этих поставок, они широко применяли различные меры наказания: денежные штрафы, конфискацию имущества, изгнание крестьян из своих хозяйств, аресты, высылки в концентрационные лагеря и даже расстрелы. Одним из самых распространенных карательных мероприятий, направленных против крестьян, не выполнивших гитлеровских поставок, была конфискация имущества. Она проводилась специальными комиссиями при помощи полиции и отрядов гитлеровских войск. Такой способ ограбления крестьян быстрыми темпами разорял сельское хозяйство, особенно животноводство Литвы.

Установленные грабительские нормы поставок считались только «минимальными», и оккупанты требовали от крестьян отдавать всю производимую в их хозяйствах продукцию, за исключением семян и питания семьи.

Кроме того, крестьяне еще должны были уплачивать налоги (поземельный, подушный и др.), выполнять разные трудовые повинности — заготавливать и вывозить лес, ремонтировать дороги, мосты и т. д.

¹ «Tiesa», 23. X. 1944.

² Центральный государственный архив Литовской ССР, ф. 1399, оп. 1, д. 62, л. 37.

Основная тяжесть принудительных поставок сельскохозяйственных продуктов, разных налогов и трудовых повинностей была возложена на мелкие и средние крестьянские хозяйства.

За годы оккупации Литвы гитлеровцы вывезли в Германию или уничтожили 1899,8 тыс. голов разного скота, в том числе 223,6 тыс. лошадей, 396,4 тыс. коров, 231,4 тыс. голов молодняка крупного рогатого скота, 776,4 тыс. свиней, 276,5 тыс. овец и коз. Кроме того, они вывезли или уничтожили 480 тракторов, 98,4 тыс. сельскохозяйственных машин и других орудий производства, сотни тысяч тонн зерна, молока и других сельскохозяйственных продуктов¹. В результате осуществления такой грабительской политики посевная площадь в республике в период гитлеровской оккупации сократилась примерно на 20 процентов, урожайность растениеводческих культур упала в среднем на 22 процента, валовая продукция растениеводства — на 40, поголовье лошадей — на 43, поголовье скота — на 54, свиней — на 64, овец — на 47 процентов и т. д.

Гитлеровские оккупанты хищнически уничтожали леса республики. Они захватили и использовали для своих нужд более 1 млн. кубометров леса, заготовленного при Советской власти в 1940—1941 гг. Кроме того, ежегодно они вырубали до 3,5 млн. кубометров самого лучшего и наиболее доступного для вывоза леса, что значительно превышало его естественный прирост. За время своего господства в Литве гитлеровцы вырубili около 10 млн. кубометров леса.

Оккупанты захватили и использовали почти исключительно для своих нужд железнодорожный транспорт и все другие средства транспорта, почти полностью запретили гражданское строительство, подчинили своим интересам торговлю республики, ликвидировали бывшие кредитные учреждения и создали филиалы немецких банковских обществ, преобразовали на свой лад финансовую систему республики и т. д.

Особенно важным орудием ограбления народного хозяйства и населения Литовской ССР в период гитле-

¹ Архив Государственного историко-революционного музея Литовской ССР, док. 976, л. 6—9.

ровской оккупации являлся выпуск ничем не обеспеченных денежных знаков оккупантов — рейхсмарок и установление их грабительского курса: 1 рейхсмарка = 10 рублям. Это мероприятие дало возможность гитлеровцам фактически почти даром захватить основную часть продукции народного хозяйства республики.

В результате такой грабительской экономической политики гитлеровских оккупантов материальное и культурное положение трудящихся Советской Литвы в годы оккупации было крайне тяжелым.

Рабочая неделя на предприятиях в период гитлеровской оккупации была равна в среднем 54 часам. В большинстве предприятий применялся тяжелый физический труд, не было необходимой охраны труда, спецодежды и т. д. В то же время заработная плата рабочих и служащих была низкой. Например, в 1942 г. среднемесячная номинальная заработная плата рабочих-мужчин составила 82 рейхсмарки, рабочих-женщин — 54 рейхсмарки, а в среднем всех рабочих — 73 рейхсмарки. В крупнейших отраслях промышленности Литвы — в пищевой и текстильно-трикотажной, — в которых была занята почти половина всех промышленных рабочих, среднемесячная зарплата рабочих в том же году составила около 50 рейхсмарок¹.

Реальная заработная плата рабочих и мелких служащих была еще меньшей. Главными причинами этого явились низкая номинальная заработная плата, разные налоги и платежи, а главное, то обстоятельство, что трудящиеся по официально установленным ценам могли приобрести только незначительную часть необходимых для жизни продуктов питания и промышленных товаров народного потребления.

Для удовлетворения самых насущных потребностей человека в годы оккупации требовалось израсходовать в среднем около 400 рейхсмарок в месяц.

Обеспечение трудящихся предметами потребления в период немецко-фашистской оккупации было крайне скудным. Приобрести промышленные товары, особенно более ценные (как костюм, пальто, кожаная обувь и т. д.), трудящиеся республики практически не имели

¹ «Statistische Berichte für das Ostland», N 1/4. Riga, 1943, S. 24.

возможности, так как таких товаров в продаже было очень мало, а главное, для их покупки требовалось иметь большое количество так называемых «пунктов» (т. е. своеобразное разрешение на покупку определенных товаров) или ордера, которых они почти совсем не получали.

Не лучше обстояло дело и с обеспечением городского гражданского населения продуктами питания. Установленные по карточкам нормы продовольственных продуктов были очень низки. Однако городские трудящиеся почти никогда и этих норм полностью не получали. Из нормируемых продуктов питания население могло получить около $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ необходимого для жизни и поддержания трудоспособности количества калорий. Ненормируемыми продуктами — рыбой, овощами, фруктами и др. — покрыть недостающее количество калорий было также невозможно, поскольку, во-первых, этих продуктов в продаже по официальным ценам было очень мало, а во-вторых, их цены на черном рынке для трудящихся были недоступными.

Выделявшиеся местному населению предметы потребления, особенно продукты питания, были низкого качества.

Значительное влияние на скудное обеспечение местного населения оказал также наплыв немецких колонистов. Колонисты обеспечивались разными промышленными товарами, им выдавались воинские продовольственные карточки («W»), по которым они всегда получали все продукты по значительно повышенным нормам и лучшего качества. В городах и поселках, где не было специально для оккупантов предназначенных магазинов (т. е. магазинов «только для немцев»), оккупанты обеспечивались из фондов, выделенных для местного гражданского населения.

Скудное обеспечение самыми необходимыми жизненными средствами, низкая заработная плата, а также высокие рыночные цены заставляли городское население, в первую очередь рабочих и мелких служащих, обменивать в деревнях или на черном рынке на продукты питания свою последнюю, ранее приобретенную мебель, одежду и другие вещи. Это признавали даже местные власти. Так, уже упомянутый отдел питания и хозяйства «самоуправления» г. Вильнюса по этому

поводу в начале 1943 г. писал: «Эти цены (т. е. спекулятивные.— *Авт.*) так высоки, что средний житель вынужден продавать свою мебель, одежду и т. д. Запасы мебели в некоторых бедняцких слоях так исчерпаны, что им голод смотрит в глаза... Здоровье и трудоспособность населения все больше ставятся под угрозу»¹.

Тяжела также была участь и крестьян Литвы. Они различными способами эксплуатировались и угнетались гитлеровскими оккупантами и местными кулаками.

Особенно в тяжелом положении в период гитлеровской оккупации находились безземельные, малоземельные крестьяне и батраки. Оккупанты, отняв у них землю, полученную в годы Советской власти, превратили их в рабов немецких колонистов или крупных местных землепользователей. Работая от зари до зари, они получали мизерную оплату труда, на которую нужно было содержать и свои семьи.

В годы гитлеровской оккупации медицинское обслуживание и просвещение были очень ограничены и дороги. В больницах не хватало мест, не было в нужном количестве даже самых необходимых лекарств и других медицинских принадлежностей. За одни сутки пребывания в больнице нужно было платить 3,5 рейхсмарки и больше. В I—IV классах средних и семилетних школ плата за учебу составила 60 рейхсмарок, в V—VIII классах — 80, а в высших учебных заведениях — 100 рейхсмарок в год. Кроме того, учащиеся и их родители должны были своими силами обеспечивать школы топливом. В 1943 г. гитлеровцы закрыли все высшие учебные заведения. Многие другие школы также были закрыты или перемещены в другие, для учебы негодные помещения и очень перегружены, а все лучшие помещения школ гитлеровцы использовали для своих нужд.

В результате крайне тяжелых материальных условий жизни, плохого и дорогого медицинского обслуживания, распространения заразных болезней и других причин смертность населения (не считая организованного истребления), особенно детей, была высокой.

¹ Центральный государственный архив Литовской ССР, ф. 614, оп. 1, д. 343, л. 501.

Этого не могла скрыть даже официальная печать. Например, центральная газета «самоуправления» «Литовской генеральной области» «Атейтис» писала: «Смертность в нашем краю увеличивают не только различные болезни. При ухудшившихся условиях питания организм человека становится менее устойчивым к любой болезни».

Наконец, гитлеровские захватчики, особенно в последние месяцы своего господства в Советской Литве, откровенно грабили или уничтожали имущество советских людей.

Материальный ущерб, причиненный гитлеровцами населению республики в период оккупации, составил 11,3 млрд. рублей.

Однако, несмотря на все стремления оккупантов, трудящиеся Литовской ССР не стали послушными рабами. Под руководством Коммунистической партии они активно боролись против своих угнетателей — гитлеровских оккупантов и их местных сообщников. Рабочие и служащие в массовом порядке не выходили на работу, снижали производительность труда, портили оборудование, покидали свои предприятия. Трудящиеся крестьяне саботировали гитлеровские поставки сельскохозяйственных продуктов, трудовые повинности, прятали от оккупантов зерно, скот и другое имущество, обеспечивали продуктами питания советских партизан и т. д.

Трудящиеся Советской Литвы с оружием в руках боролись против гитлеровских захватчиков и их сообщников в многочисленных партизанских отрядах, в рядах Советской Армии, в глубоком подполье.

Самоотверженная борьба трудящихся Литовской ССР против оккупантов и их местных пособников в значительной мере содействовала быстрейшему разгрому гитлеровской Германии и освобождению Литовской ССР.

Часть III

ФАШИСТСКИЙ ТЕРРОР

НАЦИСТСКИЙ ТЕРРОР И БЕЗЗАКОНИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР¹

1. Общие вопросы нацистского террора

Основной целью войны фашистской Германии против СССР была ликвидация Советского Союза и его колонизация, превращение в сырьевой придаток Германии. Гитлеровское правительство отлично понимало, что в своем стремлении добиться этих целей оно столкнется с яростным сопротивлением советского народа. Именно поэтому еще до нападения на Советский Союз гитлеровская клика, делавшая ставку на массовый террор как орудие подавления сопротивления народов СССР, в деталях разработала все меры по осуществлению этого террора. Одним из важнейших орудий для достижения этих преступных целей являлось массовое физическое уничтожение советского населения на оккупированной территории СССР.

В ходе осуществления немецкой оккупационной политики, как это установлено многочисленными документами самих гитлеровцев и материалами Нюрнбергского процесса, нашли свое отражение наиболее характерные черты нарушений общепризнанных норм

¹ Первый раздел доклада разработал член-корреспондент АН СССР П. С. Ромашкин, второй раздел — кандидат исторических наук А. И. Ганусец при участии кандидата юридических наук И. М. Разнотовского, третий раздел — кандидат исторических наук В. Ф. Романовский.

международного права со стороны нацистской Германии.

В архивах Розенберга был обнаружен и затем предъявлен на Нюрнбергском процессе совершенно секретный меморандум о целях войны Германии против СССР. «На Востоке Германия ведет войну за осуществление трех целей: войну за уничтожение большевизма, войну за уничтожение великорусской империи и, наконец, войну за приобретение колониальных территорий для целей колонизации и экономической эксплуатации...»¹

Преступные грабительские цели войны исключали соблюдение норм международного права.

Гитлеровский министр по делам восточных оккупированных территорий Альфред Розенберг нашел очень простое «основание», чтобы освободить себя от обязательств, накладываемых международным правом. Он писал в одной из своих директив:

«...Принцип Гаагской конвенции, вытекающий из законов сухопутной войны, который касается управления страной, оккупированной иностранными войсками, неприменим, поскольку СССР должен рассматриваться как несуществующая страна, и поэтому империя должна взять на себя все правительственные и прочие государственные функции... Поэтому допускаются мероприятия, которые германская администрация считает необходимыми и подходящими для выполнения этой большой задачи»².

И эти мероприятия были разработаны.

Наиболее важные директивы, относящиеся к оккупационной политике на советской территории, были сформулированы и разработаны еще до нападения на Советский Союз, одновременно с разработкой военно-стратегического плана нападения на СССР.

По любым вопросам, связанным с ведением войны, имелись приказы, инструкции, распоряжения гитлеровского правительства или фашистского командования, которые предписывали совершение чудовищных преступлений.

Необходимо отметить и то немаловажное обстоятельство, что гитлеровцы за совершенные ими во время

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 441.

² Там же, стр. 440.

войны чудовищные преступления не только не привлекались германским командованием к ответственности, но, более того, фашистское командование, которое требовало во исполнение своих директив совершения этих преступлений, прямо устанавливало их безнаказанность.

Гитлеровское правительство Германии не считалось в войне против СССР ни с какими нормами международного права, ни с какими требованиями человеческой морали.

В международном праве издавна установлено правило, что мирное население, не участвующее в войне, должно пользоваться неприкосновенностью. Война с точки зрения международного права представляет собой столкновение государств — борьбу, ведущуюся вооруженными силами этих государств. В ходе этой борьбы мирное население не должно подвергаться насилию. Требование о неприкосновенности в войне мирного населения содержалось уже в Брюссельском проекте конвенции о законах и обычаях войны, затем оно было зафиксировано последовательно в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг., подписанных и ратифицированных значительным числом государств.

Ст. 46 Гаагской конвенции 1907 г. гласит: «Честь и права семейные, жизнь отдельных лиц и частная собственность... должны быть уважаемы».

Ст. 25 подчеркивает, что «воспрещается атаковать или бомбардировать каким бы то ни было способом незащищенные города и селения, жилища и строения». И в других статьях Гаагских конвенций содержится ряд указаний на необходимость ограждать жизнь и права мирного населения.

Следует отметить, что Гаагские конвенции были подписаны и Германией, но в ходе войны ею же были втоптаны в грязь.

Гитлеровцы зверски истребляли мирное население оккупированных советских территорий путем кровавого насилия, пыток, казней и массовых убийств советских граждан независимо от их национальности, социального положения, пола и возраста.

Особо преступный характер гитлеровской оккупационной политики на временно оккупированных советских территориях находил свое объяснение в основной

установке, высказанной Гитлером и заключающейся в том, что война Германии против СССР — это не обычная война, а война идеологий.

Наиболее ярким документом, раскрывающим масштабы запланированных гитлеровцами преступлений против советского народа, является генеральный план «Ост», который предусматривал выселение 31 млн. человек с территории Польши и западной части Советского Союза с последующим поселением на освобожденных землях 20 млн. немцев.

Созданное в соответствии с указанием Гитлера имперское министерство по делам оккупированных восточных областей нашло установленное генеральным планом «Ост» количество подлежащих выселению жителей слишком заниженным. «Восточное министерство» предложило довести число выселяемых до 46—51 млн. человек.

Барварским апофеозом этого чудовищного документа являлись следующие слова, заключавшие раздел «К вопросу о будущем общении с русским населением»: «Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе. Этой цели мы можем добиться вышеуказанными путями...»

Хорошо известно, что «вышеуказанные пути» остались далеко не только на бумаге и что нашли они свое кровавое выражение в десятках концентрационных лагерей, учрежденных на временно оккупированных советских территориях, где систематически уничтожалось советское население, во рвах Бабьего яра, в сотнях «газвагонов» и других орудиях массового уничтожения людей.

Как отмечалось в речи советского обвинителя на Нюрнбергском процессе, в чудовищных злодеяниях гитлеровцев на временно оккупированных советских территориях была своя определенная преступная система. Были заранее тщательно разработаны единые приемы истребления населения: одно и то же устройство газовых камер, однотипность техники умерщвления людей. «...Места захоронения немецких жертв,— говорил советский обвинитель Л. Н. Смирнов,— вскрывались советскими судебными медиками на севере и

на юге страны, могилы были отделены одна от другой тысячами километров, и очевидно было, что эти злодеяния совершались различными физическими лицами. Но одинаковыми были приемы совершения преступлений. Одинаково локализовались ранения. Одинаково подготавливались маскируемые под противотанковые рвы или траншеи гигантские ямы-могилы»¹.

Одним из наиболее распространенных способов уничтожения советских людей являлось использование «газовогонов», т. е. специально оборудованных грузовых автомашин-фургонов, в которых загнанные люди отравлялись выхлопным газом.

На Нюрнбергском процессе были представлены показания жительницы Краснодара Е. Ф. Гажик, лично наблюдавшей картину насильственной посадки в такую машину советской женщины с пятилетним ребенком.

«В этот «автобус» гестаповцы силой вталкивали женщину в возрасте примерно около 30 лет. Женщина в машину не шла, сопротивлялась и все время рвалась к стоявшей сзади девочке 4—5 лет, которая кричала: «Мамочка, мамочка, я поеду с тобой». Не сумев осилить арестованную, гестаповец схватил девочку и смазал ей каким-то черным полужидким веществом губы и нос. Ребенок моментально упал в бессознательном состоянии и был брошен гестаповцами в кузов машины. Увидев все происшедшее, мать подняла истерический крик и бросилась на гестаповца. После нескольких секунд борьбы гестаповцу удалось обессиленную женщину втащить в машину»².

Такая судьба постигала многие десятки тысяч ни в чем не повинных советских людей.

О фактах зверского уничтожения советских людей нацистскими оккупантами показал на Нюрнбергском процессе свидетель Григорьев Я. Г., житель деревни Кузнецово Порховского района Псковской области, чудом уцелевший во время массовой экзекуции. «В памятный день 28 октября 1943 года,— говорил свидетель Григорьев Я. Г.,— немецкие солдаты неожиданно напали на нашу деревню и стали творить расправу с мирными жителями, расстреливать, загоняя в дома».

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 205.

² «Нюрнбергский процесс», т. 4, стр. 606—607.

Далее Григорьев рассказал, как согнали с этой целью к одному дому толпу жителей и поставили всю толпу к стенке, «в том числе и меня и моих двух сыновей, и начали из автоматов стрелять по нас»¹. Вот выдержка из допроса Григорьева в Нюрнберге:

«Смирнов (советский обвинитель): Сколько лет было самому старшему жителю деревни, уничтоженному немцами?

Григорьев: Сто восемь лет — старуха Артемьева Устинья.

Смирнов: Сколько лет было самому младшему, уничтоженному в деревне?

Григорьев: четыре месяца»².

А вот что показал свидетель Василевич И. А.:

«Во время немецкой оккупации города Станислава я работал каменщиком. В городе Станиславе я работал по ремонту сооружений. На огороде, недалеко от еврейского кладбища, это было в 1942—1943 годах, мне приходилось видеть, как немцы свозили на машинах, а также гнали пешком людей партиями по 300 и 1000 и даже больше человек... Я видел, как гнали детей, стариков и женщин целыми семьями. Всех этих граждан загоняли в отгороженный проволокой лагерь, который был организован на кладбище. Там, на кладбище, около 80 человек было использовано для рытья ям. После этого немцы раздевали людей догола, приказывали им бегать кругом ямы, сажали в яму и там их расстреливали из автоматов и винтовок. В последнее время расстреливали людей не раздетыми, а одетыми... Были случаи, что в ямы бросали детей и женщин и живыми зарывали их в землю... Немцы убивали на кладбище евреев, поляков, украинцев»³.

Концлагеря были завершающим звеном в цепи террора и репрессий, которые осуществлялись гитлеровцами. Именно сюда доставлялись согнанные с оккупированных советских территорий люди, и здесь заканчивался их жизненный путь. Вся временно оккупированная территория была усеяна концлагерями.

Узников концлагерей заставляли работать с такой интенсивностью и в таких нечеловеческих условиях,

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 4, стр. 619.

² Там же, стр. 620.

³ Там же, стр. 647—648.

что они в скором времени погибали. Такое отношение к заключенным концлагерей неоднократно санкционировалось гитлеровскими оккупантами. Сошлемся при этом на приказ начальника главного административно-хозяйственного управления СС Поля, изданный за № 1/24 от 30 апреля 1942 г. под названием «О руководстве концлагерями». Пункт 4 этого приказа гласит: «Комендант лагеря лично ответствен за использование рабочей силы. Это использование должно происходить в полном смысле слова до истощения всех сил, с тем чтобы была достигнута наивысшая производительность. Рабочий день не ограничен»¹.

На Нюрнбергском процессе были заслушаны показания свидетелей, советских граждан, которые являлись узниками концлагерей в районе Жлобина, местечка Озаричи, Холм и многих других. Во всех этих лагерях режим был рассчитан на массовое истребление советских людей. При этом следует отметить, что в концлагеря направлялись в основном старики, женщины и дети. Трудоспособное население направлялось на принудительный труд в Германию.

Нацистские оккупанты широко практиковали преднамеренное заражение сыпным тифом заключенных советских граждан. Такое заражение производилось по приказу немецкого командования в районах Жлобина, Бобруйска, Рогачева и в районе Полесской области. Для осуществления этого чудовищного плана германские власти помещали в концентрационных лагерях вместе здоровых и сыпнотифозных больных советских граждан. Для более быстрого распространения сыпного тифа в лагерях немцы практиковали перевод сыпнотифозных больных из одних лагерей в другие.

Концлагеря стали в руках нацистов орудием массового истребления советских людей. Сотни тысяч советских граждан под предлогом антинацистских настроений арестовывались на оккупированной территории и затем направлялись в концлагеря, где они уничтожались.

По всей оккупированной территории действовали так называемые зондеркоманды, которые осущест-

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 4, стр. 314—315.

вляли массовые расстрелы советских граждан. На Нюрнбергском процессе был допрошен в качестве свидетеля Отто Олендорф, один из видных эсэсовцев, занимавший перед пленением пост начальника III управления в Главном имперском управлении безопасности. Он широко раскрыл перед судом картину методически осуществлявшегося массового истребления советских людей на временно оккупированных территориях СССР. Прежде всего его показаниями было установлено, что между ОКВ и РСХА было заключено соглашение о совместных мерах по осуществлению деятельности оперативных групп СД, имевших своей целью массовое уничтожение советских людей. Всего на временно оккупированной территории СССР, как показал Олендорф, действовало четыре оперативных группы — «А», «В», «С» и «Д». Олендорф возглавлял группу «Д», которая, как и другие группы, делилась на ряд зондеркоманд. Группа Олендорфа действовала на территории Южной Украины. Олендорф подробно рассказал, как зондеркоманды производили массовые расстрелы советских граждан. Показания Олендорфа разоблачили попытки защиты на Нюрнбергском процессе представлять дело таким образом, будто во всех зверствах повинны лишь СС и СД, а германский генералитет здесь ни при чем. Эта линия стала и в наши дни одной из самых назойливых линий пропаганды защитников германского милитаризма. Но как раз Олендорф рассказал и об уже упомянутом соглашении между германским командованием и СС, заключенном, кстати сказать, еще до нападения на СССР, и о том, какое деятельное участие принимал командующий 11-й армией фельдмаршал Манштейн в осуществлении плана массового уничтожения.

«В Симферополе,— показал Олендорф,— со стороны армии было дано распоряжение соответствующим оперативным командам, касающееся ускорения ликвидации мирных граждан...»

Олендорф признал, что с июня 1941 г. по июнь 1942 г. его оперативной группой было уничтожено примерно 90 тыс. человек.

Американский обвинитель Эймен, допрашивавший Олендорфа, спросил его: «Сюда входят мужчины, женщины и дети?» — «Да»,— ответил Олендорф.

Олендорф сообщил, что «цифры, которые мне известны в отношении деятельности других оперативных групп, являются еще большими по сравнению с той цифрой, которую я указал»¹.

Следует отметить, что во время наступления на Москву гитлеровцы создали в Смоленске специальную зондеркоманду «Москва».

Наряду с массовыми расстрелами, производившимися зондеркомандами, массовым уничтожением в концлагерях еще одним орудием нацистской политики ослабления биологического потенциала советского народа являлась политика насильственного угона советских людей на каторжный труд.

И в первую мировую войну уже имели место случаи угона немцами населения оккупированных территорий для принудительного труда. Но гитлеровские оккупанты довели эту практику до таких масштабов, которые не были известны в истории войн, не говоря уже о том, что и цели угона населения существенно изменились.

Нарушая ст. 52 IV Гаагской конвенции, воспрещающую понуждать гражданское население принимать участие в военных действиях против своего отечества, гитлеровцы на оккупированных территориях заставляли гражданское население работать для военных нужд германской армии. Равным образом грубейшим нарушением международного права являлся и угон гитлеровцами гражданского населения в Германию и использование его на каторжных работах.

Упомянутая уже ст. 52 Гаагской конвенции указывает, что «реквизиция натурой и повинности могут быть требуемы от общин и жителей лишь для нужд занявшей область армии». Отсюда совершенно очевидно, что угон населения в другие страны грубо противоречит международному праву. Но гитлеровцы считались с этими нормами права не больше, чем и со всеми другими.

Программа рабского труда, созданная гитлеровскими законами, должна была преследовать две преступные цели. Первая состояла в том, чтобы удовлетворить потребности нацистской машины в рабочей

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 4, стр. 629—630.

силе, насильственно заставив миллионы иностранных рабочих в действительности вести войну против своих собственных стран и их союзников. Второй целью было стремление таким образом ослабить возможность сопротивления народов на оккупированной территории.

Об этих преступных целях гитлеровских захватчиков ярко свидетельствует программа использования рабочей силы, направленная Заукелем Розенбергу 20 апреля 1942 г., в которой указывается: «Целью этой новой гигантской мобилизации рабочей силы является использование всех богатейших и огромнейших источников, которые мы завоевали и приобрели борьбой наших вооруженных сил под командованием Адольфа Гитлера, для вооружения армий, а также в качестве продовольственной базы нашей страны. Сырье, плодородные земли на покоренных территориях и их ресурсы рабочей силы должны быть использованы полностью и самым добросовестным образом на благо Германии и ее союзников».

Однако — и это, пожалуй, не менее, а еще более важно — принудительный труд как на оккупированной территории, так и на гитлеровской каторге преследовал еще одну преступную цель — создание условий для вымирания людей.

«Мысль о том, чтобы истребить их путем непосильной работы,— это лучшая мысль»,— сказал Геббельс в беседе с министром юстиции гитлеровской Германии Тираком.

Таковы были варварские цели гитлеровской программы рабского труда. И эта чудовищная программа осуществлялась в огромных масштабах. При этом гитлеровцы, не считаясь ни с возрастом, ни с состоянием здоровья, насильственно уводили советских граждан в Германию или загоняли их в концентрационные лагеря и вводили для них режим каторжного труда, заставляя под угрозой пыток, расстрелов и голодной смерти бесплатно выполнять различные тяжелые работы, в том числе и работы военного характера.

В официальной радиопропаганде гитлеровцы заявляли, что на Украине будет поселено 25 млн. колонистов — немцев и родственных им народов, которые могут не бояться тягостей, ибо для тяжелой и черной работы будут применены украинцы.

Нагло попирая элементарные международные нормы, применяемые к гражданскому населению оккупированных территорий, Геринг дал указание о том, что «использование рабочих и обращение с ними должны быть на практике такими же, как и по отношению к русским военнопленным».

Для осуществления чудовищной программы порабощения был создан огромный аппарат во главе с главным уполномоченным по использованию рабочей силы Заукелем, которому было предоставлено право распоряжаться «всей наличной рабочей силой, включая рабочих, набранных за границей, и военнопленных».

Немецкие оккупанты отправили в рабство из Советского Союза 4 млн. 978 тыс. советских граждан¹.

Цинично нарушая правила ведения войны, гитлеровцы принуждали уводимое гражданское население, включая женщин и детей, обслуживать отступающие германские части, расчищать дороги, разгружать снаряды, вносить под огнем в блиндажи и окопы пищу и выполнять всевозможные работы по обслуживанию нужд фашистской армии.

Мирные жители, привезенные в Германию и обращенные там в рабство, использовались большей частью на предприятиях военной промышленности и на транспорте, а часть из них направлялась для работы в сельском хозяйстве или в качестве домашней прислуги.

Нацистские оккупанты в своем стремлении реализовать программу массового истребления советских людей широко использовали в качестве предлога борьбу с партизанами.

Партизанское движение явилось естественной борьбой советского народа за свою свободу и независимость против гитлеровских агрессоров. Международное право издавна рассматривает партизанское движение как законную форму самообороны народа против агрессии. Поэтому участники партизанского движения с точки зрения Гаагской конвенции рассматривались как законные комбатанты и в случае захвата имели право на статус военнопленных. Конвенция предусмат-

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 126.

ривала, что международные правила войны применяются не только к армии, но и к ополчению и добровольческим отрядам, если они удовлетворяют следующим условиям: а) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; б) имеют определенный и явно видимый издали отличительный знак; в) открыто носят оружие; г) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

Конвенция далее устанавливала, что население, которое при приближении неприятеля добровольно возьмется за оружие для борьбы с вторгшимися войсками и которое не имело времени организовать согласно ст. 1 упомянутой Гаагской конвенции 1907 г., будет признаваться в качестве воюющего, если будет открыто носить оружие и соблюдать законы и обычаи войны.

Гитлеровская Германия грубейшим образом нарушила и эти международно-правовые положения.

В течение всей войны гитлеровские захватчики самым зверским образом расправлялись с захваченными в плен партизанами. Не случайно, конечно, что во всех приказах, касавшихся борьбы с партизанским движением, гитлеровское командование именovalo партизанские отряды «бандами», а партизан «бандитами».

Но что не менее важно — так это то, что борьбу с партизанами гитлеровское командование рассматривало и как предлог для массового уничтожения гражданского населения. И эта цель, по существу, была четко сформулирована в гитлеровских приказах.

Уже в 1941 г. в приказе командующего 6-й германской армии генерала Рейхенау указывалось на необходимость самой варварской расправы с захватываемыми в плен партизанами. В приказе прямо говорилось, что мероприятия, указанные в нем, «распространяются также и на мужское население». Практически террор обрушился и на женщин, и на детей. Этот приказ в качестве образцового был разослан всем командующим армиями.

16 сентября 1941 г. ОКВ издало приказ, в котором в категорической форме потребовало мероприятия по борьбе с партизанами широко использовать и для уничтожения мирного советского населения. Поэтому приказ требовал незамедлительно принимать «наибо-

лее жестокие меры». «При этом,— как указывалось в нем,— следует иметь в виду, что человеческая жизнь в соответствующих странах в большинстве случаев не имеет никакой цены и что устрашающего действия можно добиться лишь с помощью исключительно жестоких мер». И приказ требовал: «Искуплением за жизнь каждого немецкого солдата в таких случаях должна служить в общем и целом смертная казнь 50—100 коммунистов»¹.

Опираясь на этот приказ, гитлеровские оккупанты обрушили массовые репрессии против мирного населения, уничтожая многие тысячи людей.

16 декабря 1942 г. ОКВ издало уже специальную директиву «О борьбе с бандами» (№ 1А 1388/42). Так гитлеровцы называли советских партизан. В этой директиве содержится призыв к самой жестокой расправе с советскими людьми. В ней, в частности, говорится:

«Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей...

Проявление любого вида мягкости является преступлением по отношению к германскому народу...»²

Во что выливались эти и многие другие директивы гитлеровского командования, можно установить по показаниям бывшего генерала войск СС Бах-Зелевского, которые он дал на Нюрнбергском процессе.

Бах-Зелевский являлся высшим руководителем СС и полиции на центральном направлении советско-германского фронта, и на него была возложена задача подавления партизанского движения. Он вынужден был сделать ряд весьма важных признаний, в частности, полностью подтверждающих тот факт, что германское командование использовало борьбу с партизанским движением (по его выражению, «борьбу с бандами») как орудие массового уничтожения мирного советского населения. Когда Бах-Зелевского спросили, существовали ли какие-нибудь приказы, которые разграничивали бы партизан от мирного населения, он ответил, что таких приказов не было... и даже не было сказано, кого следует считать партизаном. Говорилось: меня

¹ «Преступные цели — преступные средства», стр. 81—82.

² «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 469.

обстреливают из деревни, из местечка, из леса; значит, все, кто там находится,— партизаны.

Бах-Зелевский рассказал, что германское командование формировало специальные подразделения из уголовников. Когда его спросили о целях таких формирований, Бах-Зелевский ответил: «Я считаю, что здесь имеется очень тесная связь с речью Генриха Гиммлера в начале 1941 года в Везельсбурге, еще до начала похода на Россию. Гиммлер говорил тогда, что целью похода на Россию является истребление славянского населения до 30 миллионов человек и что в этой области следовало использовать именно такие неполноценные войска».

Бах-Зелевский признал, что высший приказ гласил, что «никакие меры против гражданского населения, проводимые в рамках борьбы против партизан, не могут повлечь за собой дисциплинарных взысканий и судебного преследования»¹.

Вот выдержка из его допроса, которая ставит все точки над «и».

«Покровский (советский обвинитель). Если я правильно понял ваш ответ на один из вопросов, заданных вам раньше моим коллегой, представителем американского обвинения, то вы сказали, что борьба с партизанским движением имела своей целью фактически истребить славянское и еврейское население?

Бах-Зелевский. Да...

Покровский. Подтверждаете ли вы, что вся практическая деятельность немецких властей, немецких воинских соединений в борьбе с партизанами была направлена на выполнение этой директивы сократить число славян на 30 миллионов человек?

Бах-Зелевский. Я считаю, что эти методы действительно привели бы к истреблению 30 миллионов, если бы их продолжали применять и если бы ситуация не изменилась в результате развития событий»².

Так, один из виднейших гитлеровских карателей вынужден был подтвердить, что так называемая «борьба с бандами» имела своей главной целью массовое уничтожение советского гражданского населения.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 357—360, 363.

² Там же, стр. 360, 361.

Одним из средств реализации гитлеровской установки на массовое уничтожение славянского населения является экономическая политика германских оккупантов. Голод стал орудием массового уничтожения советского гражданского населения.

Еще в ходе подготовки к нападению на СССР, в период создания плана «Барбаросса», Гитлер и его клика выработали детальный план ограбления Советского Союза. 29 апреля 1941 г. был создан экономический штаб особого назначения «Ольденбург», подчиненный Герингу. Одновременно предусматривалось создание ряда шупальцев этого грабительского органа в виде так называемых специальных хозяйственных инспекций и команд в Ленинграде, Мурманске, Риге, Минске, Москве, Туле, Горьком, Киеве, Баку и других промышленных центрах СССР.

Немецко-фашистские захватчики, руководствуясь заранее составленным планом разграбления Советского Союза, вывезли в Германию сельскохозяйственный инвентарь колхозов и совхозов, лишив тем самым сельское население оккупированных территорий возможности обрабатывать землю; они захватили там все продовольственные запасы колхозов и совхозов. Советские крестьяне в этих районах были превращены в сельскохозяйственных рабов, а земли, переданные им Советской властью в вечное пользование, были у них отобраны. Гитлеровский министр земледелия Дарре с циничной откровенностью заявил: «На всем восточном пространстве только немцы имеют право быть владельцами крупных поместий. Страна, заселенная чужой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных слуг и промышленных работников».

Стремление использовать искусственно создаваемый на оккупированных советских территориях голод как орудие умерщвления советского населения ярко раскрывается в «Директивах по экономической политике для организации экономики на Востоке», изданных 23 мая 1941 г. В «Директивах», в частности, указывалось: «Германия не заинтересована в поддержании производительных сил на этих (оккупированных.— Авт.) территориях... Население в этих районах, и в особенности городское население, обречено на серьезные страдания от голода... Многие десятки миллионов

людей в этом районе окажутся лишними и вынуждены будут или умереть, или выехать в Сибирь»¹. Таким образом, и экономическая политика нацистских властей на оккупированных советских территориях отражала стремление нацистов к массовому уничтожению советского гражданского населения.

Международное право издавна установило ряд гарантий для военнопленных. IV Гагская конвенция 1907 г. установила, что с военнопленными надлежит обращаться человеколюбиво, что они находятся во власти неприятельского государства и что это государство отвечает за соблюдение всех правовых гарантий для них.

Как уже указывалось, Германия подписала и ратифицировала Гагскую конвенцию, но на практике не было ни одного существенного положения конвенции, которое не было преступным образом нарушено гитлеровцами.

Верховным военным командованием гитлеровской Германии неоднократно издавались приказы, которыми прямо предписывались массовые убийства советских военнопленных.

Как отмечается в приговоре Международного военного трибунала, «Обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью. Смерть многих из них являлась результатом не только действий отдельных членов охраны или условий жизни в лагерях, доходивших до крайностей. Она являлась результатом систематического плана совершения убийств».

На Нюрнбергском процессе были оглашены показания гитлеровского генерала Курта фон Эстеррейха, бывшего начальника отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа. Он показал, что еще до нападения на СССР, в марте 1941 г., в германской ставке состоялось совещание, посвященное вопросу о порядке обращения с советскими военнопленными. Уже там были намечены многие линии преступного обращения с военнопленными, в частности было предписано безжалостно расстреливать их при малейшей попытке к бегству.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 435.

В мае 1941 г. главным командованием сухопутных войск Германии была разработана директива об обращении с захваченными в плен советскими политическими работниками. Эта директива устанавливала, что «политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются».

Вряд ли есть необходимость доказывать явную преступность этого приказа, поправшего самые элементарные нормы международного права.

С первых же дней в лагерях для советских военнопленных были созданы самые ужасные условия, которые преследовали только одну цель — медленное их вымирание.

«...Заключенные ютятся на такой ограниченной территории, что едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные надобности там, где стоят...

...Военнопленным, проблема питания которых с трудом разрешима, живущим по 6—7 дней без пищи, известно только одно стремление, вызванное зверским голодом, — достать что-либо съедобное.

...Единственно доступным средством недостаточной охраны, день и ночь стоящей на посту, является огнестрельное оружие, которое она беспощадно применяет»¹.

Эта выдержка из отчета гитлеровского чиновника Дорша Альфреду Розенбергу от 10 июля 1941 г. «О лагере для военнопленных в Минске» достаточно ярко раскрывает с первых дней оккупации сущность преступного режима для советских военнопленных.

8 сентября 1941 г. гитлеровское командование издает «Распоряжение об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных». В основе этого и многих других последовавших за ним распоряжений лежало то, что говорил нацистский генерал Рейнеке, на которого Гитлер возложил ответственность за реализацию всей программы массового уничтожения советских военнопленных: «Красноармеец не рассматривается как солдат в обычном смысле слова, как это понимается в отношении наших западных противников. Красноармеец должен рассматриваться как

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 98.

идеологический враг, т. е. как смертельный враг национал-социализма, и поэтому должен подвергаться соответствующему обращению»¹.

Исходя из этой человеконенавистнической концепции в упомянутом распоряжении от 8 сентября 1941 г. было также записано: «...большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением». А затем распоряжение содержит указание и на необходимость самого варварского обращения с советскими военнопленными: «Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия (штык, приклад и огнестрельное оружие)... В отношении советских военнопленных, даже из дисциплинарных соображений, следует резко прибегать к оружию. Подлежит наказанию всякий, кто для понуждения к выполнению данного приказа не применяет или недостаточно энергично применяет оружие»².

Руководствуясь этим приказом, гитлеровцы совершали в отношении советских военнопленных неслыханные, зверские преступления, которые были одним из орудий реализации общего плана массового уничтожения советского населения.

Допрошенный на Нюрнбергском процессе гитлеровский генерал Лахузен раскрыл картину массовых расстрелов советских военнопленных, которые осуществлялись эйнзатцкомандами СД. Он показал:

«Отбор военнопленных производили специально назначенные для этого особые команды СД, причем по совершенно своеобразному и произвольному принципу. Некоторые руководители этих эйнзатцкоманд придерживались расового принципа, то есть если практически какой-либо из военнопленных не имел определенных расовых признаков или безусловно был евреем или еврейским типом или если он являлся представителем какой-то низшей расы, над ним производилась экзекуция. Иные руководители этих эйнзатцкоманд производили отбор по принципу интеллекта... Другие руководители таких эйнзатцкоманд тоже

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 114.

² Там же, стр. 106.

имели свои принципы отбора. Обычно это были очень своеобразные принципы. Поэтому я счел необходимым спросить Мюллера (начальника управления из РСХА.— *Авт.*): Скажите, по каким собственно признакам должен происходить этот отбор, что тут принимается во внимание: размер ботинок или рост военнопленного?»¹

Так нацисты осуществляли свой преступный план массового уничтожения советских военнопленных.

Быстрее всего решалась судьба тех военнопленных, которые были ранены или вследствие истощения были непригодны к работе.

Гитлеровский генерал Курт фон Эстеррейх рассказывал о том, что в конце 1941 г. или в начале 1942 г. он был вызван в Берлин на совещание, которым руководил генерал Гревенитц. Эстеррейх показал:

«По предложению Гревенитца по этому вопросу (о судьбе раненых и истощенных советских военнопленных.— *Авт.*) высказалось несколько присутствовавших офицеров, в том числе врачи, которые заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте — в лагере или в лазарете и умерщвлять при помощи яда.

В результате обсуждения Гревенитц отдал нам приказание нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей»².

Гитлеровцы широко использовали в качестве средства истребления советских военнопленных искусственное заражение их тяжелыми инфекционными болезнями. Страшным примером этого является «гросс-лазарет Славута», превращенный в комбинат смерти советских военнопленных.

Не ограничиваясь причинением советским военнопленным физических страданий, гитлеровцы проводили целый ряд мероприятий, которые должны были унижить человеческое достоинство советских военнопленных. Среди таких мероприятий следует указать прежде всего на чудовищное и издевательское клеймение советских военнопленных. Из захваченных во

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 117.

² Там же, стр. 128.

время войны гитлеровских документов видно, что клеймение советских военнопленных проводилось на основании специального приказа германского верховного командования вооруженных сил от 20 июля 1942 г. Клеймению на основании данного приказа подлежали все — как вновь плененные советские военнослужащие, так и все остальные военнопленные, взятые до издания этого приказа. Приказ заканчивался требованием доложить о выполнении его к 15 октября 1942 г.

Международное право считает, что единственная задача в отношении военнопленных заключается в том, чтобы воспрепятствовать им принимать дальнейшее участие в военных действиях. Отсюда следует, что лишение военнопленного свободы должно носить предупредительный, а не карательный характер. Отсюда следует также, что военнопленный, как патриот своей родины, имеет право стремиться к возвращению в свою армию. Командование же армии, в руках которого находятся военнопленные, вправе удерживать их, а в отношении военнопленных, пытающихся бежать, может применять меры дисциплинарного воздействия. Однако международное право, в частности ст. 8 Приложения к IV Гаагской конвенции 1907 г., предусматривает, что военнопленные, удачно совершившие побег и вновь взятые в плен, не подлежат никакому взысканию за свой прежний побег. Командование армии в этом случае может подвергнуть военнопленного более строгой форме охраны. Таким образом, уголовная ответственность за попытку побега исключается.

Гитлеровское военное командование грубейшим образом нарушило эти общепризнанные нормы международного права. Нацистские оккупанты установили тяжелую уголовную ответственность за побег и попытку к побегу военнопленного. В этих целях был издан приказ под кодовым наименованием «Кугель» («Пуля»), который предусматривал, что военнопленные, пойманные при попытке к бегству, должны заковываться в кандалы и направляться в лагерь Маутхаузен и там подвергаться действию приказа «Кугель», т. е. смертной казни.

Гитлеровское командование применяло и другие методы убийства советских военнопленных, среди ко-

торых значительное место занимало использование их на каторжных работах, на очистке минных полей и т. п.

В заключение следовало бы привести выдержку из письма Альфреда Розенберга Кейтелю от 28 февраля 1942 г.: «Участь советских военнопленных в Германии является величайшей трагедией... Большая часть из них умерла с голоду или погибла в результате суровых климатических условий. Тысячи также умерли от сыпного тифа.

Начальники лагерей запретили гражданскому населению передавать заключенным пищу, они предпочитают обрекать их на голодную смерть.

Во многих случаях, когда военнопленные не могли больше идти от голода и истощения, их расстреливали на глазах охваченного ужасом населения, а тела их не убирали»¹.

Вряд ли эти признания гитлеровского министра по делам восточных оккупированных территорий нуждаются в комментариях.

Анализ приказов и всей практики обращения нацистов с советскими военнопленными показывает, что этот вопрос с самого начала был частью общей политики нацистов в отношении советского народа. Поставив перед собой цель уничтожить десятки миллионов славян, гитлеровцы в этом плане осуществляли все меры в отношении советских военнопленных. Именно поэтому общие контуры чудовищного плана уничтожения советских военнопленных были намечены еще до начала войны, как, впрочем, и сам план уничтожения десятков миллионов славян.

* *
*

Такова далеко не полная картина преступной оккупационной политики нацистской Германии. Для того чтобы сделать ее еще более полной, следовало бы более подробно остановиться на организации управления оккупированными территориями, сказать о применении здесь фашистских законов, о том, как

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 7, стр. 377.

нацисты, попирая общепризнанные нормы международного права, упразднили действовавшие до оккупации законы, как ввели свое террористическое законодательство, уголовную ответственность жителей этих территорий за действия, совершенные до оккупации и не являвшиеся наказуемыми в момент их совершения по законам страны, подвергшейся оккупации. В результате этого и под видом так называемого судебного разбирательства уничтожались десятки и сотни тысяч антифашистов.

Для полноты картины следовало бы сказать и о самой организации судебной системы на оккупированных территориях, явившейся «легальным» орудием массового уничтожения советских людей. Но и уже приведенные материалы достаточны для того, чтобы раскрыть во всей его чудовищной преступности гитлеровский оккупационный режим на временно оккупированных советских территориях.

Анализ материалов Нюрнбергского процесса ярко раскрывает тот неоспоримый факт, что чудовищные преступления нацистов совершались как по приказам СС и СД, так и по приказам вермахта. Все эти органы двигались по параллельным путям, получив в исходном пункте одни и те же директивы. Более того, большинство из совершенных преступлений было заранее запланировано германским верховным командованием, еще до начала войны, что большая их часть была совершена по приказам ОКВ. Еще до нападения на СССР между ОКВ и Главным управлением имперской безопасности было подписано соглашение о задачах и формах помощи оперативным группам и командам по массовому уничтожению советских людей. Это подтвердил Олендорф, это вынужден был признать и Манштейн. В этом же плане дал показания Бах-Зелевский, подтвердивший, что преступная деятельность нацистов против патриотов осуществлялась в полном единстве с ОКВ и СС. Более того, он подтвердил, что военное командование хорошо знало о преступных размерах расправы с патриотами. Бывший главный инспектор ВВС фельдмаршал Мильх вынужден был признать, что варварские опыты над советскими военнопленными производились эсэсовскими медиками по указаниям генерального штаба

ВВС гитлеровской Германии. Генерал Лахузен подтвердил, что на всех совещаниях в гестапо по поводу мер по уничтожению советских военнопленных участвовали представители ОКВ.

Учитывая все эти бесспорные доказательства, Международный военный трибунал признал генералов вермахта виновными в тягчайших военных преступлениях, указав в приговоре: «Они были ответственны в большой степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей. Они опозорили почетную профессию воина... Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершившихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать».

Таков приговор немецким нацистам, вынесенный Международным трибуналом от лица народов всего мира.

2. Нацистский террор и беззакония в Украинской ССР

Украинская Советская Социалистическая Республика является одним из тех государств, территория которых в годы второй мировой войны была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками. Установленный гитлеровцами оккупационный режим на Украине, как свидетельствуют их собственные документы, представлял собой заранее разработанную руководящими кругами нацистской Германии преступную систему жесточайшего подавления и физического истребления населения УССР с целью ликвидации суверенного украинского государства, разграбления народного хозяйства, превращения Советской Украины в колонию германского империализма.

Совершая неслыханные по своей жестокости и цинизму зверства на временно оккупированной территории Украины, немецко-фашистские захватчики действовали в духе общих агрессивных и преступных устремлений немецкого империализма. Эти устремления получили свое выражение в общеизвестном плане

«Барбаросса» (первоначальный вариант этого плана известен как приказ Гитлера от 9 августа 1940 г. под шифрованным названием «Ауфбау-Ост»), в «Инструкции об особых областях» от 13 марта 1941 г., преступных «Директивах по руководству экономикой **во вновь оккупируемых** восточных областях» (июнь 1941 г., «Зеленая папка» Геринга), в приказе Гитлера от 17 июля 1941 г. об управлении оккупированными областями СССР и о введении в них полицейско-террористического режима.

Кроме того, немецко-фашистскими военными властями всех рангов и многочисленными представителями так называемой гражданской администрации в целях претворения в жизнь разработанных нацистскими главарями изуверских планов издавалось огромное количество преступных приказов и распоряжений уже в процессе оккупации.

Установлению кровавого террористического режима на территории Украины и развязыванию дикого произвола по отношению к местному населению способствовало то, что еще до вероломного нападения на СССР, 13 мая 1941 г., было издано распоряжение начальника штаба гитлеровской армии об освобождении от уголовной ответственности фашистских громил за их преступления против местного населения на оккупированной территории.

Тем самым у немецко-фашистских оккупантов, воспитанных в духе расизма и звериной ненависти к Советскому Союзу, были полностью развязаны руки во время их пребывания на территории СССР, и в частности Украины.

В настоящем разделе мы остановимся вкратце лишь на некоторых вопросах, а именно: на преступлениях немецкого империализма против мирного населения, против военнопленных и раненых, против партизан на территории Украины.

Как свидетельствуют многочисленные документы, немецко-фашистские захватчики с первых же дней оккупации Украинской Советской Социалистической Республики с неслыханной жестокостью и цинизмом приступили к осуществлению разработанных ими чудовищных планов истребления украинского народа. Кровью миллионов жертв фашистского террора была

залита вся украинская земля в годы временной оккупации гитлеровскими ордами территории Украины.

Массовые убийства гражданского населения производились нацистами различными способами и средствами, которые, как этого требовал приказ Кейтеля от 16 сентября 1941 г., должны были «увеличить степень устрашающего воздействия». В этом же приказе утверждалось, что «человеческая жизнь в соответствующих странах в большинстве случаев не имеет никакой цены и что устрашающего действия можно добиться лишь с помощью исключительно жестоких мер». Этот варварский приказ Кейтеля грубо попирает общепризнанные нормы международного права и общечеловеческое понятие права и гуманности.

Ворвавшись в июне 1941 г. в город Львов, фашисты начали с того, что арестовали и в первые же месяцы оккупации зверски уничтожили свыше 70 местных ученых — деятелей науки, техники и искусства¹. Массовые казни мирных жителей Львова и области, как и других оккупированных областей, продолжались в течение всего периода оккупации. Всего же, по неполным данным, только по Львовской области и городу Львову за три жутких года оккупации — с июня 1941 г. до середины 1944 г. — было уничтожено свыше 550 тыс. советских граждан². Массовое истребление гитлеровскими оккупантами советских людей совершалось повсеместно, где только ступала нога фашистского зверя.

Всему миру известна трагедия Бабьего яра в Киеве, где было зверски уничтожено свыше 100 тыс. жителей города. 28 сентября 1941 г. немецкая полевая комендатура расклеила по городу приказ, в котором говорилось, что всем евреям Киева и его окрестностей надлежит «ровно в 8 часов утра 29 сентября прибыть на улицу Мельника, взяв с собой ценные вещи, теплую одежду и белье. Кто не явится, будет расстрелян». По городу распространился слух, что еврейское население будут куда-то переселять.

На следующий день гитлеровцы повели тысячи собравшихся людей на Лукьяновское кладбище, к Бабь-

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. 4, стр. 68.

² См. «Правда Украины», 19 января 1946 г.

ему яру. Среди обреченных были мужчины и женщины с грудными детьми на руках, больные и беременные, старики и дети. Среди них были рабочие и служащие, ученые, артисты. У места массовой казни гитлеровцы отобрали у людей все принесенные ими ценные вещи и одежду, после чего в течение всего дня выстраивали их рядами и расстреливали из автоматов. Многие падали в яму ранеными. Грудных детей гитлеровские бандиты бросали живыми и уже в яме убивали лопатой. Как свидетельствуют очевидцы Н. Ф. Петренко и Н. Т. Горбачева, проживавшие вблизи Бабьего яра и видевшие все это, после этой дикой расправы долго еще шевелилась земля, из-под насыпи долго еще слышались глухие стоны¹.

Трагедия Бабьего яра не была разовой преступной акцией фашистских варваров, она продолжалась в течение всего периода оккупации Киева — с сентября 1941 г. по ноябрь 1943 г. Следует также отметить, что Бабий яр — это лишь одно из многих мест массовых казней киевлян — украинцев, русских, евреев.

Вскоре после освобождения Советской Армией Киева в городе были произведены раскопки в местах массового истребления советских людей: в Сырецком лагере, в Бабьем яру, в Дарнице и в других местах. К этим раскопкам были привлечены и немецкие военнопленные. По окончании раскопок они передали в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Киеве принятую ими резолюцию, в которой, в частности, говорилось:

«22 и 23 ноября (1943 г.— *Авт.*) нам, 850 немецким военнопленным в лагере военнопленных г. Киева, советскими властями была предоставлена возможность убедиться в зверствах, учиненных над русским населением во время оккупации Киева немцами. 160 избранных нами доверенных лиц произвели раскапывание пяти из многочисленных ям. Только в двух местах они извлекли около 150 трупов убитых русских граждан. В других местах они натолкнулись на остатки множества сожженных трупов, на остатки предметов одежды и человеческих костей.

¹ См. К. Дубина. Злодеяния немцев в Киеве. М, 1945, стр. 5—6.

Мы, таким образом, устанавливаем: здесь, в Киеве, было произведено ужасающее по своим масштабам истребление русского населения, во время которого, по рассказам очевидцев, пали жертвами десятки тысяч мужчин, женщин и детей. Виновники этих преступлений известны: это немецкие оккупационные войска и прежде всего части СС, СД (служба безопасности), полевая жандармерия»¹.

Всего же, по самым скромным подсчетам Чрезвычайной государственной комиссии, в Киеве было убито и замучено фашистами свыше 195 тыс. жителей.

Захватив в октябре 1941 г. Харьков, фашисты сразу же приступили к массовому истреблению населения украинского города, насчитывавшего накануне войны свыше 883 тыс. человек. В первые же часы оккупации 116 харьковчан были повешены фашистами на балконах домов, на центральных улицах и площадях города.

В декабре 1941 г. по приказу немецкого коменданта Харькова население центральных улиц города — всего около 30 тыс. человек — под угрозой расстрела было согнано в бараки станкозавода и в соседние с ними бараки. Там фашисты ограбили их, а затем, в январе 1942 г., вывезли на автомашинах в Дробицкий яр и расстреляли из пулеметов и автоматов. Стариков и детей, не способных самостоятельно передвигаться, немцы загнали в магазин и пять барачков и сожгли.

В Харькове были зверски расстреляны или замучены многие видные украинские ученые, в том числе: академик Бекетов А. Н., профессор Федоров А. С., профессор Стахорский С. М., доценты Пономарев М. И., Шавердов А. С., Родкевич А. В. и многие другие.

Город Керчь в Крыму дважды подвергался фашистской оккупации. В первый раз в конце 1941 г. гитлеровцы продержались в нем около двух месяцев. Но и за этот короткий период они совершили неслыханные по своей жестокости расправы над мирным населением, в том числе женщинами, стариками и детьми.

¹ «Німецько-фашиський окупаційний режим на Україні». Збірник документів і матеріалів. Київ, 1963, стр. 257.

Вот какие преступления, как неопровержимо свидетельствуют документы, были совершены немецкими фашистами в этом городе в ноябре — декабре 1941 г.

Вечером 28 ноября 1941 г. по городу был вывешен приказ гестапо № 4, в соответствии с которым жители, ранее зарегистрированные в гестапо, обязаны были 29 ноября явиться на Сенную площадь, имея с собой трехдневный запас продовольствия. К 12 часам дня на площади собралось свыше 7 тыс. человек. Здесь были юноши, девушки, дети всех возрастов, глубокие старики и беременные женщины. Всех их гестаповцы отправили в городскую тюрьму и обрекли на злодейское истребление по заранее разработанной инструкции гестапо.

Сначала заключенным было предложено сдать ключи от своих квартир и указать точные домашние адреса коменданту тюрьмы. Затем у всех арестованных отобрали ценные вещи: часы, кольца, украшения. Несмотря на холод, у узников были отняты сапоги, валенки, ботинки, костюмы, пальто. Многих женщин и девочек-подростков фашистские негодяи отделили от остальных заключенных, заперли в отдельные камеры, где несчастные подвергались особенно жестоким пыткам — их насиловали, отрезали им груди, вспарывали животы, отрубали руки и ноги, выкалывали глаза. После освобождения Керчи, 30 декабря 1941 г., во дворе тюрьмы была обнаружена бесформенная груда изуродованных голых девичьих тел, дико и цинично истерзанных фашистами.

Местом массовой казни гитлеровцы избрали противотанковый ров вблизи дер. Багерово (около Керчи). При обследовании этого рва, имевшего в ширину 4 метра и в глубину 2 метра, было установлено, что он на протяжении километра был заполнен трупами женщин, детей, стариков и подростков. Возле рва были замерзшие лужи крови. Там же валялись обрубки рук, ног и других частей тела, вместе с детскими шапочками, игрушками, ленточками, оторванными пуговицами, перчатками, бутылочками с сосками, ботиночками, галошами. Все это было забрызгано кровью и мозгами ¹.

¹ См. «Німецько-фашиський окупаційний режим на Україні», стр. 314—315.

Диким и чудовищным было также отравление гитлеровскими извергами тогда же и в той же Керчи 245 детей школьного возраста. По приказу немецкого коменданта все школьники младших классов должны были явиться в школы в указанный срок. Явившихся с учебниками детей оккупанты отправили за город якобы на прогулку. Там озябшим и проголодавшимся детям предложили горячий кофе с пирожками, отравленными ядом. Тех детей, которым кофе не хватило, немецкий фельдшер вызывал в «амбулаторию» и смазывал им губы сильнодействующим ядом. Через несколько минут все дети были мертвы. Школьники же старших классов были вывезены на грузовиках и расстреляны из пулеметов в восьми километрах от города.

Одним из основных орудий осуществления нацистской террористической политики на Украине являлись концентрационные лагеря и гетто, куда силой и угрозами сгонялось мирное население городов и сел. Эти лагеря, созданные оккупантами повсеместно на территории Украины, поистине являлись «лагерями смерти». По далеко не полным данным, только в 15 областях Украины (в ее современных границах) из 25 (Крымская, Житомирская, Закарпатская, Волинская, Херсонская, Черкасская, Хмельницкая, Винницкая, Запорожская, Николаевская, Одесская, Полтавская, Станиславская, Тернопольская и Черновицкая) фашистами было создано свыше 80 концлагерей и гетто для гражданского населения. Их узниками были десятки и сотни тысяч советских людей, в том числе женщины, старики, дети, инвалиды. Заключенные в лагеря советские граждане систематически подвергались диким пыткам, массовым расстрелам, избиениям, садистскому глумлению. Избитых до полусмерти людей фашистские звери забрасывали на проволоочные заграждения, где они умирали от голода и холода, подвешивали за шею, за руки, за ноги, натравливали на них собак и т. д. Нередко гитлеровцы отдавали маленьких детей — узников лагерей — командам фашистской молодежи в качестве мишеней для стрельбы и подвергали другим мучениям. Невозможно перечислить здесь все способы и методы умерщвления людей и издевательств над ними, которые применяли фашисты в

концентрационных лагерях на Украине. Только в одном Яновском лагере смерти, близ Львова, гитлеровцы истребили 200 тыс. советских граждан — мужчин, женщин, стариков и детей¹.

Немецко-фашистский террор в отношении гражданского населения на Украине, как и в других оккупированных областях Советского Союза, принял поистине чудовищные масштабы и формы. Это отмечали в отдельных случаях даже сами немецкие офицеры. В своих донесениях они подчеркивали, что жестокости первой мировой войны не идут ни в какое сравнение с тем, что делали фашисты в этой войне. В качестве иллюстрации сошлемся на донесение бывшего командира 528-го полка фашистской армии майора Рёслера.

В своем донесении, датированном 3 января 1942 г., майор Рёслер сообщал, что в конце июля 1941 г., когда его полк расквартировался в Житомире, он слышал винтовочные залпы, следовавшие один за другим через определенные интервалы, а затем — pistolетные выстрелы. Отправившись в направлении выстрелов, он стал свидетелем жуткой картины массового расстрела населения на окраине города, за железнодорожной насыпью. «Все это время мы не могли видеть, что происходит по другую сторону,— пишет Рёслер,— однако слышали через определенные промежутки времени свисток, а вслед за ним залпы примерно из 10 винтовок, после которых раздавались pistolетные выстрелы. Когда мы наконец взобрались на насыпь, нашим глазам представилась отвратительная по своей жестокости картина, потрясавшая и ужасавшая неподготовленного человека. Там была вырыта яма около 7—8 метров длиной и примерно 4 метров шириной, на одном краю которой лежала куча вынутой из нее земли. Этот холм и прилегающая к нему стенка ямы были совершенно залиты потоками крови. Сама яма была заполнена множеством трупов мужчин и женщин разного возраста, общее число которых трудно определить, как и глубину ямы. За насыпанным валом находилась команда полиции во главе с полицейским офицером. На форме полицейских были следы крови. В отдале-

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. 4, стр. 71.

нии кругом стояло множество солдат расквартированных там частей; некоторые из них присутствовали как зрители и были в трусах, там было также много гражданского населения, в том числе женщин и детей. Подойдя вплотную к яме, я увидел картину, которую до сих пор не могу забыть. Среди других в этой могиле лежал старик с седой окладистой бородой, сжимавший в левой руке трость. Так как он еще был жив и прерывисто дышал, я велел одному из полицейских добить его, на что тот ответил с улыбкой: «Я ему уже вогнал 7 пуль в живот, он теперь сам должен подохнуть». Расстрелянных в могиле не складывали, и они лежали вповалку так, как падали сверху в яму. Все эти люди были убиты выстрелом в затылок, а раненые добивались в яме из пистолетов»¹.

Подобные зверства чинились гитлеровцами повсеместно на оккупированной территории Украины. В одной только Житомирской области, по неполным данным, за время оккупации (1941—1943 гг.) фашистами было истреблено свыше 248 тыс. мирных граждан.

Уголовное право во всех странах мира квалифицирует насилие над женщинами как особо тяжкое преступление. Фашистские же насильники не только в массовом масштабе чинили эти гнусные преступления, но и нередко зверски уничтожали свои несчастные жертвы. В украинском селе Бородаевке Верхнеднепровского района Днепропетровской области фашисты изнасиловали поголовно всех женщин и девушек².

Нередко систематическое массовое истребление советских граждан, казни десятков и сотен заложников и уничтожение целых населенных пунктов немецко-фашистские оккупанты совершали под предлогом борьбы с партизанами. Признанием этого является заявление бывшего начальника охранной полиции и жандармерии на территории Киевской и Полтавской областей (октябрь 1941 г.—март 1943 г.) фашистского генерала Пауля Шеера. На судебном процессе по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории Украинской ССР, состоявшемся в Киеве

¹ «Преступные цели—преступные средства», стр. 96—100.

² См. «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 219.

в январе 1946 г., этот палач цинично заявил: «Нужно было под видом борьбы с партизанами уничтожить большую часть украинского народа, а оставшуюся часть переселить на север. Вообще нужно было проводить драконовские меры против населения Украины»¹.

Попирая общепризнанные нормы международного права, гитлеровцы произвольно рассматривали всякое сопротивление фашистскому террору или даже подозрение в этом, не говоря уже о вооруженной борьбе против оккупантов, как проявление бандитизма и варварски истребляли целые населенные пункты и поголовно уничтожали их население.

Бесконечно много тяжчайших преступлений совершил германский фашизм на территории Советской Украины за годы ее временной оккупации, в их числе и такое, как многократное повторение трагической судьбы чехословацкого селения Лидице.

...Два дня и две ночи клубилось густое облако черного дыма над украинским селом Козары, раскинувшимся по обоим берегам живописной реки Остёр, на Черниговщине. За сто километров видели люди зарево гигантского пожара в этом селе. Много дней стоял в воздухе и разносился по окрестным деревням нестерпимый смрад от дыма и сожженных трупов. На пожарах остались разбросанными обгорелые черепа и кости взрослых и детей. Село превратилось в кладбище.

Это произошло 11—12 марта 1943 г. и явилось результатом одной из многочисленных так называемых «карательных экспедиций», систематически проводившихся оккупантами. Вот ее страшный итог: фашисты сожгли дотла все село Козары, насчитывавшее 870 дворов, много различных колхозных построек, две школы, клуб, магазин, почту. Ими было сожжено, замучено и расстреляно в этом селе 4268 жителей, в том числе женщин, стариков и детей, включая грудных. Лишь очень немногим из числа местных жителей случайно посчастливилось избежать гибели в те трагические дни. Всего же за два года оккупации Черниговской области (сентябрь 1941 г.—сентябрь 1943 г.)

¹ «Правда Украины», 19, 21 января 1946 г.

немецко-фашистскими оккупантами было полностью сожжено в этой области 23 населенных пункта¹.

21 апреля 1943 г. явился трагическим днем для жителей небольшого украинского села Кодра Макаровского района Киевской области. В этот день на рассвете в село прибыл фашистский карательный отряд под командованием ортскоменданта бородянской межрайонной комендатуры Валлизера. Немцы окружили село и, согнав все население в район школы и кладбища, подожгли все находившиеся в селе постройки, а население стали расстреливать. Уцелевшие жители — 370 человек — спрятались в соседнем лесу, но вскоре и они были изловлены и расстреляны. 70 человек были до расстрела подвергнуты диким пыткам и издевательствам. Их били прикладами, выкалывали глаза. Всего в этом селе было истреблено 1113 местных жителей — женщин, стариков, детей, сожжены 640 домов, 2 стекольных завода, школа, амбулатория, клуб.

Такая же участь постигла село Раски Бородянского района Киевской области, где карательным отрядом того же изверга Валлизера было уничтожено 600 человек и сожжены дотла все дома².

В Чигиринском районе (ныне Черкасская область) фашисты полностью сожгли хутор Буду, уничтожив в нем 82 жителя, в том числе 55 детей.

Нередко в целях устрашения местного населения гитлеровцы оповещали его о содеянных ими диких массовых расправах над беззащитными стариками, женщинами, детьми. Многие советские граждане до сих пор помнят зловещие объявления, воззвания и приказы фашистских палачей, в которых сообщалось о массовом истреблении населения и разрушении их жилищ и содержались угрозы расстрела или заключения в концентрационные лагеря каждого, кто в какой-либо степени оказался бы неугодным оккупантам.

¹ См. «Хронологічний довідник про тимчасову окупацію німецько-фашистськими загарбниками населених пунктів Чернігівської області і визволення їх Червоною Армією (1941—1943 рр.)». Чернігов, 1947, стр. 303—306, 320—321.

² См. «Правда Украины», 21, 25 января 1946 г.

Вот одно из таких объявлений, которое в конце ноября 1941 г. чернухинской районной управой Лохвицкого уезда Полтавской области было разослано всем сельским старостам Чернухинского района с предписанием оповестить население:

«Крестьяне Украины!

За последние дни немецкие власти уничтожили много банд, участники которых были расстреляны, а руководители повешены.

Выявилось, что бандиты получали помощь со стороны населения. В результате этого приняты такие меры:

1. село Барановка сожжено,
2. село Обуховка сожжено, а население расстреляно,
3. многочисленные посредники расстреляны в разных селах»¹.

Как это ни чудовишно с точки зрения общепризнанных норм международного права и понятий гуманности, угрозы дикой расправы в полной мере касались даже детей, независимо от возраста. Вот образчик подобной угрозы. 1 апреля 1942 г. в грязном фашистском листке «Нове Запоріжжя», издававшемся немецкими оккупантами, было опубликовано объявление фельдкомендатуры, в котором, в частности, говорилось: «Тот, кто умышленно повредит или разрушит военные сооружения, или кого-нибудь будет подстрекать к этому, будет казнен, независимо от того, будет ли это взрослый человек или ребенок».

Приведенные факты — а их можно было бы приводить без конца — свидетельствуют о том, что население Советской Украины, попав под власть немецко-фашистских головорезов, и юридически, и фактически было полностью лишено оккупантами всех гражданских общечеловеческих прав. Отсутствовала всякая законность, и советские люди в условиях фашистского режима не имели никакой правовой охраны и защиты их чести, человеческого достоинства и самой жизни. Понятие «вины» было произвольно заменено преступной гитлеровской кликой понятием «подозрения», — и этого было достаточно для совершения массовых расстрелов и казней советских людей.

¹ «Преступные цели — преступные средства», стр. 88.

Политике кровавого фашизма на Украине служила и введенная гитлеровцами так называемая судебная система. Гитлеровские «суды», если они кое-где и были созданы оккупантами, носили чисто формальный характер, так как ими выносились приговоры, заранее намеченные гестаповцами.

В августе 1941 г. Розенберг издал указ о вынесении приговоров о смертной казни лицам, не повинующимся оккупационным властям. В этом указе, в частности, говорилось: «Местное население обязано вести себя в соответствии с немецкими законами и приказами, изданными для них немецкими властями. Поскольку местные жители не являются немецкими подданными или лицами немецкой национальности, они подлежат... особому положению о наказаниях», причем наказание могло быть либо смерть, либо каторга. Указом устанавливалось, что «дела» советских граждан рассматривают специальные суды. Если же такой «суд» не может в короткий срок прибыть на место, то «дело» рассматривается немедленно в военно-полевом суде. В состав последнего согласно указу входили: председатель (командир батальона или командир отряда охранной полиции и выше) и два полицейских или эсэсовца. Военно-полевой суд также мог выносить только два вида наказаний — смерть или заключение в концлагерь вместо каторжной тюрьмы¹.

Директивы и распоряжения немецко-фашистского правительства и верховного главнокомандования, как отмечалось выше, предоставляли широкую свободу для преступной деятельности непосредственных их исполнителей, как военных, так и гражданских. Так, например, коростышевский гебитскомиссар в своем секретном приказе от 10 апреля 1943 г. писал: «Предупреждаю своих сотрудников, что они должны вести себя таким образом, чтобы население чувствовало твердую руку немца... **Кто верит, что с населением можно обращаться по-хорошему, того считаю непригодным и не знающим психологии украинцев.** Действовать нужно так, чтобы мы никогда не были виновными в преследовании народа. Надо владеть этим

¹ См. «Преступные цели — преступные средства», стр. 61—63.

искусством. Я никого не буду щадить. Украинцев ожидают самые жестокие наказания...»¹

В длинной цепи чудовищных преступлений, совершенных нацистами на Украине, нельзя не отметить и массовое принуждение украинского населения к рабскому труду и насильственный угон его в фашистское рабство в Германию.

В течение всего периода оккупации на территории Советской Украины существовала введенная оккупантами принудительная трудовая повинность.

Вопреки всяким представлениям о нормах права, законности, элементарных принципах гуманности принудительная трудовая повинность произвольно распространялась гитлеровской администрацией практически на все местное население. К изнурительному каторжному труду на оккупантов насильственно привлекались старики, беременные женщины, кормящие матери и даже больные.

Так, после занятия Киева немцы сгоняли на работу все гражданское население от 11 до 60 лет, без различия профессий, пола, состояния здоровья. Больных, которые были не в состоянии держаться на ногах, за пропущенные дни работы немцы штрафовали. На киевском заводе «Ленинская кузница», как и на всех других, которые немцы безуспешно пытались поставить себе на службу, не существовало никакого трудового законодательства. Заболевших рабочих насильственно доставляли в цехи, избивали и привязывали к станкам, заставляли работать. Нередко подобные издевательства оканчивались расстрелом.

Сам факт оккупации Советской Украины фашисты произвольно истолковывали как возникновение односторонних договорных трудовых отношений между местным населением и немецкой администрацией. Так, в приказе штадткомиссара г. Запорожья от 24 октября 1942 г. о введении обязательной трудовой повинности, например, содержалось категорическое требование, чтобы все население от 15 до 55 лет немедленно зарегистрировалось в так называемом «Управлении труда» и было привлечено к работе. «Если кто-нибудь остав-

¹ «Житомирщина в період тимчасової окупації німецько-фашистськими загарбниками», стр. 71—72.

ляет место работы без причин и разрешения,— говорилось в этом приказе,— он этим нарушает трудовой договор и подлежит заключению в концентрационный лагерь и, кроме того, строгому наказанию. Семья лишается пайка».

Рабский характер труда определялся не только тем, что он был принудительным и в высшей степени изнурительным, но и фактическим отсутствием оплаты для советских рабочих. Например, принудительный рабский труд в оккупированных районах Украины был введен для промышленных рабочих. Заставляя их работать по 14—16 часов даже на самых вредных для здоровья работах, немцы в большинстве случаев совсем не оплачивали их труд или же выдавали крайне низкую плату. В частности, в Киеве и в Кривом Роге оплата труда в тех случаях, когда она вообще производилась, как правило, не превышала половины немецкой марки в день, что не могло обеспечить самого минимального прожиточного минимума работающему.

В большинстве оккупированных промышленных районов Украины принудительный рабский труд применялся на тяжелых дорожных и погрузочных работах. Для этой цели оккупанты создавали специальные «трудовые колонны». В составе этих колонн в качестве чернорабочих использовались квалифицированные рабочие, техники и инженеры.

Не менее тяжелым являлся принудительный труд в сельском хозяйстве. Пытаясь превратить украинское крестьянство в бессловесных крепостных, гитлеровские оккупанты рассчитывали обеспечить фашистскую Германию и ее армию продовольствием, а промышленность — сельскохозяйственным сырьем. С этой целью они приступили к созданию на базе колхозов так называемых общинных хозяйств. Членами этих крепостнических хозяйств они произвольно объявили всех крестьян, которые до оккупации состояли в колхозе.

Повсеместно в сельской местности труд крестьян являлся принудительным. Плети и нагайки были обычным средством принуждения к изнурительной работе в поле на гитлеровскую Германию. Крестьян жестоко избивали без всякого разбора, мужчина это или женщина, старик или подросток.

Система тяжелейшего принудительного труда дополнялась проведением оккупантами в широких масштабах преступной политики массового угона украинского населения на рабский труд в Германию. Это делалось также путем грубого произвола и насилия. В городах и селах устраивались облавы, людей хватали без всякого разбора на улицах и в общественных местах, поднимали и уводили ночью прямо с постели.

О масштабах этого преступления можно судить хотя бы по тому, что главари гитлеровской Германии рассчитывали вывезти на каторжные работы в Германию 15 млн. украинских рабочих и крестьян. Осуществить этот злодейский замысел фашистам не удалось. Однако за весь период оккупации Советской Украины они смогли, прибегая к самым жестоким формам и методам, угнать в немецко-фашистское рабство свыше 2 млн. советских граждан.

Из памяти человечества никогда не сотрется еще одна страшная страница преступной деятельности немецко-фашистских оккупантов на Украине — их чудовищные издевательства над военнопленными. Фашистские варвары издали ряд преступных директив, инструкций и приказов, в которых не только требовали от каждого военнослужащего своей армии самого жестокого и бесчеловечного обращения с попавшими в плен бойцами и командирами Советской Армии, но и установили полную безответственность немцев за содеянные ими злодеяния и зверства в отношении советских военнопленных.

На всей территории Украины по мере ее освобождения от гитлеровской оккупации советские войска обнаруживали многочисленные следы дикого разбоя и зверств, совершенных немецко-фашистскими извергами в отношении военнопленных.

Наиболее распространенным и массовым способом уничтожения военнопленных, как и мирного населения, были лагеря, справедливо названные «лагерями смерти». Они были размещены по всей территории Украины — в Киеве, Харькове, Львове, Полтаве, Днепропетровске, Умани, Одессе, Каменец-Подольске, Керчи, Житомире, Кременчуге, Чернигове, Артемовске, Мариуполе, Донецке, Конотопе, Бердичеве, Хорроле, Славуте и во многих других городах и селах.

По далеко не полным данным, только в 14 областях из 25 имелось 106 лагерей для советских военнопленных.

Один из таких лагерей был создан гитлеровцами в июле 1941 г. в г. Бердичеве Житомирской области, на территории военного городка. Сгнав сюда значительное количество пленных, гитлеровцы начали с того, что сняли с них хорошее обмундирование и обувь, оставив полураздетыми и босыми. Голодных военнопленных гоняли партиями на работу. Тех, кто не мог ходить, расстреливали. Суточный «рацион» военнопленных состоял из 100 граммов проса и пол-литра воды. В лагере свирепствовали инфекционные болезни — сыпной тиф, дизентерия и др. После освобождения советскими войсками Бердичева в районе этого лагеря было обнаружено 6 огромных могил, в которых находилось 6992 трупа советских солдат и офицеров.

В Умани лагерь для военнопленных был создан на территории кирпичного завода. О внутреннем режиме в этом лагере можно судить хотя бы по тому, что на сравнительно небольшой территории, рассчитанной на 6—7 тыс. человек, содержалось 74 тыс. человек. Никаких помещений для людей не имелось, кроме нескольких навесов для сушки кирпича, под каждым из которых вмещалось не более 200—300 человек. «Пища» для военнопленных приготавливалась в железных бочках и в крайне незначительном количестве — не более чем на 2 тыс. человек в течение суток. В лагере постоянно царил сильный голод. Во время раздачи пищи возникали жуткие картины избиения и убийств измученных голодом людей. Такова была система, и существовала она во всех лагерях.

Невозможно представить себе что-либо более гнусное и бесчеловечное, чем террористический режим, установленный в лагере для военнопленных вблизи г. Славуты Хмельницкой области. Этот лагерь издевательски именовался «гросслагером Славута».

В «гросслагерете» постоянно находилось 18 тыс. тяжело- и легкораненых, а также страдающих различными заболеваниями, в том числе инфекционными. На смену умершим сюда непрерывно направлялись все новые партии раненых и больных советских военно-

пленных. Следует также сказать, что инфекционные заболевания среди узников этого лагеря распространялись немецкими «врачами» преднамеренно. Это достигалось путем помещения людей, больных тифом и туберкулезом, среди небожных, при невероятной скученности. Голод, расстрелы, болезни, антисанитария, дикий произвол фашистской администрации, непосильный принудительный физический труд — все это вело к массовой гибели людей в этом лагере, издевательски названном гитлеровцами «лазаретом». Всего за два года (1941—1943) немецкие изверги истребили в «гросслазарете Славута» до 150 тыс. пленных офицеров и солдат Советской Армии¹.

Подобное положение существовало в других лагерях, о чем лучше всего свидетельствуют данные о количестве погибших советских военнопленных в отдельных лагерях: в Конотопе — до 27 тыс., в Кременчуге — 37 тыс., в Хороле — свыше 53 тыс., в Дарнице (Киев) — свыше 68 тыс., во львовском лагере «Цитадель» — свыше 24 тыс., в Дубно — 2 тыс. человек и т. д.

Перечень истязаний и жестокостей, показывающий, что гитлеровские палачи стремились не только физически уничтожить военнопленных, но и наполнить дни их пребывания в лагерях невыносимыми страданиями.

Таким образом, в пересыльных и стационарных лагерях для советских военнопленных, разбросанных в период оккупации по всей территории Украины, гитлеровцы умышленно создавали такие условия, которые максимально способствовали массовому вымиранию заключенных в них узников.

Всего за период оккупации Украины немецко-фашистские изверги убили и замучили 4,5 млн. советских людей, среди которых были старики, женщины, дети, военнопленные.

Отступая под ударами Советской Армии, гитлеровские оккупанты начиная с июня 1943 г. стали принимать по приказу своего командования срочные меры с целью сокрытия и уничтожения следов своих чудовищных преступлений. В ряде мест массового захоронения, в частности на Украине, ими были организо-

¹ См. «Німецько-фашиський окупаційний режим на Україні». Збірник документів і матеріалів, стр. 341—348.

ваны раскопки могил и сожжение находившихся в них трупов. Так, 18 августа 1943 г. в концлагерь на Сырце (Киев) прибыла большая группа эсэсовцев. Они отобрали 100 узников лагеря и под усиленным конвоем отправили к Бабьему яру. Там их разделили на группы, выдали резиновые сапоги, фартуки, рукавицы, вилы и лопаты и заставили раскапывать и сжигать трупы убитых киевлян. Для ускорения работы применяли экскаватор.

Десятками тысяч сжигались трупы расстрелянных советских граждан в Харькове, Житомире и других украинских городах и населенных пунктах. Так, например, из захваченного советскими войсками донесения ровенского областного руководителя жандармерии видно, что только в Ровенской области насчитывалось около 200 мест массового захоронения, которые должны были быть раскопаны в целях уничтожения следов немецко-фашистских зверств. Пепел сожженных трупов рассеивали, иногда закапывали малыми частями в различных местах, сожженные и несоревшие кости дробили в специальных машинах. Часто после массовых расстрелов, особенно в различных карьерах, немцы взрывали породу, засыпая тысячи трупов (так было, например, в Краматорске), минировали могилы, что серьезно затрудняло их раскопки наступавшими советскими войсками (территория алебастрового завода в г. Артемовске).

При Яновском лагере, близ Львова, была создана специальная школа по распространению опыта истребления людей и маскировки преступлений. Присланных из других городов комендантов лагерей обучали тому, как следует извлекать из земли трупы, как складывать их в штабеля, сжигать, высевать пепел, перемалывать кости, засыпать ямы, производить на них маскировочную посадку деревьев и кустарников и т. д.

Изложенные выше факты неопровержимо свидетельствуют о том, что преступное гитлеровское правительство во время второй мировой войны попрало общепризнанные принципы и нормы современного международного права, законы и обычаи ведения войны, совершив на территории Украины, как и на других территориях, тягчайшие военные преступления и преступления против человечества.

3. Нацистский террор и беззакония в Белорусской ССР

В годы второй мировой войны белорусский народ испытал от нацистской тирании невиданные бедствия и страдания. Три долгих года висела черная ночь кровавой фашистской оккупации над Белоруссией. Всюду, где ступала нога гитлеровских варваров, оставались развалины и пожарища, опустошенные города и села, оскверненная и залитая кровью невинных людей белорусская земля. Эти злодеяния не были случайными эксцессами отдельных недисциплинированных воинских частей, солдат и офицеров германской армии. Они являлись преднамеренным и тщательно подготовленным актом определенной программы физического уничтожения советских людей.

Еще задолго до вероломного нападения на СССР верховным главным командованием германских вооруженных сил было издано несколько инструкций и распоряжений, согласно которым с фашистских солдат и офицеров снималась всякая ответственность за любые преступления на оккупированной советской территории.

Уже 24 и 25 июня 1941 г., буквально на третий день войны, на выходах из Минска, по Московскому и Могилевскому шоссе, десятки фашистских самолетов расстреливали толпы женщин и детей, покидавших горящий и разрушенный немецкими бомбардировщиками Минск. Тысячи трупов детей, женщин и стариков устлали дороги, улицы городов и населенных пунктов Белоруссии.

В июле 1941 г. возле города Борисова в руки фашистских солдат попали 70 женщин и девушек, уходивших на восток от оккупантов. Фашистские изверги изнасиловали, а затем зверски убили 36 женщин и девушек. Среди них была 16-летняя Л. Н. Мельчукова, которую изверги изнасиловали, а затем вырезали грудь и полуживую девушку прикололи штыками к доскам¹.

Характерным выражением гнусных и преднамеренных действий гитлеровских захватчиков против мир-

¹ Архив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 750, оп. 1, д. 239, л. 35.

ного населения Белоруссии является высказывание солдата Эмиля Гольца, члена фашистской партии, который в первые дни войны писал в своем дневнике: «По дороге от Мира до Столбцов мы разговаривали с населением языком пулеметов, никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки. Хочется пострелять из пистолета по толпе».

Другой фашист, обер-ефрейтор Иоганн Гердер, заявлял: «Мы бросаем ручные гранаты в жилые дома. Дома очень быстро горят. Огонь перебрасывается на другие избы. Красивое зрелище. Люди плачут, а мы смеемся над слезами»¹. Такие зверства совершались фашистскими захватчиками при их наступлении в период оккупации и во время бегства с советской земли.

Истребление советских людей на временно оккупированной территории Белоруссии в первую очередь возлагалось на охранные войска вооруженных сил Германии. Охранные войска составляли главную ударную силу при проведении массовых репрессий против мирного населения. Им были подчинены лагеря военнопленных.

Говоря об участии вооруженных сил Германии в истреблении населения на временно оккупированной советской земле, бывший начальник оперативного управления гитлеровского генерального штаба сухопутных войск генерал Хойзингер на Нюрнбергском процессе в декабре 1945 г. заявил:

«Я лично всегда придерживался мнения, что методы обращения с гражданским населением и борьбы с бандами (так гитлеровский генерал называл советских патриотов.— *Авт.*) в оперативной зоне предоставляли высшему политическому и военному руководству желанную возможность для осуществления его целей, а именно — для систематического сокращения славянства и еврейства»².

На территории Белоруссии первоначально несла охранную и полицейскую службу 707-я дивизия, а затем постоянно дислоцировались 201-я (командир генерал-майор Якоби), 203-я (командир генерал-майор

¹ Архив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33, д. 222, л. 21—22.

² «О тех, кто против мира». М., 1957, стр. 346.

Бартон), 221-я (командир генерал-майор Лендле), 286-я (командир генерал-майор Рихерт) охранные дивизии и многочисленные другие учебно-полевые и охранные воинские подразделения оккупантов.

Командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Центр» генерал фон Шенкендорф сообщал, что на 1 декабря 1941 г. в составе охранных войск, которые непосредственно дислоцировались в тыловом районе группы армий «Центр», т. е. в основном находились на территории Белоруссии, имелось: 4 охранные дивизии, 2 бригады СС, 229 пехотных рот, 12 танкоистребительных рот, 9 рот пехотных орудий, 11 артиллерийских батарей и т. д. По мере роста сопротивления белорусского народа фашистские оккупанты непрерывно увеличивали количество своих охранных войск. Крупные военные гарнизоны были размещены во всех городах и районных центрах Белоруссии.

В Минске, например, находился военный гарнизон, насчитывавший до 5 тыс. гитлеровских солдат и офицеров, не считая разных армейских резервов, штаба карательного корпуса войск СС, частей жандармерии, полиции, СД и т. д. В Гомеле постоянно дислоцировался вражеский гарнизон, насчитывавший до 3,5 тыс. солдат и офицеров. Здесь же располагался штаб 221-й охранной дивизии с ее многочисленными резервами и т. д.

Полевые и местные комендатуры охранных войск издавали распоряжения, приказы об истреблении и угоне в фашистское рабство советских людей и приводили их в исполнение. Так, например, командир 286-й охранной дивизии генерал-майор Рихерт сообщал, что по его распоряжению с апреля 1942 г. по сентябрь 1943 г. было расстреляно примерно 900 человек и 1800 советских граждан было отправлено в Германию.

В Витебске комендант полевой комендатуры приказал девушкам в возрасте от 14 до 25 лет явиться в комендатуру якобы за назначением на работу. Когда девушки явились, самые молодые и привлекательные из них были отобраны и силой оружия отправлены в дома терпимости. Один из таких домов был открыт в помещении профилактория фабрики «Знамя индустриализации». В местечке Шацк гитлеровцы собрали всех

молодых девушек, изнасиловали их, а затем голых выгнали на площадь в центр местечка и заставили танцевать. Тех, кто сопротивлялся, фашистские изверги растреливали на месте¹.

Такие насилия и надругательства над женской честью были обычным явлением. Этот произвол не только был узаконен, но и всячески поощрялся командованием гитлеровских войск.

Главная роль в установлении режима кровавого террора, мучительных пыток и зверских убийств принадлежала фашистским карательным органам, которые густой сетью опутали территорию оккупированной Белоруссии.

В прифронтовой полосе, в области армейского тыла, т. е. на территории Витебской, Могилевской, Гомельской и восточных районов Минской области, действовала совместно с гитлеровской армией и в ее тылу оперативная группа полиции безопасности и службы безопасности (СД), известная под названием «эйнзатцгруппа Б». Офицерский состав этой группы комплектовался за счет личного состава гестапо, уголовной полиции и СД, а рядовой состав набирался из полиции охраны порядка и войск СС. Как свидетельствует официальный отчет, только с 15 ноября по 15 декабря 1942 г. этой группой было истреблено 134 198 советских граждан².

Не менее подлую и гнусную роль играли здесь тайная полевая полиция (ГФП), жандармерия, органы военной контрразведки — абвер и т. д. Все они действовали либо самостоятельно, либо вместе с воинскими частями.

На территории так называемого генерального комиссариата Белоруссии действовали постоянные объединенные органы полиции безопасности и СД.

В Минске было учреждено управление полиции безопасности и СД для Белоруссии, которое возглавлял оберштурмбанфюрер СС Штраух, а в окружных и районных центрах находились его отделы и филиалы.

В апреле 1943 г., по словам Штрауха, полиция безопасности и СД в Минске насчитывали 1250 человек. Структура управления была аналогичной той системе,

¹ Партархив ЦК КПБ, ф. 750, оп. 1, л. 239, 49—50.

² ЦГАОР БССР, ф. 655, оп. 1, д. 33, л. 18—19.

которая существовала в штабе Главного имперского управления безопасности фашистской Германии.

Органы полиции безопасности и СД повинны в самых чудовищных и страшных преступлениях, совершенных на белорусской земле. Их действия в проведении террора, насилия и беззаконий были неограниченными. Из сотрудников полиции безопасности и СД создавались специальные команды (зондеркоманды). Эти команды действовали самостоятельно или прикомандировывались в период карательных экспедиций к подразделениям вермахта и полицейским частям. Руководителям команд (как сказано в одной из инструкций) было «предоставлено право самим решать, сжигать ли деревни, уничтожать или эвакуировать их жителей».

Кроме полиции безопасности и СД на временно оккупированной территории Белоруссии были сконцентрированы крупные силы войск СС, охранной полиции и жандармерии. Здесь находились прибывшие из Германии 2 бригады войск СС, 7 полицейских полков СС (2, 13, 14, 15, 24, 26 и 31-й) и многие другие полицейские и жандармские части. По указанию Гитлера в Белоруссию был направлен созданный из уголовных преступников батальон СС специального назначения под командованием Дирливангера.

Все эти войска — СС, полиция и жандармерия — находились под командованием группенфюрера войск СС фон Готтберга. Совместно с полицией безопасности и СД они занимались грабежом и арестами гражданского населения. Арестованных содержали в тюрьмах и концлагерях в нечеловеческих условиях, подвергали зверским пыткам и истребляли тысячами. В минской тюрьме, например, постоянно находилось в заключении до 3 тыс. человек, из которых 40—50 ежедневно умирали от голода, болезней и пыток.

Чтобы придать наиболее организованный характер истязанию и уничтожению советских людей, на территории Белоруссии была создана система концлагерей. Десятки тысяч мирных граждан заключались в эти лагеря вместе со своими семьями без суда и всякого определения сроков заключения. Условия заключения в лагерях были сознательно рассчитаны на то, чтобы довести заключенных до мучительной смерти.

В конце июня 1941 г., буквально на второй день после захвата столицы Белоруссии, по приказу фельдмаршала фон Клюге, около Минска, в поселке Дрозды, был создан концлагерь. Жестокое обращение и убийства гражданского населения приняли в этом лагере невероятные размеры.

В самом Минске в период фашистской оккупации действовало несколько концлагерей. Один из таких арсеналов пыток и смерти находился по улице Широкой. В этом лагере только с августа 1943 г. по июнь 1944 г. было замучено и расстреляно около 20 тыс. советских граждан.

Громадный концлагерь гитлеровцы создали в северо-западной части города. Распоряжением полевого коменданта от 19 июля 1941 г. сюда было переселено и изолировано от остальной части города путем возведения стен из сухой кладки и проволочного заграждения все еврейское население Минска. Режим, установленный в гетто, был настолько жестоким и чудовищным, что не поддается описанию. Комендант гетто Риддер, его помощники Готтенбах, Бенцке, а также гауптштурмфюрер СС Хойзер и другие фашистские палачи были главными организаторами и руководителями массовых погромов в минском гетто. Заключенных в гетто пытали и убивали без всякого разбора и повода. Их травили собаками, кололи штыками и кинжалами, привязывали к столбам, обливали горячим и поджигали. Гитлеровцы заставляли обреченных перед казнями петь песни и плясать. Истребление советских граждан еврейской национальности проводилось систематически как в гетто, так и за его пределами.

Еврейские гетто были созданы и в других городах оккупированной Белоруссии. Начальник полиции безопасности и СД в Белоруссии оберштурмфюрер Штраух в апреле 1943 г. говорил, что на территории генерального комиссариата Белоруссии «по приблизительным подсчетам, из 150 тыс. евреев 130 тыс. уже ликвидированы»¹.

Настоящий комбинат смерти фашистские палачи организовали в лагере Тростенец, который находился в 8—10 километрах восточнее Минска. Среди сотен и

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 4, стр. 85.

тысяч советских людей, замученных в районе дер. Малый Тростенец, были жители не только Минска, но и многих других городов Белоруссии. Здесь также истреблялись политические заключенные немецких тюрем, граждане еврейской национальности из Чехословакии, Австрии, Германии, Польши. Свои жертвы гитлеровские людоеды подвозили специальными поездами к дорожно-строительному участку, а затем перегружали в большие крытые автомашины и увозили на место расстрела. Трупы убитых фашистские палачи укладывали в заранее приготовленные ямы-траншеи, утрамбовывали их гусеничным трактором, затем клали новый слой трупов и опять утрамбовывали.

С осени 1943 г., чтобы скрыть следы своих неслыханных злодеяний, оккупанты начали раскапывать могилы, извлекать трупы и сжигать их. Для этой цели из заключенных и военнопленных создавались специальные команды, которые впоследствии были также фашистами уничтожены. Для подвоза дров на место сжигания были мобилизованы все подводы Тростенецкой волости. Каждая подвода в течение двух месяцев ежедневно доставляла к дорожно-строительному участку не менее 2 кубометров дров, а оттуда гитлеровцы машинами увозили дрова непосредственно к месту сжигания. Пепел и мелкие кости зарывались в ямы, которые потом были замаскированы сверху хворостом, еловыми и сосновыми ветвями. Для уничтожения трупов замученных и расстрелянных людей гитлеровцы осенью 1942 г. построили специальную кремационную печь в лесном массиве, в урочище Шашковка (0,5 километра от лагеря). К печи был устроен специальный спуск для автомашин. Сюда ежедневно прибывало 5—6 автомашин, набитых людьми. Расстрелы производились непосредственно у входа в печь. Здесь же отдельные партии обреченных взрывались гранатами. Затем трупы укладывались на рельсах над топками, поливались горючим и смолой, перекладывались дровами и зажигались. Для повышения температуры подкладывались целые кассеты зажигательных бомб, коробки с запалами от гранат и т. п. Уцелевшие крупные кости дробились специальными трамбовками.

После изгнания гитлеровцев представителями Государственной чрезвычайной комиссии по расследованию

злодеяний были найдены в печи остатки обуглившихся трупов, масса пепла и мелких перегоревших костей. Тут же находилось большое корыто-ящик, куда специальными лопатами выгребался пепел. У входа в печь были разбросаны обгоревшие остатки одежды и мелких вещей расстрелянных: обувь, одежда, женские кофточки, детские носки, пуговицы, гребенки, кружки, котелки, мешочки с картофелем и т. д.

К концу июня 1944 г., когда к Минску подходила Советская Армия, гитлеровцы не успели сжечь в Шашковке все трупы замученных людей. С 29 июня они начали открыто расстреливать свои жертвы также возле бывшего колхозного сарая в дер. Малый Тростенец. Трупы расстрелянных и удушенных они складывали в сарай и возле сарая на бревна, а затем их поджигали.

После изгнания гитлеровцев на месте сожженного колхозного сарая в дер. Малый Тростенец было обнаружено огромное количество человеческого пепла, костей, а также частично сохранившиеся трупы. Рядом на штабелях бревен находилось 127 не полностью обгоревших трупов мужчин, женщин и детей.

Случайно спасшаяся от смерти в Малом Тростенце жительница Минска С. И. Савинская рассказала следственной комиссии:

«Проживая на оккупированной территории, в Минске, я 29 февраля 1944 г. вместе со своим мужем была арестована немцами и посажена в минскую тюрьму. После длительных мучительных пыток нас с мужем в середине мая отправили в концлагерь СС по Широкой улице. В конце июня меня в числе 50 женщин погрузили на автомашину и повезли... Возле деревни Малый Тростенец автомашина остановилась у одного из сараев. По команде немецких палачей заключенные женщины по четыре выходили из машины. Нас загнали на уложенные в сарае трупы. Послышались выстрелы, я была легко ранена в голову и упала. Пролежала среди трупов до позднего вечера. Немецкие палачи привозили в этот день еще две машины с женщинами, которые были расстреляны на моих глазах. Среди них были и дети в возрасте от 3 до 10 лет. После каждого расстрела немцы складывали поверх трупов дрова и обливали их горючим, а затем, бросив в сарай

гранаты, подожгли сарай»¹. С наступлением ночи Савинской с большим трудом удалось выбраться из пожарища и скрыться в болоте.

В концлагере Тростенец было уничтожено свыше 150 тыс. человек, не считая людей, сожженных в кремационных печах. Всего в Минске и его окрестностях фашистские палачи истребили свыше 300 тыс. человек.

Для массового истребления советских людей гитлеровские захватчики использовали также обычные бани и другие помещения, в которые загоняли советских людей и отравляли окисью углерода. В сентябре 1941 г. таким способом они уничтожили более 200 больных, находившихся в загородной больнице Новинки (близ Минска), и т. д.

Картина страшных злодеяний, которые совершали нацистские преступники в Минске, недавно была воскрешена на судебном процессе в г. Кобленце (ФРГ) по делу бывших ответственных сотрудников полиции безопасности и СД в Минске эсэсовцев Хойзера, Вильке, Шлегеля, Освальда, Хардера и др. Процесс этот длился с октября 1962 г. по май 1963 г. Как было сказано в обвинительном заключении, главный преступник на процессе, бывший заместитель начальника минского СД Хойзер виновен в убийстве 30 356 человек. Он применял неслыханные изуверские методы к своим жертвам. Хойзер вместе с Хардером привязывал людей к столбам, обливал горючим, а затем поджигал их. Такие же злодеяния творили и другие его собратья по разбою — Шлегель, на совести которого убийство 5280 советских граждан, Вильке, истребивший свыше 3 тыс. человек, Федер — 1920 человек и т. д.² Но это далеко не полный перечень злодеяний нацистских преступников. Как свидетельствуют документы и материалы, под руководством Хойзера только 8 и 9 декабря 1941 г. были вывезены из Минска и расстреляны в лагере Тростенец сотни советских граждан³.

Суду в Кобленце были представлены и советские документы, часть из них помещена в сборнике «Пре-

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 750, оп. 1, д. 239, л. 39.

² См. «Советская Белоруссия», 27 апреля 1963 г.

³ Архив Института истории АН БССР, ф. 4, оп. 4а, д. 3, л. 5.

ступления и злодеяния немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии (1941—1944 гг.)». Суд получил отчетливую картину массовых убийств в Белоруссии, которые совершали подсудимые. Однако убийцы, виновные в уничтожении десятков тысяч людей, отделались весьма мягким наказанием.

Массовое истребление советских людей проводилось гитлеровцами и в других многочисленных концентрационных лагерях, расположенных на территории Белоруссии. Так, например, в концлагере Бронная Гора (Брестская область) было уничтожено более 50 тыс. мирных граждан, в концлагере Колдычево (Барановичская область) — свыше 22 тыс. человек, в трех концлагерях г. Борисова — более 11 тыс. человек и т. д.¹

С особой жестокостью фашистские захватчики производили истязания, пытки и массовые убийства советских людей в концлагерях, организуемых в прифронтовой полосе. В этих лагерях вместе с истощенными и нетрудоспособными людьми гитлеровцы размещали тысячи инфекционных больных, специально вывезенных из различных районов, с тем чтобы создать своего рода рассадники заразных болезней и распространить болезни среди населения и советских солдат и офицеров после своего отступления. Так, например, в марте 1944 г. по приказанию командующего 9-й армией генерала танковых войск Харце возле местечка Озаричи Полесской области, вблизи переднего края немецкой обороны, было создано три концентрационных лагеря. Один из них находился на болоте, у поселка Дерт; второй — в двух километрах северо-западнее местечка Озаричи, третий — тоже на болоте, в двух километрах западнее деревни Подосиновик. В эти лагеря под предлогом эвакуации населения из городов и населенных пунктов Гомельской, Полесской и Могилевской областей было собрано огромное количество нетрудоспособных женщин, стариков и детей.

Лагеря представляли собой открытую площадь, обнесенную колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Никаких построек на территории лагерей не было. Заключение размещались под открытым

¹ ЦГАОР БССР, ф. 845, оп. 1, д. 57, л. 2.

небом, прямо на земле. Многие из них, потерявшие способность двигаться, лежали в грязи. Раздетые и голодные люди не имели права разводить костры, собирать хворост для подстилки. Категорически запрещалось приближаться к проволочным заграждениям. За малейшую попытку нарушить этот режим гитлеровцы беспощадно расстреливали. Охрана лагерей избивала заключенных дубинками.

Ежедневно здесь умирало большое количество людей от истощения и острых инфекционных заболеваний. Трупы умерших подолгу не убирались, распространяя запах и эпидемии.

Житель дер. Гадуня П. Н. Безнивец, содержащийся в лагере, сообщил: «Лагерь, в котором я находился, был обнесен колючей проволокой и заминирован. Заключенные, пытавшиеся выйти за пределы лагеря за водой или дровами, избивались и расстреливались. Так была убита мать четырех детей П. А. Мокряк из села Слобода Домановичского района...»¹.

В лагерях смерти в районе Озаричи за несколько дней было умерщвлено свыше 8 тыс. советских граждан. 19 марта 1944 г. части Советской Армии разгромили фашистские войска на этом участке фронта и освободили оставшихся в живых узников лагерей смерти. Среди освобожденных было 15 960 детей до 13-летнего возраста, нетрудоспособных женщин — 13 072 и стариков — 4448².

С беспощадной жестокостью фашистские палачи истребляли воинов Советской Армии, попавших в плен. Военнопленные расстреливались по всякому поводу. Массовая смертность среди военнопленных происходила из-за изнурительного и непосильного труда, телесных наказаний за различные «нарушения» лагерного режима, голода и инфекционных болезней. Избиение военнопленных рассматривалось как обязательная полицейская мера, рассчитанная на то, чтобы унижить человеческое достоинство советских людей. Так, например, в Бобруйском лагере № 131 в 1941 г. содержалось до 60 тыс. военнопленных. Лагерные постройки не вмещали всей массы военнопленных, и до

¹ «Правда», 30 апреля 1944 г.

² См. там же.

ноября 20 тыс. человек находились полураздетыми под открытым небом. Людей питали от случая к случаю. Суточный паек военнопленного составлял 100—50 граммов эрзац-хлеба с опилками и пол-литра баланды.

К ноябрю 1941 г. в результате такого режима 25 тыс. военнопленных, по признанию заместителя начальника Бобруйского лагеря Карла Лангута, умерло. Мертвых не успевали вывозить с территории лагеря. За сутки умирало от 800 до 1000 человек.

В лагере часто расстреливали военнопленных, подозреваемых в подготовке к побегу. Нередки были случаи, когда гитлеровцы задерживали людей в городе, мотивируя это тем, что они якобы военнопленные и бежали из лагерей. Таких людей подводили к зоне лагеря, заставляли их лезть через колючую проволоку и тут же, на проволоке, расстреливали. В таком положении трупы висели по нескольку дней для устрашения военнопленных.

В конце 1941 г. партия военнопленных в количестве 3 тыс. человек была отобрана для отправки в Минск. Ослабевшие и изнуренные, плохо одетые, люди, несмотря на мороз, были погружены на открытые платформы. Эшелон до Минска не дошел: все военнопленные замерзли, и их сбросили по дороге под откос.

Чтобы «разгрузить» лагерь, гитлеровцы предприняли еще более чудовищное преступление. Начальник лагеря подполковник Редер и его заместитель Лангут 7 ноября 1941 г. подожгли одно из зданий, где находились военнопленные. Когда из горящего здания люди бросились бежать во двор, пулеметчики и автоматчики открыли по ним огонь. В результате этой подлой провокации погибло свыше 4 тыс. человек.

Такой же участи подвергались военнопленные и в других местах.

С целью уничтожения истощенных и непригодных к труду военнопленных с 28 по 31 января 1943 г. батальоном 327-й немецкой пехотной дивизии возле станции Минск-Товарная было расстреляно около 10 тыс. военнопленных.

В лагере военнопленных № 352, который находился в пяти километрах северо-западнее Минска, за годы войны было истреблено свыше 80 тыс. человек.

Военнопленных здесь принуждали работать по 14—16 часов в сутки, а кормили их один раз в день. Суточный рацион состоял из 3—4 ложек запаренной ржи или постной похлебки из очисток картофеля.

В нарушение всех международных конвенций гитлеровцы вынуждали советских военнопленных работать на строительстве военных объектов.

Следует отметить, что в этом лагере, как и в других, незаконно под видом военнопленных содержалось большое количество гражданских лиц. Они туда были загнаны силой оружия военными властями германской армии. Об этом свидетельствуют многочисленные документы. Так, командир 52-й немецкой дивизии, кровавый путь которой в начале войны проходил по территории Белоруссии, в своем приказе от 24 сентября 1941 г. писал:

«Всех местных жителей в возрасте, пригодном для военной службы, в обязательном порядке превращать в военнопленных»¹.

В другом документе, который был издан 1 сентября 1943 г. уполномоченным Гимmlера по борьбе с партизанским движением в генеральном комиссариате Белоруссии обергруппенфюрером СС фон дем Бах-Зелевским, говорится: «На основании секретной директивы верховного командования вермахта № 03409/43 приказывается всех лиц, встречающихся в непосредственной близости к районам военных действий, рассматривать как пленных... всех трудоспособных мужчин этих районов в возрасте 16—55 лет считать военнопленными...»²

Вполне понятно, что все это делалось для того, чтобы искусственно увеличить число советских военнопленных. С помощью таких подлых и гнусных методов гитлеровцы рассчитывали обезопасить свой тыл от нежелательных элементов. Вместе с тем такие приказы гитлеровских генералов явились смертным приговором для многих тысяч ни в чем не повинных мирных советских граждан.

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 25, л. 126.

² Фонды Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, инв. № 42047.

Невиданные зверства и насилия нацисты совершали над мирным населением Белоруссии в период проведения карательных экспедиций. Под предлогом «борьбы с партизанами» каратели превращали в зоны пустынь целые районы. Тысячи деревень сметались с лица земли, население их истреблялось, угонялось в концлагеря или в фашистское рабство в Германию.

Карательные экспедиции осуществляли войска вермахта, полицейские и жандармские подразделения, отряды полиции безопасности и СД.

Эти экспедиции, как правило, проходили под руководством обергруппенфюрера СС фон дем Бах-Зелевского, начальника СС и полиции в Белоруссии бригаденфюрера фон Готтберга, обергруппенфюрера Екельна и других фашистских генералов.

Общее руководство организацией и проведением карательных операций, сопровождавшихся чудовищными расправами над мирным населением, сожжением деревень, разграблением имущества, осуществлял начальник оперативного управления генерального штаба сухопутных войск генерал Хойзингер. С августа 1942 г. ему непосредственно подчинялись все охранные войска, расположенные на оккупированной территории. В одном из совершенно секретных документов гитлеровцев от 10 августа 1942 г. говорится, что «руководство всеми вопросами борьбы с партизанами и использованием охранных частей отныне осуществляет оперативное управление генерального штаба...»¹ Это управление проводило свою деятельность по борьбе с партизанами во взаимодействии с СС, полицией безопасности и СД. Не без его ведома 27 октября 1942 г. обергруппенфюрер СС фон дем Бах-Зелевский и командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Центр» генерал фон Шенкендорф заключили соглашение о совместных действиях частей вермахта, СС, полиции безопасности и СД против партизан и населения.

Только с ноября 1942 г. по март 1943 г. на территории генерального комиссариата Белоруссии под руководством бригаденфюрера войск СС фон Готтберга

¹ «Фашистского палача к ответу». Документы о преступлениях Адольфа Хойзингера против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечества. М., 1962, стр. 127.

было проведено 11 крупных карательных экспедиций против партизан и населения. В донесении оперативному управлению генерального штаба сухопутных войск от 6 февраля 1943 г. командование группы армий «Центр» сообщало, что по состоянию на январь 1943 г. было уничтожено свыше 100 тыс. партизан. На самом деле под видом партизан истреблялось мирное население — женщины, дети, старики. Об этом свидетельствуют многочисленные немецкие документы.

Бывший начальник охранной полиции в Минске, а затем заместитель начальника главного штаба по борьбе с партизанами генерал-майор Герф Эбергард, взятый в плен советскими войсками, на допросе говорил: «Мне известно, что в донесении в графу «вражеские убитые» включались расстрелянные дети, женщины и другие граждане, не являвшиеся партизанами...»

При проведении карательной экспедиции в районе Шацк — Слуцк в январе 1943 г. непосредственное участие принимал прикомандированный к подразделениям вермахта и полицейским частям ответственный сотрудник минского СД Вильке со своей зондеркомандой. В эти дни Вильке вел дневник, который позже был захвачен советскими войсками. Вот что писал Вильке в этом дневнике:

«Каждую минуту при приближении к дер. Русаковичи слышен пулеметный и автоматный огонь головной роты, идущей в 2—4 километрах впереди, и, как позже выяснилось, мое предположение было правильно, что при приближении головной роты к деревне жители ее пытались убежать в лес, и головная рота открыла огонь, несколько человек убито. Батальон включает их в количество убитых врагов, однако трудно сказать, что это были действительно партизаны. Я сказал майору, что до сих пор мы причисляли подобных лиц к числу подозреваемых в связи с партизанами. Он же причисляет их к числу уничтоженных партизан! Его формулировка кажется мне понятной, он, видимо, имеет цель увеличивать количество бандитов, павших в бою. Вечером я убедился, что среди убитых едва ли был хоть один настоящий партизан»¹.

¹ Архив Института истории АН БССР, ф. 4, оп. 4а, д. 5, л. 6.

В записи от 22 января 1943 г. Вильке писал: «Выступление команды в 7.00 в Волосач, в 9.30 прибыли в Волосач. 15 мужчин, 41 женщина, 50 детей (всего 106 человек) спецобработано за подозрение в принадлежности к партизанам или как пособники партизан».

В дер. Зазелье, пишет далее Вильке, «все жители согнаны и вместе спецобработаны». Термином «спецобработаны» гитлеровцы в документах маскировали свои чудовищные преступления.

Собственноручные записи Вильке свидетельствовали о том, что садизм кровавых изуверов, рожденный ненавистью к свободолюбивому и мужественному белорусскому народу, не знал предела.

Гитлеровские изверги грабили, жгли, убивали, наслаждались предсмертными муками безоружных женщин, беспомощных стариков и детей. Они зажигали костры из живых людей, предварительно облив их бензином, умерщвляли детей, раздробляя им головы об угол уцелевшего дома, ломали позвоночники о солдатское колено. Это был один из способов «бескровного» умерщвления, при котором экономились патроны.

В мае и июне 1943 г. против партизан и населения Бегомльского, Плещеницкого, Лепельского, Докшицкого и других районов Белоруссии гитлеровские каратели организовали экспедицию, которая фигурирует в немецких документах под названием «Коттбус». Для этих целей они использовали воинские и полицейские формирования, танки, артиллерию и авиацию. Во время этой операции только одной группой карателей, которую возглавлял тот же Вильке, за период с 11 мая по 17 июня, как явствует из его донесения, было расстреляно 3616 человек, захвачено для отправки в Германию мужчин 2812, женщин 450, а также захвачено 3196 голов крупного рогатого скота и телят, 2182 овцы, 760 лошадей, 663 тонны зерна и т. д.¹ В результате зверских расправ было сожжено 113 деревень.

Характерным разоблачительным документом об этой операции является отчет немецкого уполномоченного по сельскохозяйственным вопросам Бёльта, действовавшего в районе операции «Коттбус».

¹ Фонды Белорусского государственного музея Великой Отечественной войны, инв. № 42047.

«Во время операции,— доносил Бёльт,— моя задача состояла в том, чтобы собирать скот и сельскохозяйственные продукты. В связи с этим я побывал во многих деревнях. Каждому ясно, что там, где прошли бои, остаются следы опустошения. 26 мая на краю дер. Небызино я обнаружил обгоревший сарай, в котором находились шесть обуглившихся трупов. Это было сразу же после занятия деревни. Такие вещи заставляют жителей полагать, что люди были сожжены заживо. Вместе с районными сельскохозяйственными уполномоченными Вертманном и Хартманном я собрал 797 голов крупного рогатого скота, 575 голов овец и 1 вагон шкур и кож»¹.

Вслед за этой операцией каратели под шифром «Германи» совершили расправу над населением Ивенецкого, Воложинского, Столбцовского, Новогрудского, Кореличского, Мирского, Любчанского и других районов Барановичской области. Только в Воложинском районе они сожгли 26, а в Ивенецком — 39 деревень и тысячи хуторов. Деревни Доры, Дубовцы, Мишаны, Давгулевщина, Лапицы, Среднее Село, Романовщина, Нелюбы, Палубовцы и Макричаевщина Воложинского района были сожжены вместе с жителями.

В конце 1943 г. были предприняты операции широких масштабов под названием «Фриц», «Генрих» против населения Витебской и Полоцкой областей. В результате этих операций под видом борьбы с партизанами гитлеровцы уничтожили большинство населения Россонского, Освейского, Меховского, Суражского, Глубокского и других районов. Так, например, в телеграмме от 14 октября 1943 г. оберштурмфюрер СС Вильке докладывал, что в результате операции «Фриц» убито 327 человек, взято в плен (т. е. заложников) 227 человек, спецобработано 182 человека, сожжено 87 деревень; захвачено рабочей силы: мужчин 6752, женщин 3264, детей 1708; изъято 35 тыс. голов крупного и мелкого скота².

Страшные злодеяния на временно оккупированной белорусской земле совершил 15-й немецкий полицейский полк. Только 3-й батальон этого полка за два с

¹ Архив Института истории АН БССР, ф. 4, оп. 4а, д. 2, л. 6.

² См. «Правда», 31 января 1963 г.

половиной месяца в 1942 г. истребил в районах Бреста, Пинска, Кобрина, Дивина, Малориты и Березы-Картузской 44 837 советских граждан — мужчин, женщин и детей, из них, как явствует из штабных документов батальона, партизан — 113.

Захваченные Советской Армией документы 3-го батальона со всей убедительностью вскрывают звериный облик фашистских палачей — майора охранных войск Голлинга, капитанов Пельса и Гельмута Заура, оберлейтенанта Мюллера и др.

Лишенные совести и чести, эти люди с моралью животных хладнокровно и «деловито» пишут о своих чудовищных преступлениях.

Вот некоторые выдержки из так называемого «Журнала боевых действий» батальона о карательных действиях в Брестской области:

«...20 сентября 1942 г. Кобрин.

В различных населенных пунктах арестованы русские подданные; 55 человек расстреляны...

23 сентября 1942 г.

Батальонный командный пункт — Мокраны.

Операция начинается с окружения населенных пунктов и заканчивается в ранние утренние часы. С наступлением дня жителей собирают, и их проверяет особая служба... В Борисовке согласно приказу расстреливают 169 мужчин, женщин и детей, в Борках — 705 и в Заболотье — 289 мужчин, женщин и детей. Затем приступают к конфискации скота, орудий и зерна...»¹

Выполняя преступные планы истребления советских людей, гитлеровцы не остановились даже перед подлым убийством детей-сирот из Домачевского детского дома Брестского района. 23 сентября 1942 г. они расстреляли 54 детей — воспитанников детдома в возрасте от 3 до 14 лет и воспитательницу Полину Грохольскую.

Приведенные примеры чудовищных злодеяний гитлеровцев являются немногими из тысяч им подобных фактов.

Преступления, совершенные оккупантами в Белоруссии, по своей массовости, планомерности, изощрен-

¹ «Преступные цели — преступные средства», стр. 58.

ности и ужасающей «деловитости» не знают себе равных в истории. Они совершались на протяжении трех лет оккупации Белоруссии.

Общая картина этих преступлений обрисована в документах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

За годы оккупации (1941—1944) на территории Белоруссии гитлеровцы истребили 1 409 225 мирных граждан и 810 091 военнопленных, угнали в фашистское рабство 377 776 человек¹.

Таков итог чудовищных злодеяний нацистских захватчиков на белорусской земле в годы второй мировой войны. Жестокими и свирепыми расправами нацисты не запугали белорусский народ, не поставили его на колени. Кровавый режим гитлеровских оккупантов еще более возбуждал ненависть белорусского народа к захватчикам и усиливал пламя всенародной партизанской войны.

Эта война явилась закономерным результатом освободительной борьбы народа, отстаивавшего свою свободу и независимость, великие завоевания социализма.

Преступления, совершенные гитлеровскими захватчиками, не могут быть забыты. Они не только обличают фашистских палачей, но и зовут к бдительности. Они требуют напомнить всем людям о том, какое зло таится в возрожденном милитаризме и неонацизме, в деятельности тех, кто ведет подготовку к новой войне, грозящей человечеству еще более чудовищными разрушениями и гибелью миллионов людей.

¹ ЦГАОР БССР, ф. 845, оп. 1, д. 57, л. 1.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПОПЫТОК НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ СКРЫТЬ СЛЕДЫ СВОИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Более трех лет на белорусской земле свирепствовал кровавый режим фашистской оккупации, который преследовал не только полное порабощение и ограбление белорусского народа, но и уничтожение его как нации. Фашисты не только расправлялись со всеми, кто противился режиму «нового порядка», но и совершали чудовищные преступления по отношению к мирным гражданам и военнопленным.

Это были не случайные акты произвола оккупационных властей, а заранее продуманная, подробно разработанная программа уничтожения населения, проводившаяся с чудовищной последовательностью с первых и до последних дней оккупации.

По так называемому генеральному плану «Ост», как это видно из замечаний и предложений к нему Ветцеля, в Белоруссии планировалось выселить и истребить 75 процентов населения, не пригодного для немечивания «по расовым и политическим признакам»¹. Этот план был рассчитан на 30 лет. Однако фашисты стремились в ходе войны как можно больше уничтожить советских людей, чтобы сократить этот срок. Борьбу с партизанами они также использовали в качестве предлога для массового уничтожения мирного населения.

¹ «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 87—98.

В Белоруссии трудно найти населенный пункт, где бы фашистские оккупанты не уничтожали советских граждан, а некоторые деревни ими полностью были уничтожены вместе с жителями. Чтобы судить о масштабах убийств, производимых фашистами на территории Белоруссии, следует назвать следующие цифры. Здесь за годы оккупации фашистами было уничтожено более 2 млн. 200 тыс. человек¹. Это значит, что на протяжении трех лет в Белоруссии ежедневно умерщвлялось более 2 тыс. человек.

На территории республики оккупанты создали множество специальных мест для массового уничтожения людей. Это была густая сеть концентрационных лагерей, откуда редко кому удавалось выбраться живым, в каждом крупном населенном пункте — тюрьмы, гетто. Вблизи крупных городов, как правило, создавались «лагеря смерти» с кремационными печами, газовыми камерами, «душегубками» и прочим специальным «оборудованием». На территории республики было также значительное количество лагерей для военнопленных, которые по своему режиму мало чем отличались от концентрационных лагерей.

Кроме того что тысячи советских людей содержащихся в тюрьмах, гетто, концлагерях, расстреливались без всякого повода и предлога, фашисты подчинили задаче массового истребления заключенных сам режим в концлагерях и лагерях для военнопленных. Их умерщвляли путем голода, холода, при непосильном, изнуряющем труде, путем создания невыносимых антисанитарных условий, неизбежно вызывавших инфекционные заболевания. Больных же не только не лечили, но и преднамеренно заражали инфекционными болезнями. Таким образом, лагеря были настоящими фабриками смерти, которые беспрерывно пополнялись новыми жертвами по мере их уничтожения. Например, в Шталаге № 352, близ дер. Масюковщина Минского района, в 1941 г. умирало в сутки до 175 человек. В барановичской каторжной тюрьме ежедневно от голода и тифа умирало 80 человек, а с наступлением зимних холодов смертность достигла 320 человек в

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 521, л. 2.

день. В гомельском центральном пересылочном лагере, где одновременно томилось до 30 тыс. военнопленных, «нормальная» смертность составляла 300—500 человек, а в зимнее время — до 1 тыс. человек в сутки. В бобруйском концлагере № 131 в день умирало от 800 до 1 тыс. человек¹.

Этот «естественный» процесс массового уничтожения людей дополнялся, при весьма незначительной маскировке, искусственными мерами. Например, фашисты практиковали истребление узников путем замораживания. В лютые 30-градусные морозы они организовывали их перевозки на открытых железнодорожных платформах. После нескольких суток такой «транспортировки» трупы замерзших выгружали на какой-либо небольшой станции и отвозили в ближайший ров.

Так, в декабре 1941 г. из барановичского лагеря в бобруйский было привезено в 17 вагонах более 1 тыс. пленных. Люди не ели 7 дней, ехали на открытых платформах и в неотапливаемых вагонах, и почти половина из них за дорогу умерла. Но и эти вагоны были загнаны на двое суток в тупик. Там погибли почти все привезенные².

В то же время и таким же образом из бобруйского лагеря в барановичский было направлено 3200 военнопленных. Все они по дороге замерзли, и трупы их были сброшены под откос.

Нередко, для того чтобы дезориентировать жертвы, а также местное население, фашисты практиковали перевозки обреченных на уничтожение в другие города и даже страны. Так, в конце июня 1942 г. на ст. Барановичи в специальных эшелонах были привезены чехословацкие подданные с семьями в количестве 3 тыс. человек. Пересаживая людей в машины, фашисты заявили, что повезут их в город на обед. Однако их отвозили в урочище Гай, находившееся в 2 километрах от города, и там расстреливали. Часть была умерщвлена во время перевозки, в «душегубках»³.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 116, д. 137, л. 9—10; оп. 85, д. 413, л. 18—22.

² См. «Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15—29 января 1946 года)». Минск, 1947, стр. 353.

³ ЦГАОР БССР, ф. 845, оп. 1, д. 6, л. 22—23.

В первое время оккупанты не особенно заботились о том, чтобы скрывать следы своих преступлений. Захоронения умерщвленных, как правило, производились недалеко от лагерей в естественных либо специально приготовленных ямах. Трупы присыпались тонким слоем земли, да и то часто путем взрыва по соседству нескольких мин или гранат. Начиная же с зимы 1942/43 г. места массового уничтожения гитлеровцы начинают тщательно маскировать. Все это свидетельствовало о стремлении фашистов скрыть следы и масштабы своих преступлений.

На основании показаний многочисленных свидетелей и тщательного расследования комиссией установлено, что во многих местах массового уничтожения населения фашисты строили специальные сооружения для уничтожения трупов. Так, вилейской городской комиссией установлено, что в специальной яме у тюремной стены фашисты после каждого расстрела обливали трупы горючей жидкостью и сжигали. Только таким образом во дворе вилейской тюрьмы уничтожено около 7 тыс. трупов.

Следственной комиссией г. Полоцка установлено также, что из лагеря военнопленных, находившегося в бывшем военном городке, возле Спасского монастыря, трупы увозились на берег р. Полота, обливались керосином и сжигались. Всего там было сожжено более 20 тыс. трупов¹.

В концентрационном лагере «Колдычево» (Барановичская область) еще в ноябре 1942 г. была построена кремационная печь, в которой было сожжено 600 трупов заключенных, привезенных сюда из барановичской и столбцовской тюрем. После сооружения этой печи 6 заключенных, строивших ее, были умерщвлены.

В г. Кричеве на территории цементного завода немцы организовали лагерь для военнопленных. В результате тяжелого, нечеловеческого режима здесь в сутки умирало по 60—70 человек. Их трупы также сжигались в печи, специально оборудованной для этой цели².

¹ См. «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941—1944 гг.», стр. 285.

² ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 88, д. 522, л. 4—5.

В своей звериной злобе к белорусскому народу оккупанты не останавливались ни перед чем. Карательные экспедиции, наиболее сильно свирепствовавшие в 1943—1944 гг., также применяли своеобразный метод «маскировки». Если в начале войны трупы расстрелянных в деревнях не всегда даже закапывались, то с конца 1942 г., как правило, обреченных фашисты сгоняли в крупные помещения, расстреливали там и здание поджигали. Зачастую жители деревень сжигались полностью и заживо.

Вот несколько примеров. 3 апреля 1942 г. немецкий карательный отряд, ворвавшись в дер. Карпиловку Октябрьского района Полесской области, начал сгонять население в колхозный сарай и расстреливать. Когда сарай был наполнен трупами, его подожгли. Там были сожжены трупы свыше 600 граждан¹.

В конце ноября 1942 г. в дер. Порса из вилейской тюрьмы было привезено около 150 человек. Всех их загнали в баню гр-на Черепанова А. Д. и сожгли. Более 300 заключенных вилейской тюрьмы в то же время были сожжены в дер. Глинное (в 5 километрах от Вилейки) в доме гр-на Субача².

В бане по улице Партизанской в той же Вилейке было заживо сожжено 300 женщин, детей и стариков.

В дер. Голодец Быховского района 26 июня 1942 г. фашисты согнали жителей из 5 окружающих деревень в дома, заколотили досками окна и двери и подожгли. В огне погибло 434 человека. Таким же способом в дер. Студенец того же района было сожжено 402 человека³.

11 сентября так же зверски были уничтожены жители дер. Дремлево Жабинековского района Брестской области в количестве 286 человек. Бегством удалось спастись лишь трем подросткам (Ярмошуку Н., Данилюку М. и Юрасику М.). Они являются живыми свидетелями этого чудовищного злодеяния.

¹ ЦГАОР БССР, ф. 845, оп. 1, д. 56, л. 70—72.

² См. «Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15—29 января 1946 года)», стр. 190—192.

³ ЦГАОР БССР, ф. 384, оп. 1, д. 63, л. 37; ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 88, д. 522, л. 4—5.

Таким же образом в дер. Селец Рогачевского района Гомельской области было уничтожено 204 колхозника, в дер. Фалевичи того же района — 235. В самом Рогачеве 28 ноября 1943 г. фашисты согнали в сарай, находившийся на улице Друцкой, 200 человек и сожгли их заживо.

В феврале 1943 г. все население дер. Дяковичи Житковичского района Полесской области в количестве 336 человек было загнано в большой сарай и заживо сожжено.

14 января 1944 г. немецкий карательный отряд совместно с войсками согнал в дер. Ала Паричского района жителей окружающих населенных пунктов в количестве 1758 человек, в том числе 950 детей и 508 женщин, и всех сжег заживо. Таким же образом в дер. Байки было сожжено 957 человек, в дер. Кобылево Василевичского района Полесской области — 1050¹.

Подобные расправы учинили фашисты в дер. Збышин, Столище, Борки Кировского района Могилевской области, где в результате действий карательных отрядов в 1942 г. убито и сожжено заживо около 3 тыс. человек².

В мае 1943 г. в результате проведения операции «Коттбус» было полностью сожжено население деревень Осиновик, Небышино, Новоселки, Пьяный Лес, Витуничи, Будиловка, Дедиловичи, Берсеневка Бегомльского района, дер. Лесины Логойского района Минской области³.

Таких примеров можно приводить еще многие сотни. Всего только заживо сожжено в Гомельской области около 2 тыс., в Бобруйской — 4178, в Полесской — 7983 человека⁴.

Предчувствуя, что оккупированную территорию Советской Белоруссии вскоре придется оставить, немецко-фашистские захватчики с осени 1943 г. начали принимать меры для заметания следов своих гнусных

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 596, л. 7.

² ЦГАОР БССР, ф. 845, оп. 1, д. 56, л. 70—72.

³ ЦГАОР БССР, ф. 370, оп. 1, д. 2123, л. 45; ф. 7, оп. 1, д. 230, л. 51.

⁴ ЦГАОР БССР, ф. 845, оп. 1, д. 56, л. 70—72; ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 91, д. 273, л. 7—10.

преступлений, в том числе и в Белоруссии. В местах наиболее массовых расстрелов они приступили к извлечению трупов и сожжению их. Затем фашисты убивали и сжигали тех, кто выполнял эту работу. Как правило, это были заключенные концлагерей и военнопленные. Уничтожались и все случайные свидетели.

Ганс Кох, обер-лейтенант СС, криминал-комиссар гестапо, бывший начальник полиции безопасности в Орле, Орше, Борисове, Слониме, во время судебного процесса в Минске в 1945 г. на вопрос, для чего сжигались трупы, ответил: «Основная цель заключалась в том, чтобы скрыть массовое уничтожение советского населения... Массовые могилы должны быть уничтожены для того, чтобы впоследствии Красная Армия не могла установить, сколько советских граждан нами было уничтожено... Трупы откапывали советские граждане, после чего трупы сжигались, а люди, откапывавшие трупы, по окончании работы были расстреляны и также сожжены».

Этот же Ганс Кох показал, что сжигание трупов проводилось по совершенно секретному приказу, который именовался «приказ тайной натуры» и исходил от Гиммлера. Все комиссары гестапо, находившиеся на территории Белоруссии, получили даже в Могилеве у генерала войск СС Эрлингера наглядный инструктаж, как сжигать трупы.

Вот что рассказывает по этому поводу чудом оставшийся в живых свидетель Пилунов.

«4 октября 1943 г. 280 человек, заключенных могилевской тюрьмы, снабженных топорами, лопатами и пилами, привезли на поляну, близ Пашковского леса Могилевского района, и заставили рыть котлованы.

На них укладывались бревна и жерди, колотые дрова, кусковая смола и каменный уголь. Затем шел ряд трупов, снова ряд из дров, угля и смолы и снова ряд трупов. В такой штабель укладывалось до 20 рядов трупов. Все это сооружение высотой 8—10 метров, подпираемое вокруг кольями и жердями, обильно политое бензином, поджигалось с трех сторон. Каждая такая печь горела 3—4 дня.

Трупы извлекались просто руками. Из мест, залитых водой, их доставали навозными вилами и специальными крючками, сделанными из полудюймовых

железных прутьев. Тех, у кого начинались бесконечные рвоты при виде разложившихся трупов, немцы заставляли по несколько раз ложиться на трупы лицом вниз и дышать в течение 5—10 минут трупным запахом. Найденные ценности (часы, золото, в том числе и золотые зубы) собирались специально выделенным для этого человеком, который вознаграждал нашедшего сигаретой, кружкой кваса и др. Когда печь догорала, выделялась команда из 15—20 человек, которая специальными трамбовками, приготовленными по типу применяемых при ремонте дорог, дробила уцелевшие кости и смешивала их с грунтом. Партия в 35 человек занималась заготовкой дров, жердей, бревен для сжигания трупов.

Так в Пашковском лесу, близ Могилева, было сожжено в 5 подобных штабелях 35 тыс. человек.

С 20 октября начались раскопки ям-могил в бывшем артгородке, который находился в 12 километрах северо-западнее Гомеля. Там из трех ям было извлечено около 8 тыс. трупов военнопленных и гражданских лиц. Здесь были сооружены 2 таких же штабеля. Этой же группой заключенных в конце октября 1943 г. возле местечка Озаричи было извлечено из ям-могил около 4 тыс. трупов преимущественно гражданского населения и тут же сожжено в одном штабеле, который горел в течение двух суток»¹.

Подобные факелы из трупов горели по всей Белоруссии вплоть до самого изгнания фашистов.

Например, в акте Гродненской областной комиссии по расследованию злодеяний немецких фашистов сообщалось: «По мере приближения линии фронта в 1944 г. гитлеровцы, стремясь смыть следы своих преступлений, откапывали трупы, укладывали их в штабеля по 3—7 рядов, перекладывали соломой и сжигали. Пепел просеивали через сито, а могильные холмы сравнивали граблями и затем разбивали на них «цветники» и «огороды». Например, во дворе гродненской тюрьмы под такими «огородами» были раскопаны тысячи трупов и среди них живьем зарытые дети»².

¹ «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941—1944 гг.», стр. 140—149.

² ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 86, д. 34, л. 18—19.

В докладе Пинской областной комиссии также приводятся факты о том, что перед изгнанием фашисты разрывали экскаватором могилы, извлекали трупы, обливали их горючим веществом и сжигали. Всего в Пинской области таким образом сожжено свыше 30 тыс. трупов.

На основании свидетельских показаний и расследований судебно-медицинской экспертизы установлено, что весной 1944 г. недалеко от Минска, на хуторе Петрашевича, происходило сжигание извлеченных из ям трупов. Из восьми ям-могил было извлечено и сожжено около 25 тыс. трупов. Среди закопанного тут же пепла экспертная комиссия нашла в массовом количестве недогоревшие кости, зубные протезы, металлические вещи, остатки обуви и др.¹

Те же братские могилы, из которых фашисты не успели извлечь и уничтожить трупы, тщательно маскировались.

Утрамбованные могилы устилались сверху дерном либо маскировались под окружающий ландшафт. Если могилы находились вблизи пашни, чаще всего они запахивались и засеивались каким-либо злаком. На могильных ямах вблизи леса производилась посадка деревьев. Например, в березовой роще Арабовщина, возле г. Барановичи, могильные холмы на местах массовых расстрелов были сровнены с поверхностью и на них было проведено лесонасаждение. В Бобруйской области братские могилы маскировались путем прокладки по ним дорог, посева зерновых культур.

В шталаге № 337 (Барановичская область) многочисленные канавы, искусственные рвы, траншеи, заполненные трупами, сравнивались с поверхностью земли, а рядом делались ложные одиночные могильные холмики.

Отступая под ударами советских войск, гитлеровские захватчики стремились превратить оставляемую ими территорию в «зону пустыни». Они силой оружия стремились угнать на запад поголовно все население. Подобные «эвакуации» сопровождались чудовищными насилиями над мирными гражданами и массовым

¹ См. «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941—1944 гг.», стр. 213.

истреблением ни в чем не повинных беззащитных людей. Люди, которые отказывались покинуть родные места, как правило, расстреливались на месте, а их трупы сжигались в ближайших постройках. Чаще же всего уклоняющихся от эвакуации фашисты сжигали заживо.

Заместитель командира взвода штабной роты 530-го пехотного полка 299-й немецкой пехотной дивизии Генрих Гупе в своих показаниях вынужден был признать, что во время насильственной эвакуации населения из Гомеля все укрывавшиеся сгонялись в ближайшие дома и сжигались. Письменный приказ гласил о расстреле. Но Гупе признался, что «при отправке на свои участки командир 1-го взвода лейтенант Аренд сказал мне... что все обнаруженные на нашем участке люди должны исчезнуть»¹.

Перед отступлением из поселка Красный Берег Кличевского района 22 местных жителя, спасавшиеся в подвалах, были загнаны фашистами в один дом, который они облили бензином и подожгли.

Накануне отступления фашисты повсеместно проводили «разгрузки» тюрем и концентрационных лагерей, т. е. поголовное уничтожение заключенных.

С 15 июня по 1 июля 1944 г. проходила «разгрузка» концлагеря по улице Широкой в Минске, где постоянно находилось около 2,5 тыс. человек. Ежедневно приходило 4 «душегубки», в каждую из которых погружали по 100—120 человек и отвозили в кремационную печь в Малом Тростенце. За эти 2 недели таким образом были уничтожены все заключенные лагеря².

28 июня 1944 г., перед самым отступлением из Минска, фашисты наполнили доверху трупами огромный сарай колхоза имени Карла Маркса Минского района и подожгли. Притом, несмотря на поспешность этого мероприятия, немцы после каждой партии расстрелянных укладывали ряд дров. Трупы укладывались штабелями. Все это было обильно полито бензином и подожжено. Кроме того, для усиления темпера-

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 1384, л. 14—23.

² ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 87, д. 124, л. 11—16.

туры в сарай было заброшено большое количество немецких зажигательных бомб. Судебно-медицинской экспертизой установлено, что в этом сарае и рядом в специально установленном штабеле было сожжено 6,5 тыс. человек¹. В тот же день, отступая из г. Борисова, фашисты прямо во дворе борисовского концентрационного лагеря расстреляли всех мужчин. 600 трупов заключенных были облиты горючей жидкостью и подожжены.

Однако даже сжиганием фашистские изверги не смогли уничтожить следы своих чудовищных преступлений. Многочисленные могилы с пеплом и костями человеческих трупов, остатки разрушенных кремационных печей, свидетельские показания, данные судебно-медицинской экспертизы и документы неопровержимо изобличают немецко-фашистских палачей в содеянных ими преступлениях.

Многим бредовым замыслам гитлеровских фашистов не суждено было осуществиться. Красная Армия при активной помощи партизан освободила многострадальный белорусский народ от фашистского ига, спасла его от неизбежного порабощения и истребления. Героическая самоотверженная борьба советского народа окончилась всемирно-исторической победой.

Прошли многие годы. Белорусский народ давно залечил раны, нанесенные войной, возродил из пепла города и села республики. Однако наряду с сохранившимися в земле минами, складами снарядов нередко бульдозеры разрывают огромные ямы-могилы — следы преступных действий немецких фашистов.

¹ См. «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941—1944 гг.», стр. 212.

ГРУБОЕ НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ В ОБРАЩЕНИИ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ

Еще задолго до нападения на Советский Союз немецкие фашисты в деталях разработали целую серию планов, инструкций, директив по массовому истреблению советских граждан. На оккупированной территории Белоруссии они создали разветвленную систему тюремных застенков, лагерей смерти, опутали ее широкой сетью охранных дивизий, гестапо, СС, СД и прочими карательными органами. Оккупанты, пришедшие создать «новый порядок», иначе и не разговаривали с советским народом, как языком пистолета и виселицы. Все предавалось произволу, мечу и пожару.

Расправляясь с мирным населением — женщинами, стариками и детьми, гитлеровцы в первую очередь жестоко подавляли военнопленных, ведя неприкрытую политику истребления живой силы противника. И это совершалось в наш век, когда образованное человечество выработало гуманные принципы международных отношений. В частности, в приложении к Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны» говорится: «Воспрещается... а) убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался»... «Военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц и отрядов, взявших их в плен». В дальнейшем эти человеколюбивые принципы нашли свое отражение в дру-

гих документах международных отношений, которые запрещали использовать военнопленных на трудных и унижительных работах, а также запрещалось побуждать пленного к действиям, направленным против его родины. Германское правительство торжественно обязалось выполнять эти принципы и, более того, в законе о судостроительстве и судопроизводстве в военных судах в военное время от 17 августа 1938 г. провело идею Женевских конвенций 1929 г. Однако, преследуя низменную цель, фашистское правительство за несколько дней до нападения на Советский Союз издало приказ, в котором с откровенной циничностью растоптало всякое понятие о праве, международных договорах и человечности, предоставив полную инициативу немецкому солдату и офицеру чинить насилие и злодеяния над советским народом. Убийство, грабеж, насилие в немецкой армии были возведены в ранг военной доблести и всячески поощрялись.

Из многочисленных материалов следственных органов, судебно-экспертной медицины, актов Чрезвычайной комиссии, свидетельских показаний узников лагерей и очевидцев, а также показаний немецких военнопленных, документов немецких оккупационных властей и воинских начальников следует, что массовое уничтожение советских военнопленных было намеренным, заранее продуманным и определялось общими директивами, инструкциями и приказами, вытекавшими из сущности фашистской идеологии и оккупационной политики.

Незадолго до начала войны с Советским Союзом Гитлер собрал совещание командования высших штабов по поводу предстоящих военных действий с Россией. Умышленно искажая исторические факты, он сказал: «Борьба между Россией и Германией — это борьба между расами... Так как русские не участвуют в Гагской конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями Гагской конвенции...» «...Комиссаров не следует рассматривать как военнопленных»¹.

Участник этого совещания Франц Гальдер сообщает: Гитлер потребовал, «чтобы эта директива вы-

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 438.

полнялась даже тогда, если бы в дальнейшем не последовало его письменного приказа об этом».

Другой участник этого совещания, заместитель начальника оперативного отдела штаба ОКВ генерал Вальтер Варлимонт, заявил: «Гитлер затем добавил, что он вовсе не ждет от своих офицеров размышления над его приказами, единственное, что от них требуется,— это беспрекословное повиновение».

В директиве об обращении с ответственными политическими работниками, составленной ОКХ 12 мая 1941 г., цели в отношении политического состава Красной Армии сформулированы совершенно откровенно: «...советские политические работники и комиссары, взятые в плен вместе с советскими войсками, должны быть выделены и уничтожены»¹.

Выполняя эти чудовищные указания, немецко-фашистские оккупанты большую категорию советских военнопленных объявляли коммунистами и комиссарами и непременно уничтожали их. Фашистские палачи не размышляли над приказами Гитлера. Напротив, они с величайшим рвением выполняли его, принося мрачную дань нацизму.

Правила, изданные 8 сентября 1941 г. за подписью генерала Рейнеке, начальника управления по делам военнопленных при верховном командовании немецких войск, предписывали: «Следует действовать безжалостно и энергично при малейшем намеке на неповиновение, особенно в тех случаях, когда речь идет о большевистских фанатиках. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно сломлены силой оружия (штыки, приклады, огнестрельное оружие)»². Если учесть звериный инстинкт солдата фашистской армии, то становится очевидным, что после таких «правил» найти повод к усмирению не составляло особого труда. Лагерные команды сознательно вызвали противодействие со стороны пленных, затем избивали и расстреливали их. Только на территории Белоруссии «усмирённых» таким образом (читай: убитых и замученных) оказалось более 800 тыс. человек вся вина которых состояла в том,

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 1, стр. 439.

² «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 106.

что они являлись советскими военнопленными. Эта цифра ярко характеризует низменную политику фашистских руководителей и изуверскую изобретательность и пунктуальность ее исполнителей.

Процесс уничтожения советских военнопленных начинался с момента их пленения и продолжался при конвоировании, содержании в невыносимых лагерных условиях и организации специальных экзекуционных актов и изнурительных работ. Например, 17 июля 1941 г. партизаны отряда «Красный Октябрь» вытеснили немцев из занятой ими дер. Оземля Полесской области. На кладбище они отбили 10 красноармейцев, приведенных сюда для расстрела за их принадлежность к Компартии¹.

23 ноября 1943 г. советские войска освободили дер. Новоселки Гомельской области. В траншеях немецкой линии обороны они обнаружили 27 трупов зверски замученных советских военнопленных, многие из них были захвачены в плен тяжело раненными. Пленные были связаны по 5—10 человек. Ефрейтору Барышникову немецкие солдаты отрубили голову, Котырбаева сожгли на костре. У большинства других жертв отрублены конечности, отрезаны уши, носы, размозжены черепа, на трупах имелись ножевые раны и следы других истязаний².

Свидетель одного из случаев этапирования пленных немецким конвоем И. С. Анциперович заявил, что в июле 1941 г. по Колхозной улице Минска шла колонна русских пленных численностью в 3—4 тыс. человек. Уставшие и измученные голодом, многие раненые, они едва двигались. Тех, кто не мог двигаться, конвоиры пристреливали на улице. За малейшую попытку пленных взять хлеб или воду у подошедших к колонне женщин немцы немедленно убивали. После прохождения колонны вся улица была усеяна трупами³.

Лагерный режим соответствовал преступной цели уничтожения советских военнопленных и характери-

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 65, л. 38—42, 53.

² См. «Зверства немецко-фашистских захватчиков». Документы, вып. 14. Воениздат, 1943, стр. 28—29.

³ См. там же, стр. 21—22.

зовался жуткими бытовыми условиями, диким административным произволом и изуверством лагерных команд.

Как правило, военнопленные размещались в совершенно непригодных для жилья помещениях — конюшнях, сараях, складских зданиях и просто на улице, обнесенной колючей проволокой. Чрезмерная скученность, жуткая грязь, поголовная завшивленность, отсутствие элементарных санитарно-гигиенических мероприятий, лишение пленных питьевой воды, плохое питание доводили их до крайней степени истощения. К этому добавлялись изнурительные работы, эпидемии тифа и других инфекционных заболеваний. Избиение плетками, дубинками, прикладами, различные формы наказания по малейшему поводу и без повода и, наконец, летний зной, осенние стужи и зимний мороз, одиночные, групповые и массовые расстрелы — такова была участь узников лагерей смерти.

Вот как описывает условия, в которых находились военнопленные шталага № 352 (близ Минска), бывший узник этого лагеря Г. А. Воронов: «Помещения представляли собой два темных, полуразрушенных сарая (бараки № 21 и № 22). В дыры барakov врывался страшный холод. Бараки не отапливались и не освещались. Пол был земляной... Жуткая грязь, вонь и теснота. Невероятный холод сковывал истощенных и измученных людей. Надежда усилить согревание воздуха (собственным теплом) заставила людей, находящихся в бараке № 22, перейти в барак № 21, в котором скопилось около 6,5 тыс. человек. Барак, имевший трехъярусные нары, не мог вместить такого количества людей. Большинство вынуждено было подвешивать к верхним стропилам сарая доски и плащ-палатки, в которых и размещались, рискуя каждую минуту сорваться и разбиться насмерть... Вода в бараке совершенно отсутствовала. Люди собирали смешанный с грязью снег и утоляли (им) жажду»¹.

Ефрейтор 28-го егерского полка 8-й немецкой дивизии Леопольд Бишоф в своих показаниях о судьбе советских военнопленных, заключенных в баранович-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 87, д. 124, л. 50.

ской тюрьме, писал: «Большая часть военнопленных (более 83 проц. узников.— *Авт.*) была вынуждена жить под открытым небом. Наступила зима, а с ней дожди, снег, холода. Пленные ночевали на дворе. Разводить огонь было воспрещено... Так, с 6 октября 1941 г. по март 1942 г. умерло примерно 3,5 тыс. человек, вернее, они были расстреляны. Число расстрелянных, по-видимому, превышало несколько тысяч, и, наверное, точно его никогда не удастся установить». Далее, сообщает Бишоф, в среднем от болезней и голода умирало 80 человек в сутки. Эта цифра достигла 320 человек с наступлением холодов в январе 1942 г. Пола, печей, подстилок из соломы в бараках этого лагеря не было, а на улице 35-градусный мороз, такая же температура и в бараках. Кто цеплялся за жизнь, тот целые ночи напролет двигался, чтобы согреться. «Пробежав целую ночь, люди ослабевали с каждым днем, и это все при плохом питании. В конце концов, в одну прекрасную ночь человек ложится, чтобы больше никогда не проснуться»¹.

О том же говорит заместитель коменданта лагеря № 131 Лангут: «Нормально этот лагерь мог принять только 3 тыс. человек, а в то время он уже имел 17 тыс., а впоследствии — 30 тыс. человек. В лагере не было воды, уборных и т. п... в сентябре 1941 г. до 20 тыс. военнопленных находились на улице, они не имели помещения и должны были сидеть под открытым небом»². В лагере № 131 в Бобруйске была отведена специальная штрафная площадка, куда Лангут однажды согнал 12 тыс. пленных, говорит П. М. Богдан. Всю ночь люди стояли по колено в воде, а сверху шел декабрьский дождь, днем же их выводили на тяжелые работы. Подобные пытки, голод и изнурительный труд доводили людей до крайней степени отчаяния. Люди сходили с ума, умирали, а живые бросались на проволоку, шли на ура в атаку, но всякий раз живая стена падала замертво от пулеметного

¹ «Зверства немецко-фашистских захватчиков». Документы, вып. 8. Воениздат, 1943, стр. 41—43.

² «Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15—29 января 1946 г.)», стр. 339, 340.

огня. Иные сами подходили к часовому и просили, чтобы он расстрелял их.

В докладной записке министериального советника Дорша рейхслейтеру Розенбергу от 10 июля 1941 г. читаем: «В минском лагере¹, расположенном на территории размером с площадь Вильгельмплац, было собрано 140 тыс. военнопленных и гражданских лиц. Пленные, загнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные надобности там, где стоят»².

Самым распространенным и жестоким методом массового уничтожения военнопленных было обречение узников на голодную смерть. Призрак голодной смерти безжалостно косил измученных людей и сотнями уносил их в могилы. Многочисленные документы и свидетельства узников и немецких военнопленных показывают, что во всех лагерях, размещенных на территории Белоруссии, существовали унифицированные нормы питания пленных, состоявшие из пол-литра мучной баланды или супа из гнилого и немытого картофеля и не более 100 граммов хлеба из смеси ячменя с древесными опилками. Таков дневной рацион советского военнопленного. Часто были отклонения, когда пленных вовсе не кормили по нескольку дней кряду. Об одном из таких «отклонений» в езериченском лагере (Витебская область) 22 марта 1943 г. писал секретарь Меховского подпольного райкома комсомола Раханов: «Страшную картину представлял этот лагерь смерти. Замученных, голодных пленных немцы не кормили. Однажды они решили «оказать милость» — заставили крестьян притащить сдохшую лошадь. Варить не разрешали, и обезумевшие от голода люди с жадностью ели дохлятину»³.

Голод доводил людей до людоедства, сообщает Г. А. Воронов о шталаге № 352. Такие случаи наблюдались во многих лагерях Витебской, Полоцкой областей, в кричевском лагере, в лагере близ аэродрома Луполово (Могилевская область) и других местах Бе-

¹ Речь идет о лагере, расположенном в городе Минске, на территории артгородка.

² ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, д. 138, л. 180.

³ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 3856, оп. 1, д. 11, л. 88.

лоруссии. Немецкие солдаты, пользуясь таким состоянием военнопленных, вырезали у убитых пленных печеньку и продавали ее обезумевшим от голода людям¹.

Изнуренные тяжелой работой и до крайности истощенные люди обычно едва волочились на распухших, одеревенелых ногах, за что лагерная команда беспощадно избивала их. Избиение заканчивалось только тогда, когда жертва умирала.

Лагерная команда по самым пустячным причинам жестоко наказывала пленных. Так, за поломку нар в лагере № 352 комендант лагеря Липп выгнал пленных на мороз, среди которых были больные, раздетые и босые. Продержав на улице семь часов, пленных привели в бараки, а на месте наказания осталось лежать более 200 трупов².

В Езерищенском лагере пленных обвинили в краже одной буханки хлеба. Их выстроили и начали издевательский допрос. Угрюмым и презрительным безмолвием пленных было сказано, что виновных нет. Тогда немцы начали стрелять по строю. Убитых хоронить не разрешали, раненые умирали в страшных муках. Однако этого палачам показалось мало. Пять дней они не давали пленным пищи и воды. Убитых и умерших выбрасывали за проволочную ограду лагеря. Всего таким образом в этом лагере было замучено 45 процентов состава военнопленных³.

Дорого обходились военнопленным допросы, производимые немцами в целях выведывания военной тайны. Бывший начальник полиции безопасности в Орше, Орле, Брянске и Слониме обер-лейтенант Кох показал, что им лично на следствии застрелены три советских офицера. «Здесь мы их стали допрашивать,— говорит Кох,— но так как они молчали, то мы их избивали, подвешивали на дверь, а также пытали электричеством. Один из трех человек лично мною был ранен... Я проколол ему живот шомполом»⁴.

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 306, л. 96.

² ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 87, д. 124, л. 50—52.

³ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 3856, оп. 1, д. 11, л. 88.

⁴ «Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15—29 января 1946 г.)», стр. 111.

Положение советских военнопленных в лагерях было настолько тяжелым и беспросветным, что многие доходили до отчаяния и кончали жизнь самоубийством, либо провоцировали расстрел, как наиболее легкое и верное средство избавления от непрерывных жестоких мучений.

Голод, большая скученность, непрерывные истязания и инфекционные болезни приводили к невероятной смертности среди пленных. В гомельском центральном пересыльном лагере, где одновременно томилось 30 тыс. человек, читаем в сообщении Чрезвычайной комиссии, смертность доходила до 300—500 человек ежедневно.

Как ни велика была смертность в лагерях, лагерные врачи умышленно распространяли инфекционные заболевания среди пленных. В бобруйском лагере, например, они совместно с лагерными офицерами отбирали сыпнотифозных и размещали их среди пленных, где еще не было очагов вспышки эпидемии.

Все это не укладывается в воображении, однако безумству фашистов не было предела, и они учиняли все новые и новые зверства. В тех случаях, когда лагерные команды не справлялись с уничтожением пленных, они призывали на помощь маршевые войсковые части.

Об одном из случаев массового расстрела в шталаге № 352 мы узнаем из показания участника этого чудовищного преступления Алоиза Геттериха, солдата 559-го полка 327-й немецкой пехотной дивизии.

27 января 1943 г. обер-лейтенант Пихтер сказал, что батальон снимается с марша для выполнения «особого задания» в Минске. В течение 28—31 января батальоном было расстреляно 10 тыс. советских военнопленных и мирных граждан, в том числе женщин, стариков и детей¹. Учинив это злодеяние, батальон отправился на фронт.

9 ноября из лагеря № 131 колонну пленных в 3 тыс. человек повели в сторону Слуцка. Люди походили на тени; измученные и избитые, они падали замертво,

¹ См. «Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15—29 января 1946 г.)», стр. 255.

устилая путь трупами. Ехавший за колонной в качестве ездового на подводе Л. М. Богдан на протяжении 13 километров пути насчитал 729 человек умерших и расстрелянных.

— До Слуцка почти никто не дошел,— говорит Лангут,— так как этот маршрут был организован специально для уничтожения военнопленных, уцелевших от инспирированного пожара в лагере.

Этими фактами не ограничивается преступная деятельность фашистских захватчиков в отношении военнопленных. Однако и они достаточно разоблачают убийц и убедительно доказывают, что в механизме смерти фашистские палачи были отнюдь не слепыми исполнителями чужой воли и потому должны понести самые тяжкие наказания за содеянные преступления.

Белорусский народ, переживший ужасы коричневой чумы, настоятельно требует обуздать и тех, кто ныне приютил фашистских убийц и приспособил их к новой антинародной империалистической политике.

Звон Бухенвальда, живые и мертвые свидетели — жертвы Освенцима, Майданека, Тростенца и других фабрик смерти — все настойчивее призывают приковать к позорному столбу поднимающее голову фашистское чудовище и атомных маньяков.

ТЕРРОР И ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ В ЛАТВИИ

(1941—1945 гг.)

Латвия — небольшая страна. До второй мировой войны в ней насчитывалось около 2 млн. населения. Маленький и трудолюбивый латышский народ имеет героическую историю борьбы против иноземных и внутренних врагов, против балтийских баронов, царских сатрапов и предательской национальной буржуазии. Но самыми злейшими врагами латышского народа были германские агрессоры, не раз пытавшиеся покорить Латвию, ликвидировать ее государственность и культуру.

Вековая борьба народа кончилась победой: в 1940 г. латышский народ восстановил Советскую власть в стране и в семье братских народов Советского Союза стал строить новую, светлую жизнь.

Но недолго пришлось латышским трудящимся пользоваться благами новой жизни. Началась Великая Отечественная война с фашистской Германией. Она явилась величайшим испытанием всех моральных и физических сил латышского народа, грудью вставшего на защиту Родины. Десятки тысяч латышей сражались с врагом в рядах Советской Армии, вели мужественную борьбу с захватчиками в подполье и в партизанских отрядах.

События военных лет показали, что у латышского народа не было врага, опаснее немецко-фашистских

оккупантов, что само существование народа было поставлено под вопрос — быть ему или исчезнуть с исторической арены. Опасность вытекала из самой сущности нацизма. Нацисты действовали по заранее задуманному плану, с присущей немцам последовательностью.

Захватив территорию Латвийской ССР, фашисты установили в республике зверский оккупационный режим. Оккупанты полностью ликвидировали суверенитет и государственность латышского народа. Латвия была включена в состав имперской провинции «Остланда».

По приказу Гитлера от 17 июля 1941 г. рейхскомиссаром «Остланда» был назначен нацист Генрих Лозе, который пользовался неограниченной властью. Генеральным комиссаром Латвии был назначен другой нацист — Дрекслер.

Территория Латвии была разделена на 6 округов во главе с гебитскомиссарами.

В начале войны оккупанты не хотели создавать какой-либо местный аппарат в масштабе всей республики, поэтому местные коллаборационисты были привлечены на работу только в низшем звене — в уездах и волостях. Уездные и волостные старшины были назначены из числа местных фашистов, но, разумеется, они никакой самостоятельностью не пользовались, а полностью подчинялись немецкой администрации.

Для службы в полиции и других карательных учреждениях тоже привлекались местные фашисты, также на низшие должности.

После разгрома немецких войск под Москвой оккупанты стали менять политику в отношении местной буржуазии, они шире начали привлекать к работе в учреждениях местных реакционеров.

25 марта 1942 г. в Латвии было создано так называемое самоуправление во главе с генеральным директором Данкером — бывшим офицером царской армии и генералом армии буржуазной Латвии.

До войны Данкер уехал в Германию, доказав, что он «чистокровный» немец. Вернувшись из Германии, он выдавал себя за «чистокровного» латыша.

«Самоуправление» во главе с таким и ему подобными деятелями никакой самостоятельности не имело.

Это была приманка, чтобы под вывеской «самостоятельности» лучше выкачивать налоги и поставки, а позднее производить незаконную мобилизацию и вывоз населения из Латвии.

Латышский народ был совершенно бесправным. Правовые положения населения не были зафиксированы ни в одном документе, и жизнь, честь, а также свобода передвижения любого гражданина зависели от воли того или иного военного или гражданского немецкого чиновника. Правовое положение населения хорошо показывает распоряжение рейхсминистра Розенберга, опубликованное в издании министерства оккупированных восточных областей. Это распоряжение вменяет в обязанность жителям оккупированных территорий соблюдать немецкие законы и выполнять распоряжения немецких властей. Согласно этому распоряжению жителям ненемецкой национальности угрожала смертная казнь или тюремное заключение за любое противодействие, оказанное немецким оккупационным властям или отдельным их представителям, а также за намерение оказать такое противодействие, более того, смертная казнь угрожала также и за несообщение властям о готовящемся противодействии. Смертная казнь за подобные проступки предусматривалась даже для несовершеннолетних.

Расстрел угрожал, например, за слушание иностранных радиопередач, за невыполнение поставок сельскохозяйственной продукции, за уклонение от работы, за оказание помощи партизанам или военнопленным, за появление на улице в комендантский час и т. д.

Нацисты не только угрожали, но и расстреливали людей, в большинстве случаев без суда и следствия. Так, например, 31 марта 1945 г. за слушание иностранного радио нацисты застрелили Бракманиса Роберта — крестьянина Гренченской волости¹.

О своих преступных планах в отношении латышского и других народов Прибалтики нацисты говорили с наглой откровенностью, «обосновывая» их необходимостью расширения «жизненного пространства для Германии». Фашистские заправилы прямо писали о своем намерении физически истребить, часть германи-

¹ Музей революции Латвийской ССР, инв. № 14495/115568-VII.

зировать, а некоторую часть прибалтийского населения расселить на опустошенных землях Белоруссии.

В известной статье «Германизировать ли?» от 20 августа 1942 г. Гиммлер писал: «Наша задача — не германизация Востока в старом смысле слова, не обучение местного населения немецкому языку и немецким законам. Наша задача обеспечить, чтобы на Востоке жили только люди, действительно немецкой, германской крови...»

Эти планы не остались только на бумаге.

Расстрелы, аресты и избиение мирных граждан осуществлялись с первого дня оккупации по мере продвижения захватчиков на восток. Этим главным образом занимались специальные команды, созданные для этой цели, военные комендатуры и другие специальные отряды.

Надо сказать, что уже с первых дней оккупации на помощь оккупантам пришли местные фашисты — предатели латышского народа. Они активно участвовали в арестах и расстрелах мирных жителей. По указанию оккупантов местные фашисты организовались в так называемые отряды «самозащиты», «стражи отечества» и другие вооруженные банды. Эти формирования возглавляли военные преступники Вейсе, Крейшманис, Пленснерс, Лобе, Арайс, Крипенс и др. Разумеется, все местные вооруженные отряды действовали по указанию и под руководством оккупантов.

Одновременно с установлением гражданской власти оккупанты создали и свой обычный, очень сложный и громоздкий полицейский аппарат — аппарат террора и насилия — СС, СД, полиции порядка и другие карательные и полицейские учреждения, широкую сеть тюрем, концентрационные лагеря, гетто и другие места заключения.

Кроме того, оккупанты создали на территории Латвии ряд лагерей для советских военнопленных, превратив их в лагеря смерти.

С осени 1941 г. верховным руководителем войск СС и полиции «Остланда» стал обергруппенфюрер СС и генерал полиции Фридрих Еккельн. Заместителем Еккельна и начальником полиции порядка «Остланда» был генерал-лейтенант Георг Едиге, начальником СД и гестапо — генерал-майор Шталекер, а после его

смерти — с февраля 1942 г. генерал-майор полиции Иост, после него — полковник Рефрадер, полковник Панцигер и Фукс.

Командиром СС и начальником полиции Латвии был генерал-майор полиции Шредер, а командиром СД и гестапо в Латвии — подполковник полиции д-р Ланге, командиром полиции порядка в Латвии — полковник полиции Кнехт.

Одним из самых зверских военных преступников на территории Латвии был командир СД и гестапо д-р Ланге. В его непосредственном подчинении были все тюрьмы, концентрационные лагеря и гетто, он лично руководил массовыми расстрелами мирных граждан.

По данным Чрезвычайной государственной комиссии, на территории Латвии во время фашистской оккупации существовало 46 тюрем, 23 концентрационных лагеря и 18 гетто — всего 87 мест заключения¹.

Надо сказать, что это неполные данные, ибо их количество менялось, а при отступлении нацисты всячески стремились замести следы преступлений и уничтожали все, что могло уличить их в совершенных злодеяниях.

Уже в первые дни оккупации фашисты, проводя массовые аресты, быстро переполнили все ранее существовавшие тюрьмы. Во временные тюрьмы и места заключения были превращены общественные здания, как-то: здания волостных управ, склады, погреба и разные другие помещения. В городах и селах, где до войны проживало некоторое количество еврейского населения, были созданы гетто. Они существовали недолго, так как уже в первые месяцы оккупации почти все заключенные в них были расстреляны, а часть арестованных была направлена в более крупные тюрьмы и концентрационные лагеря.

Самая крупная тюрьма была — рижская Центральная, через которую прошло в годы оккупации 50—60 тыс. заключенных.

Все тюрьмы, несмотря на постоянные расстрелы, или так называемые «чистки», всегда были переполнены.

¹ ЦГИА Латвийской ССР, ф. Р-132, оп. 25, д. 89.

Командир СД и гестапо «Остланда» Шталекер еще 21 июля 1941 г. докладывал в Берлин своему начальнику Зигерту о положении в Риге:

«В течение первых дней оккупации города все тюрьмы были переполнены до отказа... Последующие ликвидации дали некоторое облегчение положения. Все же непрекращающиеся мероприятия по задержанию лиц привели к тому, что уже сейчас помещения тюрем опять явно недостаточны»¹.

Переполнены были не только рижские тюрьмы. Так, например, в валмиерской тюрьме постоянно содержалось более 2 тыс. человек, тогда как максимальная ее вместимость 250 человек². В елгавской тюрьме, рассчитанной на 200 заключенных, содержалось до 1500 человек³.

Осенью 1941 г. недалеко от Риги, в Саласпилсе, нацисты приступили к строительству крупнейшего в Прибалтике концентрационного лагеря для политзаключенных. Саласпилсский концлагерь был центральным лагерем всего «Остланда» и имел много филиалов на территории Латвии. Народ его назвал «мельницей смерти».

Строительством и организацией лагеря руководил подполковник Ланге, он же принимал участие в массовых экзекуциях, которые систематически проводились в лагере.

В Саласпилском лагере содержались и были убиты не только граждане Советской Латвии. Сюда фашисты пригоняли также жителей Белоруссии, Литвы, даже граждан Польши и Чехословакии, Франции и других оккупированных стран.

Всего в Саласпилском концлагере фашисты убили или замучили 53 700 человек⁴.

Кроме того, под Ригой, в Бикерниеком лесу, ими было убито 47 тыс. мирных граждан, в Румбульском лесу — 38 тыс. человек. Массовые расстрелы производились также в Даугавпилсе, Лиенае, Резекне, Валмиере и других городах республики. В Латвии

¹ Материалы Института истории партии при ЦК КП Латвии.

² ЦГИА Латвийской ССР, ф. Р-132, оп. 26, д. 8, л. 3.

³ Там же, д. 13, л. 4.

⁴ Там же, ф. 505, оп. 26, д. 4, л. 1.

нет ни одного села, ни одной волости, ни одного города, где не было бы жертв нацистов.

Гитлеровцы без суда и следствия истребляли десятки тысяч рабочих, крестьян, интеллигентов, и в первую очередь коммунистов, комсомольцев, советских служащих — всех, кто, по их мнению, мог быть потенциальным противником оккупационного режима. Чаще всего людей истребляли без какой-либо вины, только потому, что они были люди другой, не немецкой нации. Среди убитых было много видных работников культуры, педагогов, художников, писателей, врачей, инженеров, общественных деятелей. Так, нацисты убили известного педагога, депутата Верховного Совета Латвийской ССР Я. Лиекниса, его жену, директора средней школы филолога Э. Лиекневитенберга, художника Я. Айжена, писателя Р. Лукса, актера Б. Перова, историка профессора С. Дубного, врача Л. Кирхенштейна и многих других представителей интеллигенции Латвийской ССР.

По указанию Кальтенбруннера гестаповцы весной 1944 г. убили митрополита Сергия.

К некоторым национальностям, как-то: евреям и цыганам — нацисты применяли политику геноцида. До войны в Латвии проживало около 90 тыс. евреев, а спаслись только те, которые успели эвакуироваться в глубь Советского Союза, да несколько десятков человек, которые нашли приют у бесстрашных антифашистов, остальные были поголовно уничтожены. Из некоторых источников, например показаний самого же Еккельна, видно, что количество уничтоженных евреев, граждан Латвийской ССР, превышает 76 тыс. человек.

По каким-то соображениям нацисты привозили евреев также из других стран Европы и убивали их под Ригой.

Основной формой уничтожения мирных граждан, которую применяли нацисты, был расстрел. Однако наряду с этим они применяли также передвижные газовые камеры-«душегубки» для умерщвления людей, вешали их, но так как все это требовало известного труда и средств, то фашисты применяли очень простую, но мучительную форму уничтожения — голод. Держали в лагерях, в тюрьмах людей без пищи,

без воды, пока те не умирали. Много заключенных погибло от разных болезней — тифа, дизентерии и др. Умирали от истязаний и пыток. Особенно это относится к политзаключенным — коммунистам, комсомольцам, антифашистам.

Для устрашения населения нацисты местами в Латвии применяли политику «выжженной земли», т. е. арестовывали и убивали поголовно всех жителей некоторых деревень, а деревни сжигали.

Яркий пример такой расправы — дер. Аудрини Резекненского уезда. Крестьяне дер. Аудрини скрывали у себя красноармейцев. В конце декабря 1941 г. в одной из хат этой деревни, а несколько позднее в лесу произошли столкновения между полицейскими и красноармейцами, несколько полицейских было убито.

Оккупационные власти арестовали всех жителей деревни, по данным полиции — 235 человек, а деревню сожгли дотла. 30 мужчин было расстреляно публично 4 января 1942 г. на базарной площади г. Резекне. Все остальные жители, в том числе старики, женщины, грудные дети, были расстреляны неподалеку от города, у Анчупанской горы¹.

В начале 1942 г. такая же участь постигла и жителей дер. Барсуки, где фашисты также расстреляли всех жителей в количестве 47 человек и деревню сожгли.

В декабре 1944 г. гитлеровцы зверски расправились с жителями Злекской волости, где с 7 по 10 декабря было арестовано и расстреляно или заживо сожжено более 150 мирных граждан и сожжено дотла 5 хуторов. Этой экспедицией руководил сам Еккельн, в расстрелах принимали участие отряды СД и гестаповцы, а также местные полицейские².

Истребление мирного населения республики не прекращалось до конца оккупации. За все эти годы на территории Латвии гитлеровцы и их местные приспешники убили, по данным Чрезвычайной государственной комиссии, 313 788 человек, в том числе 39 831 детей.

¹ ЦГИА Латвийской ССР, ф. 434/Р-70, оп. 3, д. 63, л. 42—43.

² Там же, ф. Р-802, оп. 1, д. 4, л. 146.

Кроме того, на территории республики было убито и замучено более 330 тыс. советских военнопленных¹.

Начиная с 1942 г. оккупанты систематически вывозили из Латвии в Германию рабочую силу для нужд военной промышленности. Вначале это делалось в форме «добровольности».

В январе 1942 г. в фашистских газетах, по радио, на плакатах было объявлено, что фюрер разрешил латышским юношам и девушкам «добровольно» поехать в Германию для отбывания трудовой повинности.

Но так как добровольцев не было, то юноши и девушки по спискам вызывались в полицию, и там их заставляли повиноваться и ехать в Германию на работу в военной промышленности. За неповиновение угрожал арест и расстрел.

Вывоз рабочей силы в Германию усилился в 1943 и 1944 гг.

Большая опасность вывоза всего населения возникла летом 1944 г., когда фашистская армия начала отступать с территории Латвии. Как свидетельствуют сами коллаборационисты, летом и осенью 1944 г. между латышскими квислингами (таким предателем народа, как генерал Бангерский), с одной стороны, и немецкими оккупационными властями (Еккельн, Матизен и др.), с другой, были обсуждены планы вывоза всего населения из Латвии.

Планировалось, например, из северной части республики на 100 тыс. подводах вывезти 500 тыс. человек, т. е. поголовно всех жителей.

Но этим планам не было суждено осуществиться — Советская Армия сорвала их, отрезав пути отступления фашистской армии, спасла латышскую нацию от неминуемой гибели.

Однако оккупанты успели все же часть населения вывезти. Например, осенью 1944 г. из Риги вывезли 70 тыс. человек. Людей, преимущественно трудоспособных мужчин и женщин, ловили по квартирам, на улицах, гнали в вагоны, на пароходы и отправляли в Германию для использования в военной промышленности и на траншейных работах в Восточной Пруссии.

¹ ЦГИА Латвийской ССР, ф. 505, оп. 30, д. 5, л. 1.

Часть населения, запуганная и обманутая фашистской пропагандой, уехала добровольно. Всего оккупанты насильственно и обманным путем вывезли из Латвии 279 615 граждан¹.

Многие из них погибли, особенно арестованные и заключенные в концлагеря, погибли и многие насильственно вывезенные для использования на траншейных работах и в военной промышленности, часть осталась в эмиграции, и только небольшое количество из вывезенных смогли вернуться домой.

Во время оккупации нацисты также проводили в Латвии незаконную насильственную мобилизацию в свою армию, нарушая все международные соглашения и традиции, силой гнали мужчин и юношей в немецкую армию и заставляли их воевать против своей родины. Всего было призвано 30 возрастов. Латвийский народ отверг эту мобилизацию. Десятки тысяч мужчин и юношей скрывались от мобилизации. Многие вступали в партизанские отряды. Однако, введя смертную казнь за дезертирство и непослушание, применяя полицейские меры и репрессии против мобилизуемых и их семей, фашистам удалось с помощью местных квислингов собрать две дивизии и погнать их на фронт. Многие из мобилизованных погибли или были ранены. Одну из этих дивизий, как неблагонадежную, фашисты вывезли в Германию, где ее солдаты попали в плен к их союзникам. Большинство из них не вернулись на родину.

Оккупанты нанесли огромный ущерб народному хозяйству республики. Вся экономика была поставлена на службу военной машине фашистской Германии. С первого же дня вступления гитлеровской армии начались реквизиции имущества и сельскохозяйственной продукции.

Государственные промышленные предприятия были объявлены собственностью Германии. Некоторые предприятия были сразу переданы в ведение военных властей. Скоро вся латвийская промышленность была поставлена на службу военным и экономическим интересам Германии.

¹ ЦГИА Латвийской ССР, ф. 505, оп. 30, д. 5, л. 1.

Тут же появились разные германские фирмы и монополии, которые стали прибирать к рукам промышленные предприятия республики. Фирмы «Бош», «Даймлер-Бенц», «Крупп», «Сименс-Остланд», «Телефункен-Остланд» и др. подчинили себе целый ряд промышленных предприятий.

Положение рабочих в период оккупации было тяжелым. Низкая заработная плата, продолжительный рабочий день (до 12 часов), низкие нормы продуктов по карточкам, которые были значительно ниже норм выдачи в самой Германии, отсутствие охраны труда — все это являлось характерной чертой рабского труда, введенного оккупантами на территории республики.

Экономическая политика оккупантов в области сельского хозяйства была направлена на обеспечение продуктами питания немецкой армии, а также гражданского населения Германии. Захватчики объявили землю Латвии собственностью Германии. Крестьянские хозяйства были обложены непосильными поставками сельскохозяйственной продукции.

Например, по приказу оккупационных властей в 1943/44 хозяйственном году крестьяне Латвии должны были сдать 190 тыс. свиней. В Рижском округе норма сдачи масла от одной коровы достигла 90 килограммов в год, что было значительно выше среднегодового производства масла на одну корову.

За невыполнение поставок угрожали суровые наказания — денежный штраф до 10 тыс. марок, конфискация всего имущества, тюремное заключение. За умышленное невыполнение поставок грозил расстрел. Кроме поставок оккупанты систематически проводили реквизиции. В результате только за первый год оккупации число лошадей в Латвии сократилось с 230 тыс. до 151 тыс.¹

Но самый большой урон народному хозяйству республики был нанесен при отступлении фашистов.

Гитлеровцы при отступлении применяли метод «выжженной земли», разрушая и сжигая все — города, села, промышленные предприятия, школы, больницы, жилые дома, посевы и насаждения. Применяя

¹ ЦГИА Латвийской ССР, ф. Р-69, оп. 1а, д. 10, л. 74.

специальные путеразрушители и взрывчатые вещества, гитлеровцы уничтожили железнодорожные пути, мосты и станции, водокачки и другие сооружения.

Всего за годы оккупации, по данным Чрезвычайной государственной комиссии, гитлеровцы нанесли республике материальный ущерб в 20 млрд. рублей.

Это, конечно, далеко не полный перечень преступлений и злодеяний нацистов, совершенных ими на территории Латвии. Но это такой страшный урон латышскому народу, какого он не знал за многовековую историю. И если латышский народ выдержал эти испытания, если залечил страшные раны, если Латвия сегодня является цветущей социалистической республикой, имеющей огромные успехи в развитии экономики и культуры, то это произошло только благодаря тому, что она находится в большой и дружной семье братских народов Советского Союза, от которых она получала помощь в годы войны и получает ее в годы восстановления и развития народного хозяйства.

ФОРТЫ СМЕРТИ В КАУНАСЕ

На Нюрнбергском процессе и целом ряде других процессов были доказаны и осуждены страшные преступления гитлеровцев, была вскрыта та моральная пропасть, в которую погрузились ослепленные фашистской «идеологией» организаторы и исполнители преступлений, истребившие только в Литовской ССР 700 тыс. человек¹, в том числе более полумиллиона местных жителей. Они сровняли с землей 21 деревню и несколько сот хуторов. Их жителей угнали в концентрационные лагеря, а в с. Пирчюпис сожгли заживо 119 человек, бросая в горящие дома грудных детей и расстреливая из автоматов вырывавшихся из пылающих зданий людей².

Там, где ступал сапог гитлеровского вермахта, лилась человеческая кровь. Вот некоторые из неопубликованных еще архивных документов, рассказывающих о страшных злодеяниях фашистских захватчиков. В отчетном докладе начальника 3-й эйнзатцкоманды полиции безопасности от 1 декабря 1941 г. писалось, что 3-я эйнзатцкоманда со 2 июля 1941 г. выполняла функции полиции в Литве. Вильнюсская область была принята им 9 августа 1941 г., Шауляй-

¹ См. «Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латышской, Литовской и Эстонской ССР». Рига, 1946, стр. 11.

² См. *Вуждавинис*. Трагедия села Пирчюпис. Вильнюс, 1963, стр. 50.

ская область — 2 октября 1941 г. До того времени в Вильнюсе работала 9-я эйнзатцкоманда, а в Шауляе — 2-я эйнзатцкоманда. Число казней, приведенных в исполнение 3-й эйнзатцкомандой и по ее приказанию литовскими охранниками, достигло 137 346 человек. В этом документе сообщается также, что 23 августа того же года в г. Паневежисе было расстреляно 7523 человека, 29 августа в г. Утена и г. Молетай — 3782 человека, 5 сентября в г. Укмерге — 4709 человек. 2 октября в местечке Жагаре при выводе на расстрел местных евреев ими было оказано сопротивление, при подавлении которого 150 человек было убито на месте. Всего в этот день в Жагаре было истреблено 2236 человек¹.

В отчете начальника полиции безопасности и СД Литвы за апрель 1943 г. сообщалось: «За отчетный месяц уезды Швенчёнис, Ошмяны, Свирь, Эйшишкес; волости Яшюнай и Тургеляй Виленского уезда; волости Рудишкес, Онушкис, Аукштадварис и Семелишкес Тракайского уезда были очищены от евреев. Таким образом, была создана пограничная полоса шириной 50—80 километров, свободная от евреев.

Проживавшие в указанном районе евреи были собраны в одно место, был произведен осмотр с целью выяснения работоспособных. Неработоспособные евреи (около 4000 человек) были подвергнуты спецработке² в Панеряе 5 апреля 1943 г...»³

В Панеряе, близ Вильнюса, массовые убийства начались с июля 1941 г. и продолжались до июля 1944 г. Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецко-фашистские палачи расстреляли и сожгли в Панеряе не менее 100 тыс. человек. Там погибли лучшие представители интеллигенции Вильнюса: профессор К. Пельчер — известный онколог, преподаватель медицины Вильнюсского университета, профессор-экономист Ю. Потковский, адвокат А. Булота и его жена А. Булотене; врачи: В. Барановский, А. Блумович, агроном А. Орловский, инженер К. Антушевич, артист Вярвич-Вихровский, председа-

¹ Институт истории партии при ЦК КП Литвы. Коллекция документов № 338, л. 29—32.

² Читай: убиты.

³ ЦГА Литовской ССР, ф. 1399, оп. 1, д. 26, л. 55.

тель Верховного Совета Литовской ССР Л. Адомаускас и др.

Люди уничтожались за то, что они не могли выполнить сельскохозяйственные поставки. Вот еще один документ. Областной комиссар Вильнюсского округа 2 марта 1943 г. сообщает генеральному комиссару в Каунасе, что «после того, как в начале декабря 1942 г. был повторно опубликован в форме плаката ясный и недвусмысленный приказ ко всему сельскому населению о поставках и было указано на то, что на виновных в его невыполнении будут наложены строжайшие взыскания, в начале февраля, когда положение с поставками хотя несколько и улучшилось, но все же оставалось отнюдь не удовлетворительным, я был вынужден в целях обеспечения снабжения фронта и тылового населения дать приказ о расстреле лиц, явно саботирующих обязательные поставки. 40 подобных саботажников были расстреляны службой безопасности в различных административных округах, причем расстрел производился немедленно тут же на месте»¹.

На проходившем в Риге в январе — феврале 1946 г. судебном процессе, на котором рассматривалось дело о злодеяниях фашистских захватчиков в прибалтийских республиках, было установлено, что на территории Советской Литвы они истребили в лагере № 133 (Алитус) 60 тыс., на Лысой Горке (Вильнюсский район) — 10 тыс., в Вилиямполе (пригород Каунаса) — 8 тыс., в районе Мариямполе (ныне Капсукас) — 7700 человек и т. д. До сих пор на территории Литовской ССР установлено 138 мест массовых убийств и сотни отдельных могил жертв гитлеровского террора.

В страшные места массового истребления людей были превращены форты Каунаса. Они были сооружены в начале нынешнего века и входили в систему Каунасской крепости. В районах II, III и VI фортов истреблялись советские военнопленные. Во II и III фортах выросли лагеря, которые номеров не имели; VI форт назывался лагерем № 336. После освобождения Литовской ССР корреспонденты

¹ ЦГА Литовской ССР, ф. 1173, оп. 3, д. 10, л. 12.

«Правды» в VI форте нашли интересные документы. «На толстой ватманской бумаге,— писал корреспондент «Правды»,— готическими буквами аккуратно выведено: «План дополнительного кладбища». Перелистывая дальше, я обнаружил подшивку записей личного состава заключенных. Не буду приводить их все, вот несколько наиболее типичных: «29 июня 42 г. больных 1131, здоровых 340, в отлучке 27; 1 января 43 г. больных 1322, здоровых 43, в отлучке 15; 10 января 43 г. больных 1304, здоровых 43, в отлучке 15; 20 января 43 г. больных 1294, здоровых 44, в отлучке 15...» и так далее.

Когда я показал эти записки моим спутникам, оказалось, что они обнаружили в каземате не менее страшные документы. Это были ведомости на выдачу пищи заключенным. Каждые три дня количество выдаваемой пищи прогрессивно уменьшалось. В июле лист перечеркнут и в углу от руки написано: желудочные больные в пище не нуждаются»¹.

Сохранились также «Указания для руководителей конвоев при рабочих командах», подписанные комендантом лагеря № 336 полковником Эргардтом. Он писал: «Каждый военнопленный рассматривается как враг»².

В 67 могилах VI форта, как свидетельствуют лагерные документы, зарыто 35 тыс. замученных советских военнопленных.

VII форт был превращен в страшное место пыток и казней мирных жителей. В подземельях форта без пищи и воды долгие недели томились старики, женщины, дети. Убийцы избивали и грабили заключенных, насиловали женщин, глумились над стариками, а потом производили массовые расстрелы. 8 тыс. замученных жертв — таков жуткий итог зверств в VII форте.

IX форт далеко превзошел все другие места массового истребления людей в Каунасе. В этом форте буржуазные правители Литвы с 1924 г. устроили тюрьму. До Советской власти в сырых камерах подземелья здесь томились участники революционного

¹ «Правда», 9 августа 1944 г.

² См. З. Кондратас. IX форт. Вильнюс, 1961, стр. 25.

движения — коммунисты Литвы и другие заключенные. Во время оккупации Литвы, уже в июле 1941 г., гитлеровцы согнали в IX форт около 1 тыс. военнопленных и заставили их рыть рвы за оградой форта. На площади 5 гектаров было вырыто 14 рвов, каждый свыше 200 метров длиной, 3 метров шириной и более 2 метров глубиной, и много небольших ям. Подготовка рвов заранее свидетельствует о том, что гитлеровцы с начала своей оккупации поставили целью методическое истребление мирного населения Литвы и советских военнопленных, для чего и был использован IX форт.

Среди первых жертв форта были лучшие сыны и дочери литовского народа — поэт В. Монтвила, депутат Верховного Совета СССР ткачиха фабрики «Кауно аудиняй» Я. Буджинскене, журналист Ю. Белецкас, художник Г. Ломсаргис, врач В. Жакиявичюс, негибимый революционер, 20 лет жизни которого прошли в тюрьмах во время господства буржуазии в Литве, депутат Верховного Совета Литовской ССР П. Зибертас. За одну ночь 4 октября 1941 г. было убито 1500, а несколько позже — еще около 2300 человек¹. Донося Гиммлеру об этом погроме в Каунасе, бригаденфюрер Шталенер отмечает, что «это было выполнено таким образом, что сторонний наблюдатель не мог заметить никакого приказа или подстрекательства со стороны немцев». Этими пособниками немецких фашистов, проводивших в жизнь страшную программу уничтожения людей, были отбросы литовского народа — импулявичюсы, шимкусы, пашкявичюсы, в настоящее время нашедшие гостеприимное убежище в странах капитала.

18 июня 1962 г. правительство Советского Союза обратилось к правительству США с просьбой принять надлежащие меры к выдаче советским властям военного преступника Антанаса Импулявичюса, ответственного за кровавые злодеяния и преступления против человечества. Однако правительство США не выдало преступника, нарушив тем самым соглашение государств, совместно воевавших против гитлеровской Германии.

¹ См. О. Капланас. IX форт обвиняется. Вильнюс, 1962, стр. 10.

В обращении общественности Каунаса к жителям Филадельфии, где ныне проживает Импулявичюс, писалось: «Нам трудно понять, почему в вашей стране находят пристанище такие военные преступники, как укмергский палач Мечис Пашкявичюс, панеряйский убийца Стасис Жакиявичюс, Антанас Импулявичюс и прочие бежавшие в США от справедливого возмездия литовского народа... Мы твердо убеждены, что в своем городе, среди честных и трудолюбивых филадельфийцев, не потерпите садиста, на совести которого смерть 50 тысяч человек... Пусть каждый филадельфиец узнает страшную истину о прошлом А. Импулявичюса, его связях со злейшими врагами человечества — гитлеровскими оккупантами»¹.

В октябре 1941 г. в IX форте была организована так называемая «большая акция». Тогда из каунасского гетто в IX форт было согнано около 10 тыс. человек. Наряду с мужчинами в ямы смерти загоняли женщин, бросали детей. В их истреблении принимал участие и батальон Импулявичюса. Свидетели рассказывают о том, как палачи на глазах обезумевших от горя матерей поднимали маленьких детей на штыки и сбрасывали их в яму. Иногда они загоняли людей в яму, обливали их бензином и поджигали. Так была сожжена семья доцента Каунасского университета доктора философии Н. Шапиро.

Гитлеровцы превратили IX форт в место массового систематического истребления, в международную фабрику смерти, названную ими предприятием № 1005-Б. Здесь трагически оборвалась жизнь тысяч жителей стран оккупированной гитлеровцами Европы — СССР, Австрии, Голландии, Бельгии, Франции, Монако, Польши, Чехословакии и др.

В октябре 1941 г. в IX форте была организована так называемая «малая акция». Тогда были расстреляны граждане Чехословакии. На судебном процессе карателей в Каунасе из 1-го (13-го) полицейского батальона подсудимый П. Матюкас показал: «Приехав в форт, мы увидели примерно 2 тысячи мужчин и женщин. Рукава у них были засучены до локтя.

¹ «Советская Литва», 14 сентября 1962 г.

Им сказали, что ведут делать противохолерную прививку. Но мы сделали другую прививку: стали загонять их по 100—150 человек в ров и там убивать. Операцию провели часа за полтора. После расстрела по паспортам узнали, что это были чехи»¹.

Уже в ранее упомянутом отчетном докладе начальника 3-й эйнзатцкоманды (полиции безопасности) от 1 декабря 1941 г. указывается о расстрелянных 29 ноября 2 тыс. переселенцах из Вены и Бреславля. В IX форте обнаружен паспорт Елены Вайс. Эта 68-летняя женщина, «эвакуированная» из Вены 20 ноября 1941 г. вместе с другими соотечественниками, спустя 9 дней была в IX форте убита.

В своем акте от 14 августа 1944 г. военная комиссия, расследовавшая злодеяния гитлеровцев в IX форте, писала: «...иностранцы привозились в Каунас под видом поселения и обеспечения земель и работой. Поэтому все иностранцы были привезены в IX форт со всем их движимым имуществом. За несколько дней до расстрела иностранцев гитлеровцы в районе крепости проводили усиленную стрельбу по мишеням, приучая иностранцев не бояться выстрелов. На расстрел иностранцы выводились мелкими группами под предлогом их медосмотра и прививок. Все иностранцы расстреливались одетыми с засученными рукавами и расстегнутыми воротничками... Среди них были участники первой мировой войны и бывшие офицеры польской армии, так как среди разбросанных вещей иностранцев местные жители видели ордена, фото в военной форме и другие военные знаки различия»².

В камерах форта сохранились далеко не все надписи, сделанные узниками на стенах, нарах, тумбочках. Однако оставшиеся надписи говорят о страшной международной фабрике смерти, которая была создана в IX форте. Кроме надписей на языках народов СССР много и на иностранных языках.

Возникает вопрос: почему гитлеровцы привозили людей из Бельгии, Голландии, Франции, Польши, Чехословакии и других стран убивать в Каунас? На

¹ «Советская Литва», 28 сентября 1962 г.

² ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 94, д. 2, л. 158.

этот вопрос можно дать следующий ответ. Во-первых, такие центры массовых убийств, как Бухенвальд, Освенцим, Дахау, Майданек, были, по-видимому, перегружены «работой» и не успевали обрабатывать непрерывно прибывавшие туда транспорты с обреченными на гибель людьми. Во-вторых, оккупанты, видимо, хотели остаться до конца верными своему «стилю» работы — дезориентировать и самих обреченных, и их оставшихся на местах родных. В-третьих, как это стало известно сейчас, гестаповцы разрешали своим жертвам по приезду в Литву писать домой письма о том, что они благополучно доехали до Каунаса и остаются здесь работать. Подобный коварный ход должен был облегчить гитлеровцам проведение «эвакуации» на восток в дальнейшем. Помимо этого, массовое убийство людей вдали от их родины должно было помочь гитлеровцам скрыть от широких масс трудящихся свои преступления.

К осени 1943 г. все рвы IX форта были заполнены расстрелянными. Каждый ров вмещал в себя более 3 тыс. трупов. После поражения на фронтах, предвидя свой неизбежный уход из оккупированных районов, в октябре 1943 г. гитлеровцы приступили к сжиганию трупов, чтобы скрыть следы своих кровавых преступлений.

Сурово звучит надпись, сделанная заключенным IX форта Гиршем Бурштейном: «Сжигаем трупы расстрелянных и ждем смерти. Братья, отомстите». Сжигать трупы фашисты заставили команду смертников из военнопленных и арестованных комсомольцев-подпольщиков Каунаса. Всех их со временем должна была постигнуть такая же участь. Смертников заковывали в кандалы. Их охраняли 35 автоматчиков-гестаповцев. Но и в этих условиях советские люди не пали духом. Они создали комитет сопротивления и комсомольскую организацию, которые готовили побег смертников. Можно представить себе ужас фашистов, когда они обнаружили, что 64 смертника совершили побег из форта. Многие из беглецов прибыли в партизанские отряды Литвы и сообщили через листовки и радио о фабрике смерти — IX форте.

Форт смерти в Каунасе — это один из многих памятников фашистского насилия, грабежа и убийств.

Лишь в IX форте гитлеровцы истребили более 60 тыс. местных мирных жителей, более 10 тыс. попавших в плен советских воинов и около 10 тыс. иностранцев — всего 80 тыс. человек.

Постановлением Советского правительства IX форт превращен в музей, который был открыт 30 мая 1959 г. На многочисленном митинге, посвященном открытию музея IX форта, первый секретарь Центрального Комитета КП Литвы А. Снечкус сказал: «Каунасский IX форт является живым воплощением зверств фашистской оккупации. Он ярко показывает, какие большие несчастья принесла трудящимся вторая мировая война. Но IX форт напоминает нам не только о жертвах. Как в годы буржуазного режима, так и в период гитлеровской оккупации он является местом жестокой борьбы, и эта борьба окончилась нашей победой. IX форт говорит нам не только о жертвах, но и о том, что тираны, капиталистические палачи осуждены историей, что их не спасут никакие зверства.

IX форт постоянно напоминает нам о том, что надо быть бдительными, не жалеть сил для того, чтобы никогда больше не повторились те жестокие злодеяния»¹.

¹ «Советская Литва», 31 мая 1959 г.

НАЦИСТСКИЕ ВРАЧИ — СОУЧАСТНИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

Развязывая мировую войну, фашистская Германия планировала захват и порабощение чужих стран и народов и установление своего «вечного» господства над миром. Приняв в этих целях на свое вооружение расизм, причем в его наиболее отвратительной и зверской форме, гитлеровская клика направила все свои усилия на претворение в жизнь этих сумасбродных планов.

Отравленные ядом человеконенавистничества, гитлеровские полчища мутным потоком хлынули в Европу, разлились по ней, неся с собой смерть и разрушения, и устремились затем на миролюбивое Советское государство. Человечество, пережившее за свою историю не один мрачный период, впервые с ужасом столкнулось с армией, злодеяния и зверства которой отодвинули на задний план самые страшные зверства и злодеяния, совершенные во времена нашествия гуннов, Чингис-хана, Мамай, чьи имена уже давно стали олицетворением варварства и бесчеловечности. Авангард и цвет этой армии составляли офицеры и генералы-преступники, антисемитские погромщики, вышколенные убийцы в мундирах гестапо, СА и СС, освобожденные своим «фюрером» от «сдерживающего начала ума» и от «химеры, именуемой совестью». Презирая и ненавидя другие народы, фашистские захват-

чки путем произвола и насилия, массового убийства ни в чем не повинных людей насаждали в захваченных странах свой «новый порядок».

На Европу опустилась коричневая ночь.

Государственной политикой, при помощи которой фашистская Германия стремилась навсегда сломить сопротивление и силы свободолюбивых народов, была политика геноцида, т. е. политика систематического и биологического истребления. «Я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви...— говорил Гитлер.— Существует немало путей, при помощи которых можно... добиться вымирания нежелательных для нас народов»¹. Над разработкой этих «путей» и «техники истребления» по указанию гитлеровского правительства и командования вермахта «трудилась» целая армия специалистов, в том числе и представителей медицины. Нацистские врачи внесли немалый «вклад» в осуществление этого чудовищного замысла массового уничтожения людей.

Гитлеровские правительственные органы и германское верховное командование издали целый ряд директив и распоряжений, регулирующих пищевой режим для военнопленных и лиц, содержащихся в различных лагерях (концлагерях, трудовых и т. д.). Согласно этим указаниям советские военнопленные, находившиеся в наиболее тяжелых условиях сравнительно с военнопленными других наций, получали и худшее питание. Рекомендуемые в этих распоряжениях нормы питания для советских людей как в количественном, так и в качественном отношении были близки к пищевому рациону, установленному для заключенных лагерей смерти. Так, распоряжением германского верховного командования сухопутными силами от 6 августа 1941 г. были определены следующие дневные нормы питания для советских военнопленных: хлеб — 200—214 граммов, мясо — 13—14 граммов, жир — 14—15 граммов, сахар — 20—21 грамм. Что касается качества продуктов, составляющих нормы, то лучше всего об этом судить по протоколу совещания в министерстве снабжения относи-

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 337.

тельно питания советских военнопленных и гражданских рабочих от 24 ноября 1941 г. «Опыты по изготовлению специального хлеба для русских показали,— читаем мы в протоколе,— что наиболее выгодная смесь получается из 50% ржаной муки грубого помола, 20% отжимок сахарной свеклы, 20% целлюлозной муки и 10% муки из соломы или листьев... питание русских должно быть обеспечено исключительно за счет конины и низкокачественного мяса»¹. Участвовавшие в разработке этих голодных «норм» гитлеровские врачи объявили их достаточными даже для людей, используемых на работе.

Итак, вместо хлеба какой-то суррогат самых низких сортов, мясо нередко со штемпелем, удостоверяющим, что оно негодно к потреблению, химические составы вместо жиров, овощи кормовых сортов, зачастую мерзлые и полусгнившие, составляли нормы для советских военнопленных и заключенных концентрационных лагерей и издевательски считались гитлеровскими медиками «достаточными». На самом деле они были достаточны для того, чтобы привести человека в самый кратчайший срок к истощению и смерти, но совершенно недостаточны для того, чтобы он мог жить.

Государственная чрезвычайная комиссия, проводившая расследование обстановки и обстоятельств умерщвления гитлеровцами советских военнопленных в «гроссшазарете» (г. Славута), установила, в частности, следующее: суточный пищевой рацион советских военнопленных состоял из 250 граммов эрзац-хлеба и 2 литров так называемой «баланды». Эрзац-хлеб выпекался из специально присылаемой из Германии муки «шпельцмель». Лабораторное исследование этой «муки» показало, что она «представляет собой равномерно, но довольно крупно измельченную солому — «мякину» с ничтожной примесью крахмала». Питание хлебом из «шпельцмель», по существу, равносильно голоданию и неизбежно приводит к резкому прогрессивному истощению. Кроме того, потребление такого «хлеба», раздражающее действие мякины, вызывает тяжелые расстройства пищеварительного аппарата. Сочетание резкого истощения с наличием

¹ «Преступные цели — преступные средства», стр. 158.

нарушений пищеварительного аппарата придает возникающим патологическим процессам необратимый характер, неизбежно приводящий организм к гибели. Также пагубно действовала на организм «баланда», изготавливавшаяся из шелухи и проса, неочищенного и поросившего картофеля, всякого рода отбросов.

Таким образом, продовольственный режим, установленный ниже минимума, необходимого для поддержания жизни, преследовал совершенно определенную цель умерщвления заключенных в гитлеровских лагерях. Как можно судить по приведенным документам, умерщвление голодом было одним из распространенных способов массового уничтожения, предпринятого фашистскими преступниками в соответствии с их чело­веко­нена­вист­нической программой истребления так называемых «низших рас».

Лагерные бараки, в которых ютились люди, представляли собой мрачные, темные, сырые, плохо отапливаемые и почти не вентилируемые помещения. В Бжижинке, например, как, впрочем, и во многих других нацистских лагерях, узники размещались в бывших военно-полевых конюшнях, состояние которых было таким, что гитлеровцы признавали их непригодными для содержания скота. В ряде лагерей «жильем» для людей служили овощехранилища, землянки. Нередко военнопленные размещались под открытым небом. В дополнение ко всему в лагерных бараках гитлеровцы преднамеренно создавали невероятную скученность. Так, например, в главном лагере Освенцима в корпусах, рассчитанных на 400 человек, постоянно содержалось до 1200 узников, а в женском концлагере Равенсбрюк в небольших помещениях, предназначенных для 120 человек, в некоторые периоды времени нацисты размещали до 800 и даже 1000 женщин. Количество «жилой площади», приходившейся на одного человека, в разных лагерях колебалось от 40 до 80 квадратных сантиметров. На этой площади узник жил, ел, спал и хранил свой немудреный скарб. Бараки, как правило, не ремонтировались, и нередко случалось так, что через дырявую крышу барака на закончившие от холода тела людей лил дождь или падал снег. В лагерных помещениях была создана недопустимая антисанитарная и антигигиеническая обста-

новка. Во всех лагерях была острая нехватка канализационных устройств, а там, где они были, как правило, не всегда работали. Ощущался острый недостаток в воде, вследствие чего люди не могли не только мыться, но и ополоснуть свою «посуду», из которой они ели. Во многих лагерях люди размещались прямо на полу, не было никакой подстилки, а если она была, то представляла собой грязную и трухлявую солому. В бараке было много вшей, блох. Все это, естественно, способствовало созданию условий, благоприятствующих возникновению инфекционных заболеваний.

Известно, что право «задерживаться на этом свете» в гитлеровских лагерях имели лишь только те, кто был трудоспособен, те же, кто более не мог быть использован на работах, на это право рассчитывать не могли. В этих целях в лагерях периодически устраивались так называемые «селекции», задачей которых было отобрать способных к труду и избавиться от дошедших до полного изнеможения людей. Отбором занимались, главным образом, нацистские врачи, которые выполняли эти акции без всякого медицинского обследования, исключительно лишь по внешнему виду военнопленного или заключенного. Вполне понятно, что наибольшую опасность такого рода отборы представляли для тех людей, которые находились в «лазаретах», «ревирах» и тому подобных «лечебных» заведениях. Что же представляли собой эти медицинские учреждения, названия которых, казалось бы, указывали на то, что там оказывается лечебная помощь людям, нуждающимся в ней?

«Лазареты», «ревиры» и т. п., как и все другие заведения в нацистских лагерях, служили той же цели — цели непрерывного уничтожения людей. Условия в этих учреждениях были ужасные. Нарушения самых элементарных требований медицины носили вопиющий характер. Скученность в «лазаретах» была невероятная, на «постелях», пропитанных насквозь гноем и человеческими испражнениями, размещалось столько больных, сколько было возможно «втиснуть» в них. За больными не было никакого медицинского ухода. Лечебную помощь больные не получали, так как не было самых необходимых лекарств, бинтов, марли, медицинских инструментов. Питание они получали, как

правило, ниже нормы остальных узников. Не удивительно, что смертность в такого рода «лечебницах» была невероятно высокой. Лишенные медицинской помощи, к тому же истощенные и плохо питаемые, люди не могли сопротивляться болезням и массами умирали. Кроме того, уничтожение находящихся в «больничных» учреждениях людей осуществлялось при помощи газовых камер и смертельных уколов. Этот способ умерщвления получил в «лечебницах» широкое распространение.

Допрошенный на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля Курт фон Эстеррайх, бывший начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа, показал, что он в конце 1941 г. присутствовал на совещании начальников отделов по делам военнопленных при военных округах. «На совещании,— показывал свидетель,— обсуждался вопрос о том, как поступать с русскими военнопленными, которые в результате ранений, истощения и болезней были непригодны для использования на работах... по этому вопросу высказалось несколько присутствующих офицеров, в том числе врачи, которые *заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте — лагере или лазарете — и умерщвлять при помощи яда* (курсив мой.— Авт.). В результате обсуждения Гревенитц (руководитель совещания.— Авт.) отдал нам приказание: нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей... Летом 1942 г. я был командирован на Украину на должность начальника отдела по делам военнопленных при штабе армейской группы «Б». Прибыв к месту службы, я узнал, что способ умерщвления русских военнопленных ядами там уже применяется».

Инъекция яда в организм была быстрым способом умерщвления, и он довольно широко применялся гитлеровским медицинским персоналом во всех лагерях фашистской Германии. Вначале вливания яда делались внутривенные, «позднее обнаружили, что смерть наступала вернее, если инъекции производились в область сердца»¹. Этим способом были умерщвлены тысячи и тысячи как больных, так и здоровых военно-

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 128.

пленных и заключенных концентрационных лагерей. Однако в тех случаях, когда гитлеровцам требовалось уничтожить крупные партии людей, они предпочитали это делать путем отравления в газовых камерах. Вполне понятно, что зловещая слава, идущая от этих «лечебных» заведений, сеяла страх и ужас среди обитателей лагерей. Люди боялись этих «ревиров», «лазаретов» и делали все, что было в их силах и возможностях, чтобы не попасть туда. Им было достаточно хорошо известно, что там не оказывается никакой медицинской помощи, а, напротив, происходит уничтожение попавших туда людей. Такая обстановка была характерной для всех лагерных «лазаретов», в каких бы лагерях они ни находились.

Преднамеренное распространение среди советских военнопленных инфекционных заболеваний было установлено Государственной чрезвычайной комиссией, расследовавшей фашистские преступления в славутском «гросслазарете». Помимо этого, комиссия установила также, что в «гросслазарете» периодически отмечались вспышки заболевания неизвестного характера, называвшегося немецкими врачами «парахолерой». Заболевание «парахолерой» было плодом варварских экспериментов немецких врачей. Как возникали, так и заканчивались эти эпидемии внезапно. Исход «парахолеры» в 60—80 процентах случаев был смертельным. Трупы некоторых умерших от этих заболеваний вскрывались немецкими врачами, причем военнопленные русские врачи к вскрытию не допускались. За два года оккупации Славуты гитлеровские преступники при участии нацистских врачей истребили в «гросслазарете» более 100 тыс. советских военнопленных.

Приведенные выше документы и свидетельства со всей неопровержимостью показывают, что о всех этих кошмарных условиях жизни в нацистских лагерях было прекрасно осведомлено не только лагерное начальство, но и врачи. Однако ни один из них не только не выразил протеста против нечеловеческих условий жизни, в которых находились узники, но и не проявил какого-либо желания быть верным своему профессиональному долгу, проявить заботу о здоровье людей. Напротив, они продемонстрировали преступное отно-

шение к самым элементарным потребностям страдающих людей и свое соучастие в претворении в жизнь преступной человеконенавистнической политики германского фашизма.

В конце 1942 г. и в начале 1943 г. обстановка в лагерях и больничных бараках несколько изменилась к лучшему. «Лазареты» и «ревиры» стали заниматься лечебной работой, немного улучшилось снабжение их лекарствами, медицинским материалом и инструментарием. Гитлеровское руководство пошло на это улучшение не из-за каких-то соображений гуманного характера, а в связи со все увеличивавшимся спросом германской промышленности, в особенности военной, на рабочую силу. Оправившись от первых неудач, советский народ и его доблестная армия стали наносить фашистскому агрессору все более и более сильные удары.

Пытаясь спасти свое положение на советско-германском фронте, гитлеровские заправилы провели «тотальную» мобилизацию, отнявшую у германской экономики миллионы рабочих рук. Чтобы восполнить эту убыль рабочей силы, фашистские правители привлекли в Германию взамен миллионы иностранных рабочих и военнопленных. Руководство СС даже издало специальное распоряжение, притормаживающее активность своих врачей-преступников. Так, в распоряжении Главного административно-хозяйственного управления СС от 28 декабря 1942 г. относительно врачебной деятельности в концентрационных лагерях говорилось: «Главные лагерные врачи должны использовать все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы существенно снизить смертность...»¹

Другим изменением в медицинском обслуживании заключенных явилось официальное разрешение привлекать к врачебной работе медицинских работников, содержащихся в лагере. Нельзя не сказать хотя бы несколько слов о благородной деятельности этих «врачей-узников». Переносившие, как и все остальные пленники, голод, холод и издевательства, эти люди прилагали все свои силы и способности, чтобы в ужасных, нечеловеческих условиях лагерной жизни оказы-

¹ «Бухенвальд» (Документы и сообщения). М., 1962, стр. 179—180.

вать медицинскую помощь своим больным товарищам по несчастью.

Однако эти изменения вовсе не означали того, что фашистские преступники отказались от своего принципа истребления, от своей человеконенавистнической программы. Просто это было несколько отодвинуто на задний план соображениями военно-экономического характера данного периода. Умерщвление в лазаретах и в лагерях посредством отравления в газовых камерах, расстрела и других способов уничтожения продолжалось. Только теперь в первую очередь уничтожались те люди, на быстрое выздоровление и возвращение которых к труду рассчитывать было нельзя.

Допуск врачей-узников к исполнению врачебных функций в больничных бараках имел целью создать видимость, что лечение больных идет с соблюдением всех правил и требований медицины. Когда же нацистские врачи обращались к непосредственной «лечебной» деятельности, то это вызывало дополнительные страдания и гибель людей, имевших несчастье заинтересовать своей болезнью врача-садиста. Это объяснялось тем, что должностные врачи в подавляющем большинстве своем не имели либо никакого, либо обладали минимальным опытом проведения тех или иных хирургических операций. Но вместо того чтобы овладеть навыками или повышать свою квалификацию на трупах, имеющих в большом избытке в любом лагере, нацистские врачи обучались хирургической технике на живых людях. С этой целью они в лазарете или в лагере отбирали соответствующий их интересу «операционный материал» для проведения той или иной операции. Обреченных на данное хирургическое вмешательство, совершенно независимо от того, согласны они или нет на эту операцию, клали на операционный стол. Операции, производимые эсэсовскими врачами, как правило, кончались смертельным исходом. Совершая операцию, нацистские врачи, разумеется, вовсе не помышляли о здоровье больных, которых оперировали, и не проявляли также никакого интереса к их дальнейшей судьбе. Напротив, во многих случаях они отбирали этих больных для умерщвления в газовых камерах, нередко вскоре же после совершения той или другой операции.

Как ни жестока и бесчеловечна была эта форма своеобразного «повышения врачебной квалификации», эсэсовские врачи пошли еще дальше и начали проводить преступные эксперименты на живых людях.

Гитлеровская клика совместно с генеральным штабом создали для этого специальные лагеря уничтожения. В этих лагерях, в которых были заключены десятки миллионов людей, наряду с планомерно проводившимся их уничтожением в специальных институтах, лазаретах, лабораториях, станциях и т. д. была широко развернута «научная» деятельность по изысканию и разработке более эффективных и быстродействующих средств массового истребления людей, т. е. разрабатывалась «техника обезлюдивания». «Научный» персонал этих преступных учреждений составляли нацистские врачи, главным образом эсэсовцы. Исследования проводились на живых людях. Главные исследования, которые проводились в этих «научных» учреждениях, были связаны с вопросами массовой стерилизации женщин и кастрации мужчин. То, что опыты над людьми начались именно стерилизацией и кастрацией, не было случайным, а явилось совершенно закономерным следствием государственной политики фашистской Германии, в основе которой лежала «расовая теория», предусматривающая биологический геноцид «неарийских» народов.

Наибольшее развитие эти исследования получили в концентрационных лагерях Освенцим и Равенсбрюк, а наибольшую активность в изыскании эффективных приемов стерилизации и кастрации проявили нацистские профессора Карл Клауберг и Хорст Шуман. В мае 1942 г. К. Клауберг, этот изувер, обратился с письмом к Гиммлеру, в котором предлагал организовать в Освенциме проведение опытов над людьми по изысканию эффективных средств и приемов стерилизации и предлагал свои услуги в качестве исполнителя этих опытов. Разумеется, предложения эти Гиммлером были приняты, и Клауберг получил в Освенциме, а затем и в Равенсбрюке специальные блоки для проведения своих «изысканий».

Как свидетельствует оберштурмбанфюрер СС К. Брандт, дело обстояло следующим образом: «На основании нескольких главных опытов надлежало най-

ти такое средство стерилизации, чтобы лица, подвергнутые стерилизации, этого не замечали. Рейхсфюрер требовал, чтобы его уведомили о результатах этих опытов, проводимых над еврейками. Требовалось также определить при содействии немецкого специалиста рентгенолога проф. д-ра Хохфедера, каким способом можно достичь стерилизации мужчин путем рентгена. Рейхсфюрер обратил внимание всех членов комиссии на то обстоятельство, что все эти вопросы строжайше секретные, которые могут быть обсуждаемы единственно в тесном кругу, причем все, принимающие участие в опытах, обязаны соблюдать тайну».

Через год Клауберг докладывал Гиммлеру о результатах своих опытов. В письме от 7 июля 1943 г. он писал: «Сегодня я выполняю свою обязанность, время от времени докладывая Вам о состоянии моих исследований. При этом я, как и раньше, придерживаюсь того, чтобы докладывать только в том случае, если речь идет о чем-либо существенном. В том, что этот случай — после моей последней беседы в июле 1942 г. — наступил лишь сегодня, повинны обусловленные временем отдельные трудности... я могу уже теперь сообщить Вам, рейхсфюрер, следующее. Открытый мною способ достижения стерилизации женского организма без операции можно считать почти законченным... Что касается вопроса, который Вы, рейхсфюрер, поставили мне почти год назад, а именно: за какое время было бы возможно стерилизовать таким образом тысячу женщин, то я сегодня могу на него ответить, учитывая перспективы. А именно: соответственно подготовленным врачом в соответственно оборудованном месте с 10 лицами подсобного персонала (численность подсобного персонала соответствует желаемому ускорению), весьма вероятно, несколько сот, если не вся тысяча, в день».

Опыты по стерилизации мужчин и женщин путем облучения рентгеновыми лучами половых органов производил другой врач-изверг — эсэсовец Х. Шуман. Для своих целей он отбирал молодых и здоровых мужчин и женщин, преимущественно греческих евреек и евреев. В течение одного дня этот «врач» облучал до 30 узников. Многие из его подопытных заключенных после этой процедуры по прошествии некоторого

времени умирали. Спустя некоторое время после рентгеновского облучения выживших заключенных подвергали контрольной операции, во время которой экстирпировались яички и яичники. Удаленные части половых органов экспериментатор Шуман отправлял в Берлин для проведения гистологического исследования облученных тканей.

На Нюрнбергском процессе были представлены следующие показания свидетеля Суреса Давида из Салоник (Греция): «Примерно в июле 1943 г. меня и со мной еще 10 греков записали в какой-то список и направили в Биркенау. Там всех нас раздели и подвергли стерилизации рентгеновыми лучами. Через месяц после стерилизации нас вызвали в центральное отделение лагеря, всем стерилизованным была произведена операция — кастрация»¹. Оставшихся в живых после всех этих опытов, как правило, отправляли для умерщвления в газовые камеры, обычный способ, которым пользовались «врачи» для того, чтобы избавиться от свидетелей своих бесчеловечных экспериментов.

Невероятной жестокостью отличались эксперименты, которые по заданию военно-воздушных сил проводил над живыми людьми д-р З. Рашер. Этот гнусный убийца с медицинским образованием уже в первые годы развязанной фашистской Германией войны обратился к Гиммлеру с просьбой предоставить ему для его экспериментов «человеческий материал» из концентрационных лагерей. Свою просьбу он мотивировал тем, что «его опыты очень опасны, и никто на них добровольно не соглашается». Гиммлер незамедлил заверить Рашера в том, что он получит достаточное количество заключенных. Ободренный этой поддержкой Гиммлера, Рашер развернул затем широко свои «научные» исследования по изысканию способов оживления людей, длительное время находившихся в условиях действия низких температур. Опыты заключались в следующем. Жертвы д-ра Рашера помещались на длительное время в ледяную воду, почти до наступления смерти (в большинстве случаев подопытные люди умирали), и затем их пытались оживить путем обогревания. Жестокость и бесчеловечность этих

¹ «Нюрнбергский процесс», т. 4, стр. 357.

опытов настолько была очевидной, что «христианские медицинские круги» выступили против их проведения. Однако Гиммлер, с большим интересом и вниманием следивший за медицинскими и биологическими экспериментами над живыми людьми, тотчас выступил в защиту этих преступных опытов, объявив, что всех «людей, которые все еще отвергают эти опыты над людьми, я рассматриваю как предателей и государственных изменников»¹. О характере исследований, проводимых гауптштурмфюрером СС Рашером, и о его глубочайшем моральном падении можно судить по его письму от 17 февраля 1943 г. рейхсфюреру СС Гиммлеру:

«Глубокоуважаемый рейхсфюрер!

В приложении я представляю краткую сводку результатов, полученных при опытах по согреванию переохлажденных людей животным теплом. В настоящее время я работаю над тем, чтобы доказать посредством опытов над людьми, что переохлажденные сухим холодом люди могут быть отогреты так же быстро, как и те, которые охладились в результате пребывания в холодной воде. Имперский медик СС, группенфюрер СС д-р Гравиц выразил, однако, весьма сильное сомнение в такой возможности и сказал, что я должен это доказать не менее чем 100 опытами. До настоящего времени я провел охлаждение около 30 раздетых людей вне помещения в течение 9—14 часов до минус 27—29 градусов Цельсия. Спустя некоторое время, соотвествовавшее транспортировке в течение часа, я помещал подопытных лиц в горячую ванну. До настоящего времени во всех случаях, несмотря на частично отмороженные добела руки и ноги, пациент полностью согревался в течение не более одного часа. У некоторых подопытных лиц на следующий день после опыта наступала незначительная слабость, сопровождаемая легким подъемом температуры. Смертельного исхода этого чрезвычайно быстрого согревания мне еще не довелось наблюдать. Приказанное Вами, глубокоуважаемый рейхсфюрер, проведение отогревания при помощи бани я пока не смог осуществить, так как в декабре и январе для опытов под открытым небом была слишком теплая погода, а сейчас объявлен

¹ «СС в действии», стр. 378.

лагерный карантин из-за тифа... Проще всего было бы, если бы я... поехал в Освенцим и там быстро выяснил путем большого серийного опыта вопрос об отогревании замерзших на суше. Освенцим во всех отношениях больше подходит для подобных серийных опытов, чем Дахау, так как там холоднее и благодаря величине территории самого лагеря к опытам будет привлечено меньше внимания (подопытные сильно кричат, когда замерзают). Если Вы, высокочтимый рейхсфюрер, не возражаете против ускоренного проведения этих важных для сухопутной армии опытов в Освенциме (или Люблине, либо еще в каком-нибудь лагере на Востоке), то я осмелюсь просить дать мне возможно скорее соответствующий приказ, с тем чтобы можно было еще использовать последние зимние холода... Хайль Гитлер! Всегда Вам преданный З. Рашер»¹.

Опыты Клауберга, Рашера и других были, к сожалению, далеко не единственными, которые проводились, поощрялись или опекались СС. В таких же варварских целях «экспериментирования» на живых людях, в каких служили «опытный барак № 10» в Освенциме, «секция Р» в Дахау и т. д., в конце 1941 г. в концлагере Бухенвальд был создан «блок 46», подчиненный непосредственно экспериментальному отделу главного командования войск СС. На базе этого блока, а также и «блока 50» было развернуто экспериментальное учреждение — «Испытательная станция по сыпному тифу. Отделение по исследованию сыпного тифа и вирусов». Руководство этим учреждением осуществлял штурмбанфюрер СС д-р Динг.

О том, как проводились «научные» исследования в этом учреждении, можно судить по следующему примеру. Так, для изготовления вакцин, чем также занимались в указанных блоках, нужны культуры заразных начал. Чтобы сохранить необходимые для этого культуры бацилл в самом «исследовательском» блоке, эсэсовские врачи переносили их с больных сыпным тифом на здоровых людей. Для этого здоровым людям внутривенно вводилось 0,5 и 1 куб. см зараженной крови, взятой у больного сыпным тифом на высоте развития болезни. Таким образом врачи-преступники

¹ «СС в действии», стр. 383—384.

превращали людей в «резервуар», в «живые пробирки», имеющие назначение сохранять возбудителей сыпного тифа, нужных эсэсовцам для последующих заражений уже других жертв. Все эти люди, служившие целям сохранения заразных культур, в результате такого рода процедур погибали.

На живых людях в этом учреждении проводились и испытания различного рода вакцин против сыпного тифа. Выступивший свидетель на Нюрнбергском процессе А. Балаховский, следующим образом описывает эти опыты: «Сто пятьдесят заключенных разделили на две группы: на контрольные объекты и на подопытные объекты. Подопытным объектам сделали прививки различных защитных веществ, которые хотели испытывать. Контрольным объектам, напротив, прививок не делали. После прививки все контрольные объекты и подопытные объекты по соответствующему эксперименту подвергались внутривенной прививке тифозными бациллами. Через четырнадцать дней (срок, приблизительно выдерживавшийся лицами, которым были привиты тифозные бациллы) контрольные объекты умирали. Остальные, которым были сделаны различные предохранительные прививки, умирали в различные сроки в зависимости от качества самих вакцин... Как только эксперимент можно было считать законченным, оставшиеся в живых в соответствии с обыкновением и традицией «блока 46» ликвидировались и убивались обычным способом, т. е. путем укола 10 мсм чистого фенола в область сердца. Это был обычный способ ликвидации в лагере Бухенвальд»¹.

В доказательство того, что такого рода опыты на людях практиковались эсэсовскими врачами довольно широко, приведем выдержку из заявления старшего научного ассистента института имени Коха д-ра С. Винкле, сделанного им 27 июня 1945 г. «С 1939 г. я работаю в институте имени Р. Коха. За это время в институт для обучения прибывало много врачей из вермахта и войск СС... В апреле 1943 г. к институту был прикомандирован штурмбанфюрер СС д-р Гросс... Д-р Гросс рассказал мне, что штурмбанфюрер д-р Динг испытал приблизительно на 4 тыс. заключенных

¹ «СС в действии», стр. 347.

концентрационных лагерей эффективность различных вакцин против сыпного тифа. Большинству этих лиц предварительно были сделаны предохранительные прививки, после чего они были заражены сыпным тифом, тогда как несколько сот лиц были заражены без предварительной иммунизации. Смертность среди лиц, которым не были сделаны предохранительные прививки, была почти стопроцентной, среди тех, кому были сделаны предохранительные прививки, также имелись многочисленные случаи смерти»¹.

Точно таким варварским способом, как и опыты с сыпным тифом, проводились опыты над людьми с желтой лихорадкой, тифом, паратифом А и В, холерой и другими заразными заболеваниями. В результате таких опытов также погибло немалое число людей. Проводили в этом «научном» учреждении нацистские врачи на людях и опыты с фосфорными ожогами. Для этого отобранным людям на различные части их тела наносились ожоги фосфором и затем, применяя различные медикаментозные препараты, пытались установить наиболее эффективные из них, при применении которых заживление ожогов идет быстрее и лучше. Вот одна из выдержек из так называемого дневника отделения по исследованию сыпного тифа и вирусов института гигиены войск СС, в котором проводилась регистрация этих жестоких экспериментов. «25. 11. 43 г. для опробования препарата «Р 17» при свежих ожогах фосфором и «эхинационовой мази» и «эхинацина экстерн» для последующего лечения ран от фосфорных ожогов, которые производятся заводами д-ра Мадуса в Радебойле (Дрезден), в вышеуказанные дни был проведен на пяти подопытных лицах опыт по нанесению ожогов при помощи фосфорной массы, которая была взята из найденной под Лейпцигом английской зажигательной бомбы».

Наконец, нужно сказать еще об одной столь же бесчеловечной и жестокой, как и перечисленные выше, форме «научной» деятельности нацистских врачей — об использовании заключенных и военнопленных в качестве материала для изготовления специальной коллекции скелетов, долженствующей, по замыслу нацис-

¹ «Бухенвальд» (Документы и сообщения), стр. 194.

тов, наглядно демонстрировать превосходство «высших» рас над «низшими». В этих целях в 1941 г. в концлагере Освенцим было отобрано 115 человек (79 евреев, 30 евреек, 2 поляка и 4 человека среднеазиатской национальности), которые были затем переведены в Натцвайлер. После того как отобранные люди были умерщвлены, их трупы были отправлены в Страсбургский анатомический институт. В создании этой коллекции исключительную заинтересованность проявлял сам Гиммлер. Непосредственно этим гнусным делом руководил эсэсовский профессор гауптштурмфюрер А. Хирт. Именно этот Хирт снабжал также и других своих коллег по мерзкому ремеслу жертвами из нацистских лагерей для проведения ими так называемых «научных исследований». Так, например, в письме от 15 ноября 1943 г. профессор вирусологии Хааген писал Хирту: «Из 100 направленных вами мне заключенных 18 умерли в дороге и только 12 находятся в состоянии, пригодном для моих экспериментов. Поэтому я требую, чтобы вы прислали мне 100 узников в возрасте от 20 до 40 лет, которые по состоянию здоровья пригодны для военной службы. Хайль Гитлер! Штабарцт проф. Е. Хааген»¹.

Вышеприведенных фактов вполне достаточно, чтобы стало ясным активное участие фашистской медицины в совершении массовых убийств и в совершенствовании «техники обезлюдивания». На всех этапах развития человеконенавистнической политики германского фашизма и в разработке всех мер, направленных на ее претворение в жизнь, нацистские врачи были соучастниками его преступлений. Тот факт, что нацистские врачи, в особенности врачи СС, были участниками чудовищных преступлений против человечности, не является случайным. Он явился естественным результатом их расового мировоззрения, рассматривающего другие народы как «неполноценные», «нетворческие», «выродившиеся» и т. п. Эта людоедская «расовая теория» и явилась теоретической основой их злодеяний. Человеконенавистническая система порождала преступления, она же порождала и исполнителей этих преступлений.

¹ С. Говдсмит. Миссия Алсос. М., 1963, стр. 63—64.

Известно, однако, что не все представители немецкой медицины принимали участие в этих страшных преступлениях, не все их оправдывали, некоторые даже пытались протестовать против их совершения, а прогрессивные немецкие медики, брошенные гитлеровцами в концентрационные лагеря, вели мужественную борьбу за здоровье и жизнь пленников фашизма. Но необходимо со всей силой подчеркнуть тот непреложный факт, что немецкая медицина была милитаризована как в идеологическом, так и в организационном отношении, а нацистские врачи были участниками и одними из исполнителей преступной, авантюристической политики гитлеровского правительства. Несомненным фактом также является и то, что нацистские врачи опозорили и дискредитировали самую гуманную отрасль человеческого знания, поставив свою профессию на службу геноциду.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССИИ ПОД ПРЕДЛОГОМ БОРЬБЫ С ПАРТИЗАНАМИ

Оккупационный режим, введенный гитлеровцами в Белоруссии, представлял собою продуманную и заблаговременно подготовленную систему порабощения и уничтожения коренного населения, разграбления национальных богатств. Всюду, где ступала нога немецкого солдата или появлялся эсэсовец, совершались неслыханные по своей жестокости преступления, жертвами которых становились мирные люди: женщины, дети, старики. Особенно много жителей Белоруссии было уничтожено во время карательных экспедиций, когда под видом борьбы с партизанами фашисты расстреливали и сжигали ни в чем не повинных людей.

Борьбу с партизанами гитлеровское командование рассматривало как хороший предлог для массового уничтожения гражданского населения. Гитлер открыто заявил на совещании 16 июля 1941 г.: «Партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас»¹. Эта цель была четко сформулирована во многих приказах гитлеровцев. 15 декабря 1942 г. верховное командование гитлеровской армии издало специальную директиву о борьбе с партизанами, в которой содержался призыв к самой жестокой расправе над мирным населением.

¹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 2, М., 1961, стр. 345.

Гитлеровские оккупанты, поставив перед собой задачу физического истребления значительной части населения Белоруссии, рассматривали даже малейшее подозрение в сопротивлении нацистскому террору как проявление партизанского движения.

Карательные экспедиции проводились оккупантами систематически и последовательно на всей территории Белоруссии. Так, за период с ноября 1942 г. по март 1943 г. только на территории генерального комиссариата Белоруссии было проведено 11 крупных операций. Одна из них под условным названием «Зумпффибер» («Болотная лихорадка») проводилась с 21 августа по 21 сентября 1942 г. под руководством обергруппенфюрера СС Еккельна. Она охватила большую часть территории Белоруссии в трех направлениях от Минска — северном, юго-восточном, западном. В отчете о проведении этой экспедиции Еккельн писал: «Убито 389 партизан, расстреляно 1274 заподозренных в связях с партизанами, казнено 8350 евреев, эвакуировано 1217 человек»¹. За этими сухими цифрами отчета кроются неслыханные в истории зверские методы уничтожения людей.

Вот что рассказывают очевидцы событий: «...окружив местечко Мстиж Бегомльского района Минской области, фашисты начали дикую расправу с мирным населением. Захватив молодежь, немцы заперли в сарай 50 юношей и подожгли его. Все они заживо сгорели. 40 мужчин загнали в склеп, расстреляли там, а затем раненых добивали гранатами. Немецкие варвары, опьянев от крови, стали бросать гранаты в окна домов, не давая никому выйти на улицу. Во многих домах были взорваны все, кто там находился, в том числе и грудные дети»².

Гитлеровцев бесило мужество и стойкость советских людей. Пытаясь сломить их волю к борьбе, гитлеровские войска осуществляли массовые убийства мирных жителей за действия партизан. Так, 27 августа 1942 г. партизаны произвели налет на станцию Славное. В ответ на это фашисты арестовали 100 ни в чем не повинных людей и на глазах у местных жителей, согнанных к месту казни, расстреляли их. Бывший

¹ ЦГАОР БССР, ф. 685, оп. 1, д. 1, л. 109.

² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 8, л. 12.

командир 286-й охранной дивизии Рихерт показал на судебном процессе в январе 1946 г. в Минске, что расстрелянные люди не имели никакого отношения к событиям на станции Славное.

Считая, что они еще слабо расправились с «партизанами», фашисты сожгли все деревни, расположенные справа и слева от железной дороги на протяжении от Орши до Борисова, среди них Ухвалы, Гаенку, Горожаново, Падры, Сомры, Ильяны, Черный Осов и многие другие. Ворвавшись в деревню Ухвалы, гитлеровцы ловили на улице гулявших детей и бросали их в производственный колодец льнозавода. Все население маленькой деревни Гаенка фашисты согнали в одно место, а затем рассортировали по группам и расстреляли. В дикой злобе палачи, свирепствуя, хватали буквально каждого: будь то старик, инвалид или мать с ребенком.

В январе — феврале 1943 г. в районе западнее Червены и Осипович 11 полицейских и охранных команд и батальонов участвовали в операции «Эрнтефест». Высший начальник СС и полиции центра России доносил о результатах этой операции командованию группы армий «Центр»: «Результаты операции: убито партизан — 1003, 1165 уничтожено и 34 пленено; 1308 мужчин и женщин собрано для пересылки на работу в Германию».

Вот что рассказал участник этой операции бывший солдат 635-го учебного полка германской армии Роденбуш: «...мы пошли к третьей деревне. Партизан мы там не нашли, но независимо от этого мы и эту деревню сожгли и расстреляли 50 человек жителей, в том числе женщин и детей. На следующий день мы пришли к четвертой деревне, где провели такую же операцию, как и в предыдущих деревнях. В этой операции было уничтожено 100 мирных жителей. Деревня была сожжена, а 80 человек было арестовано, которых мы погнали с собой»¹.

Немцы в звериной злобе к мужественному белорусскому народу уничтожали, сжигали живыми в огне целые семьи. Так, 17 марта 1943 г. немцами полностью

¹ «Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15—29 января 1946 г.)», стр. 263.

сожжена дер. Зыбайлы Коссовского района Брестской области. Живых людей запирали в домах и жгли, а тех, кто пытался бежать, ловили и живыми бросали в огонь. 22 января 1944 г. фашисты уничтожили жителей дер. Байки Ружанского района Брестской области. Гитлеровцы согнали все население в гумна, а жилые дома и надворные постройки сожгли. Взрослых группами по 8—10 человек подводили к яме и расстреливали, а на группу детей гитлеровцы пустили 15 голодных собак, которые рвали живых детей на части и долго таскали их по пожарищу догоравшей деревни¹.

В мае — июне 1943 г. против партизан и мирного населения Бегомльского, Плещеницкого, Лепельского, Докшицкого и других районов Минской и Витебской областей Белоруссии была проведена одна из крупнейших карательных операций под условным названием «Коттбус». Общее руководство операцией осуществлял фон Готтберг. В ней принимали участие 2, 13 и 15-й охранные полицейские полки, подразделения вермахта, отозванные с фронта, команда особого назначения Крайкенбома, батальоны Клупша, Дирлевангера и др. За месяц с небольшим фашисты сожгли 113 деревень, уничтожили 6087 человек, ранили 3709, взяли в плен 599, захватили рабочей силы для отправки на каторжные работы в Германию 6 тыс. человек².

В донесениях и отчетах о ходе карательных экспедиций фигурирует большое количество уничтоженных «бандитов» (так гитлеровцы называли советских патриотов. — Авт.). На самом же деле в основном это были мирные местные жители. Генеральный комиссар Белоруссии Кубе писал об операции «Коттбус», что с 22 июня по 3 июля 1943 г. каратели уничтожили 4500 партизан и 500 человек, подозреваемых в связях с партизанами. «...В этой операции уничтожено большое количество мирного населения. Если потери противника убитыми составляют 4500 человек, а трофеев взято только 492 винтовки, то ясно, что в число уничтоженного противника включено большое количество местных крестьян. В этом отношении особенно известен батальон Дирлевангера, который уничтожил бес-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 83, д. 381, л. 6.

² ЦГАОР БССР, ф. 370, д. 1880, л. 57.

численное количество людей. Среди 5 тыс. человек, заподозренных в связях с бандитами и поэтому расстрелянных, насчитывается огромное количество женщин и детей»¹.

Методы, при помощи которых гитлеровцы расправлялись с населением, были самые жестокие и показывали звериный облик этой своры. Эсэсовский батальон Дирлевангера состоял из бывших уголовников, воров и убийц, которым ничего не стоило бросить живым в огонь человека или отдать ребенка на съедение голодным псам. В один день солдаты этого батальона после изуверских истязаний сожгли 1800 жителей дер. Борки и соседних с ней поселков Кировского района Могилевской области. В дер. Лесины Минской области каратели подожгли гумно, наполненное людьми. Тех, кто пытался вырваться из пламени, немцы расстреливали из автоматов и снова бросали в огонь. Детей, которых не успели загнать в гумно, они ловили и бросали в колодцы. Таким образом было уничтожено 160 человек².

Одними из первых палачи батальона Дирлевангера стали использовать мирных местных жителей для обнаружения мин в зоне партизан. В боевом донесении фон Готтберга о ходе операции «Коттбус» от 28 июня 1943 г. читаем: «После артиллерийской подготовки проникновение в сильно заминированную болотистую местность стало возможным благодаря тому, что мы гнали по ней местных жителей»³. Готтберг усиленно рекомендовал пользоваться этим способом и в дальнейшем. Недаром сразу же после этой операции, в июле 1943 г., Оскар Дирлевангер получил от Гитлера золотой немецкий крест.

Вслед за операцией «Коттбус» в июле — августе 1943 г. этими же силами в Барановичской области проводилась операция под кодовым названием «Герман». Проведением полицейских мероприятий руководил фашистский палач хауптштурмфюрер СС Вильке. Стремясь реализовать программу массового истребления советских людей, оккупанты люто расправились с населением Ивенецкого, Воложинского, Столбцовского,

¹ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, д. 171, л. 15.

² ЦГАОР БССР, ф. 750, оп. 1, д. 229, л. 3.

³ Там же, ф. 370, д. 1880, л. 46.

Новогрудского, Кореличского, Мирского, Любчанского и других районов. Они уничтожили 4280 человек, взяли в плен 654, захватили для отправки на каторжные работы в Германию 9065 мужчин, 7701 женщину, 4178 детей¹. Сожгли все деревни и хутора, встречавшиеся на пути.

Гитлеровский приспешник Кушель писал по поводу этой операции следующее: «Во второй половине июля с. г. немецкие эсэсовские части провели очистку от партизан территории Воложинского района, при этом жители деревень Першайской волости — Доры, Дубовцы, Мишаны, Довгулевщина, Лапинцы, Среднее Село, Романовщина, Нелюбы, Полубовцы и Макричевщина были заживо сожжены вместе с домами. Эсэсовские части никакого следствия не проводили, только загнали жителей, в основном стариков, женщин и детей, в дома, которые были сожжены. В дер. Доры жители были согнаны в церковь и вместе с церковью сожжены»².

В конце 1943 г. под руководством обергруппенфюрера СС Еккельна были проведены еще две крупные карательные операции под названием «Фриц» и «Генрих». В результате этих операций гитлеровцы уничтожили большинство населения Витебской и Полоцкой областей.

13 октября 1943 г. Вильке писал, что за 15 дней операции «Фриц» карателями его батальона было убито 327 человек, взято в плен 227, спецобработано 182 человека³. Этим термином — «спецобработано» — фашисты прикрывали свои изуверские методы уничтожения людей.

Большое количество карательных экспедиций было проведено оккупантами и на территории Полесской, Гомельской и Могилевской областей. Свою злобу за неудачи на фронтах и в борьбе с партизанами они вымещали на безоружных мирных гражданах. В одном из документов так описывается расправа гитлеровских карателей над мирным населением дер. Гораны Могилевского района Могилевской области.

¹ ЦГАОР БССР, ф. 370, д. 1880, л. 110.

² Там же, ф. 384, оп. 1, д. 1, л. 68.

³ Там же, ф. 500, оп. 1, д. 769, л. 273.

6 сентября 1943 г. в 6 часов вечера деревню оцепили фашисты. Они согнали в одно место 360 женщин, стариков и детей. Никакого опроса немцы не производили, объяснений не давали и никаких обвинений не предъявляли. Закончив сбор, гитлеровцы отделили треть людей и погнали к бане. Там их стали заталкивать в баню, причем один из гитлеровцев стрелял им в спину. После того как баня была заполнена убитыми и ранеными, ее зажгли. Все это происходило на глазах остальных. Поэтому, когда немцы стали гнать людей в хаты, никто не пошел, несмотря на то что фашисты избивали людей прикладами. Немцам удалось загнать во двор одного дома часть населения. Тогда старики, женщины и дети упали на землю и уцепились друг за друга, чтобы их труднее было затащить в дом. Образовалась куча, в которой люди лежали по 3—4 человека друг на друге. Фашисты начали стрелять по ним из пулеметов. Затем на трупы, на раненых и еще живых фашистские изверги наносили соломы и зажгли. К этому моменту горела уже вся деревня, которая была предварительно полностью разграблена.

Всего на территории Белоруссии, по далеко не полным данным, оккупантами было проведено более 60 крупных карательных операций. Сотни уничтоженных деревень и местечек, десятки тысяч сожженных и расстрелянных людей, сотни женщин и девушек, ставших жертвами садистских наклонностей фашистских бандитов, мертвые тела детей — вот что оставляли за собой после карательных экспедиций кровавые палачи и убийцы.

Как ни странно, но и в настоящее время довольно часто высказывается мнение, что гитлеровцы не повинны в своих кровавых преступлениях. Реакционные буржуазные историки и бывшие гитлеровские генералы, ряд работ которых вышел в свет после второй мировой войны, отрицают или ставят под сомнение ответственность фашистских солдат и офицеров за преступления против мирного населения в оккупированных областях Советского Союза. Для этих авторов вообще характерно стремление замолчать, как-нибудь обойти вопрос о разнузданных зверствах гитлеровцев на советской земле.

Известно, что нацистское руководство еще перед войной разработало так называемый план «Ост», который предусматривал уничтожение 30 млн. славян. И совершенно очевидно, что уничтожение населения под видом борьбы с партизанами было одним из средств для достижения этой цели гитлеровцев. Бесчисленные преступления немецко-фашистских агрессоров против мирных жителей представляют собой не изолированные преступные действия отдельных воинских частей, офицеров или солдат, а являются системой, заранее предусмотренной, не просто санкционированной преступным гитлеровским правительством, а преднамеренно насажденной им и всячески поощряемой. Уже в мае 1941 г., когда еще не было партизан и война с Германией не начиналась, гитлеровское командование в секретной директиве «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»» рекомендовало своим солдатам проявлять в отношении населения полную безжалостность.

Стремление реакционных историков повернуть дело так, будто советские люди нарушали законы и обычаи ведения войны и тем самым заставили гитлеровцев совершать кровавые злодеяния, рассчитано на то, чтобы снять ответственность с гитлеровских генералов, которые играют теперь видную роль в западногерманском бундесвере, за совершенные кровавые злодеяния на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. А. Болтин.</i> Третья Международная конференция по истории движения Сопротивления	3
Решение третьей Международной конференции по истории движения Сопротивления в Европе в годы второй мировой войны	11

Часть I

ФАШИСТСКАЯ ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

<i>Е. А. Болтин, Ф. П. Шевченко, И. С. Кравченко.</i> Политика немецко-фашистских оккупантов на захваченной территории СССР в 1941—1944 гг. (Доклад в первой секции конференции)	15
1. Общие вопросы немецко-фашистской оккупационной политики	36
2. Немецко-фашистский оккупационный режим на Украине	49
3. Немецко-фашистский оккупационный режим в Белоруссии	49
<i>В. С. Коваль.</i> О политическом кризисе оккупационного режима на Украине	65
<i>И. В. Добровольская.</i> Гитлеровский оккупационный режим на территории Советской Литвы	75
<i>Э. Я. Мартинсон.</i> Фашистский террор в Эстонии (1941—1944 гг.)	84
<i>П. Р. Швердалкин.</i> Зверства немецко-фашистских оккупантов на ленинградской земле	95
<i>Н. Д. Худякова.</i> Жертвы ленинградской блокады — результат немецко-фашистской террористической политики	106
<i>Г. Ф. Заставенко.</i> О роли германского министерства восточных оккупированных областей	115
<i>А. И. Недорезов.</i> Фашистские планы германизации славянских стран в годы второй мировой войны	129

Часть II

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ

<i>Г. М. Сорокин, Д. Ф. Вирный, П. П. Липило.</i> Немецко-фашистская система ограбления и экономической эксплуатации оккупированных территорий СССР	151
1. Общие вопросы немецко-фашистской экономической политики	—
2. Разрушение и разграбление немецко-фашистскими захватчиками национальных богатств Украинской ССР	168
3. Разрушение и разграбление гитлеровцами национальных богатств Белорусской ССР	186
<i>М. В. Коваль.</i> Преступления фашистов против культуры украинского народа	210
<i>И. И. Слинко.</i> Угон населения Украины в фашистское рабство	219
<i>Н. В. Каменская.</i> Ущерб, причиненный немецко-фашистскими оккупантами культуре белорусского народа	231
<i>А. И. Залесский.</i> Быт крестьянства в условиях немецко-фашистской оккупации Белоруссии	240
<i>Е. Б. Греска.</i> Ограбление и разорение трудящихся Литовской ССР в период гитлеровской оккупации (1941—1944 гг.)	249

Часть III

ФАШИСТСКИЙ ТЕРРОР

<i>П. С. Ромашкин, А. И. Ганусец, В. Ф. Романовский.</i> Нацистский террор и беззакония на оккупированной территории СССР	259
1. Общие вопросы нацистского террора	—
2. Нацистский террор и беззакония в Украинской ССР	281
3. Нацистский террор и беззакония в Белорусской ССР	300
<i>И. П. Ховратович.</i> Разоблачение попыток немецко-фашистских оккупантов скрыть следы своих преступлений	319
<i>А. Л. Манаенков.</i> Грубое нарушение законов и обычаев войны в обращении с военнопленными	330
<i>А. К. Рашкевич.</i> Террор и преступления нацистов в Латвии (1941—1945 гг.)	340
<i>П. Ф. Штарас.</i> Форты смерти в Каунасе	352
<i>А. С. Асланов.</i> Нацистские врачи — соучастники преступлений германского фашизма	361
<i>А. В. Семенова.</i> Истребление фашистскими захватчиками населения Белоруссии под предлогом борьбы с партизанами	379